ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Родигина Наталия Николаевна

ОБРАЗ СИБИРИ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор В. А. Зверев

Новосибирск 2006

Оглавление

Введение…… ……3

Глава 1. Образ региона в толстых журналах пореформенного периода: теоретические подходы к изучению и историография темы……....34

1.1. Журнальная пресса как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения……..…34

1.2. «Образ региона» как феномен общественного мнения и интеллектуальный

конструкт……64

1.3. Источники формирования образа Сибири в общественном мнении Российской империи…… 91

Глава 2. Конструирование образа региона российскими общественно-политическими журналами …..……..127

2.1. Участие консервативной журнальной прессы в формировании социокультурных мифов о Сибири……...127

2.2. Представления о регионе либеральной журналистики……197

2.3. Образ региона на страницах народнических изданий……..261

2.4. Сибирские вопросы в легальных марксистских ежемесячниках……328

Глава 3. «Сибирская тематика» отраслевых журнальных изданий Европейской России…….364

3.1. Конструирование образа Сибири историческими журналами……....364

3.2. Участие педагогических журналов в моделировании представлений образованной России о регионе ……...406

Заключение…….440

Список использованных источников и литературы……..453

Список сокращений……..472

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Образ Сибири в общественном сознании россиян – тема, которая в большей степени обсуждается на уровне обыденного сознания, достаточно редко привлекая внимание исследователей-гуманитариев. Между тем осмысление коллективных представлений о регионе, их типология, характеристика институтов их конструирования и трансляции, источников их формирования приближает к пониманию истоков формирования стереотипов обыденного сознания («Сибирь – колония», «сырьевой придаток», «место каторги и ссылки», «залог могущества Российского» и др.), помогает уточнить природу дихотомий «центр – восточная окраина», «колония – метрополия». Выяснение факторов, определявших эволюцию семантики топонима «Сибирь» в тезаурусе русских интеллектуалов, взаимосвязи образа региона с системой ценностных ориентаций, идейными установками образованных русских позволяет конкретизировать представления об историческом содержании геополитического компонента национального самосознания, расширить существующие в исторической науке мнения о детерминантах внутренней политики правительства в отношении региона.

Категория «образ региона», хорошо освоенная специалистами в области гуманитарной географии, социологами и культурологами, достаточно редко употребляется в исторических исследованиях. Однако именно она является наиболее адекватной для описания коллективных и индивидуальных представлений о составных частях геоэкономического, административного, культурного, этнографического «тела» империи. Представляется актуальной разработка содержания понятия «образ региона» как элемента теоретического инструментария исторической науки, поиск методов, источников изучения данного феномена, создание концептуальной

модели, позволяющей выявить его конкретно-исторические характеристики, определить факторы, предопределившие его содержание и эволюцию.

Для выявления коллективных представлений ценным и вполне самодостаточным источником являются общественно-политические и отраслевые частные ежемесячные журналы. В пореформенной России толстые журналы, возникшие на основе объединения единомышленников, не только обслуживали потребности определенных политических сообществ, как правило, они сами формировали и эти сообщества, и их потребности. Журналы консолидировали вокруг себя сторонников того или иного политического направления, способствуя политической идентификации современников; выступали посредниками между столицами и провинциями, между интеллектуалами-просветителями и читателями-неофитами; являлись основой для образования политических партий. Они моделировали образ региона, который воспринимался как референтный читательской аудиторией конкретных изданий, в определенной степени встраивали этот образ в ее (аудитории) систему ценностных ориентаций и ментальных стереотипов, кодируя ее социальное поведение.

Обсуждение реалий сибирской жизни в пореформенной периодической печати способствовало конструированию региональной идентичности сибиряков, содействовало включению региональной интеллектуальной элиты в коммуникативное имперское пространство. Сравнение взгляда на Сибирь «со стороны» и «изнутри» дает возможность выяснить варианты самопрезентации формировавшейся региональной элиты, охарактеризовать способы борьбы за региональные интересы и потребности посредством журнальной прессы, уточнить варианты сочетания централистских и регионалистских тенденций в мировоззренческих программах русских интеллектуалов.

Степень изученности темы. Специфика избранной темы предопределила внимание к литературе, написанной в рамках разных проблемных полей истории, филологии, социологии и гуманитарной

географии. Первоочередной интерес представляла литература, позволяющая охарактеризовать толстые журналы пореформенной эпохи, освещавшие сибирскую тему:

1) исследования, посвященные истории, типологии общественно-политических и отраслевых ежемесячных журналов второй половины XIX – начала XX в., их роли в общественной жизни империи;

2) монографии и статьи по истории основных идеологических направлений изучаемой эпохи, выразителями интересов которых являлись общественно-политические журналы;

3) работы по истории русской интеллигенции, позволяющие выяснить систему ее ценностных ориентаций, особенности социальной психологии, поведенческих стратегий образованных русских, составлявших как «писательскую», так и читательскую аудиторию толстых журналов;

4) труды биографического характера, предоставляющие возможность выяснить мотивы обращения к «сибирским» сюжетам редакций и сотрудников популярных журнальных изданий, определить характер биографической связи авторов «сибирских» публикаций с регионом;

5) исследования специалистов по истории чтения, позволяющие составить представление о численности, половом, возрастном, социальном составе читателей толстых журналов, о степени популярности различных изданий у различных групп читателей.

Исследования, освещающие круг вышеперечисленных вопросов, детально анализируются в первом параграфе главы I диссертации, посвященном характеристике журнальной прессы как института формирования, структурирования и трансляции общественного мнения. Характеризуя степень изученности темы, сконцентрируем основное внимание на специальных исследованиях, касающихся участия периодической печати второй половины XIX – начала XX столетия в конструировании образа региона.

Обращение к материалам российской журнальной прессы для характеристики отношения властных структур, общественного мнения к Сибири, выяснения особенностей отражения реалий сибирской жизни в периодической печати традиционно для всех этапов российской историографии и представлено внушительным перечнем статей, монографических и диссертационных исследований. Как правило, публикации периодических изданий привлекались для иллюстрации авторских выводов, касающихся конкретных событий и явлений пореформенной российской, в том числе и сибирской действительности. Значительно реже газеты и журналы привлекали самостоятельное внимание исследователей как источник изучения общественного мнения по злободневным «сибирским вопросам». Обращаясь к периодической печати, историки исходили из присущей позитивизму идеи возможности объективной и беспристрастной реконструкции прошлого, в связи с чем основным предметом исследовательской рефлексии становилась степень достоверности отражаемого теми или иными изданиями фрагмента сибирской действительности.

В многочисленной литературе по истории сибирской прессы, напротив, акцентировались участие региональной периодики в общественной и политической жизни края, реакция местной печати на знаковые события общероссийской истории[1]. Работы по истории сибирской печати позволяют составить определенное представление о восприятии Сибири, о перечне и вариантах интерпретации социально значимых «сибирских вопросов» самими сибиряками, создают предпосылки для деконструкции автообраза региона, фиксируя индивидуальные или коллективные взгляды на Сибирь «изнутри», в отдельных случаях упоминая контексты, их породившие.

---

[1] См.: **Воробьев В.В.** Либеральная печать Сибири в общественно-политической жизни края 1907–1914 гг. Омск, 2003; **Гольдфарб С.И**. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997; **Ермолинский Л. Л.** Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1985; **Кондратьев Н.И.** Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885–1903). Иркутск, 1985; **Любимов Л.С.** История сибирской печати. Иркутск, 1982 и др.

Участие же центральных общественно-политических и отраслевых ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. в формировании, структурировании и трансляции представлений о Сибири начало всерьез интересовать региональных исследователей лишь с 1980-х гг., эта тема привлекает внимание как историков, так и филологов, сразу став объектом междисциплинарных изысканий.

В связи с мировоззренческими доминантами советской историографии приоритетную заинтересованность вызывали журналы демократического направления, показателем степени демократичности которых являлась близость к революционно-демократическим идеям. Г. Курсковой были выявлены и охарактеризованы статьи о Сибири, опубликованные в «Колоколе», высказаны предположения о причинах внимания А.И. Герцена и его сподвижников к региону[2]. Отражению «сибирских вопросов» в русской демократической журнальной прессе 1850–1860-х гг. была посвящена кандидатская диссертация Н.П. Паршуковой[3]. На основе содержательного анализа журналов «Век», «Колокол», «Очерки», «Русское слово», «Современник» историк выделила общие черты в освещении демократической прессой колонизации региона и проблем его социально-экономического развития. К числу несомненных достоинств работы можно отнести стремление соотносить отражаемые в журнальной прессе сибирские сюжеты с событиями внутриполитической жизни страны и особенностями социально-экономического развития Сибири, с эволюцией идей представителей демократического направления российской общественной мысли. Однако, акцентируя внимание на выявлении единства в интерпретации социально-экономических и административных проблем региона, автор нивелировала «разночтения» в освещении реалий сибирской жизни в зависимости от образа конкретных изданий, не всегда прослеживала эволюцию представлений о Сибири, соответственно игнорировала и

---

[2] См.: **Курскова Г.** Сибирь на страницах «Колокола» // Сибирские огни. 1982. № 4. С. 160–164.

[3] См.: **Паршукова Н.П.** Сибирь на страницах русских демократических изданий 50–60-х гг. XIX в. Дис… канд. ист. наук. Томск, 1983.

факторы, ее определяющие. Очевидная и декларируемая автором приверженность к марксистско-ленинской методологии привела к обилию оценочных характеристик в отношении «демократической версии» осмысления проблем сибирской жизни как единственно правильной и прогрессивной.

Характеристику сибирской темы в публицистике, художественной прозе и поэзии на страницах народнического «Русского богатства» содержат исследования сибирского филолога А.И. Малютиной[4]. Детально рассматривая редакторскую, литературную и критическую деятельность В.Г. Короленко через призму его стабильного интереса к Сибири, автор наглядно демонстрирует роль индивидуальных авторских интенций в формировании коллективного образа региона, транслировавшегося читающей публике через «печатный орган» либерального народничества. Наряду с содержательным анализом текстов на сибирскую тему, автор привлекает редакторские книги «Русского богатства», неопубликованные архивные материалы, касающиеся юбилеев журнала и его идейных лидеров, эпистолярное и мемуарное наследие Короленко и его современников, определив, таким образом, направления архивной эвристики для своих последователей в изучении темы. Несомненная ценность работ А.И. Малютиной в контексте моего исследования состоит в определении тематических приоритетов в народническом перечне так называемых «сибирских вопросов», под которыми понимались специфические проблемы регионального развития Сибири, в констатации заинтересованного отношения сибиряков к деятельности журнала по изучению края и защите интересов его населения. Вне сферы внимания автора остались степень злободневности тех или иных сибирских сюжетов на разных этапах существования издания, причины пристального внимания к ним народников, содержание представлений о

[4] См.: **Малютина А.И.** В.Г. Короленко и сибирская тема в журнале «Русское богатство» // Вопросы литературы. Красноярск, 1967. С. 65–92; **Она же.** Сибирская тема в публицистике журнала «Русское богатство» // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 34–54 и др.

регионе, зафиксированных на страницах журнала до периода редакторства В.Г. Короленко (до 1892 г.).

Культурно-психологические аспекты восприятия Сибири в русской литературе и общественной мысли XIX в. были предметом осмысления Н.Е. Меднис[5]. На основе анализа художественных текстов автор соотносит интерес к Сибири у культурной элиты с поисками эквивалента западноевропейского ориентализма. Ценными являются наблюдения автора о культурной семантике границы между Европейской Россией и Сибирью, об отдельности и интегральности региона в восприятии русских писателей, о сходстве и различии в представлениях о Сибири ссыльных декабристов и народников.

Столичные журналы как печатная трибуна русских литераторов, писавших о сибирской жизни, привлекали внимание авторов монографий по истории русской литературы, интересных главным образом для формирования представлений о характере биографической связи авторов сибирского журнального дискурса с регионом, о месте сибирской темы в их творчестве[6].

Сотрудничество в толстых журналах как этап биографии и идейного становления идеологов сибирского областничества и исследователей Сибири было предметом изучения историографов и специалистов по политической истории Сибири[7].

Усилиями советских историков и литературоведов сформулированы отдельные подходы к изучению сибирской темы в российской журнальной

---

[5] См.: **Меднис Н.Е.** Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. // Сибирские страницы… С. 54–63.

[6] См.: **Беспалова Л.Г.** Тюменский край и писатели XIX в. Свердловск, 1970; **Кунгуров Г.Ф.** Сибирь и литература. Иркутск, 1965; Литературная Сибирь: Критико-биобиблиогр. словарь писателей Восточной Сибири. Иркутск, 1986. Ч. 1; Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969–1980. Т. 1–5; Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982; Русские писатели в Томске. Томск, 1996 и др.

[7] См.: **Горюшкин Л.М.** Историография Сибири: (Период капитализма). Новосибирск, 1979; **Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.** Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984; **Мирзоев В.Г.** Историография Сибири: домарксистский период. М.,1970; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3; **Сесюнина М.Г.** Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества. Томск, 1974; **Шейнфельд М.Б.** Историография Сибири, конец XIX – начало XX в. Красноярск, 1973; **Шиловский М.В.** Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989 и др.

прессе и литературном творчестве русских писателей; предложены варианты объяснения причин обращения к сибирским вопросам; выявлена зависимость представлений о регионе от мировоззренческой ориентации авторов публикаций и идейного направления тех изданий, при помощи которых они становились достоянием читающей публики. Роль журнальной периодики в формировании коллективных представлений о Сибири сводилась к отражению общественного мнения по ключевым проблемам сибирской действительности и оценивалась в зависимости от того, насколько «правильно и достоверно» она воспроизводила и интерпретировала ценностно-значимые, с точки зрения марксистской парадигмы, сюжеты сибирской жизни. Очевиден набор тематизмов, особенно внимательно «считывавшихся» со страниц пореформенной печати – их выбор был детерминирован господствующей методологией: положение трудящихся масс (здесь фигурировали рабочий класс, беднейшее крестьянство, «инородческое» население), классовая борьба в регионе, его неполноправный статус в составе самодержавного государства, злоупотребления местной бюрократии, политическая ссылка и крестьянские миграции.

Иной подход к выявлению образа Сибири предложен литературоведами, изучавшими представления о регионе в контексте внутренней логики развития русской культуры: они предлагали описывать представления о Сибири при помощи бинарных оппозиций, обращали внимание на мифологичность, подвижность, символическую насыщенность этих представлений.

Можно утверждать, что в советский период была выявлена и вовлечена в научный оборот источниковая база, опираясь на которую, можно изучать формирование представлений о регионе у образованных русских. Охарактеризованы основные политические, биографические, социально-экономические события, предопределившие интерес к региону пореформенной журналистики, сделаны наблюдения о содержании

коллективных представлений о Сибири, продуктивные для дальнейшей разработки.

Новый виток исследовательского интереса к изучению представлений о регионе интеллектуальной и политической элиты модернизировавшейся империи пришелся на рубеж XX–XXI вв. Он был порожден всплеском интереса к так называемой «второй реальности», истории коллективных представлений, социокультурному мифотворчеству, а также популярностью интеллектуальной и социальной истории, имериологии, культурной географии. Определенное влияние имело приобщение корпоративного сообщества постсовестких историков к теоретическому наследию зарубежной гуманитаристики.

Воображаемый характер региона в сознании российской политической элиты изучаемой эпохи, содержание и эволюцию представлений о его границах, статусе, номинациях, месте в геополитических стратегиях самодержавия наглядно продемонстрировал в своих работах А.В. Ремнев[8]. На основе анализа консервативной периодики, разножанровых текстов о Сибири русских писателей, философов, историков, географов, творцов российской геополитики автор предложил набор содержательных элементов образа региона в картине мира образованных русских, выяснил исторический и интеллектуальный контекст их формирования. В данном случае важны наблюдения сибирского историка о противоречивости, амбивалентности, сложной сопряженности представлений о Сибири в имперских дискурсивных практиках, о характере влияния коллективного воображаемого на правительственную политику в отношении региона, о факторах, обусловивших динамику общественного интереса к «осмыслению» Сибири в составе Российской империи.

---

[8] См.: **Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997; **Он же.** Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 43–58; **Он же.** Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 31–39; **Он же.** Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286– 319 и др.

Обзор представлений о месте Сибири в составе Российской империи, об осмыслении интеллектуальной элитой XVIII – начала XX в. возможных перспектив развития региона содержит коллективная монография уральских историков «Азиатская Россия в геополитической и цивиллизационной динамике XVI–XX вв.»[9]. Краткий экскурс в историю восприятия Сибири русскими политиками и интеллектуалами был предпринят В.А. Ламиным, М.В. Шиловским, сделавшими вывод о влиянии разных версий осмысления региона на геополитическое развитие империи[10].

А.В. Юдельсон в работах, посвященных реконструкции образа сибиряка в общественной мысли и в русских социальных утопиях XIX в., предложил для описания коллективных представлений о регионе употреблять категорию «образ». К сожалению, автор не предлагает свой вариант интерпретации данного понятия. При этом полезными для дальнейшей разработки являются его наблюдения об утопичности, стереотипном характере представлений о регионе, об участии различных групп интересов в формировании образа Сибири, об общих чертах «бюрократической», «народной» версий образа региона и тех версий, которые бытовали в групповом сознании русской интеллигенции[11]. Несмотря на определенный схематизм и фрагментарность предлагаемых исследователем стратегий описания региона, они представляют интерес как вариант интерпретации сибирского дискурса изучаемой эпохи.

В исследовании литературоведа В.И. Тюпы, посвященном «сибирскому тексту» русской литературы, хронотопический образ Сибири в русской классической литературе интерпретируется как образ страны холода – зимы

---

[9] См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX в. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004.

[10] См.: **Ламин В.А.** Сибирь: от «страны тьмы» к геополитическому освоению // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3–14; **Шиловский М. В.** Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Там же. С. 33–43.

[11] См.: **Юдельсон А.В.** Образ сибиряка в представлениях русской общественной мысли XIX в. // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 169–174; **Он же.** Сибирь в русской социальной утопии // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в. Кемерово, 1997. С. 128–138.

– ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании. Доминирующими мотивами в творчестве писателей, обращавшихся к сибирской теме, Тюпа называет комплекс мотивов инициации: «Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода “коммунитас“ с его поражавшими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу – традиционные компоненты обряда инициации), с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в наиболее северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни»[12]. Данный мифопоэтический подтекст был порождением трансисторической культурной памяти, являлся художественной формой «имплицитного» мифологизма. Автор прослеживает эволюцию концептуализации Сибири как лиминального пространства русской культуры, начиная с «Жития» протопопа Аввакума, продолжая пророческой поэмой К.Ф. Рылеева «Войнаровский», поэтическими текстами А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, подробно останавливаясь на лиминальных мотивах в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Выводы В.И. Тюпы о том, что Сибирь понималась национальным сознанием как место мифической смерти и последующего воскрешения, сделанные на основе сибирских текстов классиков русской литературы, совпадают с моими выводами, полученными на основе анализа разножанровых произведений тематического сибирского журнального дискурса.

Публикации последних лет, посвященные изучению групповых представлений о Сибири, с одной стороны, свидетельствуют об очевидном

[12] **Тюпа В.И.** Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28.

исследовательском интересе к образу региона в сознании интеллектуальной и политической элиты, равно как и в массовом сознании россиян. С другой же стороны, они фиксируют начальный этап становления обозначенной проблематики в отечественной исторической науке, характеризующийся определением предметного поля, методологического и методического инструментария, вариантов адаптации междисциплинарных подходов к задачам исторической деконструкции образа региона.

Объектом диссертационного исследования в данном случае являются авторитетные общественно-политические и отраслевые журналы пореформенной эпохи как основные институты формирования, структурирования и трансляции общественного мнения. **Предметом изучения** – образ Сибири, сконструированный на страницах этих журналов. *Образ региона* понимается в данном случае не только как отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и как продукт коллективного воображения, который сознательно или самопроизвольно конструировался заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами.

Цель и задачи диссертации. Данная диссертация посвящена выявлению и характеристике образа региона, сконструированного ведущими толстыми русскими журналами второй половины XIX – начала XX столетия. В **качестве рабочей гипотезы** выдвинуто предположение о том, что образ региона, являясь частью картины мира, репрезентируемой со страниц толстых журналов, зависел от моделировавшегося ими образа издания. К системообразующим характеристикам издания, определявшим образ журнала и конструирующим его аудиторию, относим: мировоззренческую направленность и отраслевую специализацию, личность редактора-издателя, авторский состав, структуру и периодичность издания, его тираж, источники его финансирования, характер взаимоотношений с цензурой.

В соответствии с системным подходом обозначен *круг задач*, поиски решения которых определили структуру и содержание представленного материала:

- охарактеризовать толстые журналы как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения пореформенной империи;

- определить подходы к изучению образа региона как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения;

- выяснить основные уровни и источники формирования образа региона в общественном сознании образованных русских;

- выявить контексты обращения к изучению реалий сибирской жизни, эволюцию, структуру и функции образа региона на страницах журналов, представлявших основные мировоззренческие сообщества русских интеллектуалов.

Методология диссертационного исследования. Под методологией в данном случае понимается совокупность теоретических подходов к изучению темы и методический инструментарий, способствующий решению поставленных задач. Междисциплинарный характер исследования обусловил обращение к теоретическим выводам и обобщениям отечественных и зарубежных историков, социологов, литературоведов, географов. В основу работы были положены следующие методологические положения:

1. Идеи представителей конструктивизма (Б. Андерсона, М. Бассина, А. И. Миллера и др.) о том, что регионы – это воображаемые сообщества, конструирование которых непосредственно связано с процессами присвоения пространства в воображаемой (символической) географии и формированием региональной идентичности.

2. Концепция географических образов, сформулированная в работах Д.Н. Замятина и его последователей, согласно которой географический образ региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или

культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности как на бытовом, так и на профессиональном уровне[13];

3. Идеи Э. Саида – родоначальника теории «ориентализма» как колониального, дискриминационного дискурса. Отправным стало утверждение Саида о том, что Запад конструирует Восток как своего «другого», признавая за ним негативные для себя характеристики и описывая их через фиксацию «отсутствия»: отсутствие изменений, прогресса, свободы, разума, то есть тех свойств, которые традиционно определяют и характеризуют Запад. Следуя логике Саида, можно предположить, что образ Сибири, подобно образу Востока для европейских интеллектуалов, выполнял функции зеркала: глядя в него, образованные русские идентифицировали, оправдывали и возвеличивали себя. Соглашаясь с критиками Э. Саида в том, что его идеи не могут быть безоговорочно использованы для описания российской имперской истории (хотя бы потому, что Россия была одновременно и субъектом, и объектом колонизации), мы убеждены в продуктивности соотнесения отдельных его выводов и наблюдений с анализом репрезентаций сибирского журнального дискурса и источников его формирования.

4. Определяющее значение имеет вывод теоретиков «новой интеллектуальной истории» о том, что историку недоступно познание объективной реальности – он имеет дело с ее образами, которые Р. Барт называет «эффектом реальности»[14]. В связи с этим для нас не является первостепенным вопрос о том, насколько верно образ региона, зафиксированный на страницах журналов, отражал реалии сибирской жизни. Приоритетное значение приобретает вопрос о влиянии данного интеллектуального конструкта на ценностные ориентиры и поведенческие стратегии его носителей.

---

[13] **Замятин Д.Н.** Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

[14] См.: **Барт Р.** Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 392–400.

5. Вслед за лингвистами Ш. Балли, Р.М. Блакаром, Р. Водак, культурологом М. Фуко, социологом П. Бурдье периодическая печать понимается мной как эффективный инструмент социальной власти и социального программирования. Наблюдения лингвистов о механизмах воздействия на читательскую аудиторию позволили сформулировать предположения об ожидаемых авторами «сибирских» публикаций вариантах «последействия» для адресата, о выстраиваемом изданиями образе читателя, на которого была рассчитана актуализация того или иного элемента образа региона.

6. Одним из наиболее эффективных механизмов идеологического программирования является метафора. Основываясь на работах П. Рикера, Ф. Анкерсмита, Д. Лакоффа, М. Джонсона, Э. Кассирера, в журнальных публикациях на сибирскую тему были выявлены и охарактеризованы метафоры, показана их роль в моделировании образа региона в общественном сознании образованных русских. Детально все вышеназванные подходы проанализированы в соответствии с замыслом диссертационного сочинения во втором параграфе главы I, посвященном характеристике образа региона как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения.

Среди научных принципов и подходов, применявшихся в диссертационной работе, назовем ранее упомянутый *системный подход*, подразумевающий поиски ответов на вопросы о причинах популярности сибирской темы в российской журнальной прессе, об авторах и структурных элементах образа региона, о его эволюции и функциях в общественном мнении пореформенной империи. *Эволюционно-исторический подход* ориентировал на выявление преемственности и «прерывности» в идеях творцов тематического сибирского журнального дискурса, на внимание к факторам, детерминировавшим эволюцию тех коллективных представлений о регионе, что зафиксированы на страницах журнальной прессы. *Компаративный (историко-сравнительный) подход* использовался для

выявления общего и особенного в образе региона, конструировавшегося в общественно-политических и отраслевых периодических изданиях в зависимости от их мировоззренческой ориентации и корпоративной принадлежности.

В числе основных методов диссертационного исследования назовем *дискурсивный анализ* текстов на сибирскую тему, опубликованных на страницах толстых журналов. Использование этого часто применяемого литературоведами метода обусловило приоритетное внимание к выявлению социокультурных характеристик адресанта сибирского журнального дискурса – коллективного автора, в роли которого выступал толстый журнал, а также его адресата – читательской аудитории популярных общественно-политических и отраслевых ежемесячников. В качестве предмета сообщения рассматривались разножанровые тексты сибирского журнального дискурса. *Сибирский журнальный дискурс* относим к числу тематических (ценностно-концептных) дискурсов и понимаем под ним конкурирующие интеллектуальные проекты (версии) региона, содержание которых детерминировалось мировоззренческой ориентацией его адресантов и адресатов.

Для всех, кто изучает «вторую» реальность, или образы реальности, приоритетное значение имеют методы *реконструкции и интерпретации.* Под *реконструкцией* образа региона подразумеваются усилия историка по восстановлению авторской логики и смысла произведений сибирского журнального дискурса. *Интерпретация* предполагает поиск мотивов, побудивших автора к созданию того или иного текста, посвященного реалиям сибирской жизни. Она основывается на рациональной логике исследователя, предполагающей особенности индивида (его ценностные ориентиры, поведенческие сценарии, психологические черты и др.), предопределившие содержание его наблюдений, выводов, оценочных суждений.

Наряду с традиционными для отечественных историков методами *реконструкции и интерпретации* образа региона, использовался введенный в методический инструментарий историков представителями «новой интеллектуальной истории» метод *деконструкции* текстов сибирского журнального дискурса. Деконструкция понимается как критический метод анализа смысла авторских текстов посредством расчленения и собирания заново их составных частей («предложений»). Если обычные интерпретации текстов сосредоточиваются на авторе и очевидном смысле работы, то задача деконструкции – подорвать значение автора, сосредоточиваясь на структуре текста, раскрыть имплицитные смыслы, значения в текстах, раскрывая их опорные и скрытые установки. Деконструкция приводит к выдвижению на первый план вместо поисков очевидных и официальных смыслов стратегии «подрывного» чтения. Таким образом, применение метода деконструкции предопределило обращение к активно востребованному современными литературоведами *приему внимательного, бесконечного чтения*, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия воздействовала на язык и стилистику нарратива. Употребление данного приема позволило вычленить из текстов «коллективного автора» (редакции журнала) индивидуальные голоса творцов сибирского журнального дискурса.

Для выявления текстов на сибирскую тему, определения их количественных параметров и основных тематизмов, выяснения тех контекстов, которые актуализировали «сибирские» сюжеты на страницах конкретных периодических изданий, для поиска содержательных номинаций топонима «Сибирь» был востребован такой исследовательский прием, как *сплошной просмотр* годовых комплектов мобилизованных в качестве источников журналов. Для выяснения устойчивых лексических клише слов и словосочетаний (слов-маркеров), раскрывавших содержание концепта «Сибирь» в тезаурусе русских интеллектуалов, использовались *элементы контент-анализа* журнальных текстов.

При определении степени представленности публикаций о Сибири в числе текстов, посвященных окраинным регионам Российской империи, при выяснении степени популярности различных «сибирских» вопросов применялись *статистический метод* и *прием графической визуализации* полученных показателей. Не придавая решающего значения клиометрическим выкладкам, мы склонны предполагать, что представленные в диссертации подсчеты дают достаточно репрезентативное представление о порядках цифр, которыми измеряются количественные характеристики сибирского журнального дискурса.

Хронологические границы наших исследовательских изысканий ограничены второй половиной 1850-х гг. – 1904 г. *Вторая половина 1850-х гг.* – время общественного подъема, активизации общественного мнения, не случайно при его описании в многочисленных источниках личного происхождения изобилуют метафоры «пробуждения ото сна». Период подготовки реформ, оптимистичных общественных ожиданий перемен, развитие гласности способствовали появлению новых толстых журналов и их идеологической дифференциации. Пресса получила небывалые возможности влияния на общественно-политическую жизнь империи. В одном из отчетов III Отделения конца 1850-х гг. даже упоминалось о «необузданности печати, представлявшей опасность для сохранения существующего строя»[15]. «Печать сделалась орудием обличения зла», – читаем у знаменитого реформатора Д.А. Милютина[16].

С 1850-х гг. начинается новый этап в сибирской административной политике, характеризующийся попытками местных и центральных властей пересмотреть административно-территориальное устройство региона, реорганизовать государственные учреждения в крае, изменить методы формирования местной бюрократии[17]. Поиски властью вариантов оптимального административного устройства региона, определения его

---

[15] Цит. по: **Гросул В.Я.** Русское общество XVIII–XIX вв.: традиции и новации. М., 2003. С. 311.
[16] **Милютин Д.А.** Воспоминания, 1860–1862. М., 1999. С. 39–40.
[17] См.: **Ремнев А.В**. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997 С. 14.

статуса, места в имперских стратегиях, громкое «Амурское дело» на фоне самоидентификационных исканий русских интеллектуалов, выбиравших цивилизационные ориентиры и оптимальные модели государственного развития, мобилизовали общественный интерес к Сибири. Областническое движение, эпистолярное и мемуарное творчество социально активных сибиряков свидетельствуют о том, что 1850-е гг. стали временем пробуждения регионального самосознания сибиряков, одним из проявлений которого стала публицистическая деятельность «сибирских патриотов» в ведущих периодических изданиях. «Иркутские губернские ведомости» писали по этому поводу в 1857 г.: «В настоящее время нельзя не заметить поразительного явления в русском обществе, именно, что в нем как бы все сознали несостоятельность прежней жизни, той, можно сказать, апатии, которой они доселе предавались. Летаргия прошла, и общество, стряхнув с себя оковы, естественно ощутило потребность в изменении начал, лежавших в основании прежней жизни»[18].

Именно во второй половине 1850-х – 1860-х гг. появляются «мастодонты» пореформенной журналистики – журналы «Русский вестник» (1856) и «Вестник Европы» (1866), во многом определявшие содержание общественно-политической жизни в пореформенной империи. Если сибирская тема в демократических изданиях 1850–1860-х гг. уже была предметом специального изучения, то образ Сибири в консервативной и либеральной прессе нуждается в первоначальном осмыслении.

В качестве конечного хронологического рубежа определен 1904 г. – в связи с изменением в это время образа региона в общественном мнении России, что наглядно отразилось в количественных и содержательных характеристиках «сибирских» публикаций толстых журналов. Русско-японская война, надвигавшиеся революционные события 1905–1907 гг., последовавшая за ними Столыпинская аграрная реформа, изменение места региона в геополитических стратегиях имперской власти не могли не

[18] Цит. по: **Кабанов П.И.** Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 80.

повлиять на структурные и содержательные характеристики образа региона, как в сознании русских интеллектуалов, так и в массовом сознании.

Территориальные границы работы. Вопрос о территориальных рамках исследования сводится к вопросу о том, какую территорию во второй половине XIX – начале XX в. образованные русские называли Сибирью. Как уже было замечено А.В. Ремневым, административное деление часто не совпадало с географическими границами Сибирского региона[19]. На протяжении изучаемой эпохи под влиянием массовых крестьянских миграций, строительства Транссибирской железной дороги, научной и литературной «колонизации» региона динамично изменялись границы Сибири и на ментальных картах россиян. Сюжет о географических, административных, социокультурных границах Сибири был одним из популярных для пореформенной журнальной прессы. Рассматривая регион, в первую очередь, как коллективное воображаемое, мы определяем территориальные границы работы вслед за авторами анализируемых нами изданий, включая в них те административно-территориальные и геоэкономические образования, которые соотносись современниками с топонимом «Сибирь». В энциклопедических и справочных изданиях чаще всего под Сибирью понималась Азиатская Россия, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана[20]. В привлеченных нами материалах журнальной прессы в большинстве случаев в состав Сибири включали Томскую, Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую, Забайкальскую, Якутскую области и территорию Дальнего Востока. Однако к концу XIX – началу XX в. из состава этой территории в качестве отдельных геоэкономических и административных единиц достаточно часто выделяли Степной край и Дальний Восток. В связи с этим вопрос о территориальной «насыщенности» топонима Сибирь в сознании русских интеллектуалов был одним из

---

[19] **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004.С. 34.
[20] См., например: **Латкин Н.В.** Сибирь: Географический очерк страны // Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона]. СПб., 1900. Т. 29а. Кн. 58. С. 748.

приоритетных для автора данного диссертационного сочинения, все случаи особых вариантов употребления номинации «Сибирь» были предметом авторской исследовательской рефлексии.

Источниковая база исследования. Как очевидно из названия, в качестве основных источников для изучения были востребованы *материалы журнальной прессы*, а именно – так называемые толстые журналы – частные, ежемесячные общественно-политические и отраслевые издания изучаемой эпохи. Основным критерием отбора журналов, наряду с вышеназванными, стала их популярность (диагностируемая высокими тиражами, определенность идейного направления), а также степень интереса к жизни сибирской провинции, выявленная в результате пилотного просмотра изданий и работы с указателями их содержания. Таким образом, в число привлеченных педагогических журналов не попал, например, популярный и авторитетный среди родителей и учителей ежемесячник «Народная школа». Вне сферы внимания оказались этнографические, географические (за исключением «Естествознания и географии»), экономические и юридические журналы, выходившие с иной периодичностью и, как правило, являвшиеся печатными органами научных общественных организаций. Для последовательной реализации компаративистских устремлений основной акцент был сделан на изучении журналов 1880-х гг. – начала XX в., периода наибольшего внимания к Сибири в интеллектуальном имперском пространстве. В силу отсутствия возможности проследить эволюцию представлений о регионе на разных этапах изучаемой эпохи мною не были привлечены такие популярнейшие ежемесячники первых пореформенных десятилетий, как «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», «Дело», закрытые к середине 1880-х гг.

В итоге в перечень востребованных изданий вошли следующие общественно-политические и отраслевые ежемесячные периодические издания: консервативные «Русский вестник» и «Русское обозрение», либеральные «Вестник Европы» и «Русская мысль», народнические «Русское

богатство» и «Северный вестник», марксистские «Мир божий», «Новое слово», «Жизнь»; исторические журналы «Русская старина» и «Исторические вестник»; педагогические издания «Русская школа», «Вестник воспитания», «Естествознание и география», «Образование». Понимание известной условности в определении идейной ориентации отдельных изданий, эволюции их мировоззренческих постулатов на разных этапах развития журналов обусловило авторскую рефлексию по этому поводу в соответствующих разделах текста, посвященных истории конкретных ежемесячников.

Сплошной просмотр годовых комплектов названных журналов за время с начала их существования до 1904 г., являющегося конечной хронологической гранью исследования, позволяет констатировать, что сибирский журнальный дискурс представлен разножанровыми публикациями, включающими в себя публицистические, научные, научно-популярные статьи, биографические очерки, художественные тексты, информационные сообщения, дайджесты газетной и журнальной прессы, рецензии на книги о регионе.

Продуктивным для данной работы оказалось понимание журнального текста-источника как «интеллектуальной складчины», ансамбля авторских текстов, порождающего качественно новое целое – журнальный текст, репрезентирующий читателю свой образ мира и региона, как его составной части.

В качестве самостоятельного источника нами были привлечены тематические библиографические указатели В.И. Межова, М.К. Азадовского, Н.Н. Аблова, А.А. Богдановой и многочисленные указатели содержания толстых журналов[21]. Данные источники позволяют выявить количественные параметры публикаций на сибирскую тему пореформенной журнальной

[21] См.: **Межов В.И.** Сибирская библиография. СПб., 1892–1903. Т. 1–3; **Азадовский М.К.** Сибирь в художественной литературе. Иркутск, 1927. Вып. 1: Периодические издания Европейской России 1891–1917 гг.; **Аблов Н.Н.** Педагогическая периодическая печать (1803–1916): Библиогр. обзор. М., 1937; **Богданова А.А.** Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX в. (1800–1900). Новосибирск, 1970 и др.

прессы, уточнить результаты визуального просмотра периодических изданий, определить публикации, имевшие наибольший общественный резонанс (судя по количеству помещенных на них рецензий в других изданиях). При расшифровке псевдонимов авторов, писавших о Сибири, уточнении биографических данных творцов сибирского журнального дискурса большую помощь оказали словарь псевдонимов И.Ф. Масанова, различные биобиблиографические справочники[22].

Делопроизводственная документация, отражающая различные аспекты истории толстых журналов, особенности их взаимоотношений с цензурой и органами общественной безопасности, финансовую сторону их деятельности, представлена неопубликованными документами, сосредоточенными в центральных архивохранилищах страны: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Институте русской литературы (ИРЛИ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в отделах рукописей Российской государственной (РГБ) и Российской национальной (РНБ) библиотек.

Взаимоотношения власти и редакций общественно-политических и отраслевых ежемесячников позволяют реконструировать ежегодные отчеты цензоров о направлении периодических изданий, их докладные записки в управление по делам печати МВД и Санкт-Петербургский цензурный комитет, хранящиеся в РГИА (ф. 776, 777). Особый интерес представляют гранки статей о Сибири с цензорскими ремарками, прилагаемые к докладным запискам, так как они позволяют судить о соавторстве цензоров в «производстве» сибирского журнального дискурса. Запреты на публикацию отдельных статей и сообщений о регионе предоставляют информацию о том, интерпретация каких именно реалий сибирской жизни вызывала наибольшее раздражение цензуры. Собранные там же прошения об открытии новых

[22] См.: **Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956; **Стож М.Е.** Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Иркутск, 1915.

журналов, о передаче права их издания или редактирования другому лицу дают возможность уточнить фрагменты «биографии» конкретных изданий, выяснить мотивы, побуждавшие их сотрудников к изменению образа журналов.

Делопроизводственная документация департамента полиции (ГАРФ, ф. 102), представленная донесениями агентов департамента, сведениями о наблюдении за политически «неблагонадежными» литераторами, расширяет представления о взаимоотношениях сотрудников оппозиционных журналов с правоохранительными органами, помогают выявить отношение полицейских чиновников к лидерам пореформенной журналистики.

Собранные в архивах «Русского богатства» (ИРЛИ, ф. 266; РГАЛИ, ф. 1668), «Северного вестника» (ИРЛИ, ф. 563) проекты и тексты договоров об издании журналов свидетельствуют о составе их «пайщиков», о состоянии финансовых дел ежемесячников. Редакторские книги «Русского богатства» (ОР РГБ, ф. 135 и ОР РНБ, ф. 211) предоставляют исследователю уникальную возможность проследить судьбу конкретных журнальных публикаций от их поступления в редакцию до публикации или отказа от публикации, выяснить, как принималось решение о судьбе того или иного текста, узнать мнения о нем редакторов журнала, выявить соотношение опубликованных и отклоненных рукописей о Сибири, определить периоды «моды» на сибирские сюжеты.

Книги гонораров сотрудников «Русского богатства», собранные в фонде А.Г. Горнфельда (ОР РНБ, ф. 211), фиксируют размеры денежных выплат за конкретные публикации о регионе и расширяют представление о внутриредакционных отношениях, дают основания для предположений о факторах, определявших гонорарную политику издания.

Письма реальных и потенциальных авторов произведений о Сибири в редакции толстых журналов предоставляют информацию о причинах интереса к сибирским сюжетам, о причинах обращения именно в эту редакцию, в конечном итоге – об интенсивности и содержании «обратной

связи» «журнал – читатель». Официальная переписка сибирских корреспондентов с интересующими нас изданиями хранится в архивных фондах толстых журналов, в фондах их редакторов (Б.Б. Глинского, В.А. Гольцева, Л.Я. Гуревич, Н.Н. Златовратского, М.Н. Каткова, В.Г. Короленко, Н.К. Михайловского, М.И. Семевского, М.М. Стасюлевича, С.Н. Шубинского) и ведущих сотрудников (Н.Ф. Анненского, А.И. Иванчина-Писарева, С.Н. Кривенко, А.Н. Пыпина, А.М. Скабического, К.М. Станюковича), в сборниках опубликованной переписки лидеров российского журнального дела В.А. Гольцева, В.Г. Короленко, М.М. Стасюлевича и др. Копировальные книги М.И. Венюкова (ОР РГБ, ф. 363), материалы личного фонда А.А. Кауфмана (ГАРФ, ф. 5101), содержащие их деловую переписку с редакциями журналов, раскрывают причины и историю сотрудничества конкретных творцов образа региона с популярными изданиями. Адреса, телеграммы из Сибири в честь юбилеев журналов и их идейных вождей содержат информативный, с точки зрения замысла моей работы, набор номинаций, которыми маркировались общественные заслуги изданий перед региональным сообществом и общественным мнением.

Желание проследить влияние сконструированного журнальной прессой образа Сибири на социальное поведение современников предопределило обращение к делопроизводственной документации о деятельности студенческих переселенческих отрядов, сосредоточенной в сибирских архивах: Государственном архиве Иркутской области, Государственном архиве г. Тобольска.

Для выяснения «духа», атмосферы журнальной среды, литературного быта эпохи неоценимое значение имеют *источники личного происхождения*. Опубликованные и еще не введенные в научный оборот письма, записки, дневниковые записи авторов и сотрудников наиболее читаемых журналов отражают эволюцию представлений о «своем пути» в журналистике и «своем» журнале, свидетельствуют о неформальных внутриредакционных отношениях, об интенсивности коммуникативного взаимодействия между

соавторами журнальной версии образа региона, содержат биографические подробности, не предназначенные для широкой публики, но позволяющие уточнить личную предысторию появления того или иного текста о регионе, выявить подоплеку отношений между конкурирующими изданиями. Особый интерес представляют именно субъективные оценки людей, поступков, публикаций, имеющих отношение к сибирскому журнальному дискурсу. В числе востребованных нами источников: дневник А.В. Суворина, письма Н.М. Астырева, П.А. Голубева, А.А. Давыдовой, Д.И. Завалишина, В.Г. Короленко, переписка Н.К. Михайловского и С.Н. Кривенко, Г.А. Мачтета, Н.И. Наумова, Г.Н. Потанина, Н.А. Любимова, В.Г. Богораза-Тана, С.М. Пономарева, М.И. Семевского, К.М. Станюковича, Г.И. Успенского, А.П. Чехова, С.Л. Чудновского, С.П. Швецова, Н.М. Ядринцева и др.

Круг сибирских корреспондентов «Русской старины» и характер их взаимоотношений с ее редактором М.И. Семевским можно конкретизировать благодаря опубликованному альбому журнала[23].

Особой ценностью обладают мемуары, так как содержат «отсроченную» рефлексию по поводу фрагментов собственной «журнальной биографии», выверенные временем и последующими отношениями мнения о людях, «делавших» журналы, о значении конкретных событий, относящихся к конструированию образа издания и отражению образа региона на его страницах. Как неоднократно замечено, мемуары позволяют «считывать» информацию не только об эпохе, описываемой в них, но и о времени их создания. В связи с этим любопытна и информативна эволюция представлений, эмоций, связанная с «минувшими и пережитыми» фрагментами биографии, важен «язык» описания встреч, людей, впечатлений от «своих» и «чужих» текстов в рамках избранного нами проблемного поля. Выйти за пределы журнального текста-источника и уточнить биографические контексты формирования образа региона помогли воспоминания И.П. Белоконского, В.В. Вересаева, С.Я. Елпатьевского, А.Ф.

[23] См.: Знакомые: Альбом М.И. Семевского – издателя-редактора журнала «Русская старина». СПб., 1888.

Кони, В.Г. Короленко, М.К. Куприной-Иорданской, Э.К. Пименовой, В.А. Поссе, С.Л. Чудновского, автобиографические записки Н.М. Ядринцева. Определенное представление о воздействии образа региона, сконструированного авторитетными толстыми журналами, на социальное поведение современников дают письма и мемуары их читателей – В.И. Ульянова-Ленина, Л.С. Федорченко (Н. Чарова) и др.

В качестве самостоятельного источника были привлечены *учебные пособия по истории и географии начала и середины XIX в.* Они рассматривались как один из основных источников формирования стереотипизированных представлений о регионе, существенно детерминировавших образ региона, транслировавшийся читающей публики со страниц журнальной прессы. Т.А. Володиной достаточно подробно охарактеризован потенциал учебников истории изучаемой эпохи в формировании исторического сознания и социальной идентификации школьников[24]. В перечень проанализированных мною учебных пособий вошли учебники истории И.И. Беллярминова, Д.И. Иловайского, И.К. Кайданова, С.М. Соловьева и книга для чтения по истории А.О. Ишимовой; учебники географии В. Бардовского, П. Белоха, А.В. Елисеева, Е. Зябловского, Е.А. Лебедева, И. Павловского, Ф. Студитского. Принцип отбора учебных пособий и предлагаемые способы работы с ними разъясняются в соответствующем разделе текста диссертации.

Желание выяснить семантическое поле топонима «Сибирь» в справочных изданиях изучаемой эпохи и сравнить его с теми номинациями региона, которые моделировались толстыми журналами, предопределило обращение *к словарям и энциклопедическим изданиям* изучаемой эпохи.

Большую роль в формировании представлений о регионе у русских интеллектуалов, конструировавших образ региона в толстых журналах пореформенной эпохи, играла *художественная литература*. Специфика

[24] См.: **Володина Т.А.** Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX в.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2004.

предмета исследования обусловила внимание к двум пластам художественных текстов: к художественной литературе о Сибири первой половины XIX в. как одному из источников формирования образа региона образованных русских, а также к художественным произведениям, публиковавшимся в популярных ежемесячниках. Разножанровые художественные тексты первой половины XIX столетия были привлечены для выяснения структурных элементов образа Сибири и слов-маркеров, использовавшихся при его описании, для определения культурных героев региона и трикстеров в мифологических представлениях о регионе, отраженных в художественных текстах, для выявления культурных кодов, делавших возможным как «производство», так и понимание сибирского журнального дискурса. Произведения русской литературы второй половины XIX в. представляют особый интерес по следующим причинам.

Во-первых, господствующим художественным методом тогда был реализм с присущим ему тяготением к «суровой правде жизни», отношением к тексту как отражению реальной повседневности, с установкой на то, что писатель и художник должен все увидеть своими глазами, пройти «школу жизни». Именно стремление показать «Сибирь без прикрас, как она есть», и информировать об этом читающую публику Европейской России влекло на восточные окраины участников литературных экспедиций – Г.И. Успенского, А.П. Чехова, В.Л. Дедлова (Кигна), Н.Д. Телешова и др.

Во-вторых, художественная литература в рассматриваемый нами период была одним из ключевых институтов формирования общественного мнения, органичным элементом образа региона, репрезентировавшегося общественно-политическими и отраслевыми ежемесячниками. С.О. Шмидт, оценивая потенциал художественного текста как источника формирования исторического сознания и коллективных представлений, справедливо замечает: «В массовом представлении литературные герои, подобно реально существовавшим “историческим“ лицам, и типизированные литературные образы, подобно реальным историческим явлениям, обретают знаковое

значение терминов-символов»[25]. Среди многочисленных терминов-символов, часто повторяющихся в литературе рассматриваемой эпохи и характеризующих коллективные представления о регионе, можно упомянуть такие: «страна изгнания», «страна золота и классического “Макара“», «страна угрюмая и глухая», «безголосая Сибирь». Наличие в текстах разных авторов дублирующихся слов-маркеров, «плавающих» сюжетов, использование одних и тех художественных приемов (противопоставление России как родной, «своей» земли и Сибири как чужбины; доминирование темы суровой сибирской природы и конструирование на ее фоне сюжетной линии произведения и др.) свидетельствуют, с одной стороны, о том, что на индивидуальное творчество писателей оказывал влияние образ региона, функционировавший в массовом сознании, с другой же, указывают на авторское участие в формировании социокультурных мифов о Сибири.

Привлеченные источники дают шанс получить ответы на те вопросы, которые сформулированы в виде задач исследования, и есть надежда, что каждое новое прочтение востребованных в качестве источников текстов приведет к новой версии осмысления образа региона, один из вариантов интерпретации которого представлен в данной диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые разработана модель исследования образа региона как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения. Доказана гипотеза, подтверждающая зависимость образа региона, конструировавшегося пореформенными толстыми журналами, от образа изданий, детерминированного мировоззренческой ориентацией ежемесячников, их отраслевой специализацией, личностью редактора-издателя, особенностями финансирования и взаимоотношений с цензурой. Установлены и охарактеризованы уровни и источники формирования образа региона в общественном мнении пореформенной Российской империи.

[25] **Шмидт С.О.** Памятники художественной литературы как источники исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 42.

Введены в научный оборот новое понятие: «сибирский журнальный дискурс». Адаптированы к жанру исторического исследования содержание понятий «образ региона», «мифмейкры региона» употребляемые в гуманитарной географии и социологии. Доказана перспективность использования методов дискурсивного анализа, как одного из методов изучения общественного мнения, и деконструкции коллективных представлений о ценностно значимых объектах реальности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть привлечены при подготовке работ по истории общественного мнения, журналистики, интеллигенции пореформенной эпохи, истории Сибири, при разработке образовательных основных, специальных и факультативных курсов по новой истории России, региональной истории в университетах. Предлагаемая в диссертации модель изучения толстых журналов как источника формирования, структурирования и трансляции общественного мнения по ключевым проблемам современности может быть использована историками и социологами для исследования индивидуальных и коллективных представлений. Проделанная работа по выявлению способов воздействия (как явного, так и скрытого) на читательскую аудиторию ежемесячниками – «органами направлений» – представляет потенциальный интерес для современных «делателей» и потребителей СМИ как материал для сопоставления вариантов формирования общественного мнения в пореформенной империи и современном постиндустриальном обществе. Материалы и выводы исследования могут быть востребованы представителями региональных интеллектуальных и властных элит как пример конструирования и трансляции образа Сибири посредством столичной периодики. Могут быть учтены «наработки» пореформенной журналистики по формулировке особых «сибирских» интересов и потребностей, созданию мифмейкеров региона, что в конечном итоге способствовало бы региональной идентификации и оптимизации региональной идентичности сибиряков.

Апробация результатов исследования. По теме диссертационного исследования автором опубликована монография «Другая Россия: Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.» (Новосибирск, 2006). Различные аспекты темы диссертационного исследования получили освещение в серии статей, помещенных на страницах академических и университетских изданий Новосибирска, Омска, Барнаула, Тюмени, Красноярска. Из них 4 статьи были опубликованы в реферируемых журналах (Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2; 2006. № ???; Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2003. Т. 2, вып. 2; 2006. т. 5, вып. 1).

Основные положения диссертации были доложены и обсуждены:

- на международных научных конференциях «Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.» (Новосибирск, 1996); «Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.)» (Новосибирск, 2002), «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 2005);

- на V Всероссийской научной конференции «Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XIX вв.» (Новосибирск, 2003), на всероссийских конференциях «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.» (Новосибирск, 2003), «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (Омск, 2004), «Социальные конфликты в истории России» (Омск, 2004);

- на региональных научно-практических конференциях в Новосибирске: «История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве» (2004), «Актуальные проблемы археологии, истории и культуры» (2005), «Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.» (2006) и др.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Во введении обосновывается актуальность темы, дается общая характеристика

степени ее изученности, определяются объект, предмет, гипотеза, научная новизна и практическая значимость исследования, представлен анализ источниковой базы диссертации. Первая глава раскрывает теоретические основы и историографию изучения образа региона в толстых журналах пореформенного периода. Вторая глава посвящена исследованию образа Сибири в российских общественно-политических ежемесячниках. В третьей главе рассмотрено участие отраслевых журналов в моделировании представлений образованных россиян о нашем регионе. В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования и обозначены перспективы дальнейшей работы над темой.

Г л а в а 1. ОБРАЗ РЕГИОНА В ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ

1. 1. Журнальная пресса как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения

Современные специалисты по теории журналистики выделяют следующие направления исследования средств массовой информации, доминирующие в отечественной и зарубежной науке:

1) неовеберианский анализ рациональности в «производстве культуры», делающий акцент на вопросах организации деятельности масс-медиа и обеспечения необходимого в условиях конкуренции уровня профессионализма и сбыта;

2) неомарксистский подход с упором на изучение символического значения сообщений массовой коммуникации на основе понимания идеологического принуждения (в соответствии с традициями франкфуртской школы и грамшианской концепцией роли культурного аппарата) как средства поддержания политической гегемонии;

3) неодюркгеймианские исследования «публичного восприятия», сосредоточивающиеся на «вещном» рассмотрении формирующихся посредством масс-медиа коллективных представлений, способных

интегрировать индивидов как членов массовых аудиторий через сообщение им чувства солидарности друг с другом[26].

Несмотря на то, что большинство исследований, проведенных в рамках названных подходов, посвящены особенностям функционирования средств массовой информации XX–XXI вв., очевидна продуктивность их использования для изучения российской журнальной прессы пореформенной эпохи, времени динамичной модернизации социальных, экономических, культурных и цивилизационных структур.

В данной работе толстый журнал рассматривается в качестве средства формирования коллективных представлений, способствовавших политической идентификации современников и существенным образом детерминировавший социальное поведение образованных россиян.

Консолидирующая роль общественно-политических ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. в процессе формирования, структурирования и трансляции общественного мнения неоднократно отмечалась как их современниками, так и исследователями. Яркая оценка толстого журнала как инструмента формирования политических партий принадлежит одному из его первых исследователей – Л.Д. Троцкому, писавшему в 1923 г.: «Журналы наши были лабораториями, в которых вырабатывались идейные течения… Журнал в своем многообразии и своем единстве был наиболее приспособленным орудием для идейного сцепления интеллигенции»[27]. Участие толстого журнала в структурировании общественного мнения и формировании идеологических, эстетических пристрастий образованной публики рассматривали родоначальники советской школы истории журналистики В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов, один из первых советских историков общественного мнения Б.П. Козьмин[28].

---

[26] **Мансурова В.Д.** Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. С. 19–20.

[27] **Троцкий Л.Д.** Судьба толстого журнала // Литература и революция. М.,1923. С. 297–298.

[28] См.: **Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.** Из прошлого русской журналистики. Л., 1930; **Евгеньев-Максимов В.Е.** «Современник» в 40–50-х гг. Л., 1934; **Козьмин Б.П.** Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1948; **Он же.** «Русское богатство» (1880–1881 гг.) // Из истории революционной мысли в России. М., 1961.

Социально-мобилизующая и идентификационная функции пореформенных общественно-политических журналов вновь стали предметом активного исследовательского интереса с начала 1990-х гг. В переведенной на русский язык известной работе американского историка Р. Пайпса «Россия при старом режиме» толстый журнал номинировался как основной институт репрезентации общественного мнения наряду с салоном, кружком, университетской аудиторией и др. Пайпсу принадлежит полюбившаяся постсоветскими историками цитата, иллюстрирующая значение общественно-политических ежемесячников в процессе формирования имперского интеллектуального пространства: «Толстый журнал сыграл совершенно исключительную роль в развитии русского общественного мнения. Он разносил по всей огромной империи знания и идеи, которые в противном случае остались бы достоянием лишь двух столиц, и таким образом создавал объединяющие связи между людьми, живущими вдали друг от друга в провинциальных городках и деревенских поместьях. Именно на этой основе в начале XX в. в России с такой быстротой появились политические партии»[29].

Специалист по социологии чтения А.И. Рейтблат детально исследовал причины «журнализации» русской литературы XIX в. Он выделил следующие факторы, обусловившие популярность общественно-политических журналов в первые пореформенные десятилетия:

1) постепенное повышение уровня образования россиян, заимствование у столичного дворянства культурных, в том числе и поведенческих образцов провинциальными помещиками, чиновниками, разночинцами, в результате чего чтение становилось необходимым элементом образа жизни более широких слоев населения;

2) журналы являлись инструментом солидаризации сторонников того или иного идеологического направления, способствуя в условиях политической неразвитости формированию общественного мнения по актуальным вопросам окружающей действительности и мировоззренческой самоидентификации современников;

---

[29] **Пайпс Р.** Россия при старом режиме. М., 1993. С. 345–346.

3) в условиях дифференциации культуры появилась потребность в посреднике между интеллектуальной элитой, ориентированной на просвещение населения и читателями-неофитами, стремящимися получить оперативную трактовку всех научных, литературных и политических событий, которую мог удовлетворить толстый журнал, осуществлявший связь между столицей и провинцией;

4) в связи со сравнительной дороговизной книг читателям проще было выбрать журнал и в дальнейшем обращаться только к нему, доверив редакции отбирать произведения для чтения;

5) тенденция к усилению злободневности, социальной ориентированности литературы сформировала читательскую потребность не просто в хороших, но и в новых, актуальных произведениях;

6) журнал отбирал, систематизировал из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты и в популярной, доступной форме транслировал их читателям, по сути, создавая новый текст, определяемый конструкцией, образом издания, определявшимися главным образом мировоззренческой ориентацией журнала[30].

Соотнося идеи А.И. Рейтблата с теорией символической власти и социальных полей французского социолога П. Бурдье[31], можно утверждать, что в пореформенной России частные ежемесячные общественно-политические журналы, возникшие на основе неформальных объединений единомышленников, не только обслуживали потребности определенных политических сообществ, но и, как правило, сами формировали и эти сообщества, и их потребности. В контексте замысла данной работы, с целью определения ее методического инструментария, существенный интерес представляют работы современных исследователей Н.Д. Потаповой, Т. Дашковой[32], использующих материалы журнальной прессы для

---

[30] См.: **Рейтблат А.И.** От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 33–36.

[31] См.: **Бурдье П.** Начала. М., 1994; **Он же.** Социология политики. М., 1993; **Он же.** О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 91–140.

[32] См.: **Потапова Н.Д.** Историческая периодика в ситуации языкового выбора // Исторические исследования в России–II: Семь лет спустя. М., 2003. С. 35–49.; **Дашкова Т.** «Работницу» в массы: Политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х гг. // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 (4). С.184–192.

деконструкции образа мира, сконструированного конкретными изданиями, и выяснения используемых ими способов социального программирования читательской аудитории. Фиксируя роль программы журнала в структурировании и репрезентации образа издания, значение заголовков, публицистических клише в практике манипулирования массовым сознанием, они подтверждают наблюдения П. Бурдье о том, что журналы (как одно из средств массовой информации), конструируя для своих читателей свой образ мира, осуществляли свое символическое господство. Отбирая и интерпретируя явления реальности, журналы участвовали в символической борьбе за восприятие читателями социального мира, заставляя их определенным образом увидеть и определенным образом оценить действительность[33].

Итак, отправными для нас стали идеи вышеупомянутых исследователей о том, что журналы консолидировали вокруг себя сторонников того или иного политического направления, способствуя политической идентификации современников; они являлись одним из основных каналов культурной коммуникации, формируя имперское интеллектуальное пространство.

Журнальный текст отражал коллективные представления еще и потому, что являлся результатом сотворчества, «интеллектуальной складчины» целой группы людей: автора, редактора, издателя, цензора и читателя[34]. Достаточно определенно эту мысль сформулировал один из идейных лидеров русской публицистики второй половины XIX в. Н.К. Михайловский, сам редактировавший один из популярнейших журналов народнического толка «Русское богатство»: «Журнал, а потом и газета определяли собою нередко и форму, и содержание произведений даже выдающихся талантов … журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения … писателей, на журнальную или собственно

[33] См.: **Бурдье П.** Начала. С. 196–198.

[34] См.: **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. С. 254.

редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей»[35].

Большое влияние на оформление замысла данной работы оказали наблюдения М.П. Мохначевой об информационных полях журналистики, о текстовых стратегиях и интенциях журналистики XIX в., о факторах, определявших образ («физиономию и характер») толстого журнала изучаемой эпохи. В числе обстоятельств, преобразующих авторский текст в журнальную публикацию коллективного «текста-источника», историк называет: тип издания («ученый», «литературный», «исторический» и пр.); его программу (смысловой «организатор» и «координатор» текстовых интенций авторского текста); мировоззренческую ориентацию журнала; личность редактора-издателя, его «редакторские» стратегии, особенности его взаимоотношений с авторским коллективом; цензурную норму; особенности финансирования издания и его гонорарную политику[36]. Обоснованный М.П. Мохначевой интеллектуальный конструкт был взят нами за основу для реконструкции образа толстого журнала и выяснения зависимости публикаций на «сибирские темы» от образа издания, их публиковавшего.

Мысль о тенденциозности и идеологической детерминированности содержания ведущих общественно-политических журналов второй половины XIX – начала XX в. была аксиоматичной для подавляющего большинства историков общественного мнения и русской журналистики как дооктябрьского, так и советского, и постсоветского периодов. Много и подробно о влиянии направления журнала на отбор текстов для публикации рассуждали сами участники литературного процесса пореформенной эпохи. Воспоминания авторов толстых журналов пестрят упоминаниями о направлении, «проводимом» их изданием, фиксируя, таким образом, собственную политическую идентичность. «Много народу группировалось около «Русского богатства». Оно никогда не было партийным органом и всегда было органом направления», – вспоминал С.Я. Елпатьевский, активно сотрудничавший с журналом[37]. Строгое следование «своему направлению»

---

[35] Цит. по: **Рейтблат А.** От Бовы к Бальмонту. С. 36.
[36] Там же. С. 127–165.
[37] **Елпатьевский С.Я.** Воспоминания за пятьдесят лет. Л., 1929. С. 266.

рассматривалось как одно из необходимых условий популярности издания. Уже искушенный в тонкостях политической борьбы В.И. Ленин замечал в письме к Потресову 27 апреля 1899 г., критикуя ежемесячник «Начало», редактировавшийся П.Б. Струве: «Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних genossen и исключения остальных, – но ведь такой журнал, как “Начало“, все не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (a la “Мир божий“, “Научное обозрение“ и пр.), а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех “посторонних“ вообще. Только тем и объясняется громадный успех “Нового слова“ (имеется в виду “марксистский“ период журнала. – *Н.Р.*), что редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах»[38].

Идейное направление журнала было одним из основных параметров характеристики его органами цензуры. В определенной степени типичен, с точки зрения иллюстрации цензорской риторики, отзыв цензора С.И. Коссовича об одном из ведущих толстых журналов: «“Вестник Европы“ – журнал ежемесячный, один из старейших органов спокойного либерального направления. Традиции 60-х гг. выкристаллизовались на страницах этого спокойного органа, настаивающего на устоявшихся принципах»[39]. Понимая зависимость таких оценок от личности цензора, уровня образования, политических пристрастий, особенностей его взаимоотношений с редакцией журнала и от массы других, порой случайных обстоятельств, замечу факт фиксации «направления» издания как одной из основных его системных, значимых с точки зрения власти характеристик.

Как уже было отмечено, «направленчество» толстых журналов способствовало политической идентификации, формированию группового самосознания, картины мира и системы ценностных ориентаций современников, о чем свидетельствует многочисленная эпистолярная и мемуарная литература. Марксист Л.С. Федорченко (Н. Чаров), сосланный в

---

[38] **Ленин В.И.** Письма 1893–1904 гг. // Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 46. С. 23.
[39] РГИА. Ф. 777. Оп. 4 (1893). Д. 205. Л. 13.

Шенкурск Архангельской губернии так оценивал влияние марксистского «Нового слова» на своих единомышленников: «С появлением этого журнала, а также на придачу ему “Научного обозрения“, все более и более делавшегося марксистским, мы буквально чувствовали себя на десятом небе. Каждая статья “Нового слова“ подвергалась нами всестороннему обсуждению. В статьях Каменского-Плеханова затрагивались и ставились коренные философские вопросы: о роли личности в истории, об отношении свободы к необходимости… Производили впечатление статьи В. И. Ленина об экономическом романтизме, о Сисмонде и сисмондистах… То, что и чуждые марксизму журналы, вроде тогдашнего “Мира божьего“ В. Острогорского, давали место статьям марксистов, вроде Крживицкого, Струве и др., доказывало нам, что теория марксизма не только приобретает право гражданства в России, но и становится общественной силой, с которой должны считаться даже русские либералы, которые до тех пор были, как известно, в плену народнического эклектизма. Но это также говорило нам и о том, что Россия быстро бежит по капиталистическим рельсам и что либеральной буржуазии выгоднее теперь щеголять в марксистском плаще»[40].

Итак, как свидетельствует рефлексия информированных современников, толстые журналы выражали групповые интересы «своего» политического направления, игнорируя или нивелируя индивидуальные варианты «иного» осмысления социально значимых вопросов. Журналы, декларировавшие отказ от «направленчества» и позиционировавшие себя как литературные органы «вне политики», в изучаемый нами период, как правило, имели недолгую биографию. В данном случае показательна судьба «Северного вестника», издававшегося первоначально как либерально-народнический журнал, затем перешедшего на позиции модернизма с весьма расплывчатой идейной программой. Журнал постепенно растерял своих подписчиков и, по меткому выражению его бывшего сотрудника И.П.

[40] **Федорченко Л.С.** [Чаров Н.] В тюрьме и ссылке: Из воспоминаний 1895–1900 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 2 (51). С. 106–107.

Белоконского, «как и следовало ожидать, скончался естественной смертью: его перестали читать»[41].

Традиция соотносить содержание и «литературный облик» того или иного издания с его идеологической ориентаций была сформирована уже дооктябрьскими исследователями толстых журналов, а затем заимствована и догматизирована советской историографией. Так, в первых работах по истории отдельных толстых журналов, как правило, написанных их сотрудниками, обязательно фиксировалась приверженность их редакций тому или иному идейному направлению, и как позитивная ценностно-значимая характеристика отмечалась последовательность в его «проведении»[42].

Для дооктябрьских историков общественного мнения А.А. Корнилова, Иванова-Разумника, В.Я. Яковлева-Богучарского и др. была несомненной связь между содержанием того или иного популярного периодического издания и его идейной приверженностью, не случайно материалы толстых журналов были для них одним из основных источников, иллюстрировавших сущность идейных течений пореформенной эпохи[43].

В советской истории журналистики идейная платформа толстых журналов наряду с хронологическим принципом была основой для структурирования материала по истории периодической печати. В обобщающих трудах и учебных пособиях В.Г. Березиной, Б.И. Есина, А.В. Западова, Б.П. Козьмина, Г.С. Лапшиной общественно-политические журналы XIX – начала XX в. сгруппированы в соответствии с ведущими течениями общественной мысли: консервативным, либеральным,

---

[41] **Белоконский И.П.** В годы бесправия. М., 1930. С. 108.

[42] См., например: **Арсеньев К.** Пятидесятилетие «Вестника Европы» // ВЕ. 1915. № 12. С. 1–14; **Кони А.Ф.** «Вестник Европы» в журнальном пути. СПб., 1913; **Гуревич Л.Я.** История «Северного вестника» // Русская литература XX в. / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. Кн. 3 и др.

[43] См., например: **Корнилов А.А.** Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909; **Яковлев-Богучарский В.Я.** Очерки из истории русской журналистики XIX в. и из прошлого русского общества. СПб., 1904; **Иванов-Разумник.** История русской общественной мысли. СПб., 1911 и др.

народническим, марксистским (в отдельных случаях два последних объединялись под названием революционно-демократического)[44].

В соответствии с названной исследовательской традицией советскими историками был накоплен огромный фактический материал по истории отдельных периодических изданий в контексте их участия в политической жизни пореформенной империи. В работах В.А. Твардовской, В.С. Маслова, А.А. Тарасовой рассмотрена история ведущих консервативных периодических изданий, выявлены механизмы их взаимодействия с государственной властью, проанализированы попытки влияния на формирование политического курса на разных исторических этапах эволюции пореформенного самодержавия[45]. Написанные на солидной эмпирической базе, исследования, посвященные консервативной журналистике, в связи с идеологической детерминированностью марксистской методологии порой грешили обилием негативных оценочных суждений[46] в адрес консервативной идеологии. Ярко выраженная оценочная позиция клишировалась даже в названиях работ («реакционная», «официозная» и др.) Показателен в этом смысле комментарий к одному из изданий советской эпохи по истории журналистики, аргументировавший мотивацию изучения консервативной периодической печати: «Их надо изучать и для того, чтобы знать идеологического противника, и для того, чтобы по достоинству оценить заслуги передовой русской журналистики и ее

---

[44] См., например: **Березина В.Г.** Русская журналистика второй четверти XIX в. Л., 1965; **Есин Б.И.** История русской журналистики XIX в. М., 2003; История русской журналистики XVIII–XIX вв. / Под ред. А.В. Западова. М., 1973; **Козьмин Б.П.** Русская журналистика 70 и 80-х гг. XIX в. М., 1984; **Лапшина Г.С.** Русская пореформенная печать 70–80-х гг. XIX в. М., 1985.

[45] См., например: **Маслов В.С.** «Русский вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 217–232; **Твардовская В.А.** Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978; **Тарасова А.А.** Реакционно-охранительная журналистика // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв.: Буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890–1904). М., 1982. С. 234–260.

[46] Редким исключением является названное исследование В.А. Твардовской, достаточно редко использовавшей идеологические штампы при описании истории и идейной платформы изданий М.Н. Каткова.

деятелей, вступавших в борьбу с реакцией, зачастую рискуя своей свободой, а иногда и жизнью»[47].

Эволюция идейной платформы наиболее авторитетных либеральных журналов подвергнута детальному анализу А.А. Алафаевым, Б.П. Балуевым, Б.И. Есиным, М.А. Никитиной, А.А. Савенковым, Н.С. Смолкиной[48]. Отношение либеральных периодических изданий к наиболее знаковым событиям и явлениям пореформенной российской действительности было предметом специального осмысления А.А. Алафаевым, В.А. Нардовой[49] и др.

«Журнальный быт», творческую атмосферу, царившую в редакциях либеральных ежемесячников, особенности внутриредакционных отношений помогают реконструировать исследования Н.Н. Мостовской, Д.С. Гутман, Н.Н. Козловой[50].

Одной из сфер приоритетного внимания отечественной истории журналистики советской эпохи была либерально-народническая и марксистская периодика. Работы Б.И. Есина, Е.В. Ивановой, П.В. Куприяновского, Л.В. Крутиковой, Б.Д. Летова, Л.А. Скворцовой, В.Г. Хороса позволяют уточнить состав редакций народнических и марксистских изданий, выявить основные этапы их истории, особенности взаимоотношений между журналами в рамках того или иного идейного течения[51].

---

[47] «Русский вестник»: Указатель авторов (1856–1862). А – К. Ленинград, 1989. С. 2.

[48] См., например: **Алафаев А.А.** Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; **Балуев Б.П.** Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971; **Есин Б.И.** Буржуазно-либеральная пресса // История русской журналистики XIX в. М., 1969. Ч. 3; **Он же.** Русская легальная пресса конца XIX – начала XX вв. // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в. М., 1973; **Никитина М.А.** «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. (1890–1904): Буржуазно-либеральные издания. М., 1982. С. 4–43; **Савенков А.А.** «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2; **Смолкина Н.С.** В.А. Гольцев – публицист и редактор журнала «Русская мысль»: К истории либеральной печати конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1989 и др.

[49] См., например: **Алафаев А.А.** Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах журнала «Вестник Европы» // История СССР. 1984. № 4. С. 143–150; **Он же.** Аграрный вопрос в журнале «Вестник Европы»: 1878–1882 гг. // Вторая революционная ситуация в России: Отклики на страницах прессы. М., 1981. С. 35–57; **Нардова В.А.** Городское самоуправление 70–80-х гг. XIX в. (по страницам «Вестника Европы» и «Отечественных записок») // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 159–180.

[50] См., например: **Гутман Д.С.** Начало сотрудничества И. С. Тургенева в «Вестнике Европы» (1868–1870 гг.) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX в. Пермь, 1977. С. 31–43; **Козлова Н.Н.** Литературный процесс и позиция критика К. К. Арсеньева в «Вестнике Европы» 1880-х гг. // Русская литература 1870–1890-х гг. Свердловск, 1985. Вып. 18. С. 66–84; **Разманова Н.А.** М.М. Стасюлевич и начало издания «Вестник Европы» (1866–1873): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1988.

[51] См., например: **Иванова Е.В.** «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. (1890–1904). С. 91–128; **Куприяновский П.В.** История журнала «Северный

В работах последних лет по истории общественного мнения и периодической печати, наряду с приоритетной ранее тенденцией детальной реконструкции отдельных фрагментов истории толстых журналов и выяснения их мировоззренческих доминант, усиливается интерес к персонифицированной истории журналистики, к изучению особенностей сотворчества редакторов, издателей, авторов в рамках конкретных журнальных коллективов[52]. Оспариваются ранее доминирующие историографические штампы о прямой зависимости содержания публикаций, посвященных реалиям социально-экономической, культурной и политической жизни пореформенной империи от идеологической ориентации журнала. Так, В.Я. Гросул ставит под сомнение либеральный характер «Русской мысли» и «Русского богатства», мотивируя это тем, что на страницах журналов публиковались радикальные произведения таких известных народников, как Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский, Н.К. Михайловский и др.[53]

В ряде монографических и диссертационных исследований акцентируется внимание на либеральных тенденциях «Русского вестника» и «Русского обозрения», традиционно номинировавшихся как реакционные, охранительные органы печати[54].

вестник» // Ученые записки Ивановского пед. ин-та. Иваново, 1970. Т. 59. С. 51–89; **Он же.** Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 234–244; **Крутикова Л.В.** «Северный вестник» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 394–412; **Летов Б.Д.** «Русское богатство» // Там же. С. 413–430; **Скворцова Л.А.** «Мир божий» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. (1890–1904): Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 136–197; **Хорос В.Г.** Из истории журнала «Новое слово» (1897 г.) // Русская журналистика и литература XIX в. М., 1979. С. 42–59 и др.

[52] См., например: **Динерштейн Е.А.** А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; **Кельнер В.Е.** Человек своего времени: М.М.Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993; **Кочергина И.В.** В.Г. Короленко, литературная критика и журналистика конца XIX в.: Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 1997 и др.

[53] **Гросул В.Я.** Русское общество XVIII–XIX вв.: Традиции и новации. М., 2003. С. 369.

[54] См., например: **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; **Перевалова Е.В.** Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (литературная позиция): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998 и др.

Популярная концепция «либерально-консервативного синтеза»[55] провоцирует на осмысление правомерности и корректности безусловного отождествления общей идеологической направленности издания с мировоззренческой приверженностью их авторов, аргументируя это тем, что на разных этапах политической истории второй половины XIX в. представители политической и интеллектуальной элиты по разным соображениям политической тактики сотрудничали с изданиями разной идеологической направленности. В данном случае важно*, как именно мировоззренческая ориентация издания влияла на освещение в нем реалий сибирской жизни*, детерминировала содержание образа региона, конструировавшегося изданием. Выводы, сделанные специалистами по истории журналистики и исследователями общественного мнения пореформенной эпохи, и накопленный ими фактический материал позволяют выяснить историю издания и содержание мировоззренческого компонента образа толстого журнала, уточнить идеологический контекст формирования образа региона, определить, в связи с какими ценностно значимыми для издания сюжетами актуализировались реалии сибирской жизни. При этом в равной степени ценными и продуктивными для определения собственной исследовательской позиции являются порой противоречивые выводы исследователей о направлении конкретных изданий, потому что «спорные» определения свидетельствуют о сложной идейной эволюции журнала, указывают на недопустимость упрощения и схематизации его мировоззренческой позиции, побуждают к «выходу» за пределы собственно журнального текста-источника и обращение к источникам личного происхождения, к делопроизводственной документации для уточнения «зазора» между «коллективной» и «индивидуальной» составляющими текстов «сибирского» журнального дискурса, для выяснения вопроса о том,

[55] Основные положения концепции см.: Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 1998.

насколько принципиальным для автора, писавшего о регионе, было направление журнала, в который он помещал свои тексты.

Для исследователя, избравшего в качестве основного источника материалы журнальной прессы, *важен вопрос о влиянии отраслевой специализации издания на конструируемый им образ региона*. Учитывая сложность вопроса о типологии и целевом назначении (функциях) журналов, на которую справедливо указывают специалисты по истории журналистики, в определении отраслевой принадлежности издания будем исходить из того, как определял тот или иной журнал свои типоформирующие черты, закрепляя их в содержании издания (названии, программе, структуре, языке общения с читателем), а также в тираже, периодичности выхода в свет, подписной цене, в деятельности по моделированию читательской аудитории). Как видно из предисловия, первоочередной интерес представляли исторические и педагогические частные ежемесячные издания. Замечу, что многие популярные общественно-политические журналы позиционировали себя как исторические. К примеру, «Вестник Европы» имел подзаголовок: «журнал историко-политических наук». Такая номинация объясняется не только тем, что подавляющее большинство учредителей издания относились к профессиональной корпорации историков, но и популярностью, авторитетом исторической науки в XIX в., пониманием ее как «учительницы жизни», помогающей своими уроками преобразовывать настоящее. Однако в данной работе к отраслевой исторической периодике, в соответствии с существующей историографической традицией[56], отнесены журналы, позиционировавшие себя как исторические, отражавшие свою специализацию в названии, программе, содержании издания, и именно как «исторические» воспринимавшиеся современниками. Необходимость выяснения истории журналов, уточнения содержания и эволюции их программ, биографий их редакторов, издателей, методологических пристрастий и специализации ведущих сотрудников, моделировавших образ

[56] См., например: **Дмитриев С.С.** Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории). 1975. М., 1976. С. 272–305.

изданий, предопределила обращение к работам Е.В. Бронниковой, Е.А. Динерштейна, С.С. Дмитриева, М.П. Мохначевой[57].

Частные педагогические издания начинают привлекать внимание историков-исследователей только в последние годы. Работы Г.В. Кондратьевой, Б.К. Тебиева содержат краткую информацию об истории педагогической периодики, об участии редакторов и авторов педагогических ежемесячников в общественно-педагогическом движении[58].

При выяснении факторов, детерминировавших образ региона в отраслевых журналах, наряду с вопросом о том, как именно корпоративная специализация издания влияла на содержание, структурные элементы и варианты презентации образа Сибири, в сфере внимания продолжал оставаться вопрос и о влиянии идеологической платформы отраслевого издания на освещение «сибирских» вопросов. Наблюдение С.С. Дмитриева о том, что подавляющее большинство русских исторических журналов не стояли вне политики, не были беспристрастными, узкоспециальными органами «чистой науки», имели достаточно определенную идейно-политическую направленность[59], послужило гипотезой в работе как с исторической, так и с педагогической периодикой.

Не менее актуальным является поиск ответа на вопрос о том, *в какой степени позиция редактора-издателя толстого журнала накладывала отпечаток на содержание публикаций на «сибирскую» тематику*. А.И. Рейтблат в историко-социологических очерках «Как Пушкин вышел в гении» так определял соавторские возможности редактора: собирая произведения различных авторов и компонуя их, редактор создавал новый текст, определяемый конструкцией журнала. Для достижения этой цели у него были две основные возможности – работа с людьми и работа с текстами: 1)

---

[57] См., например: **Бронникова Е.В.** Журнал «Русская старина» как историографический источник (1870–1918): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1998; **Динерштейн Е.А.** А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру…; **Дмитриев С.С.** Русские исторические журналы по истории СССР // Дмитриев С.С. и др. История СССР. Период капитализма. М., 1961. С. 167–170; **Он же.** Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика).

[58] См., например: **Кондратьева Г.В.** Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. // Педагогика. 2002. № 2. С. 64–69; **Тебиев Б.К.** На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в. М., 1996.

[59] См.: **Дмитриев С.С.** Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика). С. 298–302.

редактор мог подобрать близких по убеждениям авторов, наладить с ними постоянные отношения, предусматривающие их работу в духе данного издания, сделать заказ им необходимых произведений; 2) он мог проводить отбор среди поступающих (в том числе и в «самотеке») произведений, в случае необходимости перерабатывать их (сокращать, исправлять, переписывать фрагменты), сопровождать предисловиями и примечаниями, компоновать различные тексты в структуре номера, стремясь к его цельности и внутренней уравновешенности[60].

Мемуарное наследие сотрудников пореформенных изданий содержит характеристики различных редакторских стратегий в работе с авторскими текстами. Активно освещавший сюжеты «сибирской жизни» С.Я. Елпатьевский так писал о редакторах «Русского богатства» Н.К. Михайловском и В.Г. Короленко: «Это были противоположные типы редакторов. Михайловский или целиком отвергал рукопись, или принимал, не делая в ней значительных изменений. Раз он возвратил мне рукопись с коротким замечанием «не подходит», а остальные мои рассказы и статьи печатал без всяких изменений и раз только спросил меня, не помню по поводу какой статьи “Вы берете на себя ответственность?“, и этим разговор закончился. Короленко долго и пристально работал над получавшимися рукописями и, если находил признаки таланта у нового начинающего писателя, исправлял, направлял, иногда значительно переделывал рассказ. В этом смысле он близко подходил в редакторской манере к Салтыкову-Щедрину, который, по рассказам, случалось, радикально переделывал чужие рассказы, иногда вставляя чуть не целые главы»[61]. Редакционные книги «Русского богатства», сохранившиеся в отделах рукописей РГБ и РНБ, наряду с опубликованной перепиской Короленко с начинающими авторами[62], подтверждают наблюдение Елпатьевского.

Судя по воспоминаниям сотрудницы «Мира божьего» Э.К. Пименовой, схожий с Короленко тип поведения редактора демонстрировала издательница

---

[60] См.: **Рейтблат А.И.** Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 122.

[61] **Елпатьевский С.Я.** Воспоминания за пятьдесят лет. С. 267–268.

[62] См., например: **Короленко В.Г.** Избранные письма. Т. 3: Литературная и редакторская работа (1886–1920). М., 1936.

журнала А.А. Давыдова. «Никогда ни одна строчка в журнале не была напечатана без ее ведома и одобрения. Она даже сама читала корректуры и входила во все мелочи журнальной работы», – замечала мемуаристка[63]. Отзывы сотрудников «Вестника Европы» о М.М. Стасюлевиче рисуют несколько иной тип редактора. Сошлюсь на достаточно распространенную характеристику, наиболее удачно сформулированную Л. Слонимским, согласно которой Стасюлевич весьма широко смотрел на редакторские обязанности, никому из сотрудников не навязывал своих взглядов, не считал себя вправе стеснять свободу суждений компетентных авторов по вопросам, не затрагивающим политической программы журнала[64].

Очевидно, что каждому редактору были присущи своя манера общения с авторами, мотивы и методы отбора текстов для публикации и способы их редактирования. Результаты сотворчества автора и редактора зависели и от личности авторов, степени их авторитета, истории и характера их взаимоотношений с редактором и редакцией. Нельзя игнорировать выявление причин, обусловивших сотрудничество того или иного автора именно в этом журнале, уточнения того, чем оно отличалось от участия в других изданиях, выяснение биографических обстоятельств, предопределивших обращение в ту или иную редакцию с тем или иным текстом о регионе. Изучение названных аспектов поведенческой психологии творческой личности позволяет выяснить степень свободы/зависимости автора от направления издания, от его редакционной и цензурной политики, выяснить роль конкретных журналов в формировании сибирского дискурса.

Существенное значение имеет и то, каким путем, при каких обстоятельствах рукопись попадала в редакцию. Чаще всего «сибирские материалы» передавались «на суд» редактора через посредничество сотрудников издания, биографически связанных с регионом или хорошо знакомых с авторами, писавшими о Сибири. Авторы, адресовавшие свои

---

[63] **Пименова Э.К.** Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 146.

[64] См.: **Слонимский Л.М.** М. Стасюлевич как редактор // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. СПб, 1911.Т. 1. С. 26.

тексты в либеральные и народнические издания, как правило, обращались за содействием к идейным лидерам сибирского областничества или бывшим сибирским ссыльным, сотрудничавшим в редакциях толстых журналов.

Изучение разножанрового эпистолярного наследия авторов сибирского журнального дискурса свидетельствует о том, что в «Русском богатстве» функции «литературных сватов» чаще всего выполняли сибиряк Н.Ф. Анненский, а также В.Г. Короленко, А.И. Иванчин-Писарев, С.Н. Кривенко, Д.А. Клеменц, познакомившиеся с сибирскими реалиями во время пребывания в ссылке[65].

В «Вестник Европы» обращались с рекомендациями о публикации произведений о регионе Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев[66]. Посредниками для «определения» рукописей о Сибири в «Русскую мысль» выступали Г.А. Мачтет, Г.И. Успенский, К.М. Станюкович[67].

Порой авторы напрямую обращались к редакторам и ведущим сотрудникам изданий с просьбой о публикации своих текстов. В этом смысле показательна история со статьей А.А. Кауфмана о сибирской общине, которую он хотел поместить в «Русской мысли». Обратившись с просьбой о содействии к Н.М. Астыреву, он получил ответ следующего содержания: «С “Русской мыслью“ … в напряженных отношениях. Дважды в год даю по очерку, потому что надо же где-нибудь печататься, а она берет, потому что изредка упоминать мою фамилию не вредно. Вот и все. Но ни с какими просьбами ни о себе, ни о других я решил туда не обращаться, справки еще наведу, но не более того. А посему простите великодушно, если по отношению к “Русской мысли“ Вашей просьбы не исполню, а укажу Вам кратчайший путь: обратитесь лично, то есть письмом к В.А. Гольцеву, изложите содержание статьи и запросите, может ли она быть помещена?»[68]. Судя по письмам А.А.

---

[65] См., например: ОР РГБ. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Раздел II. Карт. 36. Д. 20. Л. 1; ИРЛИ. Ф. 114 (А.И. Иванчин-Писарев). Оп. 2. Д. 204. Л. 1 об. и др.

[66] См., например: ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А.Н.). Д. 687. Л. 7–8; ОР РНБ. Ф. 621 (А.Н. Пыпин). Д. 1027 (Письма Н.М. Ядринцева А.Н. Пыпину); ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич М.М.). Оп. 1. Д. 1631.(Письмо Н.М. Ядринцева М.М. Стасюлевичу); ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич М. М.). Оп. 1. Д. 1632. .(Письмо А.Ф. Ядринцевой М. М. Стасюлевичу).

[67] См., например: ОР РГБ. Ф. 77 (Гольцев В.А.). К. 7. Д. 55. Л.1; Архив В.А. Гольцева. М., 1914. 155–156 и др.

[68] ГАРФ. Ф. 5101. Оп. 1. Д. 213. Л. 7 об.–8.

Кауфмана редактору «Русской мысли», известный статистик воспользовался советом коллеги[69]. С письма к редактору «Русского богатства» началась литературная карьера сибирского ссыльного В.Г. Богораза-Тана[70].

Архивные фонды редакторов ведущих журналов содержат немало обращений сибиряков с просьбой «решить судьбу» их произведений. Достаточно часто мотивом для письма редактору служило не столько выяснение мнения по поводу конкретного литературного произведения, сколько просьба о помощи «разобраться» в злоупотреблениях местной администрации, оправдать невинно пострадавших и т.п. Типичным в этом ряду можно назвать обращение ссыльного П.М. Шевелева к В.А. Гольцеву о злоупотреблении властей в Нижней Тунгуске: «Милостивый государь, редактор журнала “Русская мысль“! Прошу Вас дать место моему письму в Вашем журнале… На Нижней Тунгуске и так самим богом забытом краю творятся сверхъестественные в полном смысле беззакония, выходящие из ряда обыкновенных беззаконий…»[71] Подобные письма свидетельствуют о том, что читатели толстых журналов признавали за ними еще одну функцию, характеризовавшую их как институт общественного мнения – контролирующую.

Посредническую функцию в общении между сибирскими корреспондентами толстых журналов и их редакторами выполняли журфиксы, роль которых в «журнальном» быту достаточно подробно охарактеризована М.П. Мохначевой[72]. Ранее упомянутая мною Э.К. Пименова писала, например, о журфиксах «Русского богатства»: «Если кто-нибудь из провинциальных писателей приезжал в Петербург, то непременно появлялся в который-нибудь из четвергов в “Русское богатство“. Это был своего рода «литературный клуб», но, разумеется, не все были вхожи туда, и для этого надо было обладать определенной репутацией передового общественного или литературного деятеля и быть знакомым кому-нибудь из членов этого круга»[73].

---

[69] ОР РГБ. Ф. 77 (Гольцев В.А.). К. 3. Д. 52. Л. 1.
[70] ОР РГБ. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Раздел II. Карт. 19. Д. 46. Л. 2.
[71] ОР РГБ. Ф. 77 (Гольцев В.А.). К. 22. Д. 43. Л. 1–2 об.
[72] См.: **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука. С. 365–367.
[73] **Пименова Э.К.** Дни минувшие. С. 155.

Воспоминания литераторов, писавших о Сибири, свидетельствуют о посещении ими «редакционных» вечеров для поддержания отношений со столичными коллегами, обсуждения совместных творческих проектов. В отдельных случаях «сибирские» тексты сотрудники толстых журналов привозили из поездок по России. Так, Н.А. Любимов, принимавший участие в редактировании «Русского вестника», сообщал М.Н. Каткову из Казани 27 ноября 1882 г. о повести В.В. Романова «За Уралом»[74].

Иногда основанием для публикации материалов, связанных с Сибирью, служили просьбы высокопоставленных сановников, заинтересованных в их появлении. Так, С.В. Волконский обращался с просьбой в редакцию «Русского вестника» о публикации статьи Б.П. Струве, бывшего пермского и астраханского губернатора, ранее служившего в Восточной Сибири и знавшего Н.Н. Муравьева-Амурского и декабристов[75]. Целью статьи было отражение нападок Д.И. Завалишина на Муравьева-Амурского, допущенных в целой серии «разоблачительных» публикаций бывшего декабриста.

В последней четверти XIX в., когда «сибирские» сюжеты попали в число «модных», востребованных читающей публикой, редакторы популярных ежемесячников выступали в качестве инициаторов исследовательских и литературных экспедиций в регион, оказывали финансовое содействие их участникам. Известно, что В.А. Гольцев одновременно с редактором «Русских ведомостей» В.М. Соболевским оказывал денежную помощь Г.И.Успенскому в организации его поездки в Сибирь в виде предоплаты за статьи по переселенческому вопросу[76]. Наглядно иллюстрирует роль редакций толстых журналов в стимулировании изучения края переписка С.М. Пономарева и вышеупомянутого редактора «Русской мысли». Позволю себе объемную цитату в связи с тем, что она проливает свет на особенности образа жизни людей, писавших о Сибири: «Я постоянно работаю в “Северном вестнике“ и в других журналах. Но это мало помогает мне в осуществлении плана совершать более или менее значительные разъезды для собирания сведений по обычному и

[74] ГАРФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
[75] Там же. Л. 51.
[76] См.: Архив В.А. Гольцева. М.,1914. С. 52–88.

экономическому быту окраин. Главным препятствием служат материальные средства. Единственный мой источник – журнальный гонорар. Но статьи ждут своей очереди; неравномерность его получения еще более и еще серьезнее тормозят мои предприятия; неуверенность в днях редакционных выдач создают крайнее неудобство в пути, а замедление неожиданно пресекают работу. Для устранения этих тормозов я обращаюсь к Вашему посредничеству, для меня необходимому… Не может ли мне “Русская мысль“ назначить ежемесячный гонорар, в размере до 50 р., который я мог бы получать каждое первое число… Со своей стороны я обещаю ряд небольших очерков по переселению: об обратных переселениях, переселенческую хронику… Вообще, я предлагаю себя в областные корреспонденты “Русской мысли“, я буду писать Вам с пути, из деревень о деревенской злобе дня и из Сибири, одним словом, буду находиться на пушечный выстрел от городов. Я счел бы себя глубоко счастливым, если бы Вы, Виктор Алексеевич, уважили мою слезную просьбу. В литературной среде у меня нет знакомых, обращаться не к кому, и потому извините меня, что, не будучи знаком, утруждаю Ваше внимание и развиваю перед Вами планы скромного деревенского исследования»[77]. Судя по содержанию последующих писем Пономарева, сохранившихся в архиве В.А. Гольцева в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, и публикаций «Русской мысли», помещавшей статьи Пономарева, просьба оренбургского «исследователя Сибири» была удовлетворена.

Приведенный фрагмент письма С.М. Пономарева указывает еще на один аспект, влиявший на выбор автором издания, которому он предназначал для публикации свои тексты – *материальный*. Значительная часть авторов, писавших о Сибири, жили литературным трудом, поэтому вопрос о гонораре имел существенное значение. Основываясь на материалах, имеющихся в нашем распоряжении, можно утверждать, что размер оплаты за публикации напрямую не зависел от их «региональной привязки» и тематики. Размер гонорара определялся финансовыми возможностями редакции, степенью известности автора, «качеством» литературного произведения, а также

[77] ОР РГБ. Ф. 77 (Гольцев В.А.). К. 6. Д. 37. Л. 1–2.

многими другими, иногда случайными обстоятельствами. Чаще всего в переговорах между автором и редактором обсуждались суммы, в которые автор, как правило, оценивал свой «печатный лист», и те, которые практиковались конкретной редакцией. Сошлемся как на типичное, в этом смысле, письмо известного ориенталиста М.И. Венюкова к М.Н. Каткову (декабрь 1876 г.). Договариваясь о публикации своей статьи «Поступательное движение России в северной и восточной Азии», Венюков так отвечал на вопрос о возможном гонораре: «Для решения этого вопроса я могу сказать, что доселе от редакций петербургских журналов я получал от 75 до 90 р. за лист»[78].

«Книги гонораров» «Русского богатства» свидетельствуют о гибкой гонорарной политике издания и подтверждают предположение о том, что при оплате текстов «сибирских» корреспондентов приоритетное значение имели степень популярности и авторитет авторов, жанр публикуемого текста (беллетристические произведения оценивались выше, чем публицистические). Например, гонорар В.Г. Короленко за «Ат-Даван» (2 авторских листа) составил в 1892 г. 150 р.[79] В 1894 г. С.Л. Чудновский за «Очерки народного юридического быта» получал по 60 р. за каждый фрагмент текста, публиковавшийся в отдельных номерах журнала, но при этом объем его публикаций колебался от 1 до 2 печатных листов; Н. М. Ядринцев такую же сумму получил за статью «Экономический кризис в Сибири» (1,5 печатных листа), эта же сумма была выплачена В. Серошевскому за «Якутский хлеб» (1 печатный лист)[80]. Многочисленные свидетельства современников обращают внимание на то, что редакция «Русского богатства», во всяком случае в начале 1890-х гг., имея достаточно большой авторитет, не относилась к числу коммерчески успешных. «Литературный труд и редакции, и сотрудников оплачивался скудно. И даже потом, когда журнал сравнительно окреп, когда вместо Иванчина-Писарева хозяйственную часть журнала взял в свои крепкие умелые руки М.П. Сажин, в то время как в альманахах беллетристика оплачивалась 300–500 р. за лист,

[78] ОР РГБ. Ф. 363 (Венюков М.И.). К. 4. Д. 16. Л. 60 об.
[79] ОР РНБ. Ф. 211 (Горнфельд А.Г.). Д. 1252. Л. 12.
[80] ОР РНБ. Ф. 211 (Горнфельд А.Г.). Д. 1254. Л. 9 – 10, 13.

беллетристы “Русского богатства“ получали 100–200 р. В “Русское богатство“ шли люди, для которых журнал был дорогим идейным делом, которым казалась непристойной, недопустимой начавшаяся тогда торговля писателей своими произведениями», – читаем у С.Я. Елпатьевского[81].

Однако в условиях коммерциализации литературной деятельности, усиления конкуренции между толстыми журналами «гонорарная» политика приобретала все большее значение. Примечателен в этой связи приведенный в воспоминаниях сотрудника марксистских журналов «Новое слово» и «Жизнь» В.А. Поссе рассказ о беллетристе Потапенко, получавшем гонорар, намного превышавший гонорар А.М. Горького, и поместившем в «Новом слове» роман, объем которого был больше того, о котором существовала первоначальная договоренность с редакцией. В ответ на упрек сотрудницы редакции М.А. Калмыковой литератор отвечал: «Вы желаете, чтобы роман кончился?.. Будь по-вашему. В следующей же книжке герой будет убит копытом своей любимой лошади. Но он воскреснет в “Вестнике Европы“, и жизнь его станет там особенно интересной»[82].

Значимым компонентом в формировании образа издания в глазах читателя и презентуемого журналом образа региона был *институт цензуры*, представитель которого – цензор – как было замечено М.П. Мохначевой, был соавтором помещаемых в журналах публикаций, в том числе и на «сибирские вопросы». Представительная литература о законодательных основах деятельности цензурных органов, об особенностях их взаимоотношений с редакциями конкретных журналов, о людях, в руках которых была судьба литературных произведений[83], позволила найти информацию о цензорах, принимавших решение о конкретных публикациях о регионе, расширила представления о том, насколько могли влиять «цензурные опасения» на

---

[81] **Елпатьевский С.Я.** Воспоминания за пятьдесят лет. С. 266–267.
[82] **Поссе В.А.** Мой жизненный путь. М.–Л., 1929. С. 133.
[83] См., например: **Жирков Г.В.** История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; **Иванов Д.В.** Русская цензура в эпоху реформ Александра II // Проблемы отечественной истории. М., 2000. Вып. 6. С. 62–81; **Лемке М.** Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия: «Эпоха цензурного террора». СПб., 1904; **Розенберг В., Якушкин В.** Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905; **Чернуха В.Г.** Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е гг. XIX в. Л., 1989 и др.

решение автора/редактора о публикации того или иного текста на региональную тему.

Материалы цензурного ведомства свидетельствуют о том, что в отдельных случаях публикации на «сибирские» темы вызывали нападки цензуры. В 1898 г. исполняющий должность цензора Энгельгард информировал столичный цензурный комитет о журнале «Северный вестник»: «Верный самому себе журнал в “Областном отделе“ до невозможности сгущает краски, предоставляет в ужасном виде голод и бедность рабочего класса, эксплуатацию его помещиками-барами, позволяет себе мимоходные нападки на церковь и вносит обычную тенденцию в самые, по-видимому, невинные статьи»[84]. Далее цензор характеризует статью «Переселенческая эпопея», посвященную причинам и условиям крестьянских миграций в Сибирь, находя, что она «представляет намеренную группировку фактов о преувеличенно безысходном положении крестьян»[85].

Цензурные опасения влияли не только на итоговый вариант статей, в том числе и о Сибири, но и на их замысел, заставляя авторов ограничивать освещение тех сюжетов, которые, по их представлениям, могли вызвать нарекания цензуры. Г.И. Успенский сетовал в письме из Сибири В.А. Гольцеву: «В “Сев[ерном] Вестн[ике]“ цензура драла в пяти – шести местах в одном печ[атном] листе»[86]. Аналогичные жалобы, но уже на «Русскую мысль», которая «вырезала очерки “переселенческих бедствий“, встречаем в письме Успенского из Перми С.Н. Кривенко[87]. Естественно, что страх за судьбу издания, связанный с функционированием института цензуры, существенно влиял и на позицию редакторов журналов, о чем свидетельствуют, например, записки редактора «Русской старины» М.И. Семевского: «Начинается посылка каждой статьи к цензору, каждого исторического материала, вполне сырого, к нему же; чуть не каждое сообщение он вносит на доклад в Цензурный комитет, а комитет …

[84] РГИА. Ф. 777. Оп. 3 (1885). Д. 43. Л. 346.
[85] Там же. Л. 348.
[86] Архив В.А. Гольцева. М., 1914. С. 53.
[87] См.: ОР РНБ. Ф. 1029 (Максимов Е.Д.). Д. 97. Л. 3.

собирается один лишь раз в неделю. Вы должны ждать этого злополучного дня; комитет нередко постановляет препроводить этот материал или эту статью к министру Двора… Вы начинаете наведываться к директору канцелярии министра Двора, получена ли такая-то статья или такой-то материал; оказывается, что корректура лежит у господина министра...»[88] Результатом создаваемого органами цензуры напряжения было формирование такой редакторской позиции, согласно которой М.И. Семевский «принял за правило защищать (перед цензором. – *Н.Р.*) только неоспоримой важности документы»[89]. Применительно к публикации «сибирских» материалов данная позиция реализовалась на практике в отношении записок Д.И. Завалишина, которые «распотрошили ножницы цензуры». М.И. Семевский, в начале 1880-х гг. воспринимавший Завалишина как человека с крайне вздорным характером и болезненным самолюбием, называя его «отщепенцем от артели декабристов», не стал сопротивляться цензурным сокращениям и ремаркам и «отстаивать эти страницы болтовни»[90], включавшие в себя сюжеты, посвященные пребыванию автора в Сибири.

Решая противоречие между опасением за участь «Русской мысли» и пониманием гражданского долга, редакторы отдельных изданий (например, В.А. Гольцев) иногда способствовали нелегальному тиражированию статей, адресованных в журналы, но не имевших шансов «дойти» до читателя из-за цензурных препон. Агент III отделения общественной безопасности г. Москвы сообщал: «… для октябрьской книжки “Русской мысли“ была доставлена писателем В.Г. Короленко статья о холере, озаглавленная “По России“, которая, по цензурным условиям, не могла быть помещена в журнал. Писатель В.А. Гольцев передал в гранках эту статью в кружки, выразив желание видеть ее изданной нелегально, и при этом советовал предварительно переписать статью на отдельные листки, а затем возвратить

[88] Цит. по: **Тимощук В.В.** М.И. Семевский. Основатель исторического журнала «Русская старина» / Под ред. и предисловием Н. К. Шильдера. СПб., 1895. С. 117.
[89] Там же. С. 124.
[90] Там же. С. 121–124.

ему гранки и, сдав переписанное наемному переписчику, приступить уже к самому изданию»[91]. Имея в виду подобные примеры, можно предположить, что функции толстых журналов как института общественного мнения были достаточно широки, включая в себя информационное воздействие на читателей не только при помощи «легальной» деятельности, но в отдельных случаях и в привлечении арсенала «подпольных», «нелегальных» способов распространения публицистики, развивающей идеи декларируемого изданием направления.

Попутно замечу, что и общественно-политические и отраслевые ежемесячники реализовывали свои информационные, контролирующие и социально-мобилизующие функции не только «напрямую», помещая на своих страницах публикации, посвященные злободневным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и мира, но при помощи издательской деятельности помогая авторам журнальных текстов издавать, распространять (через собственные книжные склады) книги, «выросшие» из журнальных статей. Журналы рекламировали произведения о Сибири, помещая рецензии на них в критических и библиографических разделах. Толстые журналы, таким образом, способствовали росту научной, публицистической, художественной литературы о Сибири, стимулируя перенос журнальных статей в книжную форму[92].

Возвращаясь к перечню факторов, детерминировавших образ ежемесячников пореформенной эпохи, кратко остановлюсь на аудитории толстых журналов для уточнения адресата образа региона, конструировавшегося пореформенными ежемесячниками. Как отмечалось многочисленными специалистами по истории чтения, аудитория толстых журналов не была обширной. По подсчетам А.И. Рейблата, для того, чтобы

---

[91] ГАРФ. Ф. 102. 3 д.п. (1892). Оп. 90. Д. 938. Л. 1.

[92] Среди книг «сибиреведческого» характера, написанных на основе журнальных статей, можно назвать: **Астырев Н.М.** На таёжных прогалинах: Очерки быта населения Восточной Сибири. М., 1892; **Птицын В.** Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края: В 2 ч. СПб., 1896; **Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892 и др.

журнал «не прогорел», нужно было хотя бы 2–3 тыс. подписчиков[93]. Выбранные нами с учетом степени популярности общественно-политические и отраслевые журналы в разные годы имели от 4 до 16 тыс. подписчиков. Суммарный одноразовый тираж их, по данным того же Рейблата, в 1860 г. составлял – 30 тыс., 1880 г. – 40 тыс., в 1890 г. – 90 тыс. экз.[94] Если учесть, что численность населения Российской империи по переписи населения 1897 г. составляла 128 200 тыс. человек, то окажется, что в 1890-х гг. один номер толстого журнала приходился на 1422 человека. Однако по свидетельствам информированных современников, в среднем на один экземпляр приходилось реально 13-14 читателей. Таким образом, приходится констатировать, что толстый журнал «обслуживал» интеллектуальные запросы «мыслящего меньшинства».

К сожалению, состояние исследований по социологии чтения в России во второй половине XIX – начале XX в. не позволяет привести сводные данные о том, сколько человек приходилось на один журнальный экземпляр как в Российской империи в целом, так и в отдельных ее губерниях в разные годы изучаемого периода. Между тем, работы по истории книжного и библиотечного дела неоспоримо свидетельствуют о постепенном расширении и демократизации читательской аудитории периодических изданий под влиянием урбанизации, роста социальной мобильности, усиливающейся стратификации культуры, развития образования, коммерциализации литературы[95]. Например, в 1868 г. один экземпляр периодических изданий в Уфимской губ. приходился на 936 человек, в Оренбургской – на 714, в Самарской – на 1200, в Пермской – на 861 человек. Через год, в 1869 г., статистика меняется: в Уфимской губ. 1 экз. приходился

---

[93] См.: **Рейтблат А.И.** От Бовы к Бальмонту. С. 40.
[94] Там же.
[95] См., например: **Рейтблат А.И.** Как Пушкин вышел в гении. С. 207; **Трофимова Р.А.** Протосоциологический анализ дореволюционной читательской публики в России // Место и роль библиотеки в инфраструктуре образовательного пространства: Сибирь и Дальний Восток. Новосибирск, 2003. С. 165–172 и др.

на 1166 человек, в Казанской – на 664, в Оренбургской – на 545, в Самарской – на 932, в Пермской на 589 жителей[96].

Сопоставление сведений о тиражах и подписчиках периодических изданий пореформенной эпохи неопровержимо свидетельствуют о том, что толстые журналы не занимали в их числе лидирующего положения, уступая первенство газетам и так называемым «тонким» журналам, выходившим 2–4 раза в неделю. Например, в 1870 г. число подписчиков журнала «Нива» «для семейного чтения», носившего познавательно-развлекательный характер и рассчитанного на массовую аудиторию, составляло около 9 000, а к 1880 г. – 55 000, в 1891 г. – 115 000, в начале XX в. – 235 000[97]. По подсчетам Ким Ен Хван, суммарная аудитория еженедельных иллюстрированных журналов составляла 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в конце XIX в. – порядка полумиллиона, то есть выросла в 5 раз. По мнению исследовательницы, именно иллюстрированные журналы способствовали расширению читательской аудитории за счет так называемых «средних» слоев, к которым она относит среднее чиновничество, купечество, мелкую буржуазию, провинциальную интеллигенцию[98]. Таких тиражей никогда не достигали толстые журналы, предназначенные для интеллектуального, хорошо подготовленного и идейно ориентированного читателя. Об этом наглядно свидетельствуют и данные о подписке на различные периодические издания по разным губерниям империи. По сведениям Иркутской почтовой конторы в 1889 г. жителями губернии получено 157 периодических изданий, среди них – наиболее популярные журналы: «Нива» – 289, «Русская мысль» – 56, «Вестник Европы» – 48, «Северный вестник» – 14, «Русская старина» – 36, «Наблюдатель» – 12, «Русский вестник» – 24 экземпляра[99].

---

[96] **Пугачев В.В.** Читатели российской провинции: Уфимская губ. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 119.

[97] **Эйзен И.** Вступительный очерк // Топоров А.Д. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет (1870–1899 гг.), основанного и издаваемого А.Ф. Марксом. СПб., 1902. С. 1.

[98] **Ким Ен Хван.** Роль и значение журнала «Нива» в развитии русского общества на рубеже 1870-х гг. – начала XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. С. 16.

[99] **Кунгуров Г.Ф.** Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С. 168.

Сопоставимую картину рисуют статистические данные по Уфимской губ., где самыми востребованными изданиями были журналы «Нива» (1887 г. – 485 экз., 1888 г. – 545, 1889 г. – 406 экз.), «Живописное обозрение» (соответственно, 182, 124, 158 экз.), «Сельский вестник» (1889 г. –355 экз.), «Родина» (1889 г. – 285 экз.); газеты «Сын отечества» (1887 г. – 118, 1888 г. – 256, 1889 г. – 127 экз.), «Новое время» (соответственно, 93, 197, 108 экз.), «Свет» (соответственно, 406, 846, 499 экз.), «Церковные ведомости» (1889 г. – 250 экз.)[100]. При этом число подписчиков толстых журналов в губернии не превышало в рассматриваемые годы 100 человек. Попутно замечу, что большую часть читателей общественно-политических и отраслевых ежемесячников составляли именно провинциалы.

В работах сибирских историков Г.Ф. Кунгурова, Л.П. Бердникова на основе отчетов сибирских библиотек приведены отдельные сведения о количестве и сословном составе читателей ежемесячных периодических изданий[101]. В.Н. Волковой отмечена большая популярность народнических изданий в Сибири, чем в европейской части страны, сделан вывод о приоритетном влиянии образовательного уровня, а не сословной принадлежности на формирование читательских предпочтений сибиряков[102]. Н.П. Матхановой на основе изучения круга чтения сибирских разночинцев 1850-1860-х гг. отмечена, с одной стороны, нараставшая политизация читательских пристрастий, проявлявшаяся в приверженности к определенным журналам, с другой же, нетождественность числа сторонников того или иного периодического издания числу их читателей. Часто одни и те же люди читали «Русский вестник» и «Отечественные записки», «Сын отечества» и «Современник», так как, несмотря на политическую роль

---

[100] **Пугачев В.В.** Читатели российской провинции. Уфимская губерния. С. 120.

[101] См., например: **Бердников Л.П.** Из истории городских библиотек Енисейской губ. Режим доступа: http: // www.krasu.ru/exlibris; **Кунгуров Г.Ф.** Сибирь и литература. Иркутск, 1965.

[102] См.: **Волкова В.Н.** Сибирский читатель XIX в. как предмет книговедческого исследования // Четвертые Макушинские чтения (6–7 мая 1997 г., г. Омск). Новосибирск, 1997. С. 119–123.

литературы и направленность журналов, очень многих читателей привлекали печатавшиеся там художественные произведения[103].

Судя по приведенным Г.Ф. Кунгуровым сведениям, достаточно большой популярностью среди сибиряков пользовались либеральные и народнические журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Северный вестник». Например, в Троицкосавской общественной библиотеке (Иркутской губ.) в 1895 г. журнал «Русская мысль» был выдан 568 читателям, «Вестник Европы» – 474, «Русское богатство» – 568, «Северный вестник» – 411, «Исторический вестник» – 411[104]. В Томской городской публичной библиотеке в 1899–1900 гг. наибольшим спросом пользовались журналы «Мир божий», он был выдан 645 раз, «Русское богатство» – 601, «Вестник Европы» – 542, «Исторический вестник» – 508[105].

Приведенные разрозненные сведения не позволяют составить полное представление о степени популярности отдельных «толстых» журналов. Тем не менее, они позволяют утверждать о большей востребованности либеральных, народнических, марксистских изданий, по сравнению с журналами консервативной ориентации, что соотносится с выводами авторов коллективной монографии по истории книжной культуры в Сибири изучаемой эпохи[106].

Усилиями специалистов по истории чтения выявлены основные группы читателей толстых журналов: городское население, представленное главным образом дворянством, чиновничеством, реже – купечеством, разночинной интеллигенцией, учащейся молодежью, среди сельского населения можно выделить обитателей «дворянских гнезд» – образованное поместное дворянство, представителей сельской интеллигенции, крайне редко – образованных крестьян.

---

[103] См.: **Матханова Н.П.** Сибирский читатель-разночинец (50–60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 29–30.
[104] **Кунгуров Г.Ф.** Сибирь и литература. С. 179.
[105] Там же. С. 180.
[106] Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2001. Т. 2. С. 109.

В конце XIX – начале XX в. происходит демократизация читательской аудитории за счет расширения числа читателей из передовых крестьян и рабочих. Основной аудиторией толстых журналов была образованная, социально активная, идейно-ориентированная публика, представлявшая собой социальную среду, «творившую» общественное мнение модернизировавшейся империи. Именно эта аудитория была адресатом и соавтором образа Сибири в пореформенном журнальном дискурсе.

Дискурсивный анализ подразумевает характеристику адресантов, адресатов журнальных текстов и содержание процесса коммуникации. Изучение образа региона в русской журнальной прессе подразумевает приоритетное внимание к реконструкции образа адресанта сибирского журнального дискурса. Замысел работы не предполагает пристального интереса к характеристике адресата – это тема отдельного исследования, требующая иных источников и иного теоретического и методического инструментария. В данном случае вопрос о читательской аудитории важен лишь в той степени, в которой он учитывался адресантами – авторами сибирского журнального дискурса. Перейдем к характеристике содержания коммуникации – образа региона как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения.

1.2. «Образ региона» как феномен общественного мнения и интеллектуальный конструкт

В последние десятилетия категория «образ» из исследовательского лексикона филологов и психологов начала победное шествие по освоению новых предметных полей гуманитаристики. На рубеже XX–XXI вв. появились работы историков, культурологов, историографов, авторы которых реконструируют образы различных социокультурных феноменов в

индивидуальном и групповом сознании россиян[107]. Социологи и специалисты в области гуманитарной географии все чаще обращаются к изучению географических образов (регионов, страны, мира) в сознании представителей этнических, социальных, конфессиональных сообществ[108]. На наш взгляд, продуктивно адаптировать используемые в гуманитарных науках подходы для моделирования образа региона как интеллектуального конструкта и изучения его как феномена общественного мнения.

Одной из основополагающих для нас является идея А.И. Миллера[109] о том, что регионы – такие же воображаемые сообщества, как и нации, механизм конструирования которых детально описан в хорошо известной работе Б. Андерсона. Как утверждает классик современного конструктивизма, порожденная сознанием интеллектуальной элиты идея (проект) нации базировалась на признании общности происхождения и истории, на разделяемых представителями воображаемого сообщества символах и была генетически связана с такими культурными системами, как религиозное сообщество и династическое государство. Названная идея формировалась и функционировала благодаря таким институтам общественного мнения, как: пресса, поддерживающая представления об общности истории и социальных интересов; распространение специфических родных языков как инструментов административной централизации;

---

[107] См., например: **Агаркова А.А.** Мифопоэтика как способ создания образа региона (на примере Донбасса): Автореф. дис. … канд. культурол. наук. М., 2002; **Баранов А.С.** Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 181–191; **Борисенок Т.В.** Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. культурол. наук. М., 2001; **Заиченко О.В.** Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист.наук. М., 2004; **Корзун В.П.** Образы исторической науки на рубеже XIX – начала XX в.: Анализ отечественных историографических концепций. Омск; Екатеринбург, 2000 и др.

[108] См., например: **Замятин Д.Н.** Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004; **Он же.** Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003; **Он же.** Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999; **Замятина Н.Ю.** Взаимосвязи географических образов в страноведении: Автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2001; Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003 и др.

[109] См.: **Миллер А.И.** Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы. М., 2001. С. 33–65.

унифицированная система образования; перепись, конструирующая критерии этнической, социальной, региональной стратификации; карта, визуализирующая представления о «своей» и «чужой» территории; музей, демонстрирующий идею исторической преемственности[110].

Формирование национальной идентичности самым непосредственным образом связано с националистическим присвоением пространства в воображаемой (символической) географии, под которым, вслед за А.И. Миллером, понимается сложный комплекс дискурсивных практик, включавших в себя идеологическое обоснование, символическое, топонимическое, художественное освоение определенного пространства таким образом, чтобы общественое сознание осмысливало это пространство как часть именно «своей», национальной территории[111].

Мы разделяем предположение приверженцев конструктивизма о том, что обращение к категории идентичности приводит к восприятию регионов не только как территорий или административно-управленческих единиц, сколько как «живых», социально и интеллектуально конструируемых пространств. Их границы определяются не географическими категориями, а общей идентичностью («чувством принадлежности», набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам)[112].

XIX – начало XX в. – время активного «включения», «встраивания» Сибири в ментально освоенное, «свое» пространство империи как в массовом, так и элитарном сознании. Как уже очевидно из введения, данная работа посвящена деконструкции образа Сибири в журнальной прессе (первого в перечне Б. Андерсона инструмента конструирования воображаемых сообществ), являвшейся одним из основных институтов

---

[110] См.: **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

[111] См.: **Миллер А.И.** Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 270.

[112] См.: **Макарычев А.С.** Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. № 3. С. 14.

формирования, структурирования и трансляции общественного мнения в пореформенной империи.

В работе М. Бассина, оказавшей большое влияние на современную отечественную империологию, показана история конструирования русскими географических и геополитических образов самих себя – восприятия России как особого рода географической целостности[113]. На основе анализа работ русских интеллектуалов, занимавшихся географией, – В.Н. Татищева, Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского, П.Н. Савицкого – американский географ доказал символичность географических представлений о территории и «естественных» границах Российской империи, их идеологическую и историческую обусловленность. Наибольший интерес в контексте данной работы представляют выводы об изменчивости представлений о границе между «внутренней» Россией и Сибирью, их взаимосвязи с поисками национальной и имперской идентичности.

Одним из базовых подходов для сравнительного анализа собирательного образа Сибири в сознании россиян, его эволюции, условий и механизмов его формирования и трансформации является концепция географических образов, сформулированная в работах Д.Н. Замятина и его последователей. В самом общем виде географический образ страны или региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко-, или культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)[114]. В соответствии со спецификой отражаемых в географических образах объектов они могут быть разделены на следующие типы: политико-географические, культурно-географические, историко-географические, социально-географические[115].

---

[113] См.: **Бассин М.** Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства.
[114] **Замятин Д.Н.** Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. С. 183.
[115] Там же. С. 59.

Собранные эмпирические данные позволяют утверждать, что собирательный образ Сибири (а точнее – многослойные, порой амбивалентные и взаимопротиворечивые представления о регионе), существовавший в общественном мнении и массовом сознании россиян второй половины XIX в., включал в себя все вышеперечисленные типы географических образов.

Для выявления образа (образов) региона в общественном мнении значимым является замечание Д.Н. Замятина относительно того, что географические образы могут формироваться в коллективном сознании стихийно, могут быть выявлены, реконструированы, подчеркнуты заинтересованными силами, но могут культивироваться вполне целенаправленно. В процессе их формирования представления, знаки и символы формализуются, меняют свою форму в зависимости от целей, задач, условий, а также характеристик самих создателей образа[116].

Очевидно, что формирование пугающего образа Сибири – «каторжного края» – в массовом сознании было первоначально связано с позицией центральной власти в отношении региона как места насильственного водворения людей с асоциальным поведением, сосланных за пределы «внутренних» губерний империи. Привлеченные источники дают основания утверждать, что образ региона как «земли обетованной» возник в крестьянском сознании стихийно. Появившись в старообрядческой среде, он начал функционировать среди всех категорий крестьянского населения, заполняя существующий информационный вакуум в отношении условий жизни и хозяйствования в Сибири, воплощая утопичные крестьянские представления «о земле, о воле, о лучшей доле». Начиная с 1880-х гг. можно выявить целенаправленную, хотя во многом и противоречивую, программу столичной бюрократии по формированию нового, притягательного образа края. В связи со строительством сибирской железной дороги, эволюцией переселенческого законодательства (разрешение аграрных миграций для

[116] **Замятин Д.Н.** Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. С. 183.

среднесостоятельных и беднейших крестьян с целью ослабления малоземелья и обезземеливания в центральных губерниях, снижения социальной напряженности), изменением геополитических ориентиров во внешней политике (интерес к странам Дальневосточного региона), правительственным курсом на «русификацию» имперских окраин, в том числе и Дальнего Востока[117], начинается массированная пропагандистская компания, цель которой – сделать регион максимально привлекательным для мигрантов. Особенно активизируются усилия правительства в данном направлении в начале XX в., о чем свидетельствуют публикации многочисленных справочных изданий о регионе для представителей разных сословий, карт, появление ведомственных журналов (например, «Вопросы колонизации»), резкое увеличение числа публикаций, посвященных Сибири, на страницах общественно-политических газет и журналов.

Усилиями отечественных социологов[118], работающих в рамках рассматриваемого концептуального подхода, выявлены следующие особенности географических образов, соотносящиеся с нашими собственными выводами и наблюдениями, сделанными на основе анализа разноплановых исторических источников, позволяющих реконструировать образ Сибири в общественном мнении:

1. ***Инерционность.*** Географические образы изменяются гораздо медленнее, чем «объективный» мир, но зато они существуют дольше, чем географические реалии, на которых они основаны. Например, несмотря на то, что доля ссыльных в общей численности населения Сибири во второй половине XIX в. неуклонно сокращалась, под влиянием массовой аграрной колонизации, начавшегося в 1880-е гг. демографического переворота и ряда других факторов, в общественном мнении и народном сознании продолжал

---

[117] См.: **Ремнев А.В.** Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века; **Он же.** Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 343–358; **Он же.** Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в.; **Он же.** Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 15–28.

[118] См.: Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. С. 30–38.

функционировать социокультурный миф о Сибири как о «стране каторги и ссылки».

2. ***Многослойность.*** Любой географический объект может рассматриваться на разных пространственных уровнях. Образ многогранен, поскольку разные его стороны обращены разным адресатам и составляющие его представления разделяют разные социальные группы. Так, сплошной просмотр ведущих общественно-политических журналов позволяет утверждать, что образ Сибири, конструируемый на их страницах, существенно детерминировался их общественно-политической принадлежностью; образом аудитории, на которую они были рассчитаны; профессиональной, региональной, конфессиональной принадлежностью их авторов; отношениями редакции с органами цензуры.

3. ***Противоречивость.*** В сознании человека, равно как и в коллективном сознании, причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств. В первом приближении можно выделить несколько легко распознаваемых образов Сибири, зафиксированных в источниках второй половины XIX в.: «место каторги и ссылки»; «многоземельная осваиваемая окраина»; один из адресов мифического Беловодья; богатейшая кладовая природных ресурсов – «залог могущества Российского»; глухая провинция – «страна классического Макара» и др.

4. ***Антитетичность.*** Достаточно часто смыслообразующие характеристики образа Сибири в изучаемую нами эпоху строились как антитезы, бинарные оппозиции: «восточная окраина» как противовес центру империи; «земледельческая самара» как противопоставление страдающей от малоземелья европейской части страны; «безголосая Сибирь» в противоположность хорошо известным читающей России, благодаря русским писателям и публицистам, центральным губерниям. В подавляющем большинстве информационных сообщений и аналитических статей, посвященных «сибирским» вопросам, опубликованных на страницах толстых

журналов, столичных и местных газет, содержится сравнение Сибири с Европейской Россией. Дуальность образа региона зафиксирована и в текстах крестьянского происхождения. «У вас – умереть, у нас – воскреснуть!» – типичная реплика из письма крестьянина-переселенца на родину, в Европейскую Россию[119].

5. ***Территориальность.*** При ментальном картографировании территории человек или социальная группа подразделяет регионы на «свои» и «чужие», при этом сознательно или бессознательно подчеркивается протяженность «своих». В результате в образе, как правило, присутствует представление о границе территории. При этом географы выделяют две ключевые функции границ: контактные, обеспечивающие взаимодействие с другими территориями, и разделительные. В тех случаях, когда разделительные функции границ преобладают над контактными, границы именуют фронтальными. Понятие «фронтир» применительно к территории Сибири уже вошло в исследовательский лексикон. В самом широком варианте определения *фронтир* – это зона освоения, колонизации; территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения. Н.Ю. Замятина, определяя социально-психологические характеристики людей «порубежья», «фронтира», отмечала наличие свободы во взаимоотношениях; преобладание индивидуальных ценностей над коллективными, рационализма над провиденциализмом; более активные, чем на уже давно освоенных территориях, процессы секуляризации сознания; большее, чем в метрополиях, число людей с поведенческими девиациями[120]. Заметим, что в ходе дискуссии об антропологических, социально-психологических и социокультурных отличиях сибиряков от жителей Европейской России, развернувшейся во второй половине XIX в. в русской публицистике, уже высказывалась

[119] См.: **Григорьев В.Н.** Переселение крестьян Рязанской губернии. М., 1885. С. 180–182.
[120] См.: **Замятина Н.Ю.** Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. Режим доступа: http // ons.net/1998/5/08.htm.

аналогичная точка зрения в отношении населения сибирских губерний[121]. Современные историки и социологи подтверждают многие выводы как областников, так и их оппонентов в отношении наличия специфических региональных отличий, детерминирующих поведенческие стратегии наших земляков[122].

При выяснении границ топонима «Сибирь» на ментальных картах образованных россиян и уточнении его семантической нагрузки мы обращались к работам, посвященным специфике ментального картографирования[123].

Итак, основываясь на работах теоретиков конструктивизма, мы предполагаем, что *образ региона* – это не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами. Мы разделяем точку зрения А.С. Титкова о том, что наибольшее влияние на формирование образа региона в общественном сознании играют именно средства массовой информации посредством целенаправленного сбора, осмысления и трансляции информации о регионе на базе относительно узкого набора тем и событий[124]. Несмотря на то, что вывод Титкова касается анализа роли СМИ в современном информационном, постиндустриальном обществе, мы считаем возможным экстраполировать его на пореформенную (модернизирующуюся) империю, имея при этом в

---

[121] См., например: **Астырев Н.М.** На таёжных прогалинах: Очерки быта населения Восточной Сибири; **Кирьяков В.В.** Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902; **Щапов А.П.** Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Собр. соч. Дополн. том. Иркутск, 1937. С. 83–173; **Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. и др.

[122] См., например: Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997; **Мамсик Т.С.** Социальная организация фронтира в контексте мирового колонизационного процесса: По материалам Сибири и Северной Америки // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 40–43; **Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.** Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2001; **Сверкунова Н.В.** Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002 и др.

[123] См.: **Вульф Л.** Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; **Шенк Ф.Б.** Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 6–32.

[124] **Титков А.С.** Образы регионов в российском массовом сознании. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http: www.politstudies.ru/fulltext/1999/3/6.htm.

виду, что основным институтом формирования и распространения общественного мнения (и средством информации) являлся толстый журнал, ориентированный на достаточно узкий круг образованных и идейно ориентированных читателей.

Коллективные представления о Сибири, зафиксированные в толстых журналах, *имели двоякую природу*. С одной стороны, мы имеем дело с *автообразами региона* через журналы транслируемыми зарождающейся региональной интеллектуальной элитой, отстаивавшей право бороться за особые «сибирские» интересы перед имперской властью, информировавшей образованную Россию о природе края, образе жизни его населения, фиксируя внимание на «самобытности», «непохожести» региона. С другой стороны, *очевиден взгляд на Сибирь «извне», из «внутренней», Европейской России*, согласно которому край и его жители воспринимались как «другой» и «свой» одновременно, Сибирь мыслилась как Россия, но «другая». При этом динамика соотношения в концепте «Сибирь» «другого» и «своего» менялась на протяжении изучаемого периода в направлении включения региона в имперское коммуникативное/интеллектуальное пространство. Содержательный анализ публикаций общественно-политических и специализированных частных ежемесячников неоспоримо указывает на численное преобладание «не сибирских» версий образа региона, когда Сибирь была объектом преимущественного внимания интеллектуалов Европейской России, «открывавших» для себя и соотечественников «новые», «далекие» и «малоизвестные» земли за Уралом.

Определяющее значение имеет вывод теоретиков «новой интеллектуальной истории» о том, что историку недоступно познание объективной реальности, но он имеет дело с ее образами, которые Р. Барт называет «эффектом реальности»[125]. В связи с этим для нас не является первостепенным вопрос о том, насколько образ региона, зафиксированный на

[125] См.: **Барт Р.** Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 392–400.

страницах журналов, отражал реалии сибирской жизни; приоритетное значение приобретает вопрос о влиянии данного интеллектуального конструкта на ценностные ориентиры и поведенческие стратегии его носителей.

К пониманию *сибирского журнального дискурса как конкурирующих интеллектуальных проектов*, созданных объединенными идеологической общностью авторами для которых конструирование образа Сибири было инструментом самопознания, определения набора ценностей, норм и эталонных поведенческих сценариев «своего» формирующегося политического сообщества, нас «подтолкнули» идеи Э. Саида – родоначальника теории «ориентализма» как колониального, дискриминационного по своей сущности, дискурса. Отправным стало утверждение Саида о том, что ориентализм как дискурс конституирует объект знания, названный «Востоком», – географически демаркированное пространство, чьи качества и характеристики он затем продолжает исследовать, и одновременно «стиль мысли», основанный на дихотомии между Западом и Востоком. Изучение Востока, в свою очередь, стимулировало или оправдывало расширение власти Запада, особенно в форме колониализма, над Востоком, а успех этого процесса подтверждал необходимость и обоснованность такого знания и создавал расширенные возможности для его будущего производства. Таким образом, воля к изучению Востока и воля к властвованию над ним были нерасчленимы в европейском опыте последних веков[126].

В контексте данного исследования еще более значимо наблюдение Саида о том, что Запад конструирует Восток как своего «другого», признавая за ним негативные для себя характеристики, описываемые через фиксацию «отсутствия»: отсутствие изменений, прогресса, свободы, разума, то есть тех свойств, которые традиционно определяют и характеризуют Запад. Образ

---

[126] См.: **Никитин М.Д.** «Ориентализм» Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы. Режим доступа: http: // www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/n_i_n/docs/14.pdf

Востока выполнял функции зеркала, через которое Европа идентифицировала, оправдывала и возвеличивала себя.

Соглашаясь с критиками Э. Саида в том, что его идеи не могут быть безоговорочно использованы для описания российской имперской истории, хотя бы потому, что Россия была одновременно и субъектом, и объектом колонизации[127], мы убеждены в продуктивности соотнесения отдельных его выводов и наблюдений с анализом репрезентаций сибирского журнального дискурса и источников его формирования. Предпринятый нами анализ школьных учебников истории и географии XIX в., изобилующих ориенталистскими тропами (устойчивыми словесными высказываниями), в которых «Восток» ассоциируется с деспотизмом, фанатизмом, обманом и насилием, доказывает универсальность представлений о «Востоке» в России и в остальной Европе. Но при этом работа с текстами общественно-политических и специализированных журналов пореформенной эпохи продемонстрировала пластичность понятия «Восток» (и органически связанных с ним понятий «Азия», «Сибирь» как его составных частей) в русской общественной мысли, гибкость «воображаемой географии» русских интеллектуалов, подчеркивающей дихотомию Восток/Запад, на которую уже обращал внимание исследователь Саида Адиб Халид[128].

Очевидно, что дихотомия «Европейская Россия – Сибирь» – одно из проявлений базовой для ориентализма Саида бинарной оппозиции «Запад – Восток» – в поле пореформенной российской журналистики актуализировалась на пересечении целого ряда других разнонаправленных дискурсов, а также порожденных ими дихотомий. В числе этих дихотомий, игравших существенную роль в формировании идентичности авторов и адресатов «сибирского» дискурса, такие легко узнаваемые, как «центр – провинция», «власть – народ», «кочевой – оседлый», «прогрессивный – реакционный» и др.

---

[127] См., например: **Найт Н.** О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. С. 324–344; **Тодорова М.** Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Там же. С. 345–358.

[128] **Халид А.** Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. С. 320.

Взяв на вооружение перечисленные идеи Э. Саида, следует остановиться на различиях в понимании природы репрезентаций, одного из базовых понятий нашего исследования. Для Саида репрезентации – синоним искажения, а точнее, осознанные искажения, инструменты, которые служат особым целям, предопределенным теми культурой, институтами и политическим окружением, которыми они были порождены[129]. В данном случае представляются убедительными тревоги и сомнения Н. Найта, что такой подход отрицает саму возможность понимать культуру «Других», поскольку она воспринимается или как наивное заблуждение, или как злонамеренный обман с тайной целью осуществления и оправдания своего господства[130].

Сибирский дискурс, безусловно, не может быть описан только как «ориенталистский», но те его версии, которые имеют ориенталистскую природу, далеко не всегда являлись сознательным искажением реальности, иногда подобные «миражи» неосознанно порождались мировоззренческими иллюзиями, последствиями воспитания в «просветительской» или «официально-народнической» парадигмах.

Одним из ключей к разрешению обозначенной эпистемологической проблемы представляется теория внутреннего ориентализма, активно разрабатываемая А.М. Эткиндом[131]. По мнению филолога, «в отличие от колонизации в классических империях с заморскими колониями в разных концах света колонизация в России имела центростремительный характер. Главные пути русской колонизации были направлены не вовне, а внутрь метрополии: не в Турцию, не в Польшу и даже не в Сибирь, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Тут государство раздавало латифундии и подавляло восстания. Здесь открывали общину и записывали фольклор… Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные

---

[129] Цит. по: **Найт Н.** О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду. С. 339.
[130] Там же.
[131] См., например: **Эткинд А.** Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74; **Он же.** Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // Ad Imperio. 2002. № 1. С. 265–299.

феномены колониализма, в России были обращены внутрь собственного народа… Россия колонизовала саму себя, осваивала свой собственный народ. То была внутренняя колонизация, вторичная колонизация собственной территории»[132]. Признавая спорным утверждение Эткинда о том, что Сибирь и другие окраинные регионы не были магистральными направлениями русской колонизации (в том числе и воображаемой), разделяю его идею о том, что «интеллектуальное» освоение собственного народа было одной из основ конструирования национальной и идеологической идентичности. Изучение Сибири было одним из захватывающих и актуальных проектов русской интеллигенции в связи с тем, что переплеталось с другими мировоззренчески значимыми вопросами, провоцировавшими идентификационные искания русских интеллектуалов.

Используя для описания образа региона как феномена общественного мнения категорию «сибирский журнальный дискурс», мы исходим из того, что сибирский дискурс генетически связан с другими проблемно-тематическими и ценностно-тематическими (концептными) дискурсами, актуализировавшимися современниками, писавшими «на сибирскую тему», такими, например, как: «судьбы и эволюция русской общины», «нравственный облик и поведенческий кодекс русского интеллигента», «историческое значение либеральных реформ» и др. Реалии сибирской жизни давали простор для компаративистских изысканий современников, сравнивавших Россию (точнее, ее колонию/окраину – Сибирь) с Америкой[133]; рассуждавших об особенностях русской общины во «внутренней» империи и «на новых» землях (в иных природно-климатических и исторических условиях)[134]; край привлекал неослабевающее внимание исследователей

---

[132] **Эткинд А.** Русская литература. XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛО. 2003. № 1 (59). С. 107.

[133] См., например: **Эткинд А.** Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах. М., 2001; **Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.** Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной перспективе XVII–XX вв. М., 2004.

[134] См., например: **Котович Л.В., Родигина Н.Н.** Самоуправление западносибирской деревни как предмет публицистического и исследовательского дискурса на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы социальной истории конца XVIII – начала XX в. Омск, 2004. С. 29–45.

сектантства и раскола[135]; как сторонники, так и противники реформирования страны черпали там основания для прогнозов о будущем державы.

Сибирский тематический дискурс журнальной прессы интердискурсивен по своей природе, он представлен разнотипными и разноуровневыми дискурсами. Он находится в самых тесных отношениях с политическим дискурсом, как известно, опирающимся, главным образом, именно на средства информации, поглощает и включает в себя образовательный, научный, религиозный, литературно-художественный и литературно-критический дискурсы[136].

Нами были учтены институциональные особенности основных типов дискурсов, влиявших, по нашему мнению, на специфику «говорения» о Сибири, выводы исследователей о характере сопряженности дискурса и жанра, стиля и дискурса, о взаимодействии разных дискурсов между собой в пространстве (поле) журнального текста[137].

Осознавая, благодаря исследованиям Р. Водак[138], необходимость выявления контекста для понимания дискурса, мы обращались к работам, посвященным реконструкции картины мира, системы ценностных ориентаций и социальной психологии русской интеллигенции изучаемой эпохи[139].

---

[135] См.: **Эткинд А.М.** Хлыст (секты, литература и революция). М., 1998.

[136] Более подробно о специфике журналистского дискурса см.: **Силантьев И.В.** Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 98–123.

[137] См., например: **Ван Дейк Т.А.** Принципы критического анализа дискурса. М., 1994. С. 169–217; **Демьянков В.З.** Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32–43; **Карасик В.И.** Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 5–19; **Тюпа В.И.** Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь, 2002; **Чепкина Э.В.** Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.; **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000 и др.

[138] См.: **Водак Р.** Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

[139] См., например: **Виртшафтер Э.** Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002; **Вихавайнен Т.** Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. М., 2004; **Доронина М.В.** Культура повседневности русской разночинной интеллигенции во второй половине XIX века: соотношение «идеального» и «реального»: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004; **Лейкина-Свирская В.Р.** Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; **Пайпс Р.** Россия при старом режиме; **Печерская Т.И.** Разночинцы 60-х гг. XIX в.: опыт герменевтического исследования культуры. М., 1999; **Сабурова Т.А.** Русский интеллектуальный мир/миф: (Социокультурные представления интеллигенции в России

Журнальный интертекст «коллективного» автора, воплощающий в себе различные дискурсивные практики, по-разному воздействуя на читательскую аудиторию, тем не менее, конструировал в ее сознании образ региона, зависящий не только от типа дискурса, детерминировавшего коммуникативное взаимодействие, но и от характеристик адресатов и адресантов. Пилотный просмотр пореформенных ежемесячников позволил выявить прямую зависимость образа региона, конструируемого в журнале, от общественно-политической ориентации издания и его специализации. Это обусловило внимание, во-первых, к литературе о ведущих идеологических направлениях, во-вторых, о корпоративной культуре российских историков и педагогов[140].

Выяснить место и функции «сибирских» материалов среди мировоззренческих референций русских консерваторов, либералов, народников и марксистов, иначе говоря, попытаться ответить на вопросы о том, при обсуждении каких идейно значимых сюжетов, как правило, писали о Сибири, помогли исследования специалистов по истории общественного мнения второй половины XIX – начала XX в.[141]

XIX столетия). Омск, 2005; **Щетинина Г.И.** Идейная жизнь русской интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). М., 1995 и др.

[140] См., например: **Кирдяшева М.Ф.** Проблемы всеобщего обучения в педагогических теориях революционеров-демократов 60–70-х гг. XIX в. М., 1982; **Колесников Б.В.** Проблемы нравственного воспитания в общественно-педагогическом движении 60-х годов XIX в. М., 1972; **Леонтьева О.В.** Властители дум: интеллектуальная история России от великих реформ до революции 1917 г.: Учеб. пособие. Самара, 2000; **Могильницкий Б.Г.** История исторической мысли XX в.: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск, 2001; **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука: В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв.; **Смирнов В.З.** Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX в. М., 1963; **Тебиев Б.К.** На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в.; **Усманов С.М.** Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX в. Иваново, 1998; **Эймонтова Р.Г.** Идеи просвещения в обновляющейся России (50– 60-е гг. XIX в.). М., 1998 и др.

[141] См., например: **Ахиезер А.С.** Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1; **Балуев Б.П.** Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995; **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; **Гросул В.Я.** Русское общество XVIII–XIX вв: Традиции и новации. М., 2003; **Зверев В.В.** Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых к

Влияние идеологической ориентации автора не только на выбор темы и содержание сообщения, но и на особенности его «текстовой» репрезентации на материалах постсоветского политического дискурса показаны Е.В. Бакумовой. Ее диссертационное исследование позволило выделить такие критерии выяснения «идеологических» текстовых особенностей «сибирского» политического дискурса, как: специфический набор идеологем; степень информативности/фатичности коммуникации; степень эмоциональности/рациональности дискурса; степень метафорической насыщенности и образности; особенности выражения оценки и проявления вербальной агрессии, предпочитаемые способы воздействия на адресата[142]. Собранная по названным критериям информация позволила судить не столько о том, что писали о Сибири, сколько о том, как, какими способами, приемами пытались воздействовать на читательскую аудиторию, моделировать ее социальное поведение.

Работы лингвистов Ш. Балли, Р.М. Блакара, Р. Водак, культуролога М. Фуко доказывают широкие возможности печатного текста как инструмента социальной власти, социального программирования[143]. Наблюдения лингвистов о механизмах воздействия на читательскую аудиторию позволили сформулировать предположения о ожидаемых авторами «сибирских» публикаций вариантах «последействия» адресата, о выстраиваемом изданиями образе читателя, на которого была рассчитана актуализация того или иного элемента образа региона.

девяностым годам XIX в. М., 1997; **Корнилов А.А.** Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909; **Плимак Е.Г., Пантин И.К.** Драма российских реформ и революций. М., 2000; Российские консерваторы. М., 1997; **Секиринский С.С., Шелохаев В.В.** Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995; **Твардовская В.А.** Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978 и др.

[142] См.: **Бакумова Е.В.** Ролевая структура политического дискурса: Автореферат дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 9–15.

[143] См., например: **Балли Ш.** Язык и жизнь. М., 2003; **Блакар Р.М.** Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Пичугина; Общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987. С. 88–125; **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Одним из наиболее эффективных механизмов идеологического программирования является м е т а ф о р а . В работах П. Рикера, Ф. Анкерсмита, Д. Лакоффа, М. Джонсона, Э. Кассирера достаточно подробно охарактеризована роль метафоры в моделировании социальной действительности[144].

В данной работе метафора, вслед за авторами «Словаря русских политических метафор», трактуется максимально широко: учитываются не только собственно метафоры, но и метонимические переносы, синекдоха, сравнительные конструкции, что «связано с общностью их функций в ... дискурсе»[145].

Конкретные методы организации исследовательской работы по выявлению «журнальных» метафор, их типологии заимствованы нами из работ лингвистов – специалистов в области политической метафоры и адаптированы к жанру исторического исследования[146]. Наиболее приемлемым образцом работы историка с метафорами для выявления коллективных представлений, образов, символов региона для меня послужила статья Л.Е. Горизонтова, посвященная «внутренней» России[147].

Специфика процесса интериоризации реальности журналистами в соответствии с особенностями журналистской картины мира подробно

---

[144] См., например: **Анкерсмит Ф.Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003; **Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416; **Водак Р.** Язык. Дискурс. Политика…; **Кассирер Э.** Сила метафоры // Теория метафоры. С. 33–44; **Рикер П.** Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Там же. С. 416–434.

[145] См.: **Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.** Словарь русских политических метафор. М., 1994. С. VI.

[146] См.: **Красильникова Н.А.** Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории «свои – чужие» в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005; **Колотнина Е.В.** Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001; **Федосеев А.А.** Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003; **Чудинов А.П.** Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003; **Он же.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

[147] См.: **Горизонтов Л.Е.** Внутренняя Россия и ее символические воплощения // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 61–88.

описана в монографии В.Д. Мансуровой. Автор солидаризируется с тем, что журналистское мышление фактично по своей природе, что факты в журналистике служат не только предметом исследования, но и уникальным средством выражения авторской мысли. Факт – продукт рефлексии, акт познания, он в определенной знаковой форме «называет», опредмечивает результат познавательной деятельности. В отличие от научного факта, абстрагирующего эмпирический или ментальный опыт, в отличие от факта «здравого смысла», воплощающего опыт повседневности, журналистский факт всегда субъективно окрашен, идейно или тенденциозно представлен и имеет сложную семиотическую природу[148].

Исходя из того, что образ материализуется в слове, и понимая образ как квант информации, Мансурова делает вывод о том, что в журналистском факте реализуется энергия квантового перехода образа-сигнала в образ-модель, образ-концентрат, образ-факт, образ-понятие, образ-тезис[149]. Решающими в оформлении энергии этого перехода, по версии автора, являются личность журналиста, уровень его интеллекта, психофизиологические и эмоциональные характеристики. Преломляя идеи исследовательницы к замыслу данной работы, можно экстраполировать предлагаемую последовательность оформления словесно-образной знаковой формы рефлексивного мониторинга реальности на процесс формирования образов региона в сознании адресантов сибирского журнального дискурса. При этом следует учитывать, что мы имеем дело с коллективным автором, следовательно, на подбор фактов, варианты их интерпретации, наряду с позицией автора публикации влияли общественно-политическая ориентация журнала, его профессиональная специализация, характер взаимоотношений с цензурой и иные ранее упомянутые факторы.

Этапы и механизмы формирования образов региона в сознании адресатов толстых журналов в результате прочтения разножанровых текстов

---

[148] **Мансурова В.Д.** Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. С. 94.
[149] Там же. С. 95.

о Сибири помогло выявить исследование английского лингвиста Д.А. Миллера, описывавшего данный процесс при помощи термина «апперцепция», предложенного менталистами. Апперцепцию он считает родовым термином для описания тех ментальных процессов, с помощью которых поступающая информация соотносится с уже построенной ранее понятийной системой[150]. По мнению лингвиста, именно метафора является одним из важнейших инструментов апперцепции: «Метафора, ложная в реальном мире, может, тем не менее, быть добавлена к образу и использована для сужения нашей модели, но она создает напряжение между нашей картиной реального мира и картиной того мира, который имеет в виду автор. Чтобы как можно полнее использовать наши знания о сходных ситуациях в реальном мире, мы пытаемся синтезировать текстовой концепт, как можно более близкий к нашему концепту реальности, мы пытаемся добавить метафорическую информацию таким способом, чтобы ее истинность как можно меньше противоречила нашему представлению о реальном мире»[151]. Иначе говоря, метафора оставляет простор для собственной интерпретации той или иной «авторской» версии образа региона, она позволяет соотнести авторские интенции с собственной картиной мира и детерминированным этой картиной концептом «Сибирь».

Психологические механизмы восприятия образов и этапы их формирования в сознании авторов и читателей разработаны в исследованиях представителей школы гештальт-психологии (от нем. «гештальт» – форма, образ, конфигурация). Для выяснения уровней формирования образа региона имели значение выводы гештальтистов (В. Келлера, М. Беккера, Н. Кляйна, М. Вертхеймера) о зависимости образа предмета от его окружения (фона), о том, что любой образ воспринимается на каком-либо фоне, а мозг структурирует информационные сигналы так, что все имеющее для человека смысл воспринимается как фигура[152]. Очевидно, что реалии сибирской жизни

---

[150] См.: **Миллер Д.А.** Образы, модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 236.
[151] Там же. С. 247.
[152] Цит. по: **Мельник Г.С.** Mass–media. Психологические процессы и явления. СПб., 1996. С. 33.

были гораздо богаче, чем их отражение на страницах толстых журналов, поэтому отбор сюжетов, так же, как и варианты их интерпретации, фиксируют не столько фрагменты прошлого региона, сколько набор мировоззренческих актуальностей того или иного издания (автора) на определенном этапе его истории (биографии).

Активно применяющийся представителями новой интеллектуальной истории метод внимательного, бесконечного чтения, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия воздействовала на язык и стилистику нарратива[153], позволил вычленить из текстов «коллективного автора» (редакции журнала) индивидуальные голоса. Соотнесение авторских позиций, отраженных в толстых журналах, с суждениями о людях и событиях сибирской провинции, оставленными в источниках личного происхождения, в художественной литературе, позволяет судить об «индивидуальных» составляющих образа региона в общественном мнении пореформенной России. Литература биографического характера позволяет предположить причины/мотивы обращения того или иного автора к «сибирской» тематике, выяснить характер его биографической связи с регионом (место рождения, социализация, профессиональное становление, ссылки, адресат литературных или исследовательских экскурсий и т. д.), конкретизировать представления об отношении автора к Сибири на разных этапах биографии[154]. Желание соотнести собственное представление об индивидуальных мотивациях обращения творцов «сибирского» дискурса к описанию реалий сибирской жизни, сформированное в результате прочтения журнальных текстов и источников личного происхождения, с мнениями

---

[153] См.: **Русакова О.Ф.** Философия и методология истории в XX в. Екатеринбург, 2000.С. 328–329.

[154] См., например: **Вульфсон Г.Н.** Глашатай свободы: Страницы из жизни А.П. Щапова. Казань, 1984; **Глинский Б.Б.** Н.М. Ядринцев: Биографический очерк. М., 1895; **Гольдфарб С.И.** Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986; **Лемке М.Н.** Н.М. Ядринцев: Биографический очерк к десятилетию со дня кончины. СПб., 1904; **Рощевская Л.П.** Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании М., 1983; **Чередниченко И.Г.** Н.М. Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999; **Шиловский М.В.** «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004 и др.

компетентных литературоведов предопределило обращение к работам историков русской литературы[155].

В соответствии с замыслом данной работы мы сознательно акцентировали большее внимание на поисках общих черт в осмыслении «сибирской» действительности в рамках конкретного издания. «Авторская» разноголосица в тех редких случаях, когда ее удавалось выявить, воспринималась как единичная аномалия, не меняющая представление об определенных нормах/правилах «говорения» о Сибири конкретным мировоззренческим или корпоративным сообществом. Между тем, несомненна продуктивность и другого подхода, направленного на выяснение индивидуальных составляющих образа региона, противоречащих общему направлению, «духу» издания. Другими словами, можно было бы переместить внимание с автора коллективного на индивидуального или, говоря словами П. Бурдье, со структур, диктующих «правила общества», на то, как социальные агенты разворачивают свои правила действия, основываясь на собственных логиках. Это позволит «видеть индивидуума как агента, активно заключающего сделки с социальным миром, а не как простого актера, который разыгрывает сценарий, продиктованный социальными структурами»[156].

Работа с текстами толстых журналов второй половины XIX – начала XX в. позволила предположить наличие ***четырех уровней формирования представлений о регионе в общественном мнении пореформенной России.***

Первому уровню соответствуют ментальные установки и стереотипы, далеко не всегда рефлексируемые и осознаваемые их носителями. На данном уровне особенно сильна роль мифотворчества в конструировании образа региона. «Превращение среды в знаковую систему, где в роли знака выступают географические объекты, а в роли означаемого ─ архетипы,

---

[155] См., например: **Айзикова И.А.** «… Еду в Сибирь служить» (Г. И. Успенский в Томске) // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 75–92; **Куклина Е.А.** Н.М. Астырев и В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 85–105; **Кулик Л.С.** Сибирские рассказы В.Г. Короленко. Киев, 1961; Очерки истории русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1 и др.

[156] Цит. по: **Найт Н.** О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. С. 328.

трансцендентные понятия и категории, создает религиозно-мифологическую, или сакральную географию. В результате картина мира становится своеобразной иконой, отражающей традиционное миросозерцание, и выражает на плоскости “вертикальные“, духовные слои мироздания»[157]. Несмотря на то, что образ мира-иконы доминировал в Средневековье, отдельные элементы *традиционного* ментального картографирования сохранялись и в изучаемый нами период в отношении к Сибири. Всеобщие бинарные оппозиции, выработанные традиционной культурой (свое – чужое, упорядоченное – хаотичное, центр – край земли, ось мира – пространство смерти, «свет – тьма», «русский – инородец», «рай – ад», «православный – нехристь») очевидны из разножанровых текстов о Сибири, оставленных выходцами из европейской части империи в XIX в. Так, многие исследователи отмечали, что как в народном сознании, так и в представлениях интеллектуальной элиты Сибирь часто воспринималась как место мифической смерти, край, откуда нет возврата, в отличие от «внутренней», глубинной России, местом, соотносящемся с жизнью, со своим, ментально освоенным и хорошо известным пространством[158]. Однако ранее отмеченная амбивалентность представлений о Сибири проявлялась и в таких мифологических репрезентациях региона, в которых он одновременно являлся и одним из адресов земного рая, землей обетованной, Самарой, Беловодьем, «рахманским царством»[159].

---

[157] Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. С. 186.

[158] См., например: **Лотман Ю.М.** Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.В. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993): История русской прозы. СПб., 1997. С. 720–729.

[159] См.: **Мамсик Т.С.** Беловодская легенда и публицистика 40–50-х гг. XIX в. // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 138–148; **Покровский Н.Н.** К постановке вопроса о Беловодской легенде и бухтарминских «каменьщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 1980 С. 115–133; **Родигина Н.Н.** “Земля обетованная” или “каторжный край”: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 24–33; **Она же.** “Слухи” о переселении как источник изучения миграционной активности русских крестьян второй половины XIX в. // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 161–164; **Она же.** Письма сибирских переселенцев второй половины XIX в. – источник по истории крестьянских миграций // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 87–91; **Чистов К.В.** Русские народные социально-утопические легенды: XVII–XIX вв. М., 1967; **Юдельсон А.В.** Сибирь в русской социальной утопии //

Мифы о Сибири, как стихийно возникавшие в «толще народной массы», так и идеологически сконструированные, функционировали на протяжении всего изучаемого периода, трансформировались, переживая смену активных и латентных фаз, причудливо переплетались, меняя трансляторов и адресатов. Например, социокультурный миф о «бескрайних земельных просторах Сибири» и ее «неисчерпаемых природных богатствах» функционировал в массовом сознании русских крестьян, он периодически актуализировался политической элитой XIX в. В 1870–1880-е гг. мифический образ «крестьянского Эльдорадо» активно клишировался народнической журнальной периодикой. После разочарования умеренно оппозиционной публицистики в ресурсном потенциале восточной окраины, на рубеже веков, в связи с изменением места Сибири в имперской геополитике, данный миф начинает активно эксплуатироваться официальными средствами массовой информации для создания максимально притягательного имиджа региона, с целью привлечения людей и капиталов.

Понимание мифа как особого рода реальности, реальности самосознания[160] не соотносит его с донаучным уровнем освоения мироздания и не сводит мифологию к сумме заблуждений человеческого разума. Массовое сознание и общественное мнение как один из его уровней вообще мифологично по своей природе, чем успешно манипулируют политики, используя организующие возможности мифа и как текста, и как системы представлений, и как типа знания[161]. Как свидетельствует представительная историографическая традиция[162], эпоха интенсивной модернизации (интерпретируемой в том числе и как переход от традиционной, с доминировавшими мифологическим мышлением, к индустриальной

Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в. Кемерово, 1997. С. 128–138.

[160] См.: **Сабурова Т.А.** Русский интеллектуальный мир/миф. С. 7.

[161] **Неклюдов С.Ю.** Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 37.

[162] См. напр.: **Кайуа Р.** Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2003; **Мелетинский Е.М.** Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998 и др.

культуре, с приоритетом рационального, научного знания) воссоздавала по архаичным моделям старые и продуцировала новые мифы.

Анализ «спонтанных», идущих снизу, и «искусственных», конструируемых с идеологическими и политическими целями внутри отдельных интеллектуальных или властных групп, мифов о Сибири позволяет, основываясь на работах исследователей современной мифологии[163], выделить следующие функции «сибирского» мифологического дискурса.

1. Мифы о регионе определенным образом регулировали социальное поведение современников. Так, миф о «Сибири – каторге» призван был ограничивать девиантное (асоциальное) поведение; миф о многоземельной окраине, где «земли много, а начальства мало», влиял на миграционную активность крестьян. Канонизация и мифологизация страданий сибирских переселенцев либеральной и народнической журналистикой предполагала социальное действие как со стороны власти, так и со стороны интеллигенции, направленное на оказание помощи аграрным мигрантам.

2. Мифы способствовали самоидентификации разных социальных групп населения «внутренней» России, поскольку очевидно, что в образе «другого» / чужого» («сибирского крестьянина», «чиновника», «интеллигента») отражались собственные представления об идеальной модели «своего», с присущим ему набором социокультурных характеристик. Как неоднократно указывали многие ученые, любая попытка представить образ «другого» неизбежно отражает культуру того или тех, которые создают это представление[164].

---

[163] Для меня отправными стали рассуждения о функциях мифа Е.Е. Левкиевской. См.: **Левкиевская Е.Е.** Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология. М., 2005. С. 175–206.

[164] См. напр.: **Сандерланд В.** Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. С. 200–201; **Said E.W.** Orientalism. N. Y.,1978.

3. Мифы о Сибири, как и большинство других, сознательно сконструированных мифов, являлись средством борьбы различных политических и мировоззренческих групп, направленных на утверждение собственной системы ценностей и дискредитацию противников. Например, миф об угрозе «сибирского хлеба», транслируемый консервативным «Русским вестником» в конце XIX в., был направлен на защиту социально-экономических интересов поместного дворянства центра страны, являющегося одним из основных поставщиков зерна как в стране, так и за ее пределами. Миф о «социалистическом» потенциале сибирской общины как о возможной альтернативе интенсивно развивающимся капиталистическим отношениям в Европейской России был компенсаторной реакцией народнической интеллигенции на модернизационные изменения в стране. Мифологизация народнической публицистикой образа сибирского кулака-мироеда, «паука, опутавшего своей паутиной все слои эксплуатируемого населения края», способствовала снятию социального недовольства капиталистическими переменами в сибирской деревне посредством формирования образа «внутреннего» врага, аккумулирующего в себе все негативные характеристики новой эпохи.

4. Данные мифы являются одним из инструментов воздействия власти на массовое сознание, средством поддержания политической гегемонии. Равнодушно-снисходительная реакция цензуры на публикацию эпистолярного и мемуарного наследия политических ссыльных и каторжан может свидетельствовать об осознании властью воспитательного значения пугающего, в значительной степени мифологизированного, образа Сибири как неминуемого биографического этапа (часто финала) жизненного сценария инакомыслящих.

5. Мифы о регионе выполняли психотерапевтические функции для интеллектуальной элиты, разочарованной в промежуточных итогах форсированной модернизации страны. В пореформенной публицистике регион представлялся «русской Америкой», «Америкой за Уралом»,

правительственные чиновники в разных контекстах с удовольствием цитировали выражение министра внутренних дел О.П. Козодавлева о Сибири как «о Мехико и Перу нашем».

Второй уровень формирования образа региона включает в себя социокультурные установки, порожденные конкретной эпохой, соотносящиеся с ее культурными кодами, уровнем научных представлений, спецификой исторического сознания и культурой мышления, системой ценностных ориентаций, включающих в себя и «классовый этос». Под последним, вслед за французским социологом П. Бурдье, понимается система латентных ценностей, интериоризованных людьми с детства, в соответствие с которой они вырабатывают отношение к личностно значимым объектам[165].

Третий уровень детерминирован идеологической приверженностью носителей культурно-географических образов. На данном уровне различные составные фрагменты образа региона встраиваются в конкретную мировоззренческую модель (либеральную, консервативную, радикальную), задающую соответствующий оценочный ракурс тех или иных отражаемых в общественном мнении реалий.

Четвертый уровень предполагает индивидуальный уровень репрезентации образа региона и зависит от личного социального опыта автора, степени информированности о регионе, характера биографической связи с ним. Индивидуальные авторские интенции через различные институты общественного мнения транслировались современниками, становились достоянием интеллектуальных сообществ, формируя коллективные представления и определенным образом моделируя социальное поведение современников – единомышленников.

Мифы пронизывали все уровни формирования образа региона, больше детерминируя ментальный и идеологический. Обратим внимание на связь и соотношение мифологической и идеологической составляющих концепта «Сибирь». Как уже замечено Г.Ч. Гусейновым, «миф преобразует неясности,

---

[165] См.: **Бурдье П.** Социология политики. М., 1993.

трудности, несовершенства мира в убедительные, хотя и необязательно правдоподобные, но постоянно подтверждаемые в своей истинности смысловые единицы. Идеология приспосабливает те же многообразные внешние обстоятельства к определенной политической программе. Поскольку практическая политическая целесообразность является аналогом истинной картины мира, а настоящей реальностью идеолог считает лишь свою размещенную в более или менее неопределенном будущем социально-политическую цель, то характер пути к этой цели, или идеологический маршрут, имеет право меняться по мере изменения ландшафта»[166]. Доказывая «правильность» картины мира, выстраиваемой той или иной идеологической моделью, а также реальность образа региона как части этой картины, ее творцы в равной степени используют рациональную политическую аргументацию, как и испытанную годами мифологию.

1.3. Источники формирования образа Сибири в общественном мнении Российской империи

Изучение образа региона в восприятии современников вряд ли продуктивно без выявления исторических контекстов, источников его формирования. В данном случае контекст понимается не только как основание для формирования образа Сибири в общественном мнении империи, но и как его «конечный горизонт» или, как его трактует К. Скиннер, результат, помогающий определить, какие конвенциональные значения, принятые в данном обществе, доступны тому, кто намеривается осуществить коммуникацию с остальными[167].

Каждому уровню формирования образа региона присущи свои источники и соответствующие методы работы с ними.

---

[166] См.: **Гусейнов Г.Ч.** Популярная геополитика и новая мифология // Современная российская мифология. М., 2005. С. 55.

[167] См.: **Дмитриев А.** Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. Режим доступа: http: magazines.russ.ru/nlo/2004/66

Можно предположить следующий набор источников конструирования и репрезентации образа Сибири у населения европейской части страны на ментальном уровне: слова-символы, ассоциировавшиеся с краем; топонимы; произведения малых фольклорных жанров (в частности, пословицы, народные песни); исторические сказания (особенной популярностью среди них пользовались предания о походе Ермака); духовные стихи; социальные утопии; слухи; рассказы «бывалых людей». Большой интерес, особенно в контексте «лингвистического переворота» в гуманитарных исследованиях, представляет образ региона в языковых практиках XIX столетия. Например, в собранном В.И. Далем во второй трети XIX в. «Толковом словаре живого великорусского языка» обозначены следующее метонимические производные от топонима Сибирь: «сибирный – зверский, лютый, злой; сибирщина – каторга, тяжкая, нестерпимая жизнь»[168]. Пословицы о Сибири фиксируют и представления о регионе как «богатом крае», «кладовой природных ресурсов»: «В Сибири бабы соболей коромыслами бьют»; «В Сибири все в кошках ходят»; «Сибирь – золотое дно» и др. Все вышеперечисленные источники, за исключением слухов и рассказов «знающих людей», функционировали на протяжении временных промежутков большой длительности и, безусловно, оказали и продолжают отказывать влияние на содержание обыденно-бытовых суждений о регионе[169].

Примечательно, что ментальные установки, зафиксированные в приведенных текстах, отражены и в метафорах, выявленных мною на страницах ведущих общественно-политических журналов рубежа XIX–XX вв.[170]

Социокультурный фон формирования образа Сибири в общественном мнении пореформенной России позволяют выявить научно-исследовательские и публицистические произведения о регионе, словари и

---

[168] **Даль В.И.** Толковый словарь живого велик орусского языка. СПб., 1996. Т. 4. С. 180.

[169] См.: **Сверкунова Н.В.** Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.

[170] См.: **Родигина Н.Н.** «Terra incognita» или «якорь спасения России»: Сибирская тематика народнических общественно-политических журналов рубежа XIX–XX вв. // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX в. Омск, 2005. С. 98–114.

энциклопедии, информационно-справочные издания, географические карты, разножанровые художественные тексты, описания географических путешествий, мемуары, эпистолярное наследие людей, биографически связанных с регионом.

Огромную роль в формировании первоначальных исторических представлений современников о Сибири играли *школьные учебники и детская литература*. Даже для людей, далеких от педагогики, очевидно, что учебная литература обладает не только большим информационным потенциалом, но и оказывает существенное влияние на конструирование картины мира будущих взрослых, формирование их ценностных ориентаций, референтных моделей поведения. Авторы учебной литературы и разножанровых произведений для детей целенаправленно, а порой и неосознанно моделируют отношение к реальности юных читателей, существенно предопределяя содержание их исторических представлений. Какую информацию о Сибири предлагали для осмысления своим читателям авторы школьных учебников по истории второй половины XIX в.? Каким представлялся образ региона со страниц учебных пособий? Какие именно реалии сибирской жизни казались наиболее существенными и поучительными для авторов учебников и отражались в их содержании? Ответы на эти вопросы помогут конкретизировать представления об источниках формирования образа региона в общественном мнении пореформенной России, понять природу стереотипов массового сознания в отношении Сибири.

Основными источниками для написания этой части монографии послужили учебники по истории И.К. Кайданова, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского и И.И. Беллярминова.

И.В. Кайданов – автор одного из первых учебный пособий по истории России (к 1834 г. учебник выдержал уже 4 издания), преподаватель Царскосельского лицея. Свой труд он посвятил выдающемуся современнику Н.М. Карамзину, идеи которого относительно нравственного и

воспитательного предназначения истории разделял. Для Кайданова исторический материал – основа для формирования уважительного отношения к прошлому отчества, иллюстрация величия современной ему империи, свидетельство целесообразности и исторической обусловленности монархии как единственно возможной для России формы власти. Данная авторская установка становится очевидной благодаря соответствующему отбору и интерпретации материала, большому вниманию к историческим характеристикам князей, царей и императоров. В связи с этим не случайно упоминания о Сибири приводятся в контексте описания деятельности правителей русского государства. Впервые топоним «Сибирь» употребляется в тексте при характеристике правления Ивана Грозного. «Сия страна, колыбель гуннов, монголов и других воинственных народов, кои появлением своим ужасали и потрясали Европу, была в сие время обитаема народами племен, большею частью финского и татарского», – такой образ региона до русской колонизации предлагался учащимся[171].

Одну из главных ролей в процессе присоединения Сибири к русскому государству Кайданов отводил братьям Строгановым, которых называл «деятельными, усердными и признательными сынами Отечества», мечтавшими о славе и выгоде для всей России.

Позиция автора как воспитателя юношества наиболее ярко раскрывается во фрагменте приглашения «пылкого, буйного» волжского атамана Ермака Тимофеева для борьбы с сибирскими татарами: «Зная, что Ермак, с бесславием разбойничества, соединял в себе дарование великого полководца, они [Строгановы] предложили ему: оставить бесчестное ремесло разбойника и прийти к ним сражаться с врагами христианства, во славу церкви и царя российского. Ермак почувствовал угрызения совести и залился слезами. Пламенное, благороднейшее желание – быть героем добродетели и наперстником истинной славы ─ воспрянуло в груди его и указало ему путь к

[171] **Кайданов И.** Начертание истории государства Российского. СПб., 1834. С. 124.

важнейшим делам…»[172] Описание похода Ермака и его товарищей больше напоминает «борьбу Героя с мировым злом», чем отражение казачьего завоевательного похода. Текст изобилует пафосными характеристиками Ермака: «герой, достойный времен рыцарства»; «сей герой, соединяя великодушие с храбростью»… Значение казачьего похода автор учебника рассматривает, прежде всего, с точки зрения расширения территории русского государства. Примечательно, что присоединение Сибири соотносится с эпохой Великих географических открытий и завоевания колоний, но при этом подчеркивается неожиданность для власти «подарка» бывшего государственного преступника: «Колумб, Писарро и Кортес покорили Испанским королям обширные страны Америки, будучи на сие уполномочены от правительства, и снабжены всеми для сего пособиями, у нас толпа смелых казаков, под предводительством отважного своего атамана, без ведома царя и, некоторым образом, против воли его, завоевала пространную часть Азии – Сибирь»[173].

Второе «покорение» Сибири Кайданов связывает с деятельностью Бориса Годунова, заселившим «многие пустыни сей страны» переселенцами из Перми, Вятки и внутренних областей России: «С сего времени *Сибирь, казавшаяся* до того времени *безлюдною, как бы мертвою*, и на вечное бесплодие от природы осужденною, оживилась и населилась. Рука трудолюбия и промышленности водворила в ней земледелие и европейские искусства» (курсив мой – *Н.Р.*)[174]. Заметим, что образы «пустынной Сибири», «степей Сибирских» для автора являются устойчивыми речевыми оборотами и многократно повторяются в тексте учебника, моделируя, таким образом, культурно-географические представления юных современников. Приведенный текстовой фрагмент актуализирует еще одну мировоззренческую установку автора учебника – убежденность в

---

[172] Там же. С. 125.
[173] **Кайданов И.** Начертание истории государства Российского. СПб., 1834. С. 125.
[174] Там же. С. 131.

прогрессивном преобразующем влиянии европейской (в том числе и русской) культуры на отсталую, «как бы мертвую» азиатскую «страну» (употребление термина «страны» маркирует представление о Сибири как об отдельной, особой части империи, не похожей на остальные ее провинции). Европоцентричная установка характерна для всех проанализированных мною учебников, а также для гуманитарного знания изучаемой эпохи. Она ретранслировалась школьникам и через содержание других учебных курсов, например, географии. В разделе учебника «Основания рациональной географии» (автор – известный путешественник А.В. Елисеев), посвященном истории как результату взаимодействия природы и человека, читаем: «Уже более 2000 лет, как Азия уступила свой скипетр образования Европе. Нигде на всей поверхности планеты ум человеческий не достигал такой блестящей высоты… Народы Европы представляют высшую степень умственного развития – фокус, где все благороднейшие силы человеческой природы сосредоточиваются с необычайной деятельностью. Это самая светлая сторона планеты, самый полный цветок земного шара»[175].

Таблица 1 позволяет судить о других (за исключением вышеперечисленных) контекстах употребления топонима «Сибирь» в анализируемом учебном пособии.

Таблица 1

Контексты упоминания топонима «Сибирь» в учебнике И. Кайданова «Начертание истории государства Российского» (СПб., 1834)

Изучаемые исторические сюжеты	Количество упоминаний	Типичные варианты описания
Развитие промышленности и торговли	4	«Российские промышленники, подкрепляемые храбростью казаков, проникли в отдаленные страны Сибири – до берегов Ангары, Амура, Яны, Индигирки и до Камчатского моря. Вскоре в пустынях Сибирских явились города Енисейск, Якутск и др.» (с. 182) «Между тем Сибирь передавала Европейской России свои произведения: золото, серебро, особливо же рухлядь, состоящую в мехах горностаевых, собольих, черных лисьих, бобровых и др.» (с. 211)

[175] **Елисеев А.В.** Основания рациональной географии для учеников высших классов гимназий и педагогических курсов. СПб., 1886. С. 231.

Расширение территории русского государства	3	«Покорение Казани, Астрахани и великой части Сибири…увеличили географическое пространство России… Сие государство на севере и востоке обезопасено было самою природою – Ледовитым морем и неизмеримыми пустынями и дремучими лесами Сибири». (с. 200)
Сибирь как место ссылки государственных преступников	7	«Силою закона вечного воздаяния, князь Василий Долгорукий занесен был в Березов с тем, казалось, чтобы он, как главный виновник падения Меньшикова, увидел томившееся там семейство его, прежде своей ужасной кончины» (с.320)
Развитие культуры (географические открытия)	3	«Между тем казаки продолжали проникать в отдаленные страны Восточной Сибири. Семен Дежнев, побуждаясь славою и надеждою добычи, предпринял (1648) морское путешествие из Колымы по Ледовитому морю до устья Анадыря, и таким образом, первый из мореходцев проехал пролив, отделяющий Азию от Америки» (с.196)

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что Сибирь воспринималась историком начала XIX в., прежде всего, как место ссылки, богатый природными ресурсами регион, привлекающий к себе внимание путешественников и инициативных предпринимателей, большая, но малонаселенная часть русского государства. Посредством учебника перечисленные представления делались достоянием образованной России и формировали образ региона у тех, кто во второй половине XIX в. определял внутреннюю политику страны, формировал общественное мнение и «делал» историю России.

Проследим эволюцию представлений о Сибири в учебниках второй половины XIX в.

Учебник историка Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории» впервые был опубликован в 1860 г. и до 1912 г. выдержал 36 изданий. Учебное пособие педагога-практика И.И. Беллярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» выдержало 32 издания[176].

Выбор данных учебных пособий обусловлен их популярностью во второй половине XIX в., широким использованием в практике преподавания истории в школе. Последнее обстоятельство во многом объяснялось наличием у учебников грифов «допущено» и «одобрено» Министерства

[176] См.: **Фукс А.Н.** Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В. Естерова. М., 1993. С. 3.

народного просвещения, служивших рекомендацией для использования в государственных школах. При анализе учебников мы имели в виду, что их авторы придерживались консервативной ориентации и последовательно разделяли идею о том, что основная цель преподавания истории в школе ─ «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству»[177].

Из таблицы 2 очевидно, что среди множества составных частей образа региона, отраженных в учебнике Д.И. Иловайского, интересен и проигнорированный авторами других привлеченных нами пособий сюжет о «сибирской» реформе М.М. Сперанского, в котором Сибирь предстает страной чиновничьего произвола. Образ «Сибири как места бессудия и бесправия» станет одним из самых популярных в пореформенной народнической журналистике. Удивительно то, что он формировался, в том числе и посредством учебника, написанного известным своими консервативными пристрастиями автором.

Таблица 2

Упоминания о Сибири в учебнике Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории» (1875 г.)

Название параграфа	Изучаемые сюжеты	Ключевые словосочетания
1	2	3
Покорение Сибири	Роль Строгановых в присоединении Сибири	«Получив от царя грамоту на пустые земли между реками Камой и Чусовой с тем, чтобы заселить эти земли, они завели здесь соляные варницы; а для защиты края от соседних народцев получили право строить крепости, иметь свои пушки и содержать на свой счет военные отряды. Последние составлялись из разного сброда: из русских и татар, из пленных немцев и литовцев, но их было недостаточно, чтобы перевести войну за Уральский хребет» (с.250)

[177] Там же.

	Причины победы Ермака	«Много трудностей должны были преодолевать казаки на этом долгом пути в борьбе с естественными препятствиями и туземными племенами. Но благодаря своему необычайному мужеству и огнестрельному оружию, неизвестному у туземцев, они счастливо окончили свое предприятие» (с.251)
Годунов – правитель	Внешняя политика Федора Иоанновича	«За Уралом в первый год Феодорова царствования Ермак погиб при нечаянном нападении Кучума; покоренные племена восстали, а казаки ушли назад в Россию; но тут они соединились с царскими воеводами, воротились и снова взяли Искер. Русские потом утвердили свое *господство в Сибири* построением нескольких крепостей (Тобольск, Пелым, Березов и др.)» (с.257)
	Смерть царевича Дмитрия в Угличе	«Следователи воротились и донесли царю, что Дмитрий в припадке падучей болезни сам заколол себя ножом. Тогда жителей Углича жестоко наказали за самоуправство: некоторых казнили и многих *сослали в Сибирь*…» (с. 258)
Прикрепление крестьян	Внешняя политика Бориса Годунова	«В *Сибири*, где русское правительство окончательно утвердилось после смерти Кучума, московское правительство продолжало строить города, переводить туда ратных людей и земледельцев; а разные льготы, объявленные переселенцам, *привлекали в Сибирь ремесленников, купцов и других свободных людей*» (с. 259)
Борис Годунов – царь	Причины падения власти Бориса Годунова	«Несмотря на свои неусыпные правительственные заботы, Борис все более и более терял народное расположение; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Первой жертвой его подозрительности сделался Богдан Бельский, некогда воспитатель царевича Димитрия; его обвинили в злых умыслах против царя и *сослали в Сибирь*» (с. 259)
Разин, казацкое и крестьянское движение	Характеристика казачества	«В XVII столетии казачество охватило уже всю юго-восточную полосу России от берегов южного Буга до Яика, перешло за Яик и проникло в *отдаленную Сибирь*… (с. 285)
«Естественные произведения», торговля и промышленность	Основные предметы торговли	«Звероловный промысел занимал важное место в народном хозяйстве по количеству ежегодно добываемых мехов (чернобурые и другие лисицы, соболи, горностаи, бобры, белки); *лучшие меха привозились из Сибири*, Печерской и Пермской областей». (с. 299–300)

Окончание таблицы 2

1	2	3

Церковь	Религиозные представления «инородцев» Московского государства	«…в XVI и XVII вв. еще большая часть финских племен на севере и востоке России были идолопоклонниками; а татарские области оставались верны исламу. Впрочем, благодаря трудам некоторых ревностных проповедников, христианство продолжало мало-помалу распространяться между этими племенами; вместе с русскими завоеваниями оно проникло и *в отдаленную Сибирь*». (с. 308)
Меньшиков и Долгорукие	Взаимоотношения Меньшикова и Екатерины I	«Гордость и дурной характер князя вооружили против него многих вельмож, но попытка их свергнуть временщика при жизни Екатерины окончилась неудачею, и некоторые из его врагов (граф Девьер, Толстой, Писарев и др.) поплатились потом *ссылкою в Сибирь* и другие места». (с. 334)
Бирон	Внутренняя политика	«Священники, позабывшие отслужить молебен в царские дни, были расстригаемы, биты кнутом и ссылаемы в *Сибирь*». (с. 336)
Низшие классы	Развитие крепостного права	«…помещикам дозволено было продавать крепостных людей, кому бы то ни было для отдачи в рекруты, а также *ссылать их в Сибирь*». (с. 341).
	Правительственные меры Петра III	«Запрещено было преследовать раскольников; а тем из них, которые бежали за пограничные места, позволено было возвратиться; *им отводили в Сибири места* для поселения… Многие вельможи, сосланные в предыдущее царствование, были *возвращены из Сибири*». (с. 344).
Министерства и государственный Совет. Сперанский	Сперанский–генерал-губернатор Западной Сибири	«*Сибирь разделялась* на три губернии, которые все вместе находились под ведомством одного генерал-губернатора. Состояние этого неизмеримого, богатого дарами природы края в те времена было печальное. Местное управление, удаленное от надзора центрального правительства, издавна отличалось самовластием в своих действиях: лихоимство и злоупотребления чиновников здесь развились в большей степени, нежели в других частях империи. В короткое двухлетнее пребывание в Сибири Сперанский с обычною энергией старался об исправлении местных злоупотреблений и составил несколько проектов для улучшения администрации. (Между прочим, по его мысли, *Сибирь разделена* на два генерал-губернаторства – Восточное и Западное) (с. 369)

Примечание. Здесь и далее в текстовом и табличном материале курсив мой. – *Н.Р.*)

Учебник Беллярминова был предназначен для интегрированного курса отечественной и всеобщей истории, предполагавшего их синхронистическое изучение. Данная особенность предопределила определенную лаконичность в изложении исторического материала. На отбор исторических сюжетов

определенное влияние оказывало педагогическое кредо автора: факты, казавшиеся ему не нравоучительными, опускались[178]. Обратимся к таблице 3 для того, чтобы выявить исторические сюжеты, при характеристике которых употреблялся топоним «Сибирь».

Таблица 3

Упоминания о Сибири в учебнике И. И. Беллярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» (1896 г.)

Тема (глава)	Изучаемые сюжеты (структурные элементы текста)	Ключевые словосочетания
Иоанн III Васильевич (1462–1505)	Сибирь и ее население до похода Ермака	«*Царство Сибирское* лежало за Уральским хребтом; татары составляли в нем господствующий класс; главным городом царства была *Сибирь* на р. Иртыше. *Сибиряки,* жившие почти в диком состоянии, переходили Уральские горы и нападали на нынешний край, в котором богатые купцы Строгановы имели соляные варницы». (с. 120)
	Причина похода Ермака	«Нуждаясь в военных людях, Строгановы однажды обратились к волжским разбойникам с предложением поступить к ним на службу». (с. 120)
	Характеристика войска Ермака	«Разбойники эти были из донских казаков; так назывались русские бедные и бессемейные поселенцы р. Дона. Они составляли общества, во главе которых стоял выборный начальник – атаман. Донские казаки часто переправлял на р. Волгу для грабежа. Царь Иоанн Васильевич выслал на Волгу войско для усмирения разбойников, а атамана их Ермака и товарища его Ивана Кольцо приказал поймать и повесить, но Ермак успел со своей шайкой спастись на р. Каме. Эту-то шайку и пригласили к себе Строгановы, снабдили ее оружием, съестными припасами и провожатыми и отправили ее в Сибирь…» (с. 120–121)
	Война с Кучумом	«Потом казаки поплыли по р. Иртышу к г. Сибири, там на берегу встретили большое ополчение Кучума… Произошло сражение; казаки обратили Кучума в бегство, потеряв 10 человек из своего отряда». (с. 121)
	Значение присоединения Сибири к русскому государству	«*Сибирь* была взята (1583 г.), и богатства ее, состоявшие из золота, серебра, парчи и дорогих мехов, достались победителям. По взятии Сибири Ермак отправил атамана Кольцо в Москву «бить челом Иоанну царством *Сибирским*». Иоанн обрадовался новому приобретению, назначил казакам богатое жалованье, а Ермаку послал дорогие военные доспехи и шубу со своих плеч». (с. 121)

[178] См.: **Фукс А.Н.** Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории. С.4.

Император Александр II Николаевич	Воспитание будущего императора	«Для пополнения образования Цесаревич, в сопровождении своего воспитателя [Жуковского В. А.], совершил в 1837 г. путешествие по средней и южной России и первый из Августейших особ *посетил западную Сибирь*. Повсюду Цесаревич вникал в местные нужды, осматривал учебные заведения, заводы, фабрики; в Сибири он обратил внимание на положение преступников и испросил у императора облегчения их участи и сокращения срока наказания». (с. 170)
Император Александр III Миротворец	Промышленное развитие России	«При нем [Александре III] начата постройка *Сибирской* железной дороги, которая должна была соединить Европейскую Россию с Тихим океаном и, кроме того, решено провести железную дорогу от внутренних губерний Европейской России к Ледовитому океану». (с. 177)

Ключевым событием, включающим регион в контекст российской и мировой истории, судя по объему учебного материала, Беллярминов считает покорение Сибири Ермаком. Сибирь представлялась автором, убежденным в необходимости и сакральности самодержавия, как объект заботы русских императоров, являющихся демиургами благополучия региона.

Представляется значимым вопрос о влиянии идеологической ориентации авторов учебной литературы на выбор и интерпретацию исторических сюжетов, связанных с Сибирью. Для ответа на этот вопрос обратимся к учебнику известного либерального историка С.М. Соловьева, впервые изданного в 1859 г. Несмотря на то, что «Учебная книга русской истории» не была общеобязательным гимназическим учебником, она пользовалась большим спросом и к 1915 г. выдержала 14 изданий[179].

В отличие от авторов предшествующих учебников, освещая вопрос о присоединении Сибири, Соловьев основной акцент делает на участии «русских людей» в этом процессе: «Так и в то время, когда Иоанн терял земли на западе, на востоке русские люди перешли через Уральские горы и положили начало утверждению своему в северной Азии»[180]. Примечательно,

[179] См.: **Самсонов А.И.** Предисловие // Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1996. С. 5.
[180] **Соловьев С.М.** Учебная книга русской истории. М., 1996. С.124.

что текст учебника почти не содержит «психологических характеристик» Ермака, Строгановых и оценочных суждений их деятельности. Последовательный государственник, Соловьев главное внимание уделяет причинам и последствиям установления «русского владычества» за Уралом. Так, характеризуя внутреннюю политику Федора Иоанновича, а потом Бориса Годунова и первых Романовых, автор неоднократно и схожими по стилистике фразами упоминает о хозяйственном освоении «новой» для русского государства территории. О языковых стратегиях «говорения» со школьниками о Сибири наглядно свидетельствует следующий отрывок: «...в царствование Михаила русские владения в Сибири увеличились на 70 000 квадратных миль пустынных пространств, ибо прокладыватели путей, казаки продолжали пробираться по пустынным рекам все далее и далее к Восточному океану и границам китайским, приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, собирая с них ясак, часто выводя из терпения своими грабительствами, за которые иногда приходилось платиться жизнью. Русские люди строили здесь городки, заводили хлебопашество… Таким образом русские люди, отодвинутые Столбовским и Поляновским договорами от образованного запада, в пустынях северной Азии полагали начатки гражданственности европейской, ибо приносили с собой христианство»[181]. Автор был убежден в вольнонародном характере колонизации региона и огромном значении данного процесса для укрепления русского государства.

С дидактической точки зрения «Учебная книга русской истории» выгодно отличается от остальных учебников хорошей структурой: тексты разбиты не только на главы, но и имеющие названия и нумерацию параграфы. Названия параграфов, наряду с содержанием текста учебника, указывают на то, что Сибирь редко представляла самостоятельный интерес для автора, в основном регион упоминался в связи с описаниями политических и социальных реалий Европейской России. Исключение

[181] Там же. С.183–184.

составляют четыре параграфа: «Строгановы и Ермак» (гл. 27); «Утверждение в Сибири» (гл. 28); «Окончание борьбы с Кучумом сибирским» (гл. 29); «Сельские жители; распространение русских владений в Сибири» (гл. 33).

Сюжетные приоритеты учебника С.М. Соловьева, позволяющие уточнить содержание авторского образа Сибири, очевидны из таблицы 4.

Таблица 4

Контексты употребления топонима «Сибирь» в «Учебной книге русской истории» С.М. Соловьева (1859 г.)

Изучаемые исторические сюжеты	Количество упоминаний
1. Сибирь как место ссылки политических деятелей и «бунтовщиков»	10
2. Экономическое и политическое значение Сибири для русского государства	4
3. Развитие культуры и образования в регионе	2
4. Сибирь как место поселения старообрядцев	2

Привлеченные нами материалы свидетельствуют о том, что в учебнике С.М. Соловьева, как и во всех проанализированных нами учебных пособиях доминировал пугающий образ региона – место ссылки и каторги. Рассказы по отечественной истории русской писательницы А.О. Ишимовой, переиздававшиеся в пореформенное время, наиболее ярко иллюстрируют наличие ассоциативного восприятия Сибири как одного из «страшных» мест, с которым конкурировать может лишь «смерть» и самые лютые невзгоды. Так, повествуя о принятии Александром I решения о сдаче Москвы войскам Наполеона, Ишимова приписывает императору следующие слова: «…лучше

согласиться отрастить бороду до груди, жить в Сибири и питаться одним хлебом, чем подписать постыдный мир»[182].

Кроме того, для учебной литературы характерно распространенное в массовом сознании представление о Сибири как о «золотом дне», своеобразной кладовой, богатой природными ресурсами. Одновременно Сибирь рассматривалась как свидетельство территориального могущества русского государства, своеобразный ресурсный, в том числе и земельный, резерв империи. Учебник С.М. Соловьева предлагает и новую, по сравнению с ранее упомянутыми учебными пособиями (за исключением Д. Иловайского), характеристику образа региона: Сибирь как место поселения старообрядцев. С педагогической точки зрения значим употребляемый автором язык описания последствий «раскола», лишенный негативных суждений, свидетельствующий о веротерпимости и задающий толерантное отношение к представителям иного, «другого» вероисповедания. Примечательны единичные проявления авторского интереса к культурному развитию края, касающиеся распространения оспопрививания среди сибирских «инородцев» и разрешения Павлом I в 1800 г. выписывать литературу «на тунгусском» языке нужную для богослужения бурятам[183]. Таким образом, аборигенное население региона включается в границы территории, ментально осваиваемой учащимися многонациональной и географически протяженной империи.

Образ Сибири актуализировался в сознании учащейся России и в *учебных курсах географии*. Географические представления о Сибири образованных россиян XIX в., их отражение в справочной литературе и имперской геополитике уже были предметом изучения А.В. Ремнева[184]. Роль детской и учебной литературы в формировании пространственных

---

[182] **Ишимова А.О.** История России в рассказах для детей. Новосибирск, 1993. С. 357.
[183] **Соловьев С.М.** Учебная книга русской истории. С. 335, 354.
[184] См.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока.

представлений о регионе до настоящего времени еще не привлекала внимания исследователей.

Имея в виду обилие учебной литературы по географии России, написанной в изучаемый период, мы остановили свое внимание на учебниках, ориентированных на разные типы школ. Показателями авторитета и востребованности привлеченных учебных пособий в практике преподавания географии в школе являются их неоднократные переиздания. Так, «Краткое землеописание Российской империи, царства Польского и Великого княжества Финляндского...», написанное ординарным профессором Главного педагогического института Е. Зябловским, было предназначено для уездных училищ и к 1821 г. выдержало четыре издания[185]. Сведения о сибирских губерниях приводятся здесь среди прочих губерний империи и сгруппированы по следующей схеме: пределы губернии, главные реки, качество земли и ее «произведения», численность и состав населения, герб, уезды и города губернии, основные заводы и оборонительные сооружения. При описании природно-климатических и естественно-географических условий сибирских губерний обращается внимание на их протяженность, на наличие разных природных зон в пределах одной губернии, на обилие природных богатств, о чем свидетельствуют данные таблицы 5.

Таблица 5

Сведения о природе и жителях сибирских губерний в учебнике Е. Зябловского (1821 г.)

Сюжет	Фрагмент текста учебного пособия
§ 44. Тобольская губерния	
Границы губернии	«Архангельская, Вологодская, Пермская и Оренбургская губернии, Киргизская степь, Томская губерния и Ледовитое море» (с.137–138)
Качество земли и природные ресурсы	«Пространства, лежащие внутри Полярного круга, состоят из моховых болот, из коих растет низкий ивовый сланец, а от Полярного круга до 58 градуса широты, губерния сия наполнена дремучими

[185] **Зябловский Е.** Краткое землеописание Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского для употребления в уездных училищах Российской империи. СПб., 1821.

	лесами и многими болотами. Барабинская степь состоит из плодородной земли; по рекам Ишиму и Вагаю лежат большею частью или песчаные, или соляные степи; напротив того по нижней части Тобола, по Исету, Туре и до Тавды распространяются плодоносные равнины. Произведения здешние: хлеб, лес, пушные звери, скот, рыба, дичина и озерная соль» (с. 138)
Численность и состав населения	«Число жителей простирается до 550 000 душ. Кроме россиян, живут там разные татарские народы, остяки, самоеды и частью зыряне» (с. 138)
§ 45. Томская губерния	
Границы губернии	«Ледовитое море, Тобольская губерния, Киргискайсацкая степь, Зюнгория, Иркутская губерния» (с. 140)
Качество земли и природные ресурсы	«Северная часть сей губернии положение имеет вообще ровное, и состоит из болот; на юг от сих стран простираются места возвышенные, превращающиеся около южных пределов в высокие горные хребты. Здесь лежат плодороднейшие равнины, на которых столько родится хлеба, что снабжаются оным жители северной части сей губернии. Кроме хлеба, другие произведения суть: лес, скот, пушные звери, рыба, пчелы, дыни, арбузы, лен, табак, золото, серебро, железо, свинец и разные камни» (с.140)
Численность и состав населения	«Число жителей простирается до 450 000 душ. Здесь, кроме россиян, живут самоеды, остяки, якуты, тунгусы, качинцы, сагайцы, телеуты, белтиры, калмыки и койбалы, качинцы, яринцы» (с. 141)
§ 46. Иркутская губерния	
Границы губернии	«Томская губерния, Северный и Восточный Океаны, Китайская Монголия и Даурия» (с. 142)
Качество земли и природные ресурсы	«Большая часть сей губернии положение имеет гористое, каменистое и к земледелию неспособна. Лучшие хлебопашественные земли лежат на запад и юг от озера Байкала, также на юго-восток от него по горным долинам и речным низменностям находятся местами пахотные земли. Из произведений естественных, кроме хлеба, примечательнейшие лес, скот, крупные звери, особливо соболи, лисицы, белки, рыба, свинцовые и серебряные руды, некоторые прозрачные каменья, соленые озера и источники» (с. 143)
Численность и состав населения	«Число жителей простирается до 550 874 душ. Кроме россиян, живут здесь поляки, монгольцы, буряты, тунгусы, якуты, юкагиры, олюторы, коряки, чукчи, камчадалы и карагасы» (с. 143)

Приведенная таблица свидетельствует о том, что текст учебника формировал представление о Сибири как многонациональной части империи: упоминается 24 этнонима, обозначающих этническую принадлежность аборигенного населения региона. Название «россиане» подразумевало, по-видимому, восточнославянских переселенцев в регион. Наряду с ними из европейских народов, мигрировавших в сибирские губернии, упоминаются лишь поляки и зыряне.

Губернский сибирский город представляется как центр сосредоточения промышленных предприятий и место жительства купечества. Можно признать типичным следующее описание Иркутска: «Купцы здешние торгуют на Кяхте и знатнейших российских ярмонках. Имеет полотняную и шляпную фабрики, а из заводов находятся здесь стеклянной, свечные, сальные, кожевенные и мыловаренные; в уезде его суконная казенная фабрика»[186]. Информация об уездных городах региона по большей части ограничивается упоминаниями о том, на каких реках они расположены, а иногда фрагментарной информацией о занятиях жителей. Замечу, что занятиям сибиряков не посвящено специальных разделов учебника, но перечень их очевиден из текста: хлебопашество, скотоводство, торговля (главным образом «мягкой рухлядью»), охота, рыболовство, работа на местных заводах и фабриках.

Пристальное внимание автора к описанию пограничных линий в сибирских губерниях моделирует восприятие региона как пограничного, окраинного, защищающего империю от угрозы нападений со стороны внешних врагов.

Сравнение описания сибирских губерний с губерниями «внутренней», Европейской России свидетельствует о том, что автор игнорировал их отличия и рассматривал Сибирь как одну из многих составных частей Российской империи, лишенную ярко выраженного своеобразия, за исключением ее пограничного положения.

В рассматриваемом учебном пособии, как и в большинстве других привлеченных мною текстов данного жанра, сообщения по физической и экономической географии соседствуют с информацией этнографического характера. Так, в параграфах, посвященных характеристике народов России, содержатся краткие сведения об аборигенах Сибири. Этносы империи сгруппированы Е. Зябловским по «поколениям» (в целом соответствующим

---

[186] **Зябловский Е.** Краткое землеописание Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского. С. 143–144.

языковым семьям в современных лингвистических классификациях), например, народы финского, татарского племени и др. В большинстве случаев автор ограничивается безоценочными характеристиками, фиксируя внимание учащихся на расселении, занятиях и религиозных представлениях народов. При этом описание коренных этносов Сибири ничем не выделяются из сообщений о других народах страны. Исключение представляет лишь текст о татарах, которым соответствует следующая характеристика: «Они честолюбивы, горды, понятий хороших, рачительны, к разным ремеслам способны, по воспитанию и вере чистоплотны, трезвы и в образе жизни умеренны»[187].

Обилием этнопсихологических характеристик отличается учебник Е.А. Лебедева для учащихся гимназий, выдержавший к 1873 г. четыре издания. В разделе «Народонаселение Сибири» содержатся яркие запоминающиеся описания внешнего облика, занятий и образа жизни сибирских аборигенов, приводится сведения об их численности, одежде, особенностях жилища и питания. Автор акцентирует особое внимание на тех чертах и качествах характера, которые отличают те или иные народы. «Тунгус своею беззаботностью и веселостью, подвижностью, ловкостью и остротой, приятностью и веселым юмором отличается от всех прочих сибирских племен, и потому его называют французом тундры. Хотя они хитры и пронырливы, но кротки и не знают лжи и обманов»[188], – таково характерное для анализируемого учебника изображение коренных сибиряков.

Примечательно, что критерием сравнения для автора является европеец как некий идеальный тип, мерило человеческих достоинств. Бинарная оппозиция «европеец – дикарь» – часто повторяющийся элемент текста. При этом собирательное наименование «дикарь» в сознании автора тоже наделяется определенным перечнем характеристик, среди которых чаще других встречаются такие, как: «простодушие», «беззаботность», «отсутствие

---

[187] Там же. С. 196–197.
[188] **Студитский Ф.** География России. СПб., 1873. С. 191.

стремления к обогащению», «склонность к коллективизму», «восприимчивость к алкоголю». Остякам, например, посвящено следующее описание: «Они робки, суеверны и простодушны; в рабочее время неутомимы, но когда сыты – *ленивы, как и все дикари*. Охотно помогая друг другу в беде, они живут между собою как братья, верят друг другу во всем. Воровства между ними почти никогда не бывает: в домах нет ни замков, ни запоров, и часто имущество оставляется посреди тундры»[189].

Показательно то, что автор критически относился к вопросу о влиянии русских на коренные народы региона, упоминая о кредитной кабале русских купцов над аборигенами – охотниками, о распространении русскими алкоголя как средства платежа за меха. Информативна следующая реплика: «Вообще камчадалы очень охотно перенимают чужие обычаи, и посредством хорошего воспитания можно было бы сделать многое из такого гибкого, способного, богатого фантазией народа. К несчастью, русские и казаки, с которыми им приходилось сталкиваться, не дают им хороших примеров. И камчадалы, при своем добродушии, остроумии и веселости, остаются по–прежнему ленивыми и чувственными, очень упрямыми и наглыми, когда с ними обходятся хорошо, низкопоклонными и преданными, когда им приказывают только и грозят»[190].

Таким образом, в гимназическом учебнике географии русским в Сибири приписывались функции культуртрегеров, призванных познакомить аборигенов с ценностями просвещения, приобщить «дикарей» к достижениям европейской цивилизации, которые, к сожалению автора, русские переселенцы далеко не всегда реализовывали. При этом Лебедев, как и большинство авторов проанализированной учебной литературы, да и представителей российской этнографической науки, был убежден в том, что степень цивилизованности «инородческого» населения империи напрямую

[189] Там же. С. 189.
[190] Там же. С. 194.

зависит от степени интенсивности и долговременности взаимодействия с русскими[191].

Признавая самобытность коренного населения региона, Е.А. Лебедев отмечал и те качества этнического характера, которые считал поучительными для учащихся российских гимназий. «Главное отличие чукчей от остальных бродячих народов состоит в том, что они весьма деятельны, предприимчивы и склонны к торговле … в то время, когда русские суетятся и торопятся, чукчи торгуют с непоколебимым хладнокровием и изумительным спокойствием. И без весов чукча слышит рукой, если недостает в пуде табаку хоть фунта», – читаем о чукчах[192].

Не менее значимо, что в учебнике поднимается вопрос об ассимиляции аборигенным населением русских мигрантов в отдельных районах Сибири, впоследствии активно обсуждавшийся пореформенной публицистикой. Сообщалось о том, что якуты по своим «духовным способностям» выше всех «инородцев» Сибири, что они ─ талантливые ремесленники (печники, плотники, мебельщики, косторезы, кожевники), имеющие хорошие способности к изучению письма и чтения. Автор писал о том, что русские охотно женятся на якутках. При этом русские перенимают якутский язык, так как «в Якутске – это модный язык, и есть русские селения, жители которых забыли свой родной язык ради якутского»[193].

Бросается в глаза присущее большинству авторов учебной литературы по географии представление об этнической иерархии народов России. Оно было сформировано российскими учеными XVIII в., которые создали подробную этнографическую таксономию народов империи. В основу этой таксономии была положена широко трактуемая категория обычая, включавшая в себя такие элементы, как социальная и экономическая организация, питание, сексуальное поведение, ритуалы и нравы в самом

---

[191] Более подробно об этом см.: **Джераси Р.** Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 гг. // Российская империя в зарубежной историографии. С. 256–261.
[192] **Студитский Ф.** География России. СПб., 1873. С. 194.
[193] Там же.

расширительном понимании. На вершине этой иерархии стояли оседлые земледельцы, за ними следовали кочующие скотоводы и этнические группы, занимающиеся охотой и собирательством[194]. В соответствии с таким подходом скотоводы–якуты более развиты, чем «бродячие» охотники и рыболовы-остяки, но менее развиты по сравнению с русскими земледельцами. При чем последние, к сожалению авторов учебников, далеко не всегда сохраняли традиционный образ жизни своих предков в местах нового расселения, нарушая свою высокую цивилизаторскую миссию.

Итак, в гимназическом курсе географии Е.А. Лебедева обозначены отдельные аспекты «инородческого» вопроса, активно обсуждавшиеся в последней четверти века общественным мнением, среди представителей которого были и выпускники гимназий, изучавшие географию и этнографию империи по разбираемому учебнику.

Данный учебник отражает и основные ипостаси образа Сибири, считывающиеся в журнальной публицистике пореформенной России. Регион описывается как территория, отличающаяся суровыми природно-климатическими условиями, имеющая богатый, но мало востребованный потенциал для развития земледелия, скотоводства, обрабатывающей промышленности, охотничьего и рыболовного промыслов. Бросаются в глаза текстовые совпадения в описании природно-климатических и экономических особенностей региона в разных учебных пособиях по географии XIX в., что наглядно свидетельствует о том, что учебная литература была одним из основных источников формирования образа Сибири в общественном мнении России. Сравним характеристику отраслей хозяйства региона в учебниках Е.А. Лебедева и П. Белоха (табл. 6).

Таблица 6

[194] Более подробно см.: **Сандерланд В.** Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. С. 202; **Слезкин Ю.** Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Там же. С. 120–154.

Особенности экономического развития Сибири в освещении учебников географии 1860–1870-х гг.

Лебедев Е.А. Учебная книга географии: Российская империя. СПб., 1873.	Белох П. Учебник географии Российской империи. СПб., 1865.
1	2
Общая характеристика региона	
«Сибирь – золотое дно», ─ говорит русская пословица. И действительно: ее бесконечные леса с пушным зверем, горы с неисчерпаемым богатством золота, серебра, свинца, драгоценных камней, каменного угля и графита, роскошные луга и тучные земли, могучие речные системы – представляют все данные для богатства, развития, прогресса и материального благосостояния. Но теперь человек едва дотронулся до этих богатств и добывает себе средства к жизни почти первобытными способами» (с. 132)	«Сибирь отличается весьма суровою природою, но на обширном ее пространстве представляется большое богатство и разнообразие произведений: горы ее обильны металлами, степные страны питают многочисленные стада рогатого скота и лошадей, реки и озера наполнены разными рыбами и обширные лесные страны служат местопребыванием дорогих пушных зверей» (с. 226)
Земледелие	
«Только в юго-западных округах Тобольской губ., в долинах Алтая, в Минусинских степях и в Забайкалье земледелие составляет главное занятие жителей и вполне обеспечивает их. Здесь девственная почва родит рожь часто сам – 30, пшеницу сам – 20…В лесистой же полосе Сибири пашни очищаются из-под леса с большим трудом и дают урожай только в первые годы, а потом истощаются. Но так как урожаи здесь ненадежны, то жители не находят выгодным, вырубая лес, увеличивать число своих пашен» (с. 132–133)	«Земледелием в Западной Сибири занимаются русские и немногие из инородцев. В западной части этого края предел хлебных посевов составляет 58 гр. северной широты, но к востоку от Енисея, на пространствах, лежащих 2 гр. южнее, посевы удаются весьма редко… Самые обильные урожаи получаются в юго-западных округах Тобольской губ., в долинах Алтая, в долине р. Абакана и в Прибайкальском крае. Рожь родится здесь весьма часто сам – 30, пшеница сам – 20, такие же богатые жатвы доставляют и другие роды зернового хлеба» (с. 243)

Продолжение таблицы 6

1	2
Скотоводство	
«Скотоводство в Сибири имеет все данные для своего развития: и прекрасные луга, и степи, и множество незанятых земель.	«Скотоводством весьма успешно занимаются земледельцы Сибири; но оно более обширно в южных частях ее, особенно у казаков: там у

Поэтому оно составляет главное занятие инородцев южной Сибири и русских, особенно казаков, у которых редко содержится менее ста штук, а у многих стада состоят из нескольких тысяч голов. Более всего разводят овец простой русской и киргизской породы и лошадей, мелких и некрасивых, но сильных и неразборчивых на корм. Калмыцкие и бурятские лошади отличаются способностью к перевозке вьюков в гористых местах; рогатый скот у них гораздо крупнее, и коровы отличаются молочностью, а овцы имеют довольно мягкую шерсть и дают хорошую мерлушку. Особенною же пригодностью для холодных стран Сибири славится якутская лошадь» (с. 133)	редкого хозяина содержится менее ста штук, а у многих стада состоят из нескольких тысяч голов. Более всего разводят овец простой русской и киргизской породы, доставляющих сало и овчины; содержится также много рогатого скота и рабочих лошадей. Сибирские лошади мелки, некрасивы, но очень сильны и неразборчивы на корм. Скотоводство прибыльнее в Западной Сибири, потому что сбыт рогатого скота и лошадей обеспечивается потребностями горных заводов, золотопромышленности и обширной сухопутной перевозки» (с. 240) «Калмыцкие и бурятские лошади мелки и некрасивы, но они весьма способны к перевозке вьюков в гористых местах; рогатый скот у них гораздо крупнее, и коровы отличаются молочностью, а овцы имеют довольно мягкую шерсть и дают хорошую мерлушку» (с. 238)
Рыболовство	
«Рыболовство составляет одно из главных средств жизни для бродячих инородцев Сибири… Но оно имеет промышленный характер только по берегам Оби, где остяки не только кормятся рыбой, но и ведут меновую торговлю с русскими промышленниками, целое лето разъезжающими для этой цели по р. Оби» (с. 134)	«Рыболовство в больших размерах производится по Оби, по Иртышу и на озерах Зайсане и Байкале. Из красной рыбы здесь более всего ловятся осетры, а из частико вой муксун по р. Оби и омули на Байкале; они заменяют здесь сельдей… По причине дурного засола и неуменья приготовлять рыбы в прок, сибирское рыболовство ограничивается только удовлетворением местных потребностей» (с. 238–239)
Охота	
«Звероловство в Сибири весьма значительно, и после Северной Америки она доставляет самое большое количество мехов, ценность которых ежегодно достигает 3 млн. руб. Участие земледельческого населения в этом промысле незначительно и состоит более в охоте на мелкого зверя – зайцев, хорьков, бурундуков, горностая и белки… В значительном количестве также ловится простая лисица, но лучшие сорта ее, а также соболь, горностай, колонок, бобр, росомаха и прочие, встречаются только в северных и восточных частях Сибири, где добывают их инородцы» (с.134)	«Звероловство в Сибири весьма значительно, и после Северной Америки она доставляет самое большое количество мехов. Участие земледельческого населения в этом промысле незначительно и состоит более в охоте на мелкого зверя – зайцев, хорьков, бурундуков, горностая; но самый большой и верный доход доставляет беличий промысел, в котором участвуют почти все жители… В значительном количестве также ловится простая лисица, но лучшие сорта ее, а также соболь, горностай, колонок, бобр, росомаха и прочие, встречаются только в северных и восточных частях Сибири, где добывают их инородцы» (с. 237)
Промышленность	
«Горный промысел в Сибири занимает до 40 тыс. постоянных рабочих и особенно развит в Алтае, Саянских и Забайкальских горах… С 1745 по 1860 г. Алтайский горный округ доставил до 116 000 пудов серебра, а золота с 1830 г. ─ до 900 пудов. Ныне же в нем добывается еще медь, свинец, железо и каменный уголь…В настоящее время золото	«Горные промыслы в Сибири ограничиваются преимущественно добыванием золота и серебра…Самые обширные горные промыслы производятся в Колыванском округе, в горах Алтайских... В них ежегодно добывается около 1000 пудов серебра, из которого отделяется до 100 пудов золота... Промышленность фабричная и даже ремесленная

добывается здесь на всем пространстве от Саянских гор до Средней Тунгуски, и ежегодная добыча его доходит до 1000 пудов. В Забайкальских горах добывается также значительное количество золота… кроме еще получается серебро, свинец, железо и драгоценные камни: аметист, яшма, шерлы и др. Промышленность обрабатывающая весьма мало развита. Восточная Сибирь почти вовсе не занимается обработкой своих сырых произведений, да и в Западной она состоит преимущественно в выделке кож и сала» (с. 136)	в Сибири развита очень мало, особенно в восточной ее части. Почти всеми мануфактурными изделиями она снабжается из Европейской России; оттуда же получаются большею частью и изделия меллические, несмотря на то, что в ней самой нет недостатка в материалах, необходимых для их приготовления. Даже в скорняжном деле сибиряки уступают мастерам внутренних губерний, и нередко меха, в них выделанные, возвращаются в Сибирь для продажи» (с. 244)

Окончание таблицы 6

1	2
Торговля	
«Сибирь всеми мануфактурными изделиями и колониальными товарами снабжается из Европейской России. Они закупаются оптом на ярмарках Ирбитской, Нижегородской, а частию в Петербурге и в Москве и отсюда идут в главные складочные пункты Сибири: Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск и Иркутск. В эти же города торговцы Сибири свозят свои местные товары: сало, кожи, мерлушки, меха и выменивают их на европейские, развозят по всем городам, селеньям и кочевьям Сибири… Размен с северными инородцами совершается более летом, для этого вниз по сибирским рекам отправляются торговцы с хлебом, табаком, тканями, металлическими изделиями, потребными для инородцев, и на берегах открываются торжки в разных местах, к которым стекаются инородцы. Особенно важными пунктами в этом отношении являются: Обдорск, Якутск и с. Островное на р. Колыме» (с. 136)	«Торговля Сибири замечательна не только по обширности оборотов, но и особенности своего характера. При отсутствии местной издельной промышленности фабричные товары закупаются на рынках Европейской России, как для самой Сибири, так и для соседних с нею стран Туркестана и Китая. Оптовая закупка разного рода тканей, галантерейных вещей, металлических изделий и колониальных товаров производится на ярмарках Ирбитской, Нижегородской, а частью в Москве и Санкт-Петербурге. Все эти товары сосредоточиваются в главных складочных пунктах, которыми служат для Западной Сибири города: Тюмень, Тобольск и Томск, а для Восточной – Красноярск и Иркутск. В этих городах запасаются товаром местные розничные торговцы, продающие его из лавок или развозом по ярмаркам, селениям и кочевьям… Размен с северными инородцами совершается более летом; для этого по сибирским рекам отправляются в них торговцы с хлебом, табаком, тканями, топорами, иглами и другими потребными в инородческом быту предметами, и по берегам открывают торжки в разных пунктах, к которым стекаются бродячие народы. Для этого торга существуют даже ярмарки в Обдорске и в с. Островном в Нижне-Колымском округе» (с. 245–246)

Приведенная таблица свидетельствует о том, что среди авторов учебной литературы по географии существовали определенные стереотипы в отношении интерпретации образа Сибири как природно-климатического и

хозяйственно-экономического целого, которые не могли не повлиять на восприятие образа региона школьниками.

Возвращаясь к учебнику П. Белоха, отметим, что он подчеркивает протяженность и малонаселенность Сибири, занимающей третью часть Азиатского материка и почти 3/4 пространства Российской империи; ее исключительное в территориальном смысле положение в составе русского государства. Основную заслугу в присоединении региона автор приписывает не вольнонародной колонизации, а усилиям правительства, привлеченного пушными богатствами края.

В отличие от авторов других учебных пособий П. Белох уделяет большое внимание составу русского населения региона, называя в его числе казаков, разного рода сельских жителей, переселенных из малоземельных казенных губерний или отправленных на жительство взамен рекрутской повинности, а также ссыльнопоселенцев. Автор игнорирует беглых крепостных крестьян и старообрядцев, бежавших от притеснений со стороны властей, которые также являлись источниками формирования русского населения региона, и это игнорирование может быть объяснено цензурными соображениями. К числу специфических особенностей Сибири Белох относит ее земледельческий характер, отмечая, что большинство сибирских городов являются административными и военными центрами, а не местом средоточия ремесла и торговли, распространению которой мешают большие расстояния. В учебнике не встречаются прямые упоминания о перспективах развития региона, однако по тексту очевидно, что его будущее связывалось с увеличением населения, развитием обрабатывающей промышленности и торговли.

С Сибири начиналось изучение России в учебном пособии Ф. Студитского, к 1873 г. пять раз переиздававшемся. Автор назвал свою книгу «Географическими упражнениями для развития способностей детей и для первоначального изучения своего Отечества». По мнению педагога, изображенная на карте обширная и малонаселенная территория Сибири

облегчает привыкание учеников к работе с картой, так как «легче находить и замечать на такой карте, где означено немного городов»[195]. Краткие сведения по физической и экономической географии изложены в форме путешествия по российским, в том числе и сибирским рекам. В конце каждого раздела пособия содержатся контрольные вопросы и перечень географических сведений, необходимых для запоминания. Согласно последним учащийся после изучения Сибири должен знать и уметь показать по карте: моря, омывающие регион (Северный океан, Ледовитое, Берингово, Охотское и Японское моря); реки Обь, Бию, Катунь, Томь, Кеть, Иртышь, Ишим, Тобол, Туру, Енисей, Ангару, Подкаменную и Нижнюю Тунгуски, Лену, Алдан, Амур, Шилку, Аргунь; западно- и восточносибирские генерал-губернаторства с входящими в их состав губерниями (Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской) и областями (Акмолинской, Семипалатинской, Якутской, Амурской, Забайкальской и Приморской); города Тобольск, Омск, Березов, Томск, Барнаул, Бийск, Акмолу, Семипалатинск, Красноярск, Енисейск, Минусинск, Иркутск, Читу, Нерчинск, Троицкосавск, Благовещенск, Николаевск, Александровск, Охотск, Аян, Владивосток; село Обдорск и слободу Кяхту[196].

Аналогичную информацию о регионе содержит учебник «Всеобщая география для начального преподавания» В. Бардовского. Отмечу, что наряду с весьма компетентными суждениями о природе и климате северной Азиатской России автор демонстрирует весьма одиозные этнографические представления. Например, народы Северной и Средней Азии охарактеризованы следующими словами: «… грубые и полудикие, занимаются только первыми потребностями жизни: звериная ловля, скотоводство и грабеж суть единственные их промыслы»[197].

Тем не менее, даже пропедевтические курсы географии ориентировали учащихся на знакомство с сибирскими топонимами, предоставляли

---

[195] **Студитский Ф.** География России. СПб., 1873. С. 22.
[196] Там же. С. 28–29.
[197] **Бардовский В.** Всеобщая география для начального преподавания. СПб., 1837. С. 294.

информацию о ландшафте, климате и административно-территориальном, демографическом, этническом и экономическом развитии региона. В отдельных учебниках XIX в. содержались экскурсы в историю изучения Сибири. Так, в учебнике И. Павловского приводились подробные сведения о морских и сухопутных купеческих и казачьих экспедициях по изучению региона в XVII–XIX вв. и последовавших за ними действиях правительства по его колонизации[198].

Анализ школьных учебников географии XIX в. позволяет выявить следующие микрообразы региона, моделировавшие представления о Сибири учащейся России: 1) огромная, но малонаселенная страна; 2) «страна холода и мрака» – место с суровыми и не очень благоприятными для жизни природно-климатическими условиями; 3) «ресурсная кладовая», богатая пушниной и полезными ископаемыми; 4) место взаимодействия разных народов и культур, где, наряду с русскими, проживают «другие, иные» народы, отличающиеся по внешнему облику, образу жизни, психологическому складу от европейцев и нуждающиеся в просветительском воздействии последних; 5) край, где мало городов и слабо развита торговля и промышленность.

Примечательна рефлексия одного из современников в отношении информативного потенциала учебников географии в распространении знаний о Сибири: «Мало извлечете вы, заглянув для очистки совести и в учебники географии. Они напомнят вам, пожалуй, время вашего детства, восстановят неясный образ Ермака, укажут количество церквей, но относительно бытовых подробностей проявят ту же скупость, какую проявлял покойный старик Ободовский (Ободовский А.Г. – автор популярных учебников географии. – *Н.Р.*)[199].

Сопоставление культурно-географических образов Сибири на страницах учебной литературы по истории и географии с текстами на

---

[198] **Павловский И.** География Российской империи. Дерпт, 1843. Ч. 1. С. 3–5.
[199] **Станюкович К.М.** В далёкие края // Собр. соч.: В 10 томах. М., 1977. С. 239.

«сибирскую» тематику, опубликованными на страницах общественно-политических журналов второй половины XIX – начала XX в., доказывает явное сходство текстовых репрезентаций региона и подтверждает первоначальную гипотезу о том, что учебники, с одной стороны, отражали существующие в общественном мнении представления о Сибири, с другой же, сами являлись одним из факторов их формирования. Стандартизированные и имевшие хождение по всей империи учебники не только моделировали содержание исторических и географических представлений о регионе, во многом детерминированные корпоративными и идеологическими пристрастиями их авторов, но и способствовали национальной, региональной идентификации школьников, подчеркивали цивилизующую миссию русских в освоении имперских окраин. Именно эта историческая роль, гордость, ассоциировавшаяся с ней, были, по верному замечанию американского историка Р. Джераси, определяющими элементами национальной идентичности на закате империи[200].

Как неоднократно упоминалось, одним из авторитетных институтов формирования и структурирования общественного мнения была художественная литература, оказывавшая влияние на формирование коллективных представлений о Сибири. Работы исследователей позволяют выделить несколько структурных элементов образа региона, доминировавших в художественной литературе конца XVIII – первой половины XIX в. В числе наиболее упоминаемых можно назвать *образ страны-тюрьмы, пустынной, холодной*, доминирующий и в учебной литературе. «Страну ужасну, хладну», свидетельницу бедствий и мучений описывает во время своей ссылки в Илимском остроге А.Н. Радищев. Его современница Екатерина II вопрошает в своей пьесе «Шаман сибирский»: «…Кто охотно едет в Сибирь?.. имя одно наводит страх…»[201]. Мотив страны изгнания особенно акцентируется в 20–30-е гг. XIX в. в связи с сибирской

[200] **Джераси Р.** Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 гг. С. 259.
[201] Цит. по: **Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.** Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. С. 417.

ссылкой декабристов, предопределившей поэтизацию *Сибири как места страдания за идеи*. Одной из наиболее знаменитых актуализаций данного образа было пушкинское «Во глубине сибирских руд» (1827 г.), изобилующее «говорящими» словами-маркерами («мрачное подземелье», «мрачные затворы», «каторжные норы», «оковы тяжкие», «темницы»), тематически связанными не столько именно с сибирской ссылкой, сколько с темой несправедливости и суровости наказания. Однако вполне возможно, что в сознании восприимчивых современников стихотворение порождало ассоциативные связи с пугающим *образом Сибири – каторги, страны неволи*… Сибирь в литературе XIX в. представала неизбежным этапом биографии инакомыслящих. Не случайно А.С. Пушкин, работая над недописанной главой «Евгения Онегина», размышлял о том, чтобы «отправить» в Сибирь своего героя. Наряду с номинацией Сибири как места символической «политической» смерти, в XIX столетии бытовало восприятие региона как места «духовного воскрешения», очищения от повседневной суеты и мирских страстей. В драме П. Свиньина «Александр Данилович Меньшиков» (1839 г.) именно в сибирской ссылке соратник первого русского императора раскаивается в том, что «ослеплен был мирскими страстями» [202], переоценивает пережитое и открывает для себя новые смыслы бытия.

Существенная корректировка мифологических представлений о Сибири как о суровой, пустынной стране, мало пригодной для «добровольного» человеческого существования, породившей устрашающие *образы Сибири-каторги*, транслировавшиеся в интеллектуальном мире, главным образом, столичными литераторами, принадлежала декабристам. Просвещенные невольники Сибири пытались ее «осмыслить» как часть России, при этом акцентируя внимание на ее своеобразии[203]. Богатое

---

[202] См.: **Свиньин П.** Александр Данилович Меньшиков: Драматическое представление в трех картинах // Сто русских литераторов. СПб., 1839.

[203] О взглядах декабристов на Сибирь см., например: **Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.** Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. С. 416–420.

литературное наследие декабристов свидетельствует о том, что среди специфических особенностей Сибири, приковавших их внимание, было отсутствие крепостного права и, как следствие, большая зажиточность и самостоятельность местных крестьян; чиновничий и судебный произвол как причина многих народных пороков; отрицательное влияние ссылки и каторги на развитие сибирского общества; колониальный статус Сибири в составе России и поиски оптимального административного устройства региона. Именно декабристы породили в общественном мнении взгляд на Сибирь как на нуждающуюся в развитии, в прогрессе просвещения и законодательства часть России.

В художественных и мемуарных произведениях декабристов актуализировалась еще одна, популярная в общественном мнении XIX в., ипостась *образа региона как богатейшей и малоосвоенной территории*[204]. Как отмечает А.В. Юдельсон, популяризации представлений о Сибири как российской кладовой, «страны довольства» с «золотым дном» способствовала публикация в начале XIX в. панегирических сочинений о Сибири высокопоставленными сибирскими чиновниками А.П. Степановым, В.С. Хвостовым, А.М. Корниловым, М.В. Семивским. Трансляции образа региона как страны «тучных стад», принадлежащих «ленивым от довольства местным жителям», живущим на «хранящих в сердце своем сокровища», «плодородных почвах», способствовали статьи журнала Г.И. Спасского «Сибирский (впоследствии – «Азиатский») вестник»[205]. Напомню, что журнал был первым столичным периодическим изданием, посвященным непосредственно Сибири. Несмотря на короткий срок своего существования (7 лет) и небольшое число подписчиков, он в какой-то степени способствовал «популяризации» сибирской темы.

Мифологизированные представления о богатствах и просторах края сделали *Сибирь* одним из *адресатов социальных утопий*, бытовавших не

---

[204] Более подробно см. в третьей главе данной монографии.
[205] См.: **Юдельсон А.В.** Сибирь в русской социальной утопии. С. 132.

только в народной, но и элитарной культуре. Известный культуролог Б.Ф. Егоров в своих «Очерках по истории русской культуры» подробно анализирует утопию Ф. Булгарина «Правдоподобнее небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке» (1824 г.). Действие происходит в Восточной Сибири, на берегу Северного Ледовитого океана: университетский город Надеждин расположен на Шелагском мысу (современный Чукотский округ). Полюс холода через 1000 лет переместился в Африку, а в Сибири теперь цветущая природа и цветущие города. Упоминаются университеты, Камчатская и Обдорская академии наук, образованный эскимосский принц; выдающийся ученый, самоед Шамуромай открыл в 1946 г. производство из воздуха «светородного газа», дающего людям тепло и освещение[206]. Демонстрируя свою этническую толерантность (уважение к народам Севера, описание образованных гостей-негров), Булгарин в то же время, в духе декабристского патриотизма, делает русский язык мировым языком поэзии.

Данная утопия в контексте обсуждаемой темы любопытна в первую очередь тем, что Сибирь в отличие от «внутренней», Европейской России, рассматривается как место счастливого для всех просвещенного будущего. Данная ипостась образа региона любопытна тем, что впоследствии она будет активно представлена на страницах народнических изданий, прошедших эволюцию от «клиширования» панегирических представлений о Сибири до их активного развенчания. Попутно заметим, что неоднократно упоминаемая «народная» легенда о Беловодье, во всяком случае ее репрезентации в общественном мнении, как убедительно свидетельствует исследование Т.С. Мамсик, в определенном смысле тоже явилась результатом интеллектуального «конструирования» краеведов С.И. Гуляева, П.И. Мельникова и др.[207]

---

[206] См.: **Егоров Б.Ф.** Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5. С. 229–230.

[207] См.: **Мамсик Т.С.** Беловодская легенда и публицистика 40–50-х гг. XIX в. С. 138–139.

Н.Е. Меднис рассмотрено воплощение в художественной литературе 20–30-х гг. XIX вв. *образа Сибири как «полупробудившегося творения»*. Сравнивая образы Кавказа и Сибири как двух полярностей русского романтизма, несмотря на черты «внешнего» сходства, автор обращает внимание на их глубокое культурно-историческое и, как следствие, функционально-эстетическое различие. При описании Кавказа наряду с обрисовкой диких нравов и «своеобычной» природы постоянно встречаются образы-сигналы, говорящие о древности угасающей культуры. В описаниях же Сибири мотив вечности устойчиво связывается с нетронутой цивилизацией первозданной природой[208]. Нельзя не согласиться с наблюдением исследовательницы о том, что ореол страшного и вместе с тем таинственного края, созданный поэзией, поддержанный историей (ссылка декабристов), на долгие годы будет определять в культурно-психологическом плане восприятие Сибири и ее изображение. В качестве одного из многих подтверждений справедливости данного наблюдения сошлюсь на авторское вступление к сборнику стихотворений о Сибири малоизвестного поэта Е.П. Ковалевского: «…Знаю, что исполинские картины Сибири выше всяких описаний… Сорвите с главы горного утеса бурное облако, начертите на нем стрелою молнии … и если письмена будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь!..»[209]

Романтизация природы Сибири, гиперболизация ее просторов, суровости ее климата, «дикости и первозданности нравов» ее аборигенного населения способствовала популярности произведений *о героических поступках людей, ради высших целей преодолевавших все преграды*, действие которых разворачивалось на фоне сибирского топоса. *Одним из культурных символов региона* в художественной литературе первой половины XIX в. стала *Параша-сибирячка*, героиня популярной одноименной драмы Н.А. Полевого. Пьеса Полевого, сибирского уроженца, с успехом шла на русской

---

[208] См.: **Меднис Н.Е.** Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. С. 54–55.

[209] **Ковалевский Е.П.** Сибирь. Думы. СПб., 1832. С. 2.

сцене (с 1840 г.) и послужила основой для либретто популярной оперы Струйского под таким же названием. Как известно, прототипом главной героини была дочь ссыльного Прасковья Луполова, отравившаяся из Ишима Тобольской губ. к Александру I с просьбой о помиловании своего отца. Важны мотивы, побудившие Н.А. Полевого увековечить образ сибирячки. В письме своей сестре, известной сибирской бытописательнице Е.А. Авдеевой, Полевой с восторгом вспоминал день успешной премьеры пьесы, называя ее любимой, ностальгировал о мгновениях счастья, испытанных в работе над пьесой:

Когда моей Сибири отдаленной
Изображал раздолья я степей,
Леса, пустыни, девы вдохновенной
Святую мысль и подвиг – и царей
Любовь и благость[210].

Если Н.А. Полевой был движим желанием прославить свою родину путем описания поступков людей, в ней живших, то французские писатели М.С. Коттен и К. де Местр были покорены поступком П. Луполовой, сделав ее героиней своих произведений[211], хорошо знакомых русской читающей публике. В современном литературоведении бытуют версии о том, что Прасковья Луполова послужила прототипом Маши Мироновой в пушкинской «Капитанской дочке»[212].

Наиболее читаемыми произведениями о регионе были разножанровые художественные тексты о другом культурном герое – Ермаке[213], прочно ассоциировавшимся в общественном мнении и массовом сознании с регионом. Время не донесло до нас всех авторов многочисленных поэм, «дум», опер, исторических повестей, рассказов и пьес для детей. Среди

---

[210] Драматические сочинения Н.А. Полевого из русской истории. СПб., 1899. С. 98.

[211] См.: **Коттен М.С.** Елисавета Л., или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие. М., 1807; **Местр де К.** Юная сибирячка. СПб., 1845.

[212] См., например: **Тахо-Годи М.А.** «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 4. С. 140–151; **Савченкова Т.П.** Ишим и литература. Век XIX: очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим, 2004.

[213] См.: **Рейтблат А.И.** Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. С. 195.

известных – поэт-декабрист К.Ф. Рылеев, философ А.С. Хомяков, баснописец И.И. Дмитриев, лубочный писатель Н.М. Пазухин, студент юнкерского института И.К. Буйницкий, детская писательница В.П. Андриевская, будущий газетный магнат и книгоиздатель А.С. Суворин. Художественные тексты XIX в. о Ермаке заслуживают глубокого специального осмысления, в данном случае они интересны, прежде всего, тем, что репрезентируют набор всех вышеупомянутых образов Сибири. *Образ Сибири ― богатейшей страны ―* ярко воплощен в популярном рассказе А.С. Суворина (первое издание – начало 1860-х гг.): «Всего в Сибири было вдоволь – и земли хорошей, и лугов, и лесов всяких, и зверя, и рыбы, и воздух был здоровый. В горах находили железо, серебро, золото, медь, свинец, самоцветные камни. Одним словом сказать – в Сибири было привольнее человеку»[214].

Образ Сибири – защитного рубежа России от внешних врагов – и Уральских гор как границы своей/чужой территории актуализировался в повторяющихся описаниях причин похода Ермака. Сошлемся на один из типичных в этом смысле фрагментов, интересных с точки зрения отражения в исторической памяти современников процесса присоединения/покорения Сибири:

Слушай: за грядою
За каменной лежит страна
Враждебная. Набеги диких
Племен творят нам много зла.
Иди и завоюй страну ту![215]

Цитируемое произведение акцентирует и активно тиражируемый официальной идеологией со второй половины XVIII в. *образ России просветительницы, покровительницы «инородческого» населения,* символическим апофеозом которого было помпезное открытие в 1782 г. Тобольского наместничества:

---

[214] **Суворин А.С.** Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. СПб., 1904. С. 5.
[215] Ермак: Опера в 4-х действиях. Музыка М. Сантиса. СПб., 1873. С. 19.

В руках шаманов никла ты, Сибирь,
Но Русь не то! Теперь в союзе с нею
Воспрянешь ты, окрепнешь, богатырь
И мощью мир ты изумишь своею[216].

Образ Сибири – место искупления прежних грехов посредством подвига во имя Родины – повторяющийся, «плавающий» элемент «ермаковской» литературной эпопеи. Ермак в подавляющем большинстве текстов «проходит» путь от «главаря, атамана шайки» до героя, стяжавшего славу царю и отечеству. Замечу, что причины, по которым Ермак стал «вождем разбойников», запятнал себя кровью соотечественников и нарушил моральный закон, в русской литературе XIX в. интерпретировались различно: несчастная любовь, роковая предопределенность, оппозиция Ивану Грозному. О последней причине А.С. Хомяков писал (1825 г.):

Я был разбойником, но к преступлениям,
К разбоям кто, скажи, меня послал?
Не ты ль, который отдал всю Россию
И подданных богатства, жизнь и честь
Кромечникам своим на расхищенье?..
Чего в разбоях я искал? Спасенья!
Спасенья от неправедной вражды,
От коей вся пространная Россия
Укрыть главы невинной не могла[217].

Как отмечает Ю.В. Манн, в судьбе Ермака несколько моментов особенно притягательны для литературной обработки: 1) переход от побед над ханом к поражению, от славы к бесславию; 2) владычество случая в гибели Ермака; 3) гибель на вершине удач, в момент торжества, что выражало излюбленную романтиками мысль о соединении счастья с несчастьем[218].

---

[216] Там же. С. 59.
[217] Цит. по: **Манн Ю.В.** Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 274.
[218] Там же. С. 272.

Однако в контексте данной темы ключевыми являются два момента, присутствующие практически во всех произведениях – раскаяние и смерть за родину, превратившие грешника, преследуемого царем, в персонифицированный символ «русской Сибири». «Как скоро Ермак услышал сие известие (о набегах татар на владения Строгановых. – *Н.Р.*), то вдруг родилась в нем отважная мысль. Он рассуждал, что если ему удастся усмирить сих врагов России или покорить их под власть ее, то он не только заслужит царскую милость, но и приобретет, подобно другим героям, неувядаемую славу, которая занимала всю его душу», – читаем в произведении анонимного автора о принятии решения «искупить прежние преступления службой отчизне»[219]. Роковой смертельный финал являлся, как правило, наивысшей точкой повествования. Смерть «сначала разбойника, а потом завоевателя Сибири…как смерть героя, оказавшего большие услуги», должна была «пробудить сожаление в сердце каждого»[220].

Для подавляющего большинства привлеченных текстов, вне зависимости от жанров и степени художественного дарования авторов, характерна *мифологизация Ермака как национального культурного героя*. Типичен пафос И.К. Буйницкого, сравнивающего знаменитого воина с «величавым дубом, простиравшим к облакам главу свою», со «смертоносным Перуном для злобных и весенним, кротким солнцем для несчастных». Примечательна и реплика о том, что памятником Ермаку «есть и будет богатая Сибирь»[221]. Не менее патетичны последние строки романа Н.М. Пазухина, пророчествовавшего, что и через несколько столетий имя Ермака – «славного, храброго завоевателя и покорителя Сибири» – будет помнить каждый русский[222].

Потенциал художественных текстов о Ермаке, конечно, не исчерпывается их значением в формировании исторических представлений о процессе присоединения Сибири к России и трансляцией

---

[219] Ермак, завоеватель Сибири: Историческая повесть. М., 1827. С. 129.
[220] Ермак, покоритель Сибири: Исторический роман. М., 1839. С. 95.
[221] См.: **Буйницкий И.К.** Ермак, завоеватель Сибири. М., 1867. С. 68–69.
[222] **Пазухин Н.М.** Ермак, покоритель Сибири: Исторический роман из времен Иоанна Грозного. М., 1885. С. 180.

мифологизированных представлений о регионе и его мифмейкерах (персонифицированных символах). В данном случае многочисленные разножанровые литературные произведения упоминаются как один из многих источников формирования образа региона в сознании творцов сибирского журнального дискурса пореформенной эпохи. Вне сферы внимания осознанно остается вопрос о том, как художественные тексты второй половины XIX в. влияли на формирование коллективных представлений о Сибири. После того, как литература, образно говоря, «ушла в толстый журнал», художественные тексты рассматриваются нами как органичная часть сибирского журнального дискурса, причем только те из них, что привлекали внимание востребованных изданий, помещавших их на своих страницах и публиковавших о них рецензии.

Упомянутые в данном тексте источники формирования образа региона у образованных русских, естественно, не исчерпывают весь перечень источников информирования о Сибири. Нуждается в специальном анализе ментальное картографирование Азиатской России XIX в., роль мемуарной, энциклопедической, детской литературы в распространении коллективных представлений о Сибири. Однако открытым, вероятно, так и останется вопрос о соотношении различных источников в формировании индивидуального восприятия этой «обширной части отечества нашего», о степени репрезентативности каждого из них для конкретных читателей – творцов собственных версий осмысления Сибири. Примечательны в этом смысле ироничные размышления К.М. Станюковича, собиравшего сведения о Сибири, перед отправлением в ссылку сетовавшего на отсутствие отечественных справочников, путеводителей; на недоступность для столичного обывателя сибирских газет, памятных книжек сибирских губерний; на разноречивость сведений известных путешественников, посещавших Сибирь. «Когда я начал было составлять маршрут путешествия из Петербурга в страну золота и классического “Макара“… я мог сообразить свою поездку лишь до Урала. Дальше всякие соображения относительно

времени и способов передвижения прекращались, и я находился в таком же недоумении, в каком очутился бы, собираясь посетить неизведанные места Центральной Африки», – недоумевал один из хорошо образованных русских литераторов[223].

Г л а в а 2. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕГИОНА РОССИЙСКИМИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЖУРНАЛАМИ

2.1. Участие консервативной журнальной прессы в формировании социокультурных мифов о Сибири

Представления российских консерваторов о месте Сибири в составе российского государства, их мнения о специфике управления регионом, суждения о реалиях сибирской жизни, имеющих общероссийскую информационную актуальность, так или иначе затрагивались в работах историков, занимающихся изучением правительственной политики в регионе и деятельности местных бюрократических структур[224]. Чаще всего разножанровое идейное наследие русских традиционалистов привлекалось для аргументации выводов исследователей о причинах и нюансах правительственных действий в отношении региона. При этом вне сферы внимания оставались вопросы о том, насколько однородной была позиция консерваторов в отношении края, какие именно охранительные идеи стали

---

[223] **Станюкович К.М.** В далекие края // Собр. соч. В 10 т. М., 1977. С. 238.

[224] См., например: **Матханова Н.П.** Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С Корсаков. Новосибирск, 1998; **Островский И.В.** Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991; **Ремнев А.В.** Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в.; **Он же.** Проблема "Центр–Сибирь" в исторической ретроспективе // Словцовские чтения – 96. Тюмень, 1997. С. 99–101; **Он же.** Самодержавие и Сибирь; **Он же.** Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 15–28; **Топчий А.Т.** Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979; **Худяков В.Н.** Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986; **Шиловский М.В.** Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в. С. 35–43 и др.

основой для обоснования политики самодержавия в Сибири на разных этапах ее эволюции, как согласовывалась интерпретация «сибирских» вопросов с исходными положениями консервативной доктрины, каким было место Сибири в социальных утопиях консерваторов.

Для выявления динамики взглядов традиционалистов–охранителей по ключевым вопросам сибирской жизни привлечем такие известные толстые журналы консервативной ориентации, как «Русский вестник» и «Русское обозрение».

Трансляция консервативной модели образа региона посредством журнала «Русский вестник»

Для определения источников и контекстов формирования консервативной версии образа региона, выяснения информационных поводов, актуализировавших для охранительных публицистов те или иные «сибирские» вопросы, логичны краткий экскурс в историю журнала, обращение к личности его редактора-издателя, характеристика структуры издания и авторского коллектива, декларируемые мировоззренческие ценности и особенности взаимоотношений с цензурой. Приведенный перечень параметров реконструкции образа издания актуален в данном случае лишь в той степени, в которой он позволяет понять презентовавшийся читателям журнала образ Сибири.

Как и большинство авторитетных ежемесячных общественно-политических журналов второй половины XIX в., «Русский вестник» не обделен вниманием специалистов по истории общественного мнения и русской журналистики[225].

При анализе работ, особенного дооктябрьского и советского периодов, посвященных журналу и его многолетнему редактору-издателю, учитывалась их идеологическая ангажированность, определенная зависимость выводов и

---

[225] См., например: **Сементковский Р.И.** М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892; **Неведенский С.** Катков и его время. СПб., 1888; **Любимов Н.А.** М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889 и др.

оценок от мировоззренческой приверженности и методологических пристрастий их авторов.

В 1855 г. издателем университетской газеты «Московские ведомости», бывшим преподавателем логики старейшего российского университета М.Н. Катковым было подано прошение об издании журнала под названием «Русский вестник». Избранное Катковым название уже было известно читающей публике, так как одноименные журналы уже издавались в 1808–1820 и в 1824 гг. в Москве С. Н. Глинкой и в 1841–1844 гг. в Санкт-Петербурге под руководством Н.И. Греча и Н.А. Полевого. Можно предположить, как и в случае с «Вестником Европы» М.М. Стасюлевича, что выбор названия позиционировал читающей публике идейную преемственность изданий, возможно, их ориентацию на конкретный сегмент читательской аудитории.

При содействии товарища министра народного просвещения П.А. Вяземского прошение М.Н. Каткова было удовлетворено, и с января 1856 г. журнал начал издаваться московскими либералами, в числе которых – Е.Ф. Корш, П.Н. Кудрявцев, П.М. Леонтьев. Замечу, что за исключением библиотекаря Румянцевского музея в Москве Е.Ф. Корша, ближайшими сотрудниками Каткова стали его коллеги по университету профессора Кудрявцев и Леонтьев. Наряду с примером «Вестника Европы» это дает основания утверждать, что у истоков формирования идеологии двух ведущих течений общественной мысли пореформенной России – либерализма и консерватизма – стояла столичная профессура, сделавшая рупором трансляции своих идей толстые журналы. Таким образом, продолжалась сложившаяся во второй четверти XIX в. традиция, соединившая русскую университетскую науку с журналистским творчеством[226]. В объявлении о сотрудниках будущего «Русского вестника» мы встречаем имена известных общественных деятелей и публицистов, впоследствии активно

[226] См.: **Бак Д.П.** «Теория искусства» и «самое искусство»: Московская журналистика 1830-х гг. и университетская наука // Москва и московский текст русской культуры. М., 1998. С. 26–62.

публиковавшихся в либеральном «Вестнике Европы»: А.Д. Галахов, С.М. Соловьев, А.Н. Пыпин и др.

Дооктябрьский биограф Каткова Р.И. Сементковский уже обратил внимание на то, что популярный у молодежи середины XIX в. демократический «Современник», впоследствии ставший основным оппонентом «Русского вестника», восторженно приветствовал новый журнал: «Никто больше нас не радовался блестящему успеху “Русского вестника“ и никто более нас не желает, чтобы успех этот продолжался и возрастал»[227].

Исследователи по-разному идентифицируют мировоззренческую платформу «Русского вестника» на начальном этапе его существования. Большинство специалистов по истории общественного мнения и русской журналистики XIX в. едины в том, что издание эволюционировало от умеренного либерализма к охранительству, консерватизму[228]. В качестве причин трансформации идейного направления журнала называются: разочарование в первых результатах либеральных реформ; польское восстание 1863 г., поставившее под угрозу одну из основных ценностей, декларируемых редакцией издания – целостность империи; студенческие волнения 1861–1862 гг., которые не могли не волновать университетских преподавателей; рост популярности радикальных, «нигилистических» идей среди молодежи.

В.А. Твардовская определяет политическую программу «Русского вестника» как попытку соединить «охранительную» идеологию с элементами либерализма, доказывает консервативный характер самих основ мировоззрения редактора-издателя и идейного лидера «Русского вестника» Каткова при всех его либеральных тенденциях[229].

---

[227] Цит. по: **Сементковский Р.И.** М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. С. 25.

[228] См., например: **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. С. 223; **Маслов В.С.** «Русский вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 217–232.

[229] **Твардовская В.А.** Идеология пореформенного самодержавия. С. 18–19.

Продуктивный подход к пониманию политического кредо издания представляет концепция либерально-консервативного синтеза, согласно которой политическая публицистика М.Н. Каткова воплощала модель либерально-консервативной политики. Ее суть заключалась в либерально-консервативном синтезе между самодержавной традицией русской государственности и необходимостью политической, экономической и социальной модернизации империи. Контролируемая правительством модернизация, активизированная посредством реформ, была мобилизована для того, чтобы избежать революционных потрясений и сохранить основы политического строя. Таким образом, речь шла о совмещении на идеологическом уровне либеральной тактики и консервативной стратегии, в правительственной политической практике[230].

В первые годы своего существования (1856–1860) журнал выходил дважды в месяц, всего за год 24 книжки. С 1861 г. журнал стал ежемесячным изданием. По данным биографа Каткова Н.А. Любимова, которые В.А. Твардовская не без оснований считает явно завышенными[231], в начале 1860-х гг. тираж «Русского вестника» равнялся 5700 экз.[232] К началу 1890-х гг. тираж снизился до 1029 экз., что свидетельствует о падении популярности издания после смерти его издателя и идейного лидера М.Н. Каткова в 1887 г. Впрочем, интерес к журналу начинает падать еще в начале 1880-х гг., когда Катков передоверил работу в нем профессору Московского университета Н.А. Любимову, запустившему редакционную деятельность в связи с активным участием в разработке университетской реформы[233].

В конце 1850-х–1870-х гг. стоимость издания в столицах составляла 8 р., в провинции «с пересылкой и доставкой на дом» – 9 р. В начале 1880-х гг. в Москве журнал можно было приобрести за 15, 50 р., а в провинции его годовая подписка равнялась 17 р.

Размышляя о проектировании редакцией издания образа читательской аудитории, можно сослаться на объявление о подписке на журнал в 1880 г., гласившее, что «служащим может быть делаема рассрочка, за ручательством казначеев или начальства»[234]. Напрашивается вывод о том, что наряду с обитателями «дворянских гнезд», редакция адресовала свою «интеллектуальную складчину», свой коллективный текст государственным служащим, чиновникам, пытаясь формировать их мировоззрение и влиять на социальное поведение.

---

[230] Политическая история России. С. 194.
[231] **Твардовская В.А.** Идеология пореформенного самодержавия. С. 20.
[232] **Любимов Н.А.** М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. С. 128.
[233] **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. С. 284.
[234] Объявление о подписке на журнал на 1880 г. // РВ. 1880. № 1. С. 1.

Обозначая характер издания, его редакция презентовала его как журнал «учено-литературный и политический», заверяя потенциальных читателей в том, что «Русский вестник» «будет в нашей литературе деятелем усердным и честным, с твердыми и чистыми убеждениями, с полною верою в важность своего назначения как общественного органа мысли и слова»[235]. Это не случайно, художественные произведения и критические статьи в контексте изучаемой эпохи рассматривались и как инструмент формирования общественного мнения, и как способ участия в политической жизни. Р.И. Сементковский писал по этому поводу, рассуждая о журналистике 1850–1860-х гг.: «Политическая печать еще безмолствовала, но дух нового времени находил себе уже яркое выражение отчасти в беллетристических трудах наших корифеев, отчасти в критике их произведений»[236].

Литературоведы и историки журналистики наглядно показали роль издания в литературном процессе второй половины XIX в. На страницах журнала впервые увидели свет произведения, вошедшие в «золотой фонд» мировой литературы: «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» И.С. Тургенева, начало «Войны и мира», «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и др.

Примечательно, что в программе журнала в литературном отделе, в первую очередь, предполагалась публикация «статей по всем отраслям знания, искусства, промышленности, путешествий», а уже затем произведений изящной словесности, к которым относились романы, повести, пьесы и стихотворения, а также критические статьи и библиографические заметки[237].

Сплошной просмотр годовых комплектов журнала позволяет, вслед за М.П. Мохначевой, охарактеризовать информационно-интеллектуальное поле журнала как историко-географическое, политическое и библиографическое[238]. Сразу замечу, что большая часть сведений о регионе в 1850–1880-е гг. транслировалась читателям через публикацию мемуарной литературы, путевых очерков, научно-популярных статей по истории и географии Сибири. В 1880-х – начале XX в. преобладала политическая публицистика, сообщения о событиях в социально-экономической жизни региона в разделе «Хроника текущей жизни», художественные произведения и литературные рецензии, о чем свидетельствует таблица 7.

Таблица 7

---

[235] Цит. по: **Любимов Н.А.** М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. С. 66–67.
[236] **Сементковский Р.И.** М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. С. 26.
[237] РГИА. Ф. 777. Оп. 4 (1887). Д. 111. Л. 136.
[238] **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука. М., 1999. С. 258

Жанры публикаций о Сибири журнала «Русский вестник» (1856– 1904 гг.)*

Вид публикаций	Число публикаций по годам	
	1856–1887	1888–1904
Публицистические статьи о реалиях современной сибирской жизни	8	39
Научно-популярные статьи по истории, географии и этнографии Сибири	16	5
Рецензии на книги о Сибири	1	27
Дневники, письма, мемуары, путевые очерки о пребывании в сибирских губерниях	16	5
Информационные сообщения о событиях в социальной, экономической и культурной жизни региона	14	41
Художественные произведения о Сибири и ее населении	9	10
Итого	64	127

Сост. автором на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1856–1904 гг. 1887 г. избран в качестве хронологического рубежа как дата смерти создателя и многолетнего редактора-издателя журнала М. Н. Каткова.

Одно из первых упоминаний о Сибири, а точнее, ее аборигенном населении, вопреки приведенным статистическим данным, делается именно в публицистической статье «на злобу дня», написанной известным либералом-западником Б.Н. Чичериным[239]. Размышления о «народности в науке» были ответом на статью славянофила Ю.Ф. Самарина в журнале «Русская беседа», обвинявшего западников в игнорировании самобытности русского народа и попытках обречь его на вечное, бессмысленное, покорное подражание западным образцам. Попутно отметим, что либерализм «Русского вестника» середины 1850-х гг. был «западнического образца», славянофилы были одним из первых политических оппонентов нового издания. Теоретизируя о необходимости, особенностях и этапах приобщения русского народа к достижениям европейской цивилизации, Чичерин в качестве примера ссылается на якутов и тунгусов. Из контекста статьи очевидна случайность авторского выбора названных этносов для иллюстрации своих идей, тем не менее, он симптоматичен. Малоизвестное «ученой» публике «инородческое» население региона рассматривалось как нуждающееся в просвещении для того, чтобы «усвоить плоды всемирно-исторического развития», воспитать «первобытную свою народность элементом общечеловеческим», без чего невозможно сыграть свою роль в истории[240]. Подобно многим своим просвещенным современникам и ближайшим идейным потомкам, талантливый историк, профессор Московского университета первым этапом на

[239] См.: **Чичерин Б.Н.** О народности в науке // РВ. 1856. Сентябрь. Кн. 1. С. 8–27.
[240] Там же. С. 11.

пути приобщения «первобытных» народов к европейской культуре называет их христианизацию. Любопытны идентификационные атрибуты «европейскости», «плоды тысячелетних усилий человечества», приводимые Чичериным: наука, искусства, промышленность, христианская вера[241]. По его мнению, желание избежать неизбежного и драматичного разлада между национальным и общечеловеческим началами, «сохранить во что бы то ни стало цельность жизни», чревато тем, что «якуты уподобят себя растениям и обрекут себя на долгое, если не вечное, детство». Лишь «мужественно принявши на себя борьбу и приступивши к внутренней переработке жизни, могут они явиться достойными деятелями в истории, двигателями общечеловеческого дела»[242]. Будучи последовательным гегельянцем, автор верил в преображающую силу прогресса и просвещения, разделял спорную с позиций современного гуманитарного знания идею о позитивном влиянии европейской цивилизации на «первобытные» народы империи. Анализ учебной и справочной литературы, журнальной периодики второй половины XIX в. свидетельствует о доминировании данных представлений в общественном мнении, об их влиянии на национальную политику государства и восприятие сибирских «инородцев» образованным меньшинством империи.

С первых номеров журнала актуализировалась идея необходимости разностороннего изучения региона, его «научного освоения». И. Березин писал в 1856 г. о том, что Крым, Кавказ и Сибирь представляют для археолога обширную жатву[243]. В разделе «Смесь» в 1850–1870-е гг. публиковались сообщения об иностранных экспедициях, исследующих морские просторы Сибири[244]. В 1864 г. редакция помещает научно-популярные статьи известного геолога, родоначальника геотектоники Г.Е. Щуровского, побывавшего в регионе в составе геологической экспедиции в 1844 г.[245]

Примечательно, что общественным мнением научно-исследовательским экспедициям адресовались конкретные прагматические задачи, достижение которых принесет прогнозируемую практическую пользу региону и государству в целом. Так, сообщая в 1859 г. об экспедиции в Уссурийский край под руководством офицера Генштаба Будогоского «для исследования неведомого края, о котором мы имеем самые отрывочные, самые скудные сведения», один из авторов «Современной летописи» противопоставлял ее другим экспедициям, изучавшим «пустыни

---

[241] Там же. С. 16.
[242] Там же. С. 17.
[243] См.: **Березин И.** Рец. на кн.: Труды восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1856. Ч. II.Вып. 2 // РВ. 1856. Май. Кн.1. С. 39–42.
[244] См., например: Новая экспедиция к Северному полюсу // РВ. 1872. № 3. С. 349–350; Экспедиции к Северному полюсу // РВ. 1872. № 7. С. 481–483.
[245] См.: **Щуровский Г.Е.** Золотые россыпи в Сибири // РВ. 1864. № 3. С. 5–31; **Он же.** Землетрясения около Байкала // РВ. 1864. № 6. С. 433–463.

Сибири»[246]. «Мы глубоко сочувствуем успехам этой экспедиции, в особенности потому, что ожидаем от нее чрезвычайно важных и полезных результатов как для Сибири, так и для России. Предыдущие ученые экспедиции, даже и Географического общества, трудились, главное, для Европы и, несмотря на огромные суммы, истраченные ими, не доставили нам никаких практических данных. А между тем, за такие деньги можно было бы и набрать пауков, и принести большую пользу краю», – так сформулировал анонимный сибирский корреспондент свои ожидания[247].

Вообще первые публикации, посвященные Сибири, как бы открывают читателю новую малоизвестную страну, природа, климат, внешний облик и особенности образа жизни населения которой нуждаются в подробном описании. Очевидно, что авторы текстов предполагали слабую информированность своих читателей о Сибири, описывали ее в той же стилистике как экзотические и малоизвестные русской читающей публике страны. Типично короткое сообщение из Нерчинска известного исследователя Забайкалья, корреспондента многих столичных журналов М.А. Зензинова, в котором подробно описаны погодные условия, охарактеризованы особенности ведения земледелия и развития скотоводства, упомянуты пути сообщения и приведено описание коренных жителей[248]. Типична и цель публикации – обоснование перспектив развития Восточной Сибири и Амура, а также их потенциала с экономической, а в отдельных случаях и с военно-стратегической, политической точек зрения. «Здешнее малоснежие дает нам могучее средство для разведения стад, которые пасутся у нас всю зиму на подножных кормах, иначе где бы нам взять столько рук для сенокошения? А здесь любой туземец водит стада не в несколько сот, а в несколько тысяч голов. Расходы при этом ничтожны или их и не существует вовсе: пастух бурят или тунгус – истый пастырь от колыбели до могилы, один зоркий глаз его хранит и бережет стада, с которыми он кочует, плата за труд его ничтожна, приемы пастьбы он знает, это его сфера, его любимая стихия», – читаем у Зензинова[249].

В первые десятилетия существования «Русского вестника» знакомство читателей с малоизвестным, окутанным мифологемами, а потому особенно притягательным регионом, происходило посредством публикации мемуаров. Среди них, пожалуй, наибольший резонанс как среди современников, так и среди исследователей-потомков вызвали мемуары Ф.Ф. Вигеля. Знаменитые мемуары, опубликованные через восемь лет после смерти автора, представляют собой целостное, хронологически последовательное мемуарно-автобиографическое повествование[250]. Блестяще

---

[246] Из Иркутска // РВ. 1859. Май. Кн.2. С. 145–147.
[247] Там же. С. 146.
[248] См.: **Зензинов М.** Из Нерчинска // РВ. 1860. № 12. С. 353–357.
[249] **Зензинов М.** Из Нерчинска // РВ. 1860. № 12. С. 356.
[250] **Тартаковский А.Г.** Русская мемуаристика XVIII– первой половины XIX в. М., 1991. С. 156.

образованный, ироничный, хорошо информированный об описываемых событиях, не лишенный литературного дара мемуарист посвятил Сибири пятую главу своих воспоминаний. Предполагая ожидания потенциальных читателей от человека, бравшегося за описание неизвестной зауральской стороны, мемуарист писал: «Не должно ожидать от меня того, что требуется от других путешественников, ученых или литераторов. Любопытных открытий по части естественной, глубоких наблюдений по части нравственной и политической, я делать не мог: если какой-нибудь странный обычай возбуждал мое внимание, если величие новой для меня природы поражало меня, то произведенными во мне ощущениями, сколько могу, готов поделиться с читателем, но много обещать не смею»[251].

Однако, несмотря на авторское предупреждение, в мемуарах Вигеля мы встречаем тонкие наблюдения о городах, людях, природе Сибири начала XIX в., позволяющие выяснить, какие реалии повседневной жизни отдаленной провинции приковывали внимание «другого», какие эмоции они порождали. Имея в виду, что мемуары Вигеля уже привлекали внимание историков-сибиреведов, и их потенциал уже обозначен исследователями, рассмотрим их как источник изучения культурно-географических образов.

Колоритная метафоричная речь рассказчика представляет любопытный и достаточно типичный и для середины века набор образов региона. Сибирь, которую, «если Бог милостлив, никогда не увижу», представлялась мемуаристом *как место чиновничьего всевластия*, особенно ярко проявившегося в губернаторство И. Б. Пестеля. Имя губернатора Вигелю напоминало моровую язву, а сам губернатор называется «продолжительным бедствием Сибири»[252]. Актуализируя в сознании младших современников *образ края как неожиданно доставшейся государству ресурсной кладовой*, он так описывал отношение России к региону: «*Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь как богатая барыня на дальнее поместье*, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее честным, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится; крестьяне, ходя на промысел и подвигаясь все вперед, наткнулись на транзитную китайскую торговлю, тем лучше, и им прибыль, и госпоже»[253].

---

[251] [Вигель Ф.Ф.] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля // РВ. 1864. № 5. С. 98.
[252] Там же. С. 162.
[253] Там же. С. 162–163.

Вторая метафора, отражающая ипостась образа региона, – *«медведь, сидящий у России на привязи»*, ─ опредмечивается не только через описание несамостоятельного положения различных социальных страт сибирского населения, но и констатацией невозможности Сибири отделиться от России: «Она так велика, так бедна жителями, сообщения между ними так затруднительны, что всякая попытка будет неудачна»[254]. Стратегическое значение региона для Российской империи – неизрасходованный запас «беспредельных, необработанных пустошей», который в случае нужды может быть использован для увеличивающегося населения «коренной» России. Итак, Сибирь, по мнению проницательного чиновника, *резервный земельный фонд*, за счет освоения которого «Россия будет все расти, а Сибирь укорачиваться»[255].

Образ края *как места бюрократического произвола* вырисовывается и в биографическом очерке М.Н. Лонгинова, впоследствии ставшего начальником Главного управления по делам печати, посвященном М.М. Сперанскому[256]. Описывая время правления иркутского губернатора Н.И. Трескина, биограф замечал, что злоупотребления всякого рода давно уже укоренились на всем необъятном пространстве Сибири[257].

Историк изображает Сперанского чиновником-подвижником, преобразовательную деятельность которого, плодотворную для края, не могли остановить ни суровый климат, ни огромные расстояния, ни недостаток путей сообщения, ни противодействие местных администраторов. Цитируя письмо М.М. Сперанского дочери, Лонгинов, фиксирует на страницах журнала весьма распространенный и в середине XIX в. взгляд на Сибирь: «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устроения собственности твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле»[258].

«Женский взгляд» на Сибирь демонстрируют воспоминания и путевые заметки жен офицеров и чиновников, дочерей золотопромышленников, публиковавшиеся на страницах «Русского вестника». Мемуары жены военного губернатора Камчатки Ю. Завойко, воспоминания о поездке по китайской границе жены офицера, скрывшей свое имя под криптонимом «О.» – скорее «записки о событиях», чем автобиографические сочинения, это своеобразные мемуарные отклики на социально

---

254 Там же. С. 163.
255 Там же. С. 164.
256 **Лонгинов М.Н.** Граф Сперанский // РВ. 1859. Октябрь. Кн. 2. С. 527–576.
257 Там же. С. 565.
258 Цит. по: **Лонгинов М.Н.** Граф Сперанский. С. 566–567.

значимые и потенциально интересные читающей публике события или явления[259]. Завойко так формулирует изначальную цель своего мемуаротворчества: «Многих из наших сподвижников не стало! Мы сами состарились и как бы умерли для действительной жизни. Выше описанные труды и смертельные тревоги душевные могут сломить самое железное здоровье, самые могучие силы. Потому я и рискнула на закате дней, пока родная мать земля не покроет на вечный покой и не положит конец и трудам и заботам, собрать мои отрывочные записки и поделиться воспоминаниями об этой тяжелой, но вместе с тем и славной эпохе нашей русской жизни. Всех и каждого на Руси одушевляли тогда единодушная геройская отвага, непоколебимое мужество. Всяк нес свою посильную лепту труда и полного самоотвержения, свою собственную жизнь на алтарь отечества!»[260] Рассказывая о жизни на Камчатке и обороне Петропавловска, мемуаристка сообщает о природе и географии «далеких стран Сибири», где прошла ее молодость, об образе жизни офицерских семей, с которыми свела судьба, уделяя основное внимание героическим событиям Крымской войны на самом востоке Российской империи.

Порожденный веком просвещения способ проявления общественной активности женщин, их социальной самореализации путем написания мемуарных записок, рассчитанных на публикацию, транслировал современникам новые женские социальные роли. Мемуары жительниц Сибири маркируют их авторов как носительниц социальных ролей соратницы, единомышленницы, разделяющей с мужем все тяготы его биографии, любознательной и приметливой бытописательницы, желающей поделиться своими наблюдениями и переживаниями с землячками и жительницами «внутренней» России, носительницы новых поведенческих образцов, разрушающих традиционные стереотипы. Для иллюстрации последнего утверждения сошлемся, например, на реплику неизвестной путешественницы по пограничным окраинам Сибири: «В прошлом году мы ни за что пострадали. Одна благородная, то есть чиновная дама, встретив нас на пикете, рассказывала потом, что встретила генерала с мамзелью, и на все доводы знавшего нас содержателя почты упорно утверждала, что не может быть, чтобы благородная образованная дама путешествовала без горничной»[261].

Женские мемуары и путевые заметки о сибирской жизни, ставшие «модными» после публикации записок Е.А. Авдеевой, мемуарного наследия жен декабристов[262], обозначают еще одну роль, реализовавшуюся сибирячками в имперских окраинах – гуманная носительница русской

---

[259] См.: **Завойко Ю.** Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855) // РВ. 1876. № 6. С. 442–504; **О.** Поездка по китайской границе от Алтая до Тарбагатая // РВ. 1871. № 6. С. 580–661.
[260] **Завойко Ю.** Воспоминания о Камчатке и Амуре. С. 504.
[261] **О.** Поездка по китайской границе от Алтая до Тарбагатая // РВ. 1871. № 6. С. 588.
[262] См., например: **Авдеева Е.А.** Записки и замечания о Сибири. М., 1937.

культуры, знакомящая аборигенное населения с ее лучшими достижениями, просвещенная посредница между владельцами золотых приисков и рабочим людом[263]. Приведенный перечень социальных ролей совпадает с выводами Н.П. Матхановой и Е.А. Дегальцевой об изменениях в социальной психологии и поведении образованных сибирячек XIX в.[264]

О популярности путевых очерков о регионе свидетельствует обращение к данному жанру таких известных исследователей и общественных деятелей, как П.А. Кропоткин, Д.И. Романов, публиковавшихся на страницах «Русского вестника»[265].

Рассказы «от первого лица» о необычной природе и ландшафтах Сибири, как правило, сравниваемой с известными читателям европейской части страны окрестностями «средней полосы»; повествование о тяжелых путевых условиях, компенсирующихся, тем не менее, сильными впечатлениями от «новых мест»; описание нетривиальных для повседневности поступков путешественников или мемуаристов, с одной стороны, отражали, а с другой – создавали в общественном мнении *романтизированный образ региона, в котором есть шанс проявить свои лучшие человеческие качества и принести славу своему отечеству, где есть место для открытий и отваги* [266].

Публикации «Русского вестника» 1850–1870-х гг. номинировали *регион и как территорию, дающую возможность для повышения своего социального статуса, дарящую иллюзии о легкости улучшения своего материального благосостояния, побуждающую искателей приключений к авантюрным поступкам.* Как влияли такие представления на поведенческие стратегии, а порой и биографии современников, свидетельствует следующий фрагмент автобиографических заметок, опубликованных человеком, подписавшимся «К. Золотилов»: «Есть убеждение, что Сибирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это наше русское Эльдорадо, где смелого искателя ждет и счастье, и богатство. Поддавшись этому обольстительному убеждению, я полетел туда искать счастья и для первого дебюта поступил доверенным на службу в одну золотопромышленную компанию, не

---

263 См., например: **Аксенова Л.** Шесть месяцев в сибирской тайге // РВ. 1880. № 2. С. 735–768.

264 См.: **Матханова Н.П.** Женщины Сибири в общественно-политической жизни середины XIX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. С. 124–131; **Дегальцева Е.А.** Участие женщин в социокультурной жизни городов дореволюционной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2002. № 2 (8). С. 83–90.

265 См., например: **Романов Д.И.** Поездка на прииск Лазоревого камня в окрестностях Байкала // РВ. 1856. Ноябрь. Кн.1. С. 117–128; **Кропоткин П.А.** Поездка из Забайкалья на Амур через Манчжурию // РВ. 1865. № 6. С. 663–681.

266 Подобные наблюдения были сделаны А.В. Ремневым в отношении русской интеллигенции к Дальнему Востоку в первой половине XIX в. На мой взгляд, их можно экстраполировать на всю Сибирь. См.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 64–69; 143–151.

имея ни малейшего понятия ни о сибирской жизни, ни о людях, с которыми приходилось мне иметь дело, ни о золотопромышленности, к которой предназначал себя»[267].

Публикации «Русского вестника» о Сибири 1850–1870-х гг. не только встраивали в информационно-интеллектуальное поле образованной России сведения общекультурного характера о природе, географии, этнографии края, но и провоцировали на размышления об отношении империи к ее восточным рубежам, о характере и перспективах экономических, политических контактов с «восточными» соседями (Китаем, Японией).

Особую популярность в общественном мнении середины XIX в. получил так называемый «амурский вопрос». «Теперь все мечтают об Амуре»[268], «теперь все новости сосредотачиваются за Байкалом и на Амуре»[269], – таковы типичные реплики сибирских корреспондентов «Русского вестника» 1858–1860 гг.

Причины появления «амурского вопроса», особенности его отражения на страницах периодической печати, влияние общественного мнения на эволюцию правительственной политики на дальневосточных рубежах уже достаточно широко освещены в отечественной историографии[270], что дает возможность выяснить, какие именно позиции заинтересованных современников нашли отражение на страницах «Русского вестника», идеи каких «групп интересов» транслировал журнал. Для замысла настоящей работы важно, что в дискуссии 1850–1860-х гг. о значении Амура для русского государства Дальний Восток понимался как часть Сибири, «восточная оконечность Восточной Сибири»[271] и его перспективы чаще всего обсуждались одновременно с осмыслением роли всей восточной окраины в имперских геополитических стратегиях.

Анализ публикаций «Русского вестника», посвященных российскому Дальнему Востоку, позволяет сделать вывод о том, что обсуждались следующие аспекты «Амурской эпопеи»: 1) экономическое значение присоединения Амура, возможные перспективы его хозяйственного развития; 2) геополитические интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

---

[267] **Золотилов К.** Сибирская тайга // РВ. 1863. № 1. С. 313.
[268] **Зензинов М.** Из Нерчинска // РВ. 1860. № 12. С. 356.
[269] Из Иркутска // РВ. 1859. Май. Кн.2. С. 145.
[270] См., например: **Акашев Ю.Д.** Экономические проблемы Дальнего Востока и русская общественность (50–60-е гг. XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1971; **Он же.** Амурский вопрос и его освещение в периодической печати (60–70-е гг. XIX в.) // Общественно-политическая проблематика периодической печати России XIX – начала XX в. М., 1989. С. 130–143; **Кабанов П.И.** Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; **Мамай А.С.** Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в. Н.Н. Муравьев-Амурский: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997; **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока.
[271] Так называл, например, Дальний Восток восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев в письме Г.И. Невельскому. – Цит. по: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 126.

В 1858–1860 гг. журнал помещал на своих страницах оптимистические публикации, авторы которых (в их числе представители команды Н.Н. Муравьева-Амурского) предлагали и обосновывали варианты рационального хозяйственного освоения Приамурского края, развития средств коммуникации, прогнозировали его колонизационный потенциал. В качестве примера опять сошлюсь на М.А. Зензинова: «Прибрежья Амура не удобны … для разведения тысячных стад, но на Амуре может процветать хлебопашество (по плодородию почвы) и звероловство (по обилию всякого зверя), а всего более и всего скорее рыболовство: каждая речка, втекающая в Амур, кишит рыбой; огромная белуга, севрюга, осетр в изобилии, красная кета… Посвяти себя колонист одному земледелию, обреки себя на звероловство, займись ловлей рыбы, от всего будет польза, и от всего он может прокормиться; но и то, и другое, и третье можно бы еще делать и зараз, лишь бы только колонист имел полную свободу, и лишь бы разные обстоятельства не отвлекали его от труда и занятий»[272].

Военный инженер, неутомимый исследователь географии и этнографии дальневосточных рубежей России, строитель сибирского телеграфа, «муравьевец» Д.И. Романов аргументирует перспективы развития судоходства на Амуре, сравнивая его транспортное значение с Волгой[273]. Даже в публикациях, не имеющих прямого отношения к «амурской теме», всплывают упоминания о дальневосточных перспективах. Сообщая, например, о проекте закона, предусматривающего распространение частной поземельной собственности в Сибири, подробно рассматривая проектируемые условия передачи земли в собственность в Западной Сибири и в пользование в Восточной, автор с надеждой замечает: «Но важен первый шаг и важно то, что, наконец, эти земли стали доступны труду и капиталу, что, по крайней мере, под формой условного пользования они получают теперь впервые экономическое значение. Без сомнения, эти земли имеют значительную будущность, может быть, не очень отдаленную. Когда-нибудь и в новоприобретенных пустынях Амурского края разовьется жизнь и промышленность. Не может же быть, чтоб эти земли оставались долго впусте, чтобы труд не нашел к ним, наконец, прямого и легкого доступа»[274].

Нельзя не согласиться с Ю.Д. Акашевым в том, что русскую общественность, переживавшую эйфорию реформаторских преобразований в стране, волновал вопрос о том, будут ли на Амуре

---

[272] **Зензинов М.** Из Нерчинска. С. 357.
[273] См.: **Д.Р.** [Романов Д.И.] Письма с реки Амура // РВ. Сентябрь. Кн. 1. С. 15–28.
[274] См.: Внутренние известия // РВ. 1860. № 12. С. 395–400.

применены новые, прогрессивные способы хозяйствования и управления, или возьмут верх старые, отжившие свой век военно-бюрократические методы[275].

В 1859 г. ведущий раздела «Внутренние известия», с возмущением писавший о слухах по поводу введения откупной системы на Амуре, гневно восклицал: «После того, как общественное мнение, одинаково выразившееся во всех русских органах гласности, приветствовало присоединение этого нового края одним желанием, одним советом, одним так сказать лозунгом: "Свобода"! Свобода колонизации, свобода труда, свобода промышленности и торговли, свобода во всех движениях для края, которому как ребенку только и нужна во всем свобода, чтобы возрасти и расцвести, и после этого, на этой еще девственной почве, готовой для восприятия всех семян добра, и на ней-то, прежде всего, стараться насадить плевелы монополии? И тут же разводить это чужеядное растение, откупную систему, высасывающую лучшие соки из народа, иссушающую и изнуряющее страну, где ему дозволяют укорениться»[276]. В цитируемом тексте обосновывается высокая миссия России в Азии, уготованная ей роль просветительницы, распространительницы христианства и европейской образованности, призванная подарить народам, еще «сидящим тут в "сени смертной", блага промышленности, гражданского и государственного благоустройства. В данном случае мы имеем дело с одним из воплощений имперской мифологии, обосновывающей территориальную экспансию России на восток.

Надежды на развитие свободной колонизации Дальнего Востока, ожидание государственной поддержки в строительстве средств коммуникации и поощрения торговых отношений с «азиатскими» соседями – лейтмотив публикаций «Русского вестника» конца 1850–1860 гг. Предельно конкретно ожидания либеральной общественности (анализ публикаций по «Амурскому вопросу» свидетельствует о явном доминировании либеральных тенденций в журнале) сформулировал Д.И. Романов, утверждавший, что Амурский край развернется быстро, если будет идти вперед такими же шагами при условии наличия средств, то есть денег и людей[277].

Однако в начале 1860-х гг. тональность публикаций резко меняется: надежды на быстрое освоение присоединенных восточноазиатских пограничных территорий сменяются разочарованиями в экономической возможности и целесообразности «амурских проектов». Административные просчеты и неустроенный быт населения Амурского края, отъезд из Сибири инициатора и организатора амурского дела Н.Н. Муравьева и его ближайших сподвижников, продажа

---

[275] **Акашев Ю.Д.** Амурский вопрос и его освещение в периодической печати (60–70-е гг. XIX в.).С. 138.
[276] Внутренние известия // РВ. 1859. Февраль. Кн.1. С. 242–243.
[277] **Д.Р.** [Романов Д. И.] Письма с реки Амура. С. 28.

американских владений и упадок российского флота – все это способствовало угасанию общественного, да и правительственного интереса к Дальнему Востоку.

О крушении и несостоятельности амурских иллюзий рассказывают корреспонденции «Амурского хлебопашца», повествующие о трудностях ведениях хозяйства на «новой» земле, сопряженных с непривычными природно-климатическими условиями, проблемами найма рабочей силы, плохими путями сообщения, затруднявшими снабжение всем необходимым[278]. На собственном примере скрывающийся за «говорящим» псевдонимом автор иллюстрирует эволюцию представлений общественного мнения о «стране отдаленной, мало населенной и мало известной». «Весть о приобретении Амура и заключении Айгунского трактата застала меня юным кандидатом одного из наших университетов. Давно я имел стремление заняться, более или менее рациональным образом, сельским хозяйством и уже искал себе в Малороссии пункта, на который можно было бы обратить мои агрономические устремления. Богатство амурских земель, новые отношения, которые должны были образоваться там вследствие особенного положения края, обширность представлявшегося там поприща деятельности, все это дало теперешнее направление моим планам», – поясняет автор свое появление на Дальнем Востоке[279]. Столкновение мечты с амурской реальностью и породило потребность публично поделиться с читателями совсем неоптимистичным результатом воплощения своих хозяйственных проектов.

Суровый вердикт просчетам администрации Н.Н. Муравьева-Амурского в 1867 г. на страницах «Русского вестника» вынес известный публицист, декабрист Д.И. Завалишин, своими статьями в периодической печати немало преуспевший в развенчании героико-романтического образа восточносибирского губернатора. Обосновывая необходимость расширения рыболовецкого промысла на Камчатке и Охотском побережье для улучшения обеспечения местного населения рыбой и успешной конкуренции с американскими рыбопромышленниками, Завалишин обвиняет прежнюю восточносибирскую администрацию в погоне за эфемерными эффектами, увлечением «мнимым успехом недолговечных декораций» и в забвении реальных интересов края. Он называет амурское предприятие «бесплодной суетой», утверждая: «Местное управление знало только: или извлекать средства для своих ближайших целей из расстройства или даже полного истощения края, или требовать огромных затрат от правительства»[280].

---

[278] См.: Амурский хлебопашец. Заметки о вольном труде на Амуре // РВ. 1863. № 2. С. 889–922; **Он же.** Жизнь в Амурской станице // РВ. 1863. № 11. С. 417–454.
[279] Амурский хлебопашец. С. 889.
[280] **Завалишин Д.И.** Рыболовство и китоловство на Великом океане // РВ. 1867. № 10. С. 604.

Тексты писем Д.И. Завалишина в редакции столичных газет и журналов, хранящиеся в ОР РГБ (ф.332), свидетельствуют об интенсивных поисках одиозным декабристом любой возможности «пролить свет» на «злоупотребления амурских героев», о стремлении широко использовать возможности печатного слова вне зависимости от идейных пристрастий изданий для тиражирования своих гневных филиппик[281].

Уместно упомянуть о том, что разочарование в результатах колонизации Амура, как уже замечено А.В. Ремневым, было характерно не только для начинавшего прощаться с либеральными устремлениями «Русского вестника», но и для большинства пореформенных толстых журналов, включая «Отечественные записки» и «Современник»[282].

Как Сибирь, начиная с 20–30-х гг. XIX в. рассматривалась интеллектуальной элитой в качестве эквивалента западноевропейского ориентализма[283], так и Амур являлся объектом интеллектуального притяжения. Дальним Востоком расширялась не только политическая, административная граница империи, но и увеличивалась территория ментально осваиваемой, включаемой в культурно-психологическое пространство империи, одновременно «своей» и «чужой», пугающей и манящей Сибири. При этом, безусловно, «амурский вопрос» в интерпретации периодических изданий отражал и социально-экономические ожидания разных общественно-политических, региональных группировок, и воплощал геополитические имперские амбиции. Последние с начала 1870-х гг. становятся предметом активного обсуждения «Русского вестника».

Известный синолог В.П. Васильев в 1872 г. опубликовал на страницах журнала две китайские рукописи о падении Кульджи и о вступлении в нее русских войск[284]. Основной интерес представляет вступительная статья публикатора, которая представляет собой исторический очерк русско-китайских отношений. Кульджа рассматривается как исторический реванш, как компенсация национальному самолюбию, оскорбленному Нерчинским трактатом, «покрывшим нас бесчестьем», лишившим Амура и части сибирской территории. «Несчастный» Нерчинский договор, по мнению востоковеда, – историческая ошибка и серьезный политический просчет: «Мир нужен был не нам, а китайцам, а купили его мы, купили дорогими пожертвованиями, отказавшись от всякого вмешательства в дела Азии, отдав ее в руки надменного соседа, который, не довольствуясь тем, что нас обобрал, постоянно унижал нас после. Положим, что Китай был в то время силен, но он не мог бы

---

281 См. напр.: ОР РГБ. Ф. 332 (Чижов Ф.В.). К. 30. Д. 9–12.
282 См.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 201–207.
283 **Меднис Н.Е.** Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. С. 54–55.
284 См.: **Васильев В.П.** Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими // РВ. 1872. № 5. С. 130–172.

ничего сделать с нами в Сибири. Положим, что он разрушил бы Албазин и Нерчинск, защищаемые горстью людей, но это не могло быть для нас важною потерей: на следующий год, на третий, на четвертый отважные наши казаки без устали явились на старые места, добивались их возврата и конечно добились бы»[285].

В данной статье русская колонизация Сибири называется в качестве образца успешной территориальной экспансии российского государства, опыт которой должен быть учтен противниками русских приобретений в Средней Азии. Экспедиция Ермака, предприимчивость Н.Н. Муравьева-Амурского – наглядные образцы преодоления «постыдной апатии» русских в Азии. Описание внешней политики стратегического соседа России – Китая и собирательные психологические характеристики его населения свидетельствуют о формировании образа врага, идеологическое клиширование которого особенно усилится к концу XIX в. и будет существенно влиять на отношение к Сибири проправительственной прессы, в том числе и изучаемого издания. «Говорят, что китайцы миролюбивы, ни о чем так не заботятся, как о том, чтоб их не беспокоили, – писал один из ведущих отечественных востоковедов. – Это было бы правдой, если только под беспокойством разуметь то, что разумеют китайцы. Но в том-то и дело, что всякий сосед в их глазах беспокоен, если не преклоняется и не унижается раболепно. Всякий сосед, враждовавший когда-нибудь с Китаем, должен быть доведен до крайности, до пресмыкания, тогда только Китай успокоится. Дайте силу Китаю, и он жестоко выместит беспокойным европейцам за все унижения, которые он от них вынес. Вся история Китая свидетельствует о его злости, эта злость имела часто всемирное даже значение»[286].

Осознание необходимости учета пробуждающегося Китая в планировании геополитических перспектив России, опасение грядущего нашествия «желтой расы» и страх за судьбу Сибири, которая может оказаться первым объектом территориальных притязаний восточного соседа, получили распространение в последней трети XIX – начале XX в. как среди интеллектуальной элиты, так и в правительственных кругах. Их разделяли философы К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев, востоковед С.М. Георгиевский, анархист М.А. Бакунин и ярый консерватор В.П. Мещерский, адмирал К.Н. Посьет и управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин[287]. Существенную роль в формировании российской китаефобии сыграли публикации «Русского вестника», первоначально сформулированные на его страницах учеными, поставившими вопрос об исторической

---

[285] **Васильев В.П.** Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими // РВ. 1872. № 5. С. 135.
[286] Там же. С. 136.
[287] Более подробно см.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 334–357.

цивилизационной миссии России по отношению к пробуждающемуся Китаю, а затем активно тиражируемые консервативными публицистами при обсуждении самых разных вопросов как внешней, так и внутренней политики. В числе последних – вопросы целесообразности развития переселенческого движения в Сибирь, необходимости строительства Сибирской железной дороги, изменения административного статуса региона и др.

В связи с активизацией внешней политики России в Средней Азии актуализируется сюжет о колонизации Сибири и в работах М.И. Венюкова[288]. Биографии одного из родоначальников российской геополитики, характеристике его интеллектуального наследия посвящены обширные статьи А.В. Ремнева[289], что дает возможность сконцентрировать внимание только на тех элементах образа региона, которые упомянуты Венюковым, игнорируя подробный анализ его геополитической концепции, нашедшей свое отражение и на страницах рассматриваемого издания. В письме М.Н. Каткову из Парижа о замысле своей статьи М.И. Венюков писал: «Показать, что кратковременное русское движение в Азию имеет гораздо более историческое значение для этой части света, чем многовековая деятельность древних азиатских государств»[290].

Процесс присоединения Сибири к русскому государству Венюков начинает исчислять с 1579 г., с момента приглашения Строгановыми атамана приволжской казачьей вольницы Ермака, напоминая читающей публике о скором трехсотлетии данного события[291]. Причина успехов казачьей экспедиции виделась, с одной стороны, в «беззаветной удали самих завоевателей казаков», с другой, в покровительственном, но не стеснительном отношении к ним московского правительства[292].

Как уже было замечено А.В. Ремневым, Венюков выделяет несколько этапов русской колонизации Сибири, для каждого из которых характерно порождение определенного отношения к региону в массовом сознании. П е р в ы й этап соотносится со временем существования Московского государства и начинается с похода Ермака и, соответственно, правления Ивана IV. Основное содержание главного периода – свободная казачья колонизация, поощряемая правительством путем оказания «особых милостей» для лиц, служивших за Уралом (материальные поощрения, создание

---

[288] См.: **Венюков М.И.** Поступательное движение России в северной и восточной Азии // РВ. 1877. № 1. С. 214– 266; **Он же.** Международные вопросы в Азии // РВ. 1877. № 6. С. 473–503.

[289] См.: **Ремнев А.В.** У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122). 344–369; **Он же.** Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М.И. Венюкова // Россия – Центральная Азия: проблема миграций и безопасности. Барнаул, 2002. С. 71–80.

[290] ОР РГБ. Ф. 363 (Венюков М.И.). К. 4. Д. 16. Л. 59.

[291] Точка зрения М.И. Венюкова о времени начала завоевания Сибири весьма любопытна в связи с активно обсуждавшимся в начале 1880-х гг. вопросом о дате присоединения Сибири к России.

[292] **Венюков М.И.** Поступательное движение России в северной и восточной Азии. С. 216.

особого разряда сибирских дворян). «Но самая главная заслуга Московского правительства, – писал знаток российского востока, – состояла в том, что оно нисколько не стесняло предприимчивости завоевателей, хорошо понимая, что всякая опека издали не только бесполезна, но и положительно вредна, так как производит только помеху в деле и отнимает энергию у людей трудящихся»[293].

В т о р о й этап начинается с эпохи Петра и характеризуется стремлением к централизации в отношении управления регионом, что в конечном итоге привело к целому ряду государственных просчетов. В их числе: потеря Амура; неудачные дипломатические экспедиции с целью урегулирования пограничных вопросов; организация ссылки в Сибирь, деморализовавшей местное население; попустительство в отношении чиновничьего произвола; запрет свободного переселения и вмешательство местной администрации в выбор места для поселения мигрантам, оказавшимся в регионе в связи с государственной необходимостью; система административного обращения «инородцев» в христианство. «Вместе со слухами о безнаказанных тиранстве и взяточничестве сибирских чиновников эта ссылочная система сделала из Сибири в воображении русского народа *страну ужасов, куда уже никто не хотел идти добровольно*», – комментировал Венюков причины появления «пугающего» ореола Сибири в общественном сознании россиян[294].

Уничтожение привлекательности региона в массовом сознании повлекло за собой, наряду с тяжелыми природно-климатическими условиями, отсутствием частной поземельной собственности, крепостным правом в европейской части страны, уменьшение новых добровольных переселенцев, лишило Сибирь возможности получить собственную интеллигенцию. Как и многие либеральные современники, под интеллигенцией М.И. Венюков понимал сословие людей образованных, независимых по своему положению, живущих в крае и потому способных понимать его истинные нужды и заявлять о них. Такому пониманию не противоречит и собственная мотивация автора: «Тяжело человеку, любящему свое отечество, излагать такие факты для сведения не только современников, но и потомства, но ни открытая ложь, ни лицемерное умалчивание о зле никогда еще не приносили пользы в делах государственного интереса. Зло может быть поправлено лишь тогда, когда оно хорошо известно, да и наша цель состоит не в указании случайных, личных и частных упущений, которые уже трудно исправимы, а лишь в приведении примеров для характеристики

---

293 Там же. С. 218.
294 Там же. С. 219.

общего, безличного порядка вещей, который слишком тяжело отозвался на судьбе всей Азиатской России, от Урала до Тихого океана»[295].

М.И. Венюков выступает за отмену ссылки, за развитие свободного переселения в край, искоренение бюрократических злоупотреблений, открытие сибирского университета и технических высших учебных заведений, расширение сети школ, поощрение развития местной промышленности, строительство железной дороги и телеграфа, расширение речных транспортных коммуникаций, планомерное заселение русскими людьми Амурского края и Камчатки. Симптоматично сходство взглядов на насущные нужды Сибири, почти одновременно сформулированных М.И. Венюковым и Н.М. Ядринцевым на страницах противоборствующих изданий – «Русского вестника» и «Вестника Европы»[296].

Публикация статей М.И. Венюкова, в которых излагается «либеральная версия» истории колонизации региона, удивляет и одновременно корректирует схематичные представления об идейной нетерпимости и ортодоксальности русского консерватизма. Разоблачая просчеты российской колонизационной политики, Венюков высоко оценивает результаты цивилизующего влияния русских на развитие региона, выражающиеся в его научном изучении, в распространении среди «дикарей Сибири правильных оседлостей», возникновении городов – административных и торговых центров, распространении новых орудий труда и развитии путей сообщения, появлении добывающей промышленности. «Эти указания на результаты умственного и промышленного движения в северной и восточной Азии, созданного пришествием русских и вовсе не существовавшего три века назад, представляют достаточно доказательств способности русского племени к достижению самых высоких целей, какие только может преследовать при расширении своей территории нация цивилизованная и имеющая нравственное право на влиятельный голос в общей семье человечества», – вполне в контексте имперских представлений своего века утверждает автор.

Обосновывая столь полюбившуюся русским консерваторам идею о цивилизующем русском влиянии и высокой русской миссии на востоке, Венюков доказывает преимущества для «туземного» населения колониальной политики России по сравнению с другими участниками колониального дележа. Русские не охотились за аборигенами с ружьями и собаками, как англичане в Новой Зеландии, не спаивали их спиртом и не расстреливали из винтовки, как краснокожих индейцев в Северной Америке, не превращали их в рабов, подобно испанцам, португальцам, англичанам и

---

[295] **Венюков М.И.** Поступательное движение России в северной и восточной Азии. С. 224-225.
[296] См., например: **Ядринцев Н.М.** Сперанский и его реформы в Сибири // ВЕ. 1876. № 6. С. 461–502.

американцам. Русские не проявляли религиозную нетерпимость и не лишали иноверцев гражданских прав, полное политическое спокойствие царствовало на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана. Очевидно, что в данном случае Венюков выступает как творец русской имперской идеологии, и цели прагматического мифотворчества приходят порой в противоречие со сделанными в статье наблюдениями о неудачах государственной политики в отношении Сибири. Например, явным диссонансом звучат утверждения об отсутствии этнических и социальных противоречий среди населения региона, игнорирование неполноправного политического статуса региона в составе империи. На волнующий заинтересованных современников вопрос о том, колония ли Сибирь или имперская окраина, исследователь, в представлении которого геополитические приоритеты явно доминировали над социальными, однозначно отвечал: «И в общегосударственном смысле северная Азия является не мятежною колонией, которая истощала бы свою метрополию усилиями на поддержание политических уз, а простым продолжением великой империи, политическое могущество которой только черпает в завоеванной стране новые силы»[297].

Итак, в 1850–1870 гг. на страницах «Русского вестника» образ региона формулируется через призму ориенталистского дискурса, немногочисленные информационные сообщения мало чем отличаются от аналогичных по жанру, публиковавшихся в либеральных изданиях. Интеллектуальная модель «консервативного» образа региона только начинала обозначаться при обсуждении актуальных для охранителей проблем социально-политической и социально-экономической жизни европейской России. Каткова и его единомышленников в большей степени волновали «польский», «финляндский», «остзейский» вопросы, сибирские сюжеты в политической публицистике всплывали главным образом для иллюстрации отдельных фрагментов формулирующейся идейной доктрины пореформенного консерватизма.

Например, *образ региона как места политической ссылки радикально настроенных современников* актуализируется в 1862 г. в полемике с А.И. Герценом[298]. Кумир русских демократов обвиняется в том, что его публицистика приводит молодежь в *«казематы Сибири».* «Он забыл, что его писания расходятся по свету … что они как запрещенная вещь читаются с жадностью, и как запрещенная вещь не встречают себе никакого отпора в беззащитных, незрелых и расстроенных умах и увлекают их к подражанию, эти люди делают у себя на родине то самое, что делает он в Лондоне, только делает это комфортабельно и спокойно, сыто и весело, а они подвергаются безумной опасности и попадают на каторгу. Он не пойдет в Сибирь, но зато будет провожать и встречать

---

[297] **Венюков М.И.** Поступательное движение России в северной и восточной Азии. С. 251.
[298] См.: **Маслов В.С.** «Русский вестник» и «Московские ведомости». С. 222–223.

рукоплесканиями этих бедных актеров, которые разыгрывают его шутки на родине, он будет с озлоблением шикать на тех, кто попытается образумить их отрезвляющим словом», – с пафосом писал «Русский вестник»[299].

Приведенная цитата позволяет обозначить еще один микрообраз региона – *Сибирь как участь всех оппозиционеров, как кара за увлечение радикальными идеями, как возможный жизненный финал карьеры нигилиста.*

В начале 1880–1890-х гг. знакомство читателей с регионом продолжается через публикацию воспоминаний, путевых записок и художественных текстов о Сибири[300]. Как и в предшествующий период, предметом описания «рассказчиков» были экзотичность сибирской природы, непохожие на русские нравы и обычаи «инородческого» населения, а также в соответствии с традициями социального реализма бытовые аспекты повседневной жизни различных групп сибирского общества: золотопромышленников, чиновников, простых обывателей. Перед читателем представала *Сибирь как один из многих уголков России, но России «другой», отличной от «России внутренней», «коренной».* Региональный колорит задавала не только природа, но и привлекающий внимание авторов специфический состав населения, включающий в себя и «инородцев», и ссыльных, и золотоискателей, и непохожих на крестьян Европейской России крестьян-старожилов, отличающихся большей зажиточностью и чувством собственного достоинства. «Некрасиво срублены сибирские дома, но зато тепло, сытно и чисто живут в них “умные“ и работящие сибиряки. “Откуда у нас дураками быть? – говаривал один сибиряк, – охотой дурак к нам не поедет, а ошибкой попадет, назад уйдет. Из тех же, кого к нам неволей везут, на сотню одного дурака не приходится», – устами одного из своих героев приводит свою версию причин культурного своеобразия сибиряков писатель В.В. Романов[301]. *Сибирь как один из адресов приложения сил и достижения благосостояния для «оскудневших» молодых дворян* позиционирует названный автор в цикле очерков «За Урал».

Нами не выявлено «идеологической» мотивации в большинстве художественных очерков и источников личного происхождения, публиковавшихся в «Русском вестнике». Авторы отдельных

---

[299] Заметка для издателя «Колокола» // РВ. 1862. № 6. С. 835.

[300] См.: **Латкин Н.В.** Золото нашли: Из таежных воспоминаний // РВ. 1894. № 12. С. 3–14; Шестнадцать дней в снегу. С медведем в перегонку: Из таежных воспоминаний // РВ. 1895. № 2. С. 276–294; **Он же.** Весной: Из таежных воспоминаний // РВ. 1895. С. 191–199; **Ольшанин Д.** Забавницы и жертвы: Сцены из жизни в Сибири // РВ. 1885. № 7. С. 172–234; №8. С. 703–776; № 9. С. 185–257; № 10. С. 804–869; **Семенов В.И.** В Сибири (из путевых заметок) // РВ. 1895. № 11. С. 3–16; **Черкасов А.А.** Из записок сибирского охотника // РВ. 1886. №1. С. 239–288.

[301] **Романов В.В.** За Урал: Рассказ из воспоминаний о Сибири // РВ. 1883. № 6. С. 441.

произведений, например, долгое время живший в Сибири А.А. Черкасов, В.В. Птицын, сотрудничали и с другими, порой оппозиционными «Русскому вестнику» изданиями.

Публикация в 1888 г. воспоминаний сподвижника Н.Н. Муравьева-Амурского Б.В. Струве актуализировала в сознании современников вариант восприятия региона *как места преобразовательной деятельности молодых, амбициозных и стремящихся к процветанию отечества чиновников и офицеров.* Замечая, что среди современников существуют разные оценки деятельности известного генерал-губернатора Восточной Сибири, Струве утверждал, что период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева составляет эпоху в истории нашего отечества, о чем будут свидетельствовать грядущее время и история[302].

Хорошей иллюстрацией к образу региона, существовавшему в сознании образованной молодежи конца 1840-х гг., является объяснение Струве своего появления в Сибири: «Поступил я на службу в Восточную Сибирь, вслед за выпуском из Императорского лицея в 1847 г., в то именно время, когда Н.Н. Муравьев был назначен генерал-губернатором. Решимость моя, двадцатилетнего юноши … считалась в то время необыкновенным подвигом. Директор лицея Д.Б. Броневский показывал меня моим товарищам и младшим курсам Лицея как какое-то чудовище. Нас было всего трое из молодых людей, получивших образование в высших учебных заведениях, которые с юношеским увлечением отправились к Муравьеву в Сибирь на борьбу с неслыханными злоупотреблениями…[303]»

Мемуарист подробно излагает свою «историю» сибирского периода биографии Муравьева, рефлексирует по поводу мотивов, успехов и просчетов его управления Восточной Сибирью, хода «амурской эпопеи», значения деятельности генерал-губернатора для Сибири и России. Показательна интерпретация мотивации деятельности Н.Н. Муравьева его соратником: «По приезде в Сибирь, познакомившись с несколькими чиновниками и делами этого богатого края и пораженный тем ужасающим положением, в котором застал этот край, Муравьев мечтал только об одном и ставил это пределом своей деятельности, а именно: хотя бы привести все в движение, дать всему толчок, соответствующий *будущему назначению этой громадной окраины великой Руси*»[304].

Симптоматична публикация воспоминаний Струве во время стремительного изменения места Сибири в имперских управленческих стратегиях, обсуждения основ переселенческого законодательства, дебатов о целесообразности ссылки в Сибирь, о строительстве сибирской железной

---

[302] **Струве Б.В.** Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 4. С.150.
[303] Там же.
[304] Там же. С. 146.

дороги. Рассказ о деятельности известного читающей России сибирского чиновника-реформатора, персонифицированного символа региона в общественном мнении пореформенной России, возможно, был востребован консервативным изданием для обоснования новых геополитических ориентиров правительства.

С начала 1880-х гг. на страницах журнала появляется серия статей по истории Сибири. Работы историков церкви А.И. Сулоцкого, В.В. Гурьева можно отнести к работам краеведческого характера, они раскрывали малоизвестные сюжеты, касающиеся пребывания в Сибири Е.К. Долгорукой и историка Г.Ф. Миллера[305]. Данные публикации напоминали читателям о таких широко распространенных фрагментах образа региона *Сибирь как место ссылки политических оппонентов и место паломничества исследователей.*

Для специалистов по региональной истории особый интерес представляет статья В.В. Гурьева, посвященная «сибирскому» периоду профессиональной биографии Г.Ф. Миллера. Деятельность историка XVIII в. по изучению и систематизации сибирских архивов его «собрат по ремеслу» описывал как подвиг, заслуживающий уважения и подражания: «Что значит разобрать и расположить по годам странные столбцы и книги – это может понять и оценить только тот, кто имел случай и терпение заниматься разбором старых, не приведенных никем в порядок наших провинциальных архивов. Это поистине своего рода египетская работа, за которой, однако же, неутомимый Миллер провел целых десять лет! Уже это одно составляет весьма почтенный и всякого уважения достойный подвиг»[306].

Побуждая провинциальных читателей к воспроизводству модели поведения историка-подвижника, Гурьев на примере Миллера обозначает ряд проблем, с которыми мог столкнуться исследователь раннего периода «русской» истории Сибири: сфальсифицированные сибирскими администраторами и представителями церкви документы, негативно пристрастное, подозрительное отношение местной власти, привыкшей к «необузданному произволу и самоуправству», к историческим изысканиям современников.

Об увеличении интереса к прошлому Сибири как со стороны профессиональных историков, так и краеведов-любителей свидетельствует цикл публикаций, посвященных раннему этапу русской колонизации региона. В работах историка Д.И. Иловайского, известного своими монархическими симпатиями, в статье историка «якутских казаков» А.И. Маныкина-Невструева подробно

---

[305] См.: **Сулоцкий А.И.** Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая в ссылке в Березове и в монашестве в Томске // РВ. 1880. № 7. С. 5–19; **Гурьев В.В.** Историограф Миллер в Томске // РВ. 1881. № 11. С. 62–72.
[306] **Гурьев В.В.** Историограф Миллер в Томске // Там же. С. 64.

рассматривается история «казачьей» колонизации региона[307]. Эпоха покорения Сибири называется героическим периодом русской истории. «Недаром досталась России дальняя сибирская окраина. Много жертв пало в бою с неприятелем или в борьбе с неприветливой природой. Дорого доставалась казакам каждая пядь земли. Но беды и несчастия лишь укрепляли их энергию и настойчивость, побуждая к дальнейшей деятельности», – писал, например, А.И. Маныкин-Невструев[308]. *Сибирь,* таким образом, *обозначается как территория, присоединенная к России ценой жизни предков, место подвига сотен простых людей, сделавших «ледовитую страну» русским краем.*

Воскрешая в памяти потомков имена тех, благодаря кому Россия расширила свои восточные рубежи, историки, по сути, обозначали персонифицированные символы региона, упоминая в их числе Ермака, И. Кольцо, Н. Пана, П. Бекетова, Е. Хабарова, Е. Буза, В. Пояркова и др. Для исследователей характерна определенная романтизация «покорителей Сибири». Они описываются физически сильными, отважными, любознательными людьми, опытными воинами, заботящимися о присоединении «новых земель». Так, Иловайский, выясняя вопрос о происхождении Ермака, утверждал: «Во всяком случае, нет никаких прямых указаний на то, чтобы Ермак принадлежал собственно к донскому казачеству, скорее это был уроженец северо-восточной Руси, хорошо знавший ее пути, промыслы и население, закаленный в борьбе с суровой северной природой. Своею предприимчивостью, опытностью и удалью вполне воскресивший тип древнего новгородского повольника. Такими же качествами обладало и большинство его товарищей»[309]. Даже описание недостойных фрагментов казачьих биографий подчинено идее искупления прежних своих грехов службой во имя отечества.

Примечателен с точки зрения изучения образа региона на страницах консервативной журнальной периодики сюжет о колонизационной политике Московской Руси в статье Д.И. Иловайского. По его мнению, именно благодаря продуманной политике преемников Ивана IV, в особенности Б. Годунова, была «закреплена» Сибирь в составе русского государства. Среди основных направлений колонизационных усилий правительства Иловайский выделяет следующее: строительство городов и острогов; переселение в Сибирь служивых людей, ремесленников, крестьян, духовенства из европейской части страны; привлечение на службу «туземной» знати; строительство дорог. Для историка словосочетания «русская колонизация» и «русское господство» были синонимичны. Ответственность за все неудачи и просчеты в действиях государства в отношении края, в результате

---

[307] См.: **Иловайский Д.И.** Ермак и покорение Сибири // РВ. 1889. № 9. С. 3–39; **Маныкин-Невструев А.И.** Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки // РВ. 1883. № 4. С. 469–522.
[308] **Маныкин-Невструев А.И.** Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки // Там же. С. 470.
[309] **Иловайский Д.И.** Ермак и покорение Сибири // РВ. 1889. № 9. С. 11–12.

которых «туземцы терпели многие обиды и притеснения», возлагалась на местные сибирские власти, недобросовестно исполнявшие благие распоряжения центрального правительства[310].

Оппозиция местной и центральной власти в принципе характерна для публикаций «Русского вестника» на «сибирскую» тему. Недовольство современников злоупотреблениями в Сибири, как правило, адресовалось местной бюрократии и соотносилось с такими устойчивыми паремиями, как «произвол», «самодурство», «самоуправство», «взятки», указывало адресату «текста–источника» на искажение сути правительственных мероприятий в отношении региона. По мнению авторов консервативного издания, центральная власть была единственной силой, способной контролировать и карать сибирских чиновников. Характерно, что семантическое поле образа *Сибири – страны чиновничьего произвола,* – как правило, заполнялось путем констатации явлений, имевших место в прошлом, уже устраненных вмешательством самодержавной власти.

Возвращаясь к работе Д.И. Иловайского, обратим внимание на патерналистское обоснование специфического отношения центральной власти к региону: «За все усилия, заботы и расходы, которых потребовало водворение русского владычества в Сибири, сия последняя стала вознаграждать нас своими естественными богатствами, а в особенности огромным количеством дорогих мехов»[311].

Публикации воспоминаний, исторических сочинений, посвященных Сибири, позволяют согласиться с наблюдением А.А. Тарасовой о том, что постоянная обращенность к прошлому была одной из характерных черт журнала, в известной мере определявшей его лицо. По ее мнению, экскурсы в прошлое русской монархии должны были уверить читателей в ее столь же могущественном настоящем и будущем[312].

Сплошной просмотр годовых комплектов журнала свидетельствует о том, что именно с конца 1880-х гг. резко увеличивается число публикаций о регионе. Наряду с увеличением правительственного внимания к региону можно предположить, что на рост внимания публицистов «Русского вестника» к Сибири повлияли и другие факторы. Например, индивидуальные «геополитические» предпочтения редактора-издателя журнала М.Н. Каткова, уделявшего основное внимание западным окраинам империи, как наиболее опасным с точки зрения сохранения целостности государства. Возможно, данным обстоятельством (среди прочих) можно объяснить то, что после смерти идейного вождя журнала на его страницах становятся популярны сюжеты именно

---

[310] Там же. С. 29–30.
[311] **Иловайский Д.И.** Ермак и покорение Сибири // РВ. 1889. № 9. С. 30.
[312] См.: **Тарасова А.А.** Реакционно-охранительная журналистика // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. С. 235.

из жизни «азиатской» окраины[313]. Мотив «пограничья» сибирской окраины особенно усиливается в 1903–1904 гг. – накануне и после начала Русско-японской войны, что имеет вполне очевидные причины.

Наряду с увеличением числа публикаций, посвященных региону, наблюдается и расширение семантического поля топонима «Сибирь», представленное в «Русском вестнике» не очень многочисленными, но стойкими словосочетаниями.

Таблица 8

Ключевые устойчивые словосочетания, используемые при обозначении топонима «Сибирь»

в публикациях «Русского вестника» 1860-х гг. – начала XX в.*

1860–1870-е гг.	**1880-е гг. – начало XX в.**
Отдаленная страна. **Далекие страны Сибири.** **Страна, сравнительно богатая от природы.**	**«Наша богатая и малоизвестная еще Сибирь».** **«Дальняя сибирская окраина, дальняя восточная окраина, далекая и обширная окраина нашего отечества (3), далекая наша окраина, наши дальние края, обширная восточная окраина, восточная наша окраина» (3).** **«Отдаленная Сибирь».** **«Далекая и холодная Сибирь».** **«Обширная Сибирь, обширный сибирский край».** **«Сибирь велика, необъятно велика».** **«Сибирь такая же русская земля, как и все остальные местности империи».** **«Далекая и вместе с тем близкая Сибирь, составляющая еще со времен Ермака неотъемлемое достояние нашего отечества».** **«Богатый край в ужасающем положении (о Сибири накануне приезда Н.Н. Муравьева-Амурского)».** **«Привольные и плодородные земли Сибири».** **«Страна необъятных расстояний, почти сплошь населенная крестьянами».** **«Далекие сибирские степи».** **«Страна, где скапливаются всевозможные отбросы».**

***Сост. автором на основе содержательного анализа статей о Сибири журнала «Русский вестник» (1860–1904 гг.)**

Данные таблицы 8 наглядно свидетельствуют о расширении семантического поля топонима «Сибирь» в тезаурусе русских консерваторов с 1880 гг. В 1860–1870 гг. Сибирь соотносилась с концептом «страна» и рассматривалась как нечто отдельное, отличное от «своей» Европейской

[313] После смерти М.Н. Каткова в 1887 г. «Русский вестник» стал выходить в Санкт-Петербурге, где его редактированием занимался Д.Н. Цертелев, а потом Ф.Н. Берг. С 1896 г. журнал опять начал издаваться в Москве под руководством Д.И. Стахеева, а затем – М.М. Каткова, лишь номинально возглавлявшего журнал. С 1902 г. журнал перешел в руки опытного издателя В.В. Комарова и стал редактироваться консервативным публицистом В.Л. Величко.

России, даже если описывалась людьми, долгое время прожившими в крае. С 1880-х гг. можно выделить несколько основных смысловых значений интересующего нас топонима. Во-первых, Сибирь описывалась как окраина, хотя при этом фиксировалась ее географическая удаленность от ядра государства, «внутренней» России. Симптоматично усиление приближенности Сибири к России при помощи местоимений «наша», «наши»: далекая наша окраина, наши дальние края, восточная наша окраина. Наиболее ярко процесс «врастания», «встраивания» Сибири в ментальную карту России иллюстрируют следующие цитаты: 1) «далекая и вместе с тем близкая Сибирь, составляющая еще со времен Ермака неотъемлемое достояние нашего отечества»[314]; 2) «Сибирь такая же русская земля, как и все остальные местности империи»[315]. Во-вторых, впечатляет обилие указаний на территориальную протяженность Сибирь, обширность, «привольность» края. Чаще всего прилагательные «великий», «обширный» употреблялись при описании аграрных миграций в регион и неосознанно противопоставлялись земельной «тесноте» «коренной» России. Использование словосочетаний, указывающих на природные богатства края, в том числе и земельные ресурсы, свидетельствуют о стойкости стереотипа «Сибирь – ресурсная кладовая», «золотое дно». Однако, если в 1860–1870-е гг. регион рассматривался консервативными политиками и интеллектуалами как неприкосновенный запас и резервная кладовая империи, то с 1880-х гг. осмысливается необходимость вовлечения ее ресурсного потенциала в экономический оборот путем строительства железной дороги. В-третьих, среди публицистических клише, употребляемых публицистами журнала, встречаются такие, которые подразумевают неблагополучие, ненормальность управления регионом, правда, адресуясь к его прошлому, а к не настоящему.

В конце 1880 – начале 1890-х гг. основными обсуждаемыми консерваторами «тематизмами» становятся переселенческий вопрос, строительство сибирской железной дороги, экономические и политические интересы России на Дальнем Востоке.

Если либеральные и народнические издания стали активно обсуждать проблемы сельскохозяйственного переселения в Сибирь уже с начала 1880-х гг., то в сфере пристального внимания консерваторов он появляется только в конце 1880-х. Удивительно единодушие политических оппонентов в констатации злободневности переселенческого вопроса, которое отмечалось и сотрудниками журнала. «Таким образом, переселенческое движение крестьян является не только вопросом, но и злобою дня: его нельзя не прекратить, ни оставить в настоящем виде. В этом, кажется, согласна вся наша печать, без различия направлений, что уже само по себе

---

[314] **Белинский В.** Акционерное учредительство и необходимая его реформа в России // РВ. 1898. № 12. С. 412.
[315] Внутреннее обозрение // РВ. 1888. № 10. С. 332.

свидетельствует о неудовлетворительной постановке у нас переселенческого дела. Разногласия возникают лишь по вопросу: как помочь этому делу?», – замечал внутренний обозреватель в 1889 г.[316] В сообщениях «Внутреннего обозрения» конца 1880-х гг. обсуждаются вопросы правомерности утверждения о «земельной тесноте» как о причине аграрных миграций; о преимуществах расселения крестьян в пределах европейской части страны, путем передачи в аренду части помещичьих имений над переселениями крестьян в окраинные регионы империи[317].

Информируя читателей о мероприятиях правительства по организации переселенческого движения[318], журнал, как и умеренно-оппозиционные либеральные и народнические издания, не идеализировал состояние переселенческого дела. «Переселенческий вопрос – теперь вопрос модный, – констатировал в 1895 г. неизвестный автор, скрывавшийся за криптонимом «Н.». – Никто его не находит нужным ни регулировать, ни озаботиться планом государственного расселения… Темные люди ходят с места на место, как сонные мухи, не зная, куда идут, не зная иногда, зачем снимаются с места, что их ждет на новой земле, и беспрестанно только и читаете вы о возвращении их на прежние земли, где правительству приходится их прокармливать и платиться за это повсеместное скитанье. Никто остановить их не может, исследовать причины переселения, удобство будущего места…»[319]. Ему вторил ведущий «Современной летописи» в 1904 г., утверждавший, что заселение Сибири идет черепашьим шагом, несмотря на то, что охотников переселяться десятки миллионов людей, вымирающих в центре России от недостатка земли и заработков[320].

Идея сохранения рабочих рук для «помещичьей» России порой приходила в противоречие с осознанием необходимости переселения русских земледельцев для национально-культурного объединения окраин с центром, с идеологемой расширения ядра «большой русской нации»[321]. Однако по мере активизации строительства Транссибирской железной дороги постепенно становилась аксиоматичной идея целесообразности переселенческого движения крестьян в Сибирь, особенно в приграничные восточные районы, для заселения этой территории в стратегических целях. Основополагающая роль в организации крестьянского переселения отводилась государству, которое

---

316 Внутреннее обозрение // РВ. 1889. № 8. С. 310.
317 См.: Внутреннее обозрение // Там же. С. 308–318; №12. С. 297–304; Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 12. С. 336–340.
318 См., например: Внутреннее обозрение // РВ. 1889. № 12. С. 297–304; Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 1. С. 252–253; Из жизни и печати // РВ. 1893. № 1. 294–295; Из жизни и печати // РВ. 1893. №4. С. 333–338; Из текущей жизни // РВ. 1898. № 12. С. 430–433; Из текущей жизни // РВ. 1899. № 2. С. 802–805; **Емельянов Н.Н.** Переселение крестьян в Сибирь // РВ. 1898. № 3. С. 364–382; Расселение или заселение? // РВ. 1898. № 11. С. 403–413; **Он же.** Организация переселений /// РВ. 1899. № 11. С. 817–823.
319 Н. Переселенчество и шатуны // РВ. 1895. № 10. С. 315–316.
320 См.: Современная летопись // РВ. 1904. № 3. С. 387–391.
321 См.: Колонизация наших окраин // РВ. 1885. № 5. С. 476–479.

должно рассматривать переселения не столько как «меру обеспечения народного продовольствия», сколько руководствоваться идей безопасности «единой и неделимой России»[322].

Наиболее отчетливо эту мысль сформулировал бывший народник, отбывавший ссылку в Сибири, а к 1890-м гг. ярый проповедник идей консерватизма Н.Н. Емельянов. В 1898 г. он призвал отказаться от желания создать в Сибири «переселенческое Эльдорадо» и возвратиться на путь дореформенной переселенческой политики, при которой за каждую жертву со стороны правительства переселенцы должны платить теми или иными услугами приютившему их краю[323].

Доминирование геополитических интересов государства над стремлением решить социально-экономические проблемы крестьянского продовольствия, «земельного голода» и др.; признание приоритета идеи «заселения окраин» над идеей «расселения крестьян» как средства спасения от малоземелья и обезземеливания – основные отличия в интерпретации «переселенческого вопроса» консерваторами конца XIX – начала XX в. от его либеральных и народнических версий. Ссылаясь на необходимость усиления национальной безопасности, консервативные публицисты, например, обосновывали желательность расселения русских безземельных и малоземельных крестьян в западных окраинных губерниях империи и переселение оттуда в Сибирь «нерусских», главным образом немецких и польских колонистов[324].

О приоритете идеи заселения восточных окраин в указанный период свидетельствует обсуждение вопроса о колонизационном потенциале различных социальных и конфессиональных групп пореформенной империи. Переселенцы-кустари признавались более желательными для Сибири, чем земледельцы, высоко оценивались адаптационные способности и патриотизм старообрядцев. Духоборы и представители других сект, не признающих воинскую повинность, а также ссыльнопоселенцы признавались нежелательными колонистами[325]. Лучшим колонизационным элементом в пограничных территориях считались казаки, способные к защите государства от «желтой опасности»[326].

В качестве культурных форпостов, необходимых для усиления русского влияния в многонациональных восточных губерниях, предусматривалось активное строительство церквей и церковно-приходских школ. «Для удовлетворения нужд православной церкви на наших окраинах,

---

322 См.: Из жизни и печати // РВ. 1892. № 4. С. 362–364.
323 См.: **Емельянов Н.Н.** Переселение крестьян в Сибирь // РВ. 1898. №3. С. 381–382.
324 См.: Из жизни и печати // РВ. 1893. № 3. С. 361; **Тихонов Т.И.** Немцы-колонисты в Польше и Сибири // РВ. 1896. №11. С. 380–392.
325 См.: Из текущей жизни // РВ. 1899. №2. С. 802–807.
326 Рец. на кн.: Орлов Н. Забайкальцы в Манчжурии в 1900 г. СПб., 1901 // РВ. 1901. №5. С. 510.

как дальних, так и ближайших, для того, чтобы утверждалась и укреплялась духовная связь их с русским отечеством, здесь требуются еще тысячи православных храмов. Помимо удовлетворения религиозно-нравственных потребностей русского населения, это необходимо и в соображениях чисто политических, так как каждый новый православный храм здесь – это оплот для русского владычества, новый аванпост христианского просвещения, опора русской культуры и государственности на окраинах», – читаем в «Современной летописи» 1896 г.[327]

Пристальное внимание к церковному строительству в Сибири в определенной степени объяснялось популярной в консервативных кругах идеей «Россия для русских», ростом популярности националистической доктрины и сопровождалось негативным отношением к деятельности других, кроме православия, религиозных институтов на территории Сибири. «Что же дала нам в результате эта политика веротерпимости, не знающая никаких границ, – вопрошал анонимный рецензент «Русского вестника». – Вместо шаманизма мы насадили в Забайкалье ламаизм, сильный своею духовною организацией, руководимой из-за пределов России… Мы создали враждебное нам духовенство, воспитывающее в том же враждебном духе подрастающее бурятское поколение»[328]. Таким образом, церковное строительство понималось консерваторами как неотъемлемый элемент русификации окраин.

Распространению новой имперской идеологии должны были служить и церковно-приходские школы, деятельности которых в Сибири посвящена статья Г.Я. Маляревского[329]. Информационным поводом для публикации послужила статья Н. Арефьева «Кому просвещать Сибирь?», помещенная в «Северном вестнике». Арефьев доказывал преимущества светской, в частности, земской школы над церковно-приходской и обосновывал необходимость распространения земской реформы на сибирские губернии. Опровергая аргументы Арефьева, Маляревский, в свою очередь, отстаивал идею передачи всех начальных школ в Сибири в ведение православного духовенства. Автор выступает как последовательный продолжатель идей духовного вождя «Русского вестника» М.Н. Каткова, утверждавшего, что церковь – истинная опора народной школы, а священнослужитель – призванный народный учитель[330].

---

[327] **А.Л.** О церковном строительстве в Сибири // РВ. 1896. №10. С. 315–316.

[328] Рец. на кн.: Высочайше утвержденная, под председательством статс-секретаря Куломзина, комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл. СПб., 1898. Вып. 16 // РВ. 1899. № 2. С. 683.

[329] См.: **Маляревский Г.Я.** К вопросу о том, кому просвещать Сибирь // РВ. 1896. № 4. С.303–314.

[330] См.: **Катков М.Н.** О современных вопросах России (1879–1887). М., 1898. С. 35.

Признание необходимости изучения природно-климатических, естественно-географических, социально-экономических условий жизни в Сибири как залога эффективности колонизации восточных губерний было точкой сближения консервативной, либеральной и народнической печати по отношению к крестьянским переселениям. Как и идейные оппоненты, публицисты «Русского вестника» информировали своих читателей о деятельности ведомственных исследовательских экспедиций, изучавших экономический быт сибирских крестьян и инородцев, выступали за активизацию усилий земских начальников, сибирских отделов РГО по сбору информации о причинах переселенческого движения, об условиях водворения мигрантов на «новых местах»[331]. Однако в отличие от либеральных и народнических публицистов консерваторы достаточно скептично относились к общественным объединениям помощи нуждающимся мигрантам, утверждая, что «служение народу» в таких формах ограничивается канцелярскими упражнениями на «поприще затей благотворительности» и заканчивается бесполезной тратой больших денег[332]. Между тем, пытаясь моделировать не только мировоззрение, но и социальное поведение читателей, редакция журнала в 1896 г. информировала о пожертвованиях на церковное строительство в Сибири, сообщала о местах приема денежных взносов, по сути, пропагандируя ранее критикуемую благотворительную деятельность в переселенческом деле[333].

Попутно заметим, что бросается в глаза противоречивое отношение сотрудников издания к проявлениям общественной самодеятельности в Сибири. С одной стороны, журнал неоднократно приветствовал и номинировал как достойную подражания деятельность сибирских отделов РГО по изучению края[334], с другой же, критически отзывался о деятельности Томского Общества попечения о начальном народном образовании, о сибирской периодической печати. Напрашивается предположение о том, что объектом критики становилась такая деятельность, которая противоречила консервативной модели образа Сибири, интерпретировалась сотрудниками издания как оппозиционная правительственной политике в отношении региона. Например, внутренний обозреватель журнала в 1899 г. обвинял активистов вышеупомянутого томского «школьного общества» в том, что они претендуют на замену собою «недостающих земских учреждений», пропагандируют внешкольное образование народа и доставление ему «разумных развлечений», при

---

[331] См.: Внутреннее обозрение // РВ. 1889. № 8. С. 317–318; **Тихонов Т.И.** Письмо о переселенцах Сибири // РВ. 1896. № 1. С. 352–354;

[332] Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 12. С. 339.

[333] См.: Постройка церквей в районе Сибирской железной дороги // РВ. 1896. № 5. С. 333; Церковь-вагон для Сибирской железной дороги // РВ. № 8. С. 361.

[334] См., например: Азиатские окраины России: Рец. на кн.: Известия Имп. РГО. 1898. Т. 34. Вып. IV // РВ. 1899. № 1. С. 246–246; Рец. на: Отчет Имп. РГО за 1898. (СПб., 1898) // РВ. 1899. № 9. С. 280.

этом утратив финансовую самостоятельность и обращаясь за субсидиями в городское управление[335]. Ранее упомянутый Н.Н. Емельянов обвинял сибирскую либеральную прессу, представленную «Восточным обозрением», «Сибирской газетой», в кружковщине, в привлечении к сотрудничеству политических ссыльных, называя их основным занятием обличения местной администрации. «Что же дала Сибири периодическая печать за сто с лишним лет своего существования? – риторически вопрошал одиозный публицист. – Мало и очень мало. Сеяла она преимущественно недовольство. Руководителями общественного мнения являлись слишком часто люди неспособные внушить уважение к существующему государственному строю, даже прямо враждебные к нему. Разработке местных вопросов отводилось очень мало места, да и эта разработка велась в узко партийном духе, об объективном отношении к местной жизни, о беспристрастном обсуждении местных нужд и потребностей вовсе не думали. Результатом всего этого явилась кружковщина, нетерпимость к чужим мнениям, замалчивание самых неблаговидных действий своих единомышленников»[336].

Характеризуя отношение консервативных публицистов к строительству Транссибирской железной дороги, можно отметить, что оно эволюционировало от безусловной поддержки правительственной идеи соединения Европы и Сибири «железными путями» в конце 1880 – начале 1890-х гг. до сомнений в целесообразности больших расходов на ее строительство и содержание в начале XX в. В 1888 г. внутренний обозреватель «Русского вестника», утверждая, что мировые пути сообщения размыкают кольцо произвола и монополии, оптимистично полагал, что железная дорога пробудит от невольной спячки производительные силы края и даст толчок «началу общественности, которое здесь как бы замерло»[337]. Двумя годами позже, уточняя задачи железнодорожного строительства, редакция констатировала: «Цель существования этого пути заключается не столько в том, чтобы открыть в Сибири новые рынки для сбыта произведений Европейской России, сколько в том, чтобы дать самой Сибири возможность выйти из экономического застоя и поставить эту обширную страну, богато одаренную природой, но лишенную путей сообщения, в те же условия, в которых ныне находится Европейская Россия. Только в тесном экономическом общении с последней она может расти и развиваться»[338].

Однако основное значение сибирской дороги виделось консерваторами через призму интересов государственной обороны. Исходя из соображений национальной безопасности, они

---

[335] Из текущей жизни // РВ. 1899. № 10. С. 870–874.
[336] **Емельянов Н.Н.** Печать в Сибири // РВ. 1898. № 12. С. 407.
[337] Внутреннее обозрение // РВ. 1888. № 9. С. 388.
[338] Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 11. С. 346.

заявляли о том, что сама мысль о том, чтобы отдать часть русской земли без оружия, боеприпасов и продовольствия, приравнивается к государственной измене[339].

Отмечалось и международное значение Великого Сибирского рельсового пути, призванного связать самые отдаленные пункты Европы и Азии, приблизить Старый свет к Новому, начало его строительства соотносилось по значению с 400-летием открытия Америки[340].

Тональность публикаций, посвященных развитию железнодорожного сообщения в Сибири, резко меняется на рубеже XIX–XX вв., что связано с будированием консервативной прессой идеи «оскуднения центра», разоблачением ряда хозяйственных махинаций, связанных со строительством дороги, негативным отношением консервативной публицистики к деятельности министра финансов С.Ю. Витте. В целом, признавая культурное, политическое и экономическое значение построенной дороги, журналисты сомневались «в цене» финансовых вливаний, необходимых для ее функционирования, полагали, что это ведет к ослаблению внутренних сил и средств России, население которой в 20 раз больше, чем Сибири[341].

С наибольшей очевидностью противопоставление социально-экономических интересов России и Сибири проявляется в серии публицистических статей Н.Н. Емельянова, бывшего народника, после сибирской ссылки примкнувшего к консервативному лагерю[342]. Новоявленный консерватор пугал образованную публику конкуренцией дешевого сибирского хлеба и, обращаясь к людям, определявшим содержание окраинной политики, призывал: «Вообще, заботясь о развитии окраин, не нужно забывать и интересов коренных губерний России. Это азбучная истина, давно превратившаяся в простую аксиому. Если бы мы лучше помнили ее, то не впали бы в ту односторонность, которая мешает нам теперь здраво смотреть на дело и заставляет нас приносить реальные интересы центра в жертву мнимым потребностям окраин, для которых в последние годы сделано и так уж слишком много»[343]. К числу «мнимых» потребностей окраин Емельянов относил земскую реформу, введение в Сибири суда присяжных, утверждая, что население края, состоящее из крестьян, ссыльных и «инородцев», не готово к проведению либеральных преобразований[344].

---

[339] Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 7. С. 323–324.
[340] Рец. на кн.: Сибирь и великая сибирская железная дорога. СПб., 1893 // РВ. 1893. № 8. С. 352.
[341] Статс-секретарь С.Ю. Витте и Дальний Восток // РВ. 1903. № 3. С. 435–436; Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток // РВ. 1903. № 4. С. 811–813.
[342] Анализ взглядов Н.Н. Емельянова по ключевым вопросам сибирской жизни ранее предпринят А.В. Ремневым. См.: **Ремнев А.В.** Самодержавие и Сибирь. С.165–169.
[343] **Емельянов Н.Н.** Сибирский хлеб и новые рельсовые пути // РВ. 1899. № 3. С. 771.
[344] См., например: **Емельянов Н.Н.** Судебные преобразования в Сибири // РВ. 1899. № 2. С. 776–782.

Трактуя нужды региона через призму интересов населения «внутренней» России, Емельянов и его соратники по «Русскому вестнику» выступали за введение в Сибири частного землевладения[345]. Идея «оскуднения центра» в дискуссии о насаждении в осваиваемых восточных губерниях частного землевладения переплеталась с идеей «дворянского реванша». Приводилось два основных довода, делающих Сибирь привлекательной для представителей дворянского сословия: наличие свободных рабочих рук в лице переселенцев и более доступных, благодаря железной дороге, рынков сбыта для сельскохозяйственной продукции. Показательно, что экономические преимущества развития помещичьих хозяйств в Сибири аргументировались также интересами крестьян-переселенцев, которым легче было бы приобретать «на новых местах» хозяйственный опыт, работая в первые годы в помещичьих имениях. Однако в качестве наиболее значимых назывались нравственные последствия «дворянской колонизации» Сибири. «Если в Европейской России поместное дворянство считается лучшим руководителем сельского населения, то во сколько же раз оно более необходимо в крае, где руководителем крестьян может явиться только городская „интеллигенция“, представляющая собою конгломерат из временно приезжих чиновников, политических и уголовных ссыльных?» – патетически вопрошал все тот же Емельянов[346].

Исследование историка В.Н. Худякова свидетельствует о безусловном тождестве взглядов «Русского вестника» с аргументами за насаждение в Сибири помещичьего землевладения, выдвигавшимися представителями правительственной элиты, например, А.Н. Куломзиным во время работы подготовительной комиссии по разработке закона о введении крупного частного землевладения в крае[347].

Статьи о Сибири рубежа XIX–XX вв. указывают на то, что в данный период главным адресатом публицистического дискурса «Русского вестника» было население центра империи, те или иные реалии сибирской жизни актуализировались как основа для рефлексии по поводу проблем, актуальных для «внутренней» России. Сибирская действительность приковывала внимание консервативных идеологов в той степени, в которой она позволяла идентифицировать страхи, надежды и ожидания референтных групп читателей журнала, поэтому публикации на «сибирские темы», прежде всего, отражали проблемы, волнующие читателей европейской части страны, в какой-то степени формируя не только национальную, но и региональную идентичность. Данное наблюдение, как мне видится, вполне соотносится с уже традиционным для отечественной историографии

---

[345] См., например: **Емельянов Н.Н.** Государственное землевладение и «мужицкое царство» // РВ. 1899. № 10. С. 840–848.
[346] **Емельянов Н.Н.** Черта дворянской оседлости // РВ. 1998. № 10. С. 409–410.
[347] **Худяков В.Н.** Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 187–188.

выводом о том, что объектом политики на «национальных окраинах» были не только и не столько сами окраины, но и ядро империи[348].

Освоенные читателями на ментальном уровне символы и образы региона, например, *Сибирь как место ссылки политических преступников, посягнувших на основы государственности*, востребовались не только как материал для трансляции националистической идеологемы, но и активно эксплуатировались в политической борьбе. В этом смысле примечательна статья «Немцы о книге Кеннана», объединившая две рецензии немецких авторов, побывавших в Сибири, на знаменитое сочинение американского путешественника Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка». По мнению одного из рецензентов, М. Бермана, Сибирь по отношению к ссылке – это лечебница для нравственно больных, которая «требует некоторого облагораживания», но при современной, «обильной темными сторонами общественной жизни», просто необходима[349]. Многочисленные негативные характеристики ссыльных народников с очевидностью указывают на конструирование образа врага, который описывается при помощи следующих маркеров: «эти чудовища», «нигилисты», «заблудшие молодые люди», отличающиеся «детским упрямством», «низкие убийцы», «метатели бомб», «динамитчики», «мазурики», «воры», «проститутки», «притонодержатели». Как и его русские единомышленники, Берман весьма скептично оценивал колонизационный потенциал ссыльных: «Конечно, великая экономическая будущность Сибири, стоящая для меня вне сомнения, будет создана не руками ссыльных убийц и воров, еще менее теми «политическими», которые, несмотря на их Спенсера и Милля, не обладают ни способностью, ни охотою к деятельности, необходимой для колонизатора и носителя культуры. Будь эти «политические» – немцы, англичане или американцы, они обогатили бы Сибирь и себя, тогда как русские политические только переваривают с грехом пополам своего Спенсера и бранят правительство»[350]. С точки зрения Бермана, «политическим» ссыльным в Сибири недостает прилежания, здравой предприимчивости, желания работать, а вовсе не сочувствия и разоблачения их мучителей, как представляется Кеннану. Сам факт публикации рецензий свидетельствует о том, что взгляды немецких критиков Кеннана разделялись редакцией «Русского вестника», которая использовала данную публикацию как элемент многолетней политической борьбы с «нигилистами».

---

[348] См., например: **Худяков В.Н.** Аграрная политика царизма в Сибири... С. 198–199; **Долбилов М.Д.** Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С.174 и др.

[349] Немцы о книге Кеннана // РВ. 1894. № 1. С. 202.

[350] Там же. С. 204.

Не останавливаясь подробно на анализе взглядов немецких путешественников на политическую ссылку, ибо они очевидны из вышеприведенных реплик, обратим внимание на попытку автора деконструировать мифы о Сибири, распространенные среди его соотечественников. «Сибирь воображают себе страною полярною, с вечной зимою, с белыми медведями и тюремными надзирателями, и только небольшой кружок образованных людей знает, что климат некоторых частей Сибири – почти тропический, что даже в Камчатке лето бывает такое, какое найти у нас можно только в южной Европе, что трудно найти в Европе что-либо подобное разнообразию сибирской флоры, или полным аромата сибирским теплым ночам, что в сибирских городах имеются университет, гимназии, реальные училища и женские учебные заведения, театры и музеи, политические и научные повременные издания», – писал Берман[351].

Отмечая неэффективность некоторых научных экспедиций как способа информирования заинтересованной общественности об условиях жизни в Сибири, рецензент надеялся, что строительство сибирской железной дороги положит конец «модным россказням про сибирские ужасы». В данном случае важна констатация зарубежного интереса к реалиям сибирской окраины, подтверждающаяся и репликой другого немецкого оппонента Кеннана – профессора Юста, утверждавшего, что «нет такой бешеной, просто бессмысленной газетной заметки о Сибири, которой тотчас не перепечатали бы везде и которой не приняли бы с доверием»[352]. Очевидно, что с конца 1880 – начала 1890-х гг. Сибирь становится информационно притягательным регионом не только для россиян, но и для иностранцев.

Возвращаясь к актуализации образа региона как места политической ссылки в публикациях «Русского вестника», обратим внимание на рецензию журнала на книгу о декабристах историка, библиографа, в 1870-х гг. бывшего тобольским вице-губернатором, А.И. Дмитриева-Мамонова. Книга имела довольно большой резонанс и была отмечена благожелательными рецензиями во многих толстых журналах. Создается ощущение, что описание поведения декабристов в ссылке противопоставлялось ранее упомянутому моделируемому консервативной прессой мифу о «праздных ссыльных народниках». «Эта ссылка… послужила испытанием их нравственного характера. Сосланные в Западную Сибирь декабристы вынесли это испытание с высоким достоинством, – читаем в рецензии Т.И. Тихонова. – Редко изгнанники обнаруживали столько высокого нравственного мужества, столько веры и столько великодушной покорности судьбе. В среде декабристов Западной Сибири сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они

[351] Немцы о книге Кеннана // РВ. 1894. № 1. С. 203-204.
[352] Там же. С. 209.

жили в более счастливое свое время в Европейской России, и в бедствиях ссылки, на поселении они оказались даже полезными как местному сибирскому обществу, так и вообще тому далекому и полудикому краю»[353].

Итак, ключевые причины обращения к сибирским сюжетам на рубеже веков, с одной стороны, социально-экономические проблемы центральной России, поиски материалов для обоснования националистической доктрины, а с другой, сопровождающее политическую идентификацию консерваторов на новом историческом витке, обращение к образу «нигилиста в ссылке» как идейного врага. «Внешними» информационными поводами, фиксируемыми на страницах журнала, были постройка железной магистрали и мероприятия правительства в Сибири[354].

В начале XX в. главным информационным поводом, притягивавшим внимание к региону, становится Русско-японская война. Вновь актуализируется тема «желтой опасности» и угрозы потери дальневосточных территорий, обсуждавшаяся с начала 1870-х гг. «Вновь всколыхнулось огромное монгольское море и хлынуло на Запад! Оно уже заливает русской кровью наши поля на Дальнем Востоке! Желтые волны с бешеной яростью, с древним азиатским вероломством стараются сокрушить наши передовые твердыни! Это только первые раскаты будущей исторической бури! Вновь настала пора словом, светом знания и любви к родине предупредить, разбудить уснувших, осветить мины и подводные скалы на том пути, по которому Бог ведет наш народ к его великой будущности», – типичный образец «ура патриотической» риторики «Русского вестника»[355].

Однако наряду с патетическими проявлениями националистических настроений, приобретавшими все большую популярность, после первых поражений русских войск стал всерьез обсуждаться вопрос о причинах слабой заселенности Дальнего Востока и недостатках российской колонизационной политики в целом. «Если бы мы заблаговременно позаботились о заселении огромных пространств Дальнего Востока, то русское население там давно бы уже обжилось, и не случилось бы такого острого недостатка, как сейчас, и в контингенте местных войск и, вообще, в нужном количестве людей», – писал внутренний обозреватель журнала в 1904 г.[356] Замечу, что у редакции «Русского вестника» были основания для подобных сетований. Еще в конце 1880-х гг. на

---

[353] **Тихонов Т.И.** Декабристы в Западной Сибири // РВ. 1896. № 2. С. 148.
[354] См., например: Рец. на кн.: Известия Имп. РГО. СПб., 1898 Т. 34. Вып. IV// РВ. 1899. № 1. С. 245.
[355] **Сурин Ф.** (Массальский) Завоевание России монголами. Прежнее и замышляемое // РВ. 1904. № 12. С. 618.
[356] Современная летопись // РВ. 1904. № 3. С. 388.

страницах журнала известный путешественник, корреспондент «Нового времени» А.Я. Максимов выступил с серией статей, доказывающих необходимость заселения «крайнего Востока» в связи со стратегическими интересами России[357].

Содержательный анализ публикаций «Русского вестника», посвященных Сибири, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Во второй половине 1850–1860-х гг. семантика образа Сибири осмысливалась главным образом в контексте ориенталистского дискурса как территория малоизвестной, экзотической колонии, славящейся своими природными богатствами, населенной «иными» народами, влекущая к себе людей, мечтающих о славе и карьере, «Мекка» для географов, но при этом пугающая своими огромными расстояниями, плохими дорогами, суровыми климатическими условиями, репутацией места ссылки и каторги, символизирующая неограниченный административный произвол.

2. С начала 1870-х гг. в связи с активным формированием имперской националистической идеологии, в конструировании которой принимали активное участие и авторы ставшего транслятором консервативного дискурса «Русского вестника», образованной публике презентуются новые варианты образа региона. Сибирь номинируется как неотъемлемая часть исконной территории России, завоеванная ценой казачьей крови, территория, являющаяся давним объектом вожделения граничащих с Россией на востоке держав. К этому времени относится активное моделирование образа внешнего врага в лице Китая. Таким образом, презентовался геополитический контекст формирующегося националистического дискурса.

3. Однако в 1850 – начале 1880-х гг. основное внимание консерваторов, как общеизвестно, приковывали западные окраины империи, «спящая Сибирь» номинировалась ресурсной кладовой и имперским резервом не только в экономическом смысле, но и в социально-политическом. С конца 1880 – начала 1890-х гг. Сибирь становится одним из приоритетных объектов консервативного публицистического дискурса. Не случайно с этого времени относительно Сибири в консервативной публицистике часто используется метафора «пробуждения ото сна». Нами уже были упомянуты причины внимания к региону консервативных публицистов: с одной стороны, социально-экономические проблемы европейской части страны («оскуднение центра»), развитие мировоззренческих постулатов консервативной доктрины (идея «дворянского реванша», борьба с нигилизмом); с другой ─ изменение правительственной политики в отношении региона,

---

[357] См.: **Максимов А.Я.** Наши задачи на крайнем Востоке // РВ. 1888. № 1. С. 111–141; **Он же.** Уссурийский край // РВ. 1888. № 12. С. 19–46.

выразившееся в постройке железной дороги, легализации переселенческого движения, отмене ссылки, распространение на Сибирь отдельных положений судебной реформы и др.

4. По мере формулирования националистической доктрины, под влиянием колебаний окраинной политики самодержавия, индивидуальных авторских прочтений целей и смыслов русификации, Сибирь рассматривалась то как «разбуженная» монаршей милостью, соединенная с «внутренней» Россией «железными путями», завоеванная русской кровью, но до времени забытая окраина, то как «отсталая» и потенциально опасная территория, «клоака всероссийских подонков самого злокачественного свойства»[358]. Связанные с Сибирью фобии отвлекали внимание от проблем центральной России и постоянно акцентировались наличием врагов как внешних (пограничные страны, европейские державы), так и внутренних. В качестве последних, наряду с политическими ссыльными, выступали различные группы сибирского населения, например, инородцы. «Мы далеки от мысли восхвалять английский режим в Ост-Индии или расовую нетерпимость Соединенных Штатов, но думаем, что не следует впадать и в противоположную крайность, создавать для инородцев какое-то господствующее положение и особые привилегии, давать им возможность подкапываться под русское владычество, легально или нелегально подрывать русское влияние в той или иной местности… В Забайкальской области, например, бурятский бандидо-хамба пользуется правом непосредственно сноситься с генерал-губернатором, а православный священник зачастую дожидается своей очереди в приемной исправника наряду с остальными просителями. На всех окраинах лучшие земли захвачены инородцами и закрыты для русских», – весьма типичный образец консервативной риторики, конструирующей образ «инородца» как латентного символического врага[359]. Напрашивается предположение о том, что конструирование образа врага – механизм социокультурной интеграции формирующегося национализма. Враг представляет собой апеллятивный фактор, в условиях социальной нестабильности мобилизующий всех читателей к солидарности и сплочению вокруг консервативного лагеря и поддерживаемой им власти монарха, гарантирующего условия безопасности[360].

5. События Русско-японской войны стимулируют номинацию «Сибири и ее составной части Дальнего Востока как исконно русской территории», защищая которую, можно спасти мир от «нашествия желтой расы».

---

[358] Внутреннее обозрение // РВ. 1888. № 6. С. 345. См. также: **Максимов А.Я.** Уссурийский край // РВ. 1888. № 12. С. 19–46; **А.С.** Ссылка и остров Сахалин // РВ. 1889. № 7. С. 59–90; Внутреннее обозрение // РВ. 1889. № 7. С.333–339; **Емельянов Н.Н.** Тюрьма и ссылка // 1899. № 6. С. 713–720.

[359] Из текущей жизни // РВ. 1899. № 3. С. 392.

[360] См.: **Гудков Л.** Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 15.

Разножанровые публикации «Русского вестника» дают основания утверждать, что в начале XX в. смещается символическая граница, отделяющая европейскую Россию от азиатской на культурно-географической карте империи русских консерваторов. Если в художественных очерках В.В. Романова «За Урал», опубликованных в 1883 г., после описания гранитного обелиска с двумя надписями «Европа» и «Азия» следуют упоминания о «чистеньком» Екатеринбурге, мокрой Барабинской степи, холодных струях Иртыша[361], то в рецензии 1904 г. на книгу П. Н. Краснова «По Азии» Россия (в смысле «коренная» империя) заканчивается в Иркутске. «Только за Иркутском начинается настоящая Азия – до сих пор была все Россия… В Иркутске первый раз почудилось что-то пограничное, что-то чуждое всему виденному», – писал анонимный рецензент[362].

Осмысление Сибири редакцией «Русского вестника» можно кратко охарактеризовать как переход от ориентализма к национализму, от исследовательского, мемуарного и художественного дискурсов к дискурсу публицистическому. Данный переход отразился и подборе адресантов дискурса в 1850 – начале 1880-х гг. Таблица 9 свидетельствует о том, что среди них преобладали исследователи, путешественники, люди, длительное время в силу разных биографических обстоятельств жившие в Сибири. В конце XIX – начале XX в. авторами публикаций на «сибирские темы» в основном становятся люди, занимающиеся политической публицистикой.

Содержательный анализ публикаций о Сибири, наряду с работами специалистов по истории журналистики и общественного мнения пореформенной России, подтверждает вывод о том, что референтными адресатами «Русского вестника» были представители высшей бюрократии, интеллектуальной элиты и «дворянских гнезд».

Таблица 9

Биографическая связь с Сибирью авторов и сотрудников журнала «Русский вестник» (1856–1904 гг.)

Ф.И.О., годы жизни	Обстоятельства и время пребывания в Сибири	Род занятий	Вид публикации
1	2	3	4
Аксенова Л.В.	Проживание на золотом прииске	Дочь владельца золотых приисков в Забайкальской обл.	Мемуары
Васильев В.П. (1818–1900)	По пути в Китай и из Китая (1840; 1850)	Синолог, профессор Казанского, Санкт-	Вступительная статья к

[361] **Романов В.В.** За Урал // РВ. 1883. № 6. С. 440.

[362] Дальний Восток, Манчжурия и Корея в описании русских людей // РВ. 1904. № 4. С. 662.

		Петербургского университета	публикации источников китайского происхождения
Венюков М.И. (1832–1901)	Путешествие в Уссурийский край по инициативе Н.Н. Муравьева (1857); служба в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве (1859-1860)	Ученый–географ, офицер Генерального штаба, секретарь РГО, один из родоначальников отечественной геополитики	Публицистические статьи геополитического содержания
Вигель Ф.Ф. (1786–1856)	Участник посольства в Китай под руководством Ю.А. Головкина (1805-1806)	Чиновник Министерства внутренних дел	Мемуары
Гурьев В.В. (1830–1890)		Священнослужитель	Статья исторического содержания
Емельянов Н.Н. (1860–1812)	Ссылка за участие в революционной агитации	Публицист, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей»	Политическая публицистика
Завалишин Д.И. (1804–1892)	Ссылка за участие в движении декабристов (1827-1856)	Морской офицер	Публицистическая статья
Иловайский Д.И. (1832–1920)	Не имел непосредственной биографической связи с регионом	Историк, публицист, автор школьных учебников по истории	Статья исторического содержания
Кропоткин П.А. (1842–1921)	Служба офицером в Амурском казачьем войске, участие в Олекминско-витимской экспедиции по поручению РГО	Географ, геолог, секретарь РГО, один из идеологов анархизма	Путевые очерки
Латкин Н.В. (1833–1904)	Место жительства и профессиональной деятельности	Географ, золотопромышленник, сотрудник «РВ»	Художественные очерки
Максимов А.Я. (1851–1896)	Участие в кругосветных плаваниях, корреспондент газеты «Новое время» на Дальнем Востоке	Морской офицер, журналист	Информационные сообщения и публицистические статьи
Романов В.В. (1841–1890)		Писатель	Художественное произведение
Романов Д.И. (? – 1873)	Служба в Восточной Сибири	Военный инженер, полковник, исследователь этнографии,	Путевые заметки

		экономики, географии Сибири	
Струве Б.В. (1827–1889)	Служба в Восточной Сибири	Чиновник особых поручений при восточно-сибирском генерал-губернаторе	Воспоминания
Сулоцкий А.И. (1812–1884)	Служба в Западной Сибири	Протоиерей, писатель, историк православной церкви в Сибири	Статья исторического содержания
Черкасов А.А. (1834–1895)	Служба в Нерчинском и Алтайском горных округах	Горный инженер, натуралист, городской голова в г.Барнауле	Очерки
Щуровский Г.Е. (1803–1884)	Исследовательская геологическая экспедиция на Алтай (1844)	Первый профессор геологии и минералогии Московского университета	Научно-популярные статьи по геологии региона

«Осмысление» Сибири журналом «Русское обозрение»

Для ответа на вопрос о том, насколько типичен, характерен для консервативной периодики был транслируемый «Русским вестником» образ Сибири логично обращение к другим «толстым» журналам консервативной ориентации. Ограничим свои компаративистские устремления журналом «Русское обозрение», выделявшимся в 1890-е гг. среди консервативных периодических изданий, «влачивших довольно жалкое существование»[363].

Журнал возник в 1890 г. в Москве, первоначально издателем его числился Н.М. Боборыкин, редактированием занимался князь Д.Н. Цертелев, получивший степень доктора права в Лейпцигском университете. Примечательно, что Цертелев получил опыт редакторской деятельности в «Русском вестнике», руководя журналом в первый год после смерти М.Н. Каткова.

Первоначально издание презентовало себя как журнал всех направлений, «внепартийный» орган, противопоставлявший себя политически ангажированным изданиям. Цертелев, обозначая свою редакторскую и журналистскую позицию, соотносил ее с ролью «зрителя государственных и общественных явлений», стремящегося не влиять на них непосредственно, а лишь «ярче и беспристрастнее изображать действительность»[364]. Однако, как замечали современники и как очевидно исследователям, консервативная струя в журнале преобладала, что давало основания как для идейных оппонентов, так и для соратников по консервативному лагерю обвинять редакцию в

[363] **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. С. 285.
[364] **Тарасова А.А.** Реакционно-охранительная журналистика. С. 239.

сокрытии своего направления, а редактора – в желании занять позицию «между двух стульев»[365]. Тем не менее, респектабельный характер издания, отсутствие одиозности, присущей «Русскому вестнику» и «Гражданину», позволяли привлекать Цертелеву к сотрудничеству В.С. Соловьева, А.П. Чехова, И.А. Гончарова и др.

В середине 1892 г. Д.Н. Цертелева на посту редактора сменил А.А. Александров, и журнал стал последовательным органом консерватизма. А.А. Александров был «птенец гнезда Каткова», получил образование в семинарии при катковском Лицее, посещал кружок К.Н. Леонтьева, был рекомендован на пост редактора К.П. Победоносцевым[366]. Новый редактор объединил вокруг журнала таких известных идеологов охранительства, как В.А. Григмут (Spectator), Н.Н. Страхов, Л.А. Тихомиров, Ю.Н. Говоруха-Отрок (Ю. Николаев).

С точки зрения реконструкции образа издания значим факт его субсидирования Александром III и Николаем II[367], что наглядно указывает, с одной стороны, на высочайшее одобрение общего направления журнала, с другой – на его охранительные ориентиры.

Анализ указателей содержания журнала за разные годы его существования свидетельствует о том, что изучение жизни сибирской окраины не входило в число тематических приоритетов издания. Как и для сотрудников «Русского вестника», для их единомышленников гораздо больший интерес представляли западные и северо-западные имперские окраины. Это наглядно иллюстрирует содержание «Областного отдела», судя по названию, который призван освещать жизнь российской провинции. По моим подсчетам, с 1890 по 1896 г. сюжетам из жизни европейской части страны посвящена 31 публикация, польским губерниям – 23, Прибалтике – 18, Кавказу и Закавказью – 3. Можно предположить, что «сибирские вопросы» активно освещались в других разделах журнала, однако сплошной просмотр годовых комплектов журнала за 1890 – 1897 гг., результаты которого отражены в таблице 10, позволяет утверждать обратное.

Таблица 10

---

[365] **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. С. 285.
[366] Там же.
[367] **Тарасова А.А.** Реакционно-охранительная журналистика. С. 240–241.

Жанровое своеобразие публикаций о Сибири журнала «Русское обозрение» (1890 –1897 гг.)*

Вид публикаций	Количество публикаций
Публицистические статьи о реалиях современной сибирской жизни	—
Научно-популярные статьи по истории, географии и этнографии Сибири	1
Рецензии на книги о Сибири	8
Дневники, мемуары о пребывании в сибирских губерниях	2
Информационные сообщения о событиях в социальной, экономической и культурной жизни региона в разделе «Внутреннее обозрение»	6
Художественные произведения о Сибири и ее населении	4
Сообщения о миссионерской деятельности православной церкви	2
Итого	23

***Сост. автором на основе сплошного просмотра журнала за указанные годы.**

Как видно из таблицы 10, большая часть публикаций, в которых упоминается о регионе, представлена рецензиями на книги о Сибири, второе место занимают информационные сообщения о правительственных мероприятиях в отношении сибирских губерний.

Несмотря на утверждения специалистов о том, что «Русское обозрение» отличалось большей погруженностью в прошлое, чем остальные консервативные издания[368], об истории Сибири повествовали лишь воспоминания известного писателя, путешественника И.А. Гончарова и его коллеги по писательскому ремеслу П.П. Суворова[369]. Среди художественных произведений о регионе – повесть «Беспочвенники» П.П. Суворова, путевые очерки К. Вяземского, В.В. Птицына, Н.Д. Телешова[370].

Тематика публикаций о Сибири отражена в таблице 11. Сразу оговорюсь, что предпринятая тематическая разбивка достаточно условна, она позволяет выяснить лишь основные сюжетные предпочтения авторов, писавших об окраинных зауральских губерниях. Например, в ранее упомянутых воспоминаниях Гончарова и Суворова, отнесенных в графу «Природа, быт и нравы русского населения региона», упоминается об известных сибирских администраторах, губернаторах Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском и Н.П. Синельникове. Так же, как и в помещенных в названный раздел таблицы популярных очерках Н.Д. Телешова, упоминается о сибирских переселенцах. В данном случае в качестве содержательной единицы учитывались не фрагменты

---

[368] **Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. , Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. С. 286.

[369] См.: **Гончаров И.А.** По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске // РО. 1891. № 1. С. 5–29; **Суворов П.П.** Записки о прошлом // РО. 1894. № 2. С. 721–736.

[370] См.: **Суворов П.П.** Безпочвенники (о Сибири – глава 3 «В дальней Сибири») // РО. 1897. № 4. С. 783–817; **Птицын В.В.** Прибайкальская тайга // РО. 1890. № 6. С. 685–710; **Вяземский К.** Путешествие вокруг Азии верхом // РО. 1894.№ 9. С. 317–353; № 10. С. 773–791; **Телешов Н.Д.** За Урал: Из скитаний по Западной Сибири (Дорожные впечатления, слухи и встречи) // РО. 1896. № 5- 8.

текста, посвященные тем или иным реалиям жизни сибирской провинции, а общая тематика журнальной публикации.

Таблица 11

Количество публикаций на сибирскую тему в журнале «Русское обозрение» (1890–1897 гг.)*

Тема	Количество публикаций
Переселенческий вопрос	**4**
Земельное устройство крестьян Сибири	**1**
Ссылка	**2**
Железнодорожное строительство	**1**
Природа, быт и нравы русского населения региона	**6**
Религиозные представления, особенности материальной и духовной культуры «инородцев», миссионерская деятельность русской православной церкви	**6**
Общественно-политические деятели, исследователи Сибири	**3**
Итого	**23**

*** Подсчитано автором на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1890–1897 гг.**

Приведенные в таблице сведения свидетельствуют об интересе издания к особенностям культуры, быта и религиозным представлениями аборигенного населения региона, что существенно отличает его от «Русского вестника», почти не публиковавшего материалов о сибирских «инородцах». Сразу замечу, что половина публикаций представлена рецензиями на книги по этнографии коренного населения региона (3 из 6), две помещены в обзоре религиозной печати и посвящены деятельности православных миссий в Сибири. Наибольший интерес вызывает статья о ламаизме в Сибири известного ориенталиста, с конца 1890-х гг. возглавлявшего Русско-китайский банк и управление Маньчжурской железной дороги, редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» князя Э.Э.

Ухтомского. В отличие от значительной части представителей русского консерватизма, превративших ламаистов в символ угрозы православию на восточных окраинах, Ухтомский не просто настаивал на принципе веротерпимости, показывал сильные стороны буддизма как системы мировоззрения и мировосприятия, он обосновывал необходимость уважительного отношения к ламаизму, был убежденным сторонником сближения с Китаем. Мотивом для написания статьи явилось стремление познакомить читателей с «чуждой и малопонятной» культурой наших «дальних и замкнутых» краев, ибо с расширением кругозора «рассеется туман» и определятся «наши задачи по отношению к восточносибирской окраине и органически с нею связанным землям за русским рубежом»[371].

Схожая мотивация была характерна и для других публикаций журнала, посвященных сибирским аборигенам. В обозрении духовных журналов за 1894 г. читаем: «В состав нашего русского государства вошли обширные пространства по всем направлениям от Москвы, с самым разнообразным населением, как по племенному составу, так и по степени его культурного развития. Многие из этих народов насчитывают уже сотни лет своего подданства русскому царю, а наше знакомство с ними во многих случаях едва ли не продвинулось назад сравнительно с далеким прошлым их покорения. Многие из них остаются известными только по названию. Мы не только ничего не сделали для сближения их с нами, как в государственном, так и в просветительном отношениях, но в большинстве случаев не знаем еще ни языков, ни мировоззрения этих многочисленных народов»[372].

Желание понять «другого», переосмыслить результаты миссионерского воздействия на «инородцев» и эффективность обрусительной политики в целях извлечения уроков на будущее несколько снижают дискриминационный пафос, традиционно присущий ориентализму. «Буддизм явился выразителем народного настроения, вдохновлялся общепризнанными истинами, послужил дальнейшему развитию и совершенствованию местной культуры. Этим только объясняется его необыкновенный успех, его удивительная бодрость и непосредственное отношение к жизни, наконец, его умение покорять себе повсеместно, куда он ни приходил, расположение туземцев какой угодно страны и с каким угодно бытом», – утверждал Э.Э. Ухтомский. Авторская риторика мало напоминает оголтелую критику буддизма и ламаизма, которой отличались консервативные «Русский вестник» и «Московские ведомости». Знать и учитывать мировоззрение «другого» признавалось необходимым условием решения социально-экономических и геополитических задач России на Востоке, ибо

---

[371] **Ухтомский Э.Э.** Тибетский буддизм и наша окраина // РО. 1892. № 3. С. 207.
[372] **Г.Г.** Обозрение духовных журналов // РО. 1894. № 8. С. 858.

империя, по мнению князя, больше тяготела к Азии, чем к Европе. Ухтомский остроумно предполагал, что если бы в Сибири начала XVII столетия был бы хоть один одаренный политический деятель, то в Пекине правил бы не маньчжурский, а русский императорский дом.

Замечу, что для многих авторов издания было характерно разочарование как в Европе, так и в западнической ориентации многих своих единомышленников из консервативного лагеря. Сотрудничавший в «Русском обозрении» В.А. Григмут (Spectator) утверждал, например, что одной из характерных особенностей 1880-х гг. является начало нравственного и политического освобождения России от Европы, возрождение национального самосознания России. Запад низвергался с роли универсального референта русского национального дискурса в статье «Сибирь и ссылка пред судом англичанина», написанной бывшим народовольцем, активным сотрудником «Русского обозрения», будущим редактором «Московских ведомостей» Л.А. Тихомировым. Рецензируя путевые очерки Винда о положении политических ссыльных в Сибири, Тихомиров обвинял его в том, что своим состраданием к участи сосланных русских радикалов европейцы провоцируют молодежь на новые антиправительственные акции. «Пусть губят себя и русская молодежь, и русские ссыльные, подстрекаемые "сочувствием общественного мнения Европы"! "Европа" заботится об одном: сколько-нибудь подорвать Россию. Ничтожный вред принесет России та или иная вспышка горсти людей, но для „Европы" это все же даровая прибыль»[373], – разоблачал выводы о тяжелом положении ссыльных народников в Сибири их бывший соратник, доказывая, что в европейских государствах политические преступники содержатся в более тяжелых условиях. Критикуя современную ему русскую интеллигенцию за преклонение перед Западом, Л.А. Тихомиров активно писал об азиатских перспективах и приоритетах России, о необходимости и возможности продвижения России в Азию для оздоровления страны[374].

Возвращаясь к «инородческой» проблематике «Русского вестника», отмечу, что одна из основных ролей в культурном диалоге и сближении русского и «инородческого» населения Сибири отводилась религиозно ориентированным изданиям, миссионерам православной церкви, заслуги которой по изучению и просвещению коренных народов края всячески подчеркивались. При этом важно, что влияние православия не понималось как синонимичное русскому влиянию. Как и в либеральной периодике, на страницах охранительного журнала обсуждалось «себялюбивое и

---

[373] **Тихомиров Л.А.** Сибирь и ссылка пред судом англичанина // РО. 1890. № 6. С. 885.
[374] См.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 338–340.

нечестное» отношение русских промышленников и торговцев к «инородцам» как причина нищеты и спаивания последних[375].

Рассуждения о причинах, препятствующих расширению миссионерской деятельности в Сибири, среди которых назывались далекие расстояния, кочевой образ жизни «инородцев», их крайняя нищета, полная неразвитость «духовных сил и способностей», по сути, представляют собой усилия по конструированию собственной национальной и как составной ее части религиозной идентичности через противопоставление «своей» и «чужой» культуры. Естественно, что в данной оппозиции референтной представлялась «своя» православная культура и цивилизация. Попутно замечу, что в консервативной журналистике номинация «инородец», в отличие от либеральной и народнической периодики, употребляющей ее главным образом в отношении коренного населения Сибири, распространялась на все нерусское население Российской империи. Об этом наглядно свидетельствуют даже названия статей. Например, статья И.И. Дубасова «К истории инородческого землевладения в России», посвященная Тамбовской губернии, а статья Н. Нахимова «К истории сельской инородческой школы» касается проблем образования в Прибалтийских губерниях[376].

Публикации о сибирских аборигенах тематически и содержательно отражают основные феномены российского колониального ориентализма: этнографию (в понимании ее как имперской науки о покоренных народах), миссионерство и колониальные путешествия, представленные в журнале путевыми очерками, авторы которых «попутно» останавливали свое внимание на характеристиках местного населения как элемента сибирского культурного ландшафта. Типичным можно считать следующее описание: «Татары здешние мрачны и грустны, точно сознают потерю своего древнего владычества. Они сторонятся от русских и общительны только друг с другом. Говорят, они почти все занимаются торговлей и очень любят деньгу, но не особенно ловки, чтобы ее добывать»[377].

Помимо «инородческого» вопроса с сибирской провинцией соотносились проблемы крестьянских миграций. Край не рассматривался в числе районов миграционного притяжения, актуальных с государственной точки зрения. К таким относились, в первую очередь, окраины, населенные преимущественно «инородческим» и «иноверческим» населением. Например, Прибалтика, Польша, Кавказ, Финляндия, Туркестан. Они нуждались в усилении в них русского

---

[375] **Г.Г.** Обозрение духовных журналов // РО. 1894. № 8. С. 862.
[376] **Дубасов И.И.** К истории инородческого землевладения в России // РО. 1890. № 3; **Нахимов Н.** К истории сельской инородческой школы // РВ. 1904. № 8. С. 580–607.
[377] **Вяземский К.** Путешествие вокруг Азии верхом // РО. 1894. № 9. С. 335.

элемента, как с точки зрения внешней безопасности, так и в интересах объединения империи. Однако авторы изучаемого издания, как и их коллеги из «Русского вестника», переселение в Сибирь рассматривали исключительно с точки зрения государственных потребностей в заселении районов, прилегавших к железнодорожной магистрали, а также для обороны пограничных дальневосточных территорий в случае войны. При этом отрицался принцип свободного переселения, равно как и малоземелье как причина сельскохозяйственных миграций[378].

Путевые очерки и воспоминания о пребывании в сибирских губерниях в контексте замысла данной работы любопытны, прежде всего, выбором тех фрагментов сибирской действительности, которые приковывали взгляд человека, наблюдающего за ней «извне» и считавшего нужным сообщить их современникам и потомкам. Причем любопытны они не только «перечнем», но и иерархией репрезентируемых в них образов региона.

Содержательный анализ произведений названных жанров, помещенных на страницах «Русского обозрения», позволяет вычленить ключевые повторяющиеся сюжеты, создающие у читающей публики каркас воображаемого конструкта региона: 1) пейзаж, изображение которого, как правило, включало в себя элемент сравнения с «сердцевиной» империи, с европейской Россией; 2) описание расстояний, средств передвижения и путевых условий; 3) собирательные характеристики населения региона, с акцентированием «инаковости» сибиряков; 4) преувеличенное внимание к явлениям сибирской жизни, соотносящимся в массовом сознании с социокультурной символикой Сибири (переселения, каторга и ссылка, образ жизни чиновников и купечества и др.); 5) характеристики персонифицированных символов региона, людей, деятельность которых ассоциировалась с Сибирью.

Образ территории – пейзаж, наряду с природой включавший описания населенных пунктов, – не только знакомил читателей с сибирской экзотикой, но и служил одним из механизмов формирования национальной идентичности, культурных кодов, при помощи которых перерабатывалась информация не только о Сибири, но и о „внутренней“ России. «Здесь все производит впечатление чего-то громадного, необъятного. Самые малые здешние реки не уже Волги; крестьянские избы не менее российских помещичьих усадеб, лиственницы (или, как их тут неправильно называют, кедры) выше африканских пальм. Даже трава тут достигает колоссальных почему-то размеров», – писал удивленный путешественник князь К. Вяземский[379]. В воспоминаниях

---

[378] **Елишев А.И.** Внутреннее обозрение // РО. 1897. № 8. С. 930–941.
[379] **Вяземский К.** Путешествие вокруг Азии верхом. С. 343.

И.А. Гончарова о Якутске встречаем следующий примечательный диалог с воображаемым читателем: «– Да это и в Петербурге все есть скажет читатель: и широкая река, снегу – вдоволь, сосен – сколько хочешь, церквей тоже у нас здесь не мало. А если заглянуть на Петербургскую или Выборгскую стороны, то, пожалуй, найдешь что-нибудь похожее и на юрты»[380].

Обращает внимание акцентирование авторского интереса к описанию границы европейской и азиатской России, отделяющих знакомую, «свою» Россию, от неизвестной Сибири, рефлексия по поводу относительности, подвижности границ, разделяющих «сердце» империи и одну из ее обширных окраин. Н.Д. Телешов, отправившийся в Сибирь «за впечатлениями» по совету А.П. Чехова, оспаривал мнение современников о том, что Екатеринбург – ворота в Сибирь, приписывая такой статус на «карте сознания» Тюмени. «До Тюмени и железная дорога проведена, и телеграфное слово считается по пятачку, как повсюду, в любом городе, по пути те же порядки, те же станционные строения, как везде, и не видишь никакой особенности; но едва переступишь порог тюменского вокзала, едва очутишься по ту сторону, как все изменяется, и даже телеграфное слово обходится вместо пятачка в гривенник, потому что Сибирь! Здесь уже истинная Сибирь, и не только географическая, а характерная, бытовая Сибирь…»[381].

К. Вяземский выделял три границы, которыми «начинается Сибирь и кончается Россия»: географическую, административную и общежитейскую. Географическую границу он соотносил с Уральским горным хребтом и визуальным символом границы – столбом с надписями «Европа» и «Азия». Административной называл границу между Пермской и Тобольской губерниями, где начинается «страна, зависящая от сибирских губернаторов», где начинают действовать сибирские суды и порядки. Третья же граница, по мнению автора, самая значимая, она сложилась в народном воображении и обозначает границы Сибири как «страны ссылки». «Куда ссылают, там и Сибирь, по народному понятию. Ссылают же людей в Пермь и за Пермь, и в Вятку, и в Уфу, и потому все это будет Сибирь. Народ так и считает. Побывавший в Перми скажет: «Я был в Сибири». Приехавший из Вятки говорит: «Я из Сибири»…А потому Сибирь можно считать начинающуюся там, где начинаются поселения ссыльных, а они начинаются уже при устье Камы. И потому мы вправе считать то, что за Волгою, после ее поворота у Казани, то и Сибирь», – пояснял Вяземский границу Сибири на ментальной карте современников[382].

---

[380] **Гончаров И.А.** По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске // РО. 1891. № 1. С. 6.
[381] **Телешов Н.Д.** За Урал: Из скитаний по Западной Сибири (Дорожные впечатления, слухи и встречи) // РО. 1896. № 6. С. 598.
[382] **Вяземский К.** Путешествие вокруг Азии верхом. С. 334.

При помощи таблицы 12 зафиксируем описания основных групп населения региона, приковывающих внимание «не сибиряков», с одной стороны, формирующих представления о Сибири читателей из Европейской России, а с другой – фиксирующих общественный интерес и отражающих бытовавшие социокультурные стереотипы.

Таблица 12

Социокультурные характеристики сибирского населения в публикациях журнала «Русское обозрение» (1890–1897 гг.)

Группы населения	**Характерные черты, зафиксированные в публикациях журнала**	**Автор, название статьи (год, номер, страница)**
1	**2**	**3**
Общая характеристика представителей регионального сообщества	**«Сколько холодна и сурова природа, столь же мягки и добры там люди. Меня охватила ласка, радушие, желание каждого жителя наперерыв быть чем-нибудь приятным, любезным»**	**И.А. Гончаров. «По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске. 1891. №1. С.6**
	«Истый сибиряк никогда не глядел забитым человеком. Крыша его не знала соломы, тесовые ворота его заперты на крепкие засовы, на окнах его избы зеленели листья фикуса, герани и фуксия. Гордо оглядывал сибиряк пришлого человека из «Рассеи» и, не стесняясь, задавал вопрос: «ну, как у вас там?» Страдания физические и нравственные составляли столь обыденное явление в сибирском жителе, что на них не обращалось никем никакого внимания. Сибиряк знал, что его отдаленные предки страдали, страдал его отец, страдает и он, почему не страдать и другим?..В силу приведенных философских соображений он равнодушно относился к житейским радостям и к своему житейскому концу. О первых сибиряк говорил, что они кратковременны, о втором – что он неизбежен, и надобно быть готовым во всякую минуту к его встрече. Поэтому в прежнем сибирском обитателе не было крепкой привязанности к земным благам, хотя, с другой стороны, он отличался большим скопидомством и даже скаредничеством. Но это уже происходило чисто от скудости умственных и материалистических желаний… Коль скоро он достигал высшего развития, то сразу становился либералом, не признающим никаких компромиссов со своими противниками и их принципами. Золотой середины, по самой сущности своей натуры, уроженец Сибири не признавал, так как и сам был порождением ненормальных сочетаний суровой действительности».	**П.П. Суворов. «Беспочвенники». 1897. № 4. С. 784**
Чиновники	**«Сибирь не видала крепостного права, но вкусила чиновничьего – чуть ли не горшего ига. Сибирская летопись изобилует такими ужасами, начиная со знаменитого Гагарина и кончая… не знаю кем. Чиновники не перевелись и теперь там. Если медведи в Сибири, по словам Сперанского, добрее зауральских, зато чиновники сибирские исправляли их должность и отличались нередко свирепостью»**	**И.А. Гончаров. «По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске» 1891. № 1. С. 8**

Переселенцы	**«По дороге попадается масса переселенцев из разных малоземельных губерний, они идут в Сибирь на дешевые кормы, как в обетованную землю».**	**К. Вяземский. «Путешествие вокруг Азии верхом» 1894. № 9. С. 340**
Ссыльные	**«Встречаются и невольные переселенцы – арестанты сосланные: они едут в тележках, окруженные солдатами, или идут пешком. Каторжных перевозят на пароходах или в больших казенных телегах под конвоем. Благодаря Бога в настоящее время это производится без особенных жестокостей, арестантов даже кормят в пути… Местные поселенцы очень сочувственно относятся к ним. Каждый зажиточный крестьянин старается чем-нибудь помочь проходящей партии: он жертвует или несколько медных денег, или хлеба, иногда даже теплую одежу. И этому нельзя не порадоваться и не похвалить русскому человеку за его добродушие и сердобольность».**	**К. Вяземский. «Путешествие вокруг Азии верхом» 1894. № 9. С. 340**
	«На бесконечную нить грустных мыслей наводят вас встречные партии арестантов, гремящих цепями и вытолкнутых на дальний север Европейской Россией. Это все подонки цивилизации, роковые жертвы сложившихся обстоятельств, продукт позднейших экономических и политических условий нашего общества. Колодники идут покорно в ту страну, которую давно мы привыкли считать громадным приютом преступного люда, колоссальной машиной, перетирающей в себе совокупность человеческих страданий и наших духовных недугов».	**П.П. Суворов. «Беспочвенники» 1897. № 4. С. 783**
	«На палубе этой баржи, имевшей большое сходство с пароходами, лишь без трубы и колес, стояли солдаты в черных мундирах, а посредине, в громадной общей каюте, похожей на гигантскую клетку, занимавшую чуть не всю площадь баржи, сидели и лежали арестанты за железными частыми прутьями и молча глядели на нас, свободных людей, как мы гуляли беспечно по палубе, курили и болтали друг с другом…Мы быстро их обгоняли, а они точно звери, прислоняясь лбами к крепкой сквозной стене, сосредоточенно и молча сопровождали нас взорами».	**Н.Д. Телешов. «За Урал: Из скитаний по Западной Сибири (Дорожные впечатления, слухи и встречи)» 1896. № 5. С. 310**

Сравнительный анализ текстов, опубликованных в «Русском обозрении», с публикациями других «толстых» журналов, посвященных населению сибирских губерний, наглядно указывает на наличие стереотипных представлений о сибиряках. Если не принимать во внимание индивидуальные авторские разночтения в трактовке образа сибиряка, детерминированные конкретным замыслом работы, характером биографической связи литератора с регионом, мировоззренческой ориентацией, можно выделить основные устойчивые социокультурные характеристики сибиряков: 1) чувство собственного достоинства, объясняющееся отсутствием крепостного права в Сибири; 2) более высокий уровень материального благосостояния, чем в европейской части страны; 3) осознание своей отличности от населения «внутренней» империи, то есть фиксация собственной региональной

идентичности; 4) толерантное отношение к ссыльным, обусловленное вынужденным сосуществованием в одном социуме и др.

В приведенных текстовых фрагментах очевиден взгляд на сибиряка как на «чужого», актуализирующего представления авторов о «своих» – жителях европейской части империи, чаще всего неосознанно избираемых в качестве критерия сравнения. Показательно, что при описании «своих» переселенцев и арестантов акцентируются причины, вследствие которых они оказались за Уралом, а не их социокультурный облик. Можно предположить, что адресанты текстов имели в виду информированность о нем своих читателей, фиксируя внимание на условиях пребывания добровольных или вынужденных мигрантов в Сибири, а не на описании их самих.

Одним из приоритетных сюжетов для «Русского обозрения» были биографии государственных деятелей недавнего прошлого, в том числе и проявивших себя служению империи на его окраинах. Для выявления образа издания, а также для выяснения персонифицированных символов региона в общественном мнении пореформенной России интересен выбор людей, судьба и образ которых соотносились современниками с изучаемым регионом. В изучаемом издании мы встречаем упоминания о восточносибирских генерал-губернаторах Н.Н. Муравьеве-Амурском, Н.П. Синельникове; архиепископе Иннокентии, ссыльных декабристах, Н.Г. Чернышевском, супругах Шелгуновых, Г. Лопатине.

Наибольшее внимание приковывала к себе личность и деятельность «завоевателя Амура» Н.Н. Муравьева. Для И.А. Гончарова он был одним из символов Сибири 1850-х гг., олицетворял «образ настоящего пионера-бойца с природой, с людьми на месте – с инородцами, разными тунгусами, орочами, соседними с Сибирью китайцами, чтоб отвоевать у них Амур, и в то же время бороться за хребтом с графом Нессельроде…с другой стороны, там, на месте он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни»[383]. Примечателен набор качеств, необходимых, с точки зрения Гончарова, для управления восточной окраиной и воплощенных в фигуре Муравьева: «Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями, с «batons dans les roues», как он выражался, которыми тормозили его ретивый пыл! Да это отважный предприимчивый янки! Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видел у него. Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях»[384].

---

[383] **Гончаров И.А.** По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске. С. 10.
[384] Там же. С. 9.

Подробный анализ деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского был предпринят П. Безобразовым в рецензии на известный биографический очерк о губернаторе И. Барсукова. Муравьев описывается как мудрый и дальновидный администратор, благодаря которому существенно расширилась территория Сибири, «без Амура походившая на допетровскую Россию без Невы». К числу его основных заслуг и достоинств Безобразов относил отстаивание государственных интересов на восточной окраине, борьбу с чиновничьим произволом и взяточничеством, выступление с 1840-х гг. за освобождение крестьян, развитие кяхтинской торговли, китобойного промысла, руководство восточносибирским отделом РГО, гуманное отношением к декабристам, участие в создании газеты «Сибирь». Таким образом, мы видим перечень характеристик, соотносящихся с образом просвещенного руководителя «новой эпохи» в общественном мнении пореформенной империи. Особенно примечательно, что трибуной его репрезентации послужило консервативное издание. Замечу, что такая оценка исторического значения деятельности восточносибирского генерал-губернатора не была общепринятой в изучаемый период. Известно, например, что профессор Харьковского университета П.Н. Буцинский, имевший репутацию одного из лучших знатоков истории Сибири, обрушился на книгу И.П. Барсукова с резкой критикой, черня и Муравьева, и все «амурское дело» вообще[385].

Можно предположить, что публикация материалов о Н.Н. Муравьеве-Амурском имела не только конъюнктурно-политические цели, связанные с изменением места Восточной Сибири и Дальнего Востока в геополитических и социально-экономических приоритетах правительства, но была рассчитана и на определенный воспитательный эффект. Консервативная печать, как и другие пореформенные периодические издания, пыталась моделировать социальное поведение молодежи, презентуя ей свои поведенческие образцы, например, успешных и преданных интересам государства чиновников. На попытки поведенческого программирования указывает, например, сообщение об участии московских студентов в сборе статистических материалов об экономическом быте переселенцев, водворенных в Тобольской губернии: «Нельзя не порадоваться привлечению нашей учащейся молодежи к такому практическому и интересному делу. Оно дает ей возможность трезво и основательно рассмотреть все те стороны и потребности русского быта, которые требуют наиболее деятельной помощи и усиленного приложения сил, вместо бесплодного и беспочвенного блуждания в теориях и замыслах, на практике не всегда осуществимых»[386].

---

[385] Муравьевский век на Амуре / Автор-составитель М. Ф. Бурилов. Хабаровск, 1991. С. 21.
[386] Рец. на кн.: Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (по 1893 г.). М., 1895 // РО. 1896. № 3. С. 472.

Мировоззренческая ориентация издания достаточно ярко проявилась в негативных характеристиках политических оппонентов режима в лице сосланных в Сибирь Н.Г. Чернышевского и А.М. Михайлова, данных П.П. Суворовым. Приговором «нигилистической молодежи» звучат слова Суворова о забвении современниками Н.Г. Чернышевского, доживавшего свой век «ходячим мертвецом» в Саратове, пережившего самого себя[387].

Критикой «новых людей», «бездушных фарисеев либерализма, со своими ложными теориями», волей судьбы оказавшихся в Сибири, проникнута антинигилистическая повесть Суворова «Беспочвенники». В числе отрицательных персонажей, представляющих сибирское общество, выведены «навозной» чиновник – либерал и кляузник; искатель приключений из польских ссыльных; бывший декабрист, находившийся в оппозиции как к своим бывшим единомышленникам, так и местному генерал-губернатору[388]. Сибирь в данном случае задает социокультурный контекст, позволяющий автору показать духовный кризис материалистов, порожденных реформаторской эпохой 1860-х гг. Непорядочность героев повести в сфере частной жизни заставляет читателя усомниться в правильности и бескорыстности предлагаемых ими социальных преобразований, в числе которых ─ открытие местного университета, технических училищ, фабрик, заводов[389].

Таким образом, сибирский материал, с одной стороны, востребовался для информирования читателей о прошлом и настоящем восточной окраины империи, актуализируя характерный для русского ориентализма XIX в. прием описания «другого» как инструмент национальной саморефлексии и самоидентификации, с другой же, сибирский топос был фоном для событий, имеющих воспитательный потенциал для консервативной публики. Сибирь интерпретировалась как край активной деятельности энергичных чиновников и миссионеров, место ссылки политических и уголовных преступников, провинция, дающая простор для проявления как позитивных, так и разрушительных поведенческих стратегий.

2.2. Представления о регионе либеральной журналистики

Согласно существующей историографической традиции наиболее авторитетными печатными органами русских либералов пореформенной

---

[387] См.: **Суворов П.П.** Записки о прошлом // РО. 1894. № 2. С. 736.
[388] **Суворов П.П.** Беспочвенники (о Сибири – глава 3 «В дальней Сибири») // РО. 1897. № 4. С. 783–817.
[389] **Там же.** С. 795.

эпохи считаются журналы «Вестник Европы» и «Русская мысль». При этом «Вестник Европы» номинируется как журнал западнического направления, «Русская мысль» – как печатная трибуна земского либерализма, многие представители которого отстаивали идею самобытного развития России. Я учитываю известную условность в определении политической принадлежности последнего издания, принимая во внимание то, что с ним активно сотрудничали мэтры народнической публицистики, такие, как Н.К. Михайловский и С.Н. Южаков, помещали свои статьи известные своими народническими симпатиями Г.И. Успенский, В.Г. Короленко. Политически ангажированные современники часто упрекали редакцию за «широту» и «беспартийность»[390]. Тем не менее, данный журнал атрибутировался читающей публикой как либеральное издание, а презентуемый им образ региона, соответственно, воспринимался общественным мнением как либеральный.

Сплошной просмотр и содержательный анализ годовых комплектов названных журналов позволяет деконструировать «либеральную версию» прочтения «сибирских вопросов» и увидеть общее и особенное в их интерпретации в зависимости от образа названных изданий.

«Страна безгласности и дореформенных нравов»: сибирская тема в прочтении «Вестника Европы»

Истории журнала «Вестник Европы», личности его редактора-издателя, характеристике авторского коллектива посвящено солидное число специальных исследований[391], в связи с чем остановимся лишь на тех фрагментах «биографии» издания, которые, на мой взгляд, в той или иной степени детерминировали содержание образа Сибири на его страницах.

В 1865 г. в Главное управление по делам печати было подано заявление члена ученого комитета при министерстве народного просвещения М.М.

---

[390] См.: **Смолкина Н.С.** В.А. Гольцев – публицист и редактор журнала «Русская мысль»: К истории либеральной печати конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1989. С. 11.

[391] См., например: **Арсеньев К.** Пятидесятилетие «Вестника Европы» // ВЕ. 1915. № 12. С. 1–14; **Алафаев А.А.** Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; **Кельнер В.Е.** Человек своего времени: М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993; **Козьмин Б.П.** Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1984; **Лапшина Г.С.** Русская пореформенная печать 70– 80-х гг. XIX в. М., 1987 и др.

Стасюлевича и члена Археологического общества Н.И. Костомарова с просьбой о разрешении издания «ученого» журнала «Вестник Европы». Учредители выбор заглавия соотносили со столетним юбилеем Н.М. Карамзина, издававшего в начале XIX в. журнал с таким же названием[392].

22 ноября 1865 г. было дано разрешение на издание журнала историко-политических наук с периодичностью четыре выпуска в год и стоимостью годовой подписки 8 р.[393], что соответствовало средней подписной цене на ежемесячные издания. Первоначальная структура издания включала в себя пять разделов и подразумевала освещение следующих вопросов: критические исследования важнейших проблем исторической науки и жизни; анализ лучших новейших исторических произведений, обзор научной литературы по истории и деятельности ученых исторических обществ и академий; анонс педагогической литературы и анализ методики преподавания истории, историческая хроника[394]. Издание мыслилось его создателями преимущественно как специализированный исторический журнал, освещающий в том числе и события новейшей политической истории. Таким образом, очевидны два типа дискурсов, репрезентируемых печатной трибуной русских либералов: исследовательский и публицистический, которые в определенной степени задавали жанры описания «сибирских» вопросов.

Специализация журнала во многом детерминировалась профессиональным составом его редакционного коллектива, костяк которого представляли известные профессора Петербургского университета К.Д. Кавелин, М.М. Стасюлевич, В. Д. Спасович, А.Н. Пыпин, Б.И.Утин, демонстративно ушедшие в отставку в 1861 г. в знак протеста против политики правительства в отношении студенчества. М. М. Стасюлевич стал главным редактором и издателем и оставался в этом качестве сорок два года – по 1908 г.

Воспоминания Н.М. Ядринцева свидетельствуют об атмосфере эпохи, предшествующей созданию журнала, и степени авторитета университетских профессоров для представителей студенческого землячества сибиряков: «К университету подъезжали блестящие экипажи аристократов, жаждавших послушать знаменитого профессора. Аристократическая дама и гусар не гнушались аудитории. Неподдельный энтузиазм юношей выражался на лекциях. Я помню лекцию Н.И. Костомарова и других любимых профессоров, почти публичные. Университетский зал потрясался от восторга слушателей, юношей охватывал трепет. Они испытывали то, что испытывали

[392] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 1.
[393] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 9.
[394] РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1865). Д. 102. Л. 2.

люди под первым обаянием ораторов, мыслителей, проповедников истины и науки… Литература была также любимицей публики. Журналы и журнальные статьи играли огромную роль и расхватывались по выходе… Быть литератором было завидно, ни одно пятно еще не обесславило литературную тогу… это было торжество и время поклонения интеллигенции»[395]. У сибирской читающей публики редакция журнала ассоциировалась с носителями лучших университетских традиций[396].

Немаловажен тот факт, что люди, определявшие мировоззренческое направление журнала были связаны взаимными симпатиями с идейными лидерами сибирской интеллигенции. Так, А.Н. Пыпин переписывался с Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным. М.М. Стасюлевичу писали Н.М. и А.Ф. Ядринцевы[397]. Областники пересылали в редакцию книги о Сибири, рекомендовали для публикации статьи сибирских корреспондентов. «Многоуважаемый Николай Александрович!.. Вышла "Сибирская библиография" Межова и я написал ему, чтобы послал Вам экземпляр», – сообщал Ядринцев Пыпину в письме от 25 марта 1891 г.[398] Типичным можно считать, например, такое обращение Г.Н. Потанина вышеупомянутому адресату: «Прошу Вас взглянуть на статью г. Головачева, которую он намерен передать в "Вестник Европы", и решить, годится ли она для журнала. Без посторонней оценки он не решается нести в редакцию»[399].

Вернусь к структуре и периодичности издания. С 1868 г. тематика журнала расширилась, и он стал ежемесячным. Первую часть каждого номера занимали беллетристика, статьи и очерки научного характера. Вторая часть под названием «Хроника» включала традиционные обозрения внутренней и иностранной жизни, литературную критику, библиографию и разного рода известия. В публицистической части журнала наиболее важным, насыщенным современными сведениями являлось «Внутреннее обозрение». Предпринятый нами сплошной просмотр годовых комплектов журнала за 1866–1904 гг. свидетельствует о том, что «сибирские» сюжеты присутствовали во всех разделах журнала, что свидетельствует об их актуальности для редакционного коллектива.

Мировоззренческое кредо издания и его позиционирование в общественно-политической жизни страны было достаточно определенно сформулировано его редактором–издателем в одном из писем, написанных еще до создания журнала в 1862 г. Он так определял место своих

---

395 **Ядринцев Н.М.** Сибирские литературные воспоминания: Очерки первого сибирского землячества в Петербурге. Красноярск, 1919. С. 10.
396 ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич М.М.). Оп. 1. Д. 1696. Л. 51.
397 См., например: ОР РНБ. Ф. 621 (А.Н. Пыпин). Д. 1027; ОР РНБ. Ф. 621. (А.Н. Пыпин). Д. 687; ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич М.М.). Оп. 1. Д. 1631; ИРЛИ. Ф. 293 (Стасюлевич М.М.). Оп. 1. Д. 1632.
398 ОР РНБ. Ф. 621. (А.Н. Пыпин). Д. 1027. Л. 6.
399 ОР РНБ. Ф. 621. (А.Н. Пыпин). Д. 687. Л. 16.

единомышленников в общественном движении: «Снизу считают нас ретроградами и почти что подлецами, а сверху смотрят чуть ни как на поджигателей. Теперь люди благоразумные, попавшись между двумя фанатизмами, без сомнения, отойдут совершенно в сторону и составят, так сказать, партию воздержания»[400]. Расценивая демократическое движение (в том числе и представляющий его в русской периодической печати «Современник», редактируемый Н.А. Некрасовым) как слишком радикальное и революционное, а также отвергая ярый консерватизм и национализм катковских изданий пореформенного периода, Стасюлевич рассматривал свой журнал как общественную трибуну сторонников «третьего пути» – русского либерализма. Ему удалось привлечь к сотрудничеству в «Вестнике Европы» весь цвет либеральной публицистики того времени: Н.И. Костомарова, который до 1885 г. участвовал в редактировании журнала, С.М. Соловьева, А.Д. Галахова, Д.Л. Мордовцева, К.К. Арсеньева, Н.А. Котляревского, А.Н. Веселовского, Ф.Ф. Воропонова, А.Ф. Кони и др.

О степени популярности журнала свидетельствует его довольно большой тираж, доходивший в 1890-е гг. до 7000 экз.[401] Состав читательской аудитории журнала удачно отразил его цензор в ежегодном отчете в Главное Управление по делам печати за 1878 г.: «„Вестник Европы“, имеющий многочисленных читателей, преимущественно среди высшего и образованного класса общества, является одним из влиятельных органов нашей периодической печати. Большинство серьезных статей “Вестника Европы“ пишутся людьми талантливыми и специально изучавшими предмет, почему мнения, выражаемые ими, не могут проходить бесследно для общества. Как в этих серьезных статьях, так равно и в беллетристике и в прочих делах издания, взгляды редакции проводятся весьма осторожно. Тем не менее, взгляды эти совершенно ясны для постоянных читателей. “Вестник Европы“ при всяком удобном случае стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления»[402].

Замечу, что отношение цензуры к журналу зависело от многих обстоятельств: общего направления правительственного курса в отношении печати, личности цензоров, их идеологических пристрастий и особенностей личных отношений с М.М. Стасюлевичем. Однако общим местом в отчетах чиновников является констатация западнической ориентации и умеренной оппозиционности журнала в отношении внутриполитических мероприятий правительства. Например, в отчете министра внутренних дел о предостережении журналу (1889 г.) читаем: «Общее направление журнала “Вестник

---

[400] Цит. по: **Кельнер В.Е.** Человек своего времени. С. 19.
[401] Там же. С. 199.
[402] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 46.

Европы“ определилось в течение последних восьми лет с достаточной ясностью: оно проникнуто систематическим, непримиримым недоброжелательством ко всем мероприятиям правительства, имеющим целью упрочение коренных основ нашего государственного устройства, водворение законного порядка в стране и отрезвление умов от ложных и вредных учений… Преклоняясь безусловно пред чуждыми нам западноевропейскими теориями и считая своим идеалом полное применение их на русской почве, “Вестник Европы“ как бы вовсе утратил национальное чувство и понимание исторических задач России»[403]. Попутно отмечу, что за всю историю существования журнала ему было объявлено четыре предостережения, однако ни одно из них не имело непосредственного отношения к публикациям, посвященным Сибири[404].

Можно предположить, что западнической ориентацией издания объясняется его преимущественный интерес к западным окраинным регионам империи в 1860–1870-е гг., о чем наглядно свидетельствует таблица 13. Обилие публикаций, посвященных Средней Азии, отражает осмысление общественным мнением процесса присоединения данной территории к Российской империи.

Таблица 13

Количество статей, посвященных окраинным регионам России,

в журнале «Вестник Европы» (1866–1900 гг.)*

Название окраин Российской империи	Число статей по годам			Кол-во публикаций, посвященных окраинным регионам, %
	1866 – 1880	1881– 1890	1891– 1900	
Украина	11	10	8	9,4
Дальний Восток	8	3	–	3,6
Царство Польское (Привислинский край)	30	20	6	18,2
Прибалтийские губернии и Белоруссия	23	17	9	15,9
Финляндия	7	9	17	10,7
Кавказ	7	8	7	7,1

[403] РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 425. Л. 35 об.–36.
[404] См.: **Розенберг В., Якушкин В.** Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. С. 229.

Сибирь	12	28	36	24,7
Средняя Азия	24	4	4	10,4
Итого	122	99	87	100

*Сост. автором по: Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет (1866–1890 гг.). СПб., 1891; Дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1891–1895 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. СПб., 1895; Второй дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1896–1900 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. СПб., 1900. В таблицу вошли только статьи, в названиях которых упомянуты топонимы или этнонимы, соотносящиеся с той или иной имперской окраиной.

Первые публикации о Сибири появляются на страницах журнала со второго года его издания. Они представлены, прежде всего, рецензиями на разножанровые произведения современников о регионе[405]. Внимательное прочтение рецензий делает очевидной идею необходимости изучения региона как первого шага на пути его колонизации. «Нет сомнения, что приобретение земель важно в истории развития государства не как увеличение места на карте, а как новое поприще колонизации. Но колонизация, прежде всего, обусловлена знанием новых местностей и распространением этого знания в большинстве», – достаточно определенно сформулировал данную мысль один из сотрудников журнала[406]. Нехватка «знания» о крае порождала, по мнению ведущего «Литературных известий», противоречивые представления о нем. С одной стороны, Сибирь представлялась страной каторги, с другой ─ «новыми землями», вызывавшими восторженные похвалы «первооткрывателей. «Сведения о Сибири в нашем обществе далеко ниже громадной важности этого края, о котором большинство знает только то, что Сибирь доставляет нам золото и получает от нас в обмен преступников», – читаем в сообщении «Библиографического листка» [407].

[405] Рец. на кн.: Черкасов А.А. Записки охотника Западной Сибири // ВЕ. 1867. № 3; Рец. на кн.: Венюков М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них // ВЕ. 1868. № 2. С. 900; Рец. на кн.: Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири, с прибавлением статей из путешествий г. Раде, Р. Маака и др. / Перевод с нем. П. Ольхина // ВЕ. 1868. № 4. С. 982; Рец. на кн.: Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири / Перевод с англ. А. Кондратьевой // ВЕ. 1872. № 4. С. 912–914.
[406] Рец. на кн.: Венюков М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. С. 900.
[407] Анонс книги «Сборник сведений о Сибири и сопредельных ей странах» // ВЕ. 1876. № 3. Форзац.

Заметим, что *образ Сибири как территории малоизвестной интеллектуалам Европейской России, своеобразной «terra incognita», нуждающейся в научном изучении и описании,* в 1880–1890-е гг. будет активно тиражироваться либеральной и народнической журнальной периодикой. Однако публицисты «Вестника Европы» в числе первых стали интерпретировать исследование Азиатской России как культурную миссию просвещенного человека. В контексте западнической ориентации издания показательны ссылки на примеры европейских путешественников, издающих труды о Сибири, и констатация отсутствия подобной потребности у образованных россиян. Например, в рецензии на сборник публикаций немецких путешественников встречаем такое упоминание: «При всем интересе, который представляет вообще весьма серьезное и научное описание земель наших, мы, к сожалению, бедны собственными исследованиями и потому будем довольствоваться чужими трудами иностранцев, где, естественно, встречается смесь дельного с оригинальными заметками, обличающими крайнее непонимание ими описываемой среды»[408].

Анализ журнальных публикаций подтверждает наблюдение сибирского историка А.В. Ремнева о том, что российские либералы, как и их западные единомышленники, не были чужды идей колониализма и имперского расширения. При этом среди интеллектуальной элиты были достаточно широко распространены представления о необходимости «научного завоевания» новых территорий и народов как условия успеха российской геополитики в Азии[409].

Фиксируя недостаточную осведомленность современников об условиях жизни и составе населения, культурном и экономическом развитии восточных губерний империи, редакция «Вестника Европы» стремилась заполнить информационный вакуум публикацией научно-популярных статей, бытовых очерков и записок путешественников о Сибири.

---

[408]Рец. на кн.: Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. С. 982.
[409] См.: **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. С. 23–26.

Символично, что знакомство читателей журнала с населением региона началось с очерков С.В. Максимова «Несчастные: Из быта ссыльных»[410]. Впоследствии данные очерки легли в основу его знаменитой книги «Сибирь и каторга»[411]. Автор так мотивировал замысел своей работы: «Всякого преступника, идущего в тюрьму, в ссылку, на поселение, на каторгу, наш народ везде (и в России, и по Сибири) называет «несчастным». Насколько это слово верно, и как виден в том протест против отжившего свой век старого суда … мы решились объяснить рядом рассказов. Рассказы эти – плод личных наблюдений над бытом ссыльных в Сибири, по нашей дороге с Амура. Наблюдениями этими мы хотели бы внести и свою посильную лепту в число тех материалов, из которых по частям начали созидать новое здание тюремной системы»[412].

Историк сибирской каторги подробно рассматривает историю уголовной ссылки в край, характеризует путевые условия содержания арестантов, описывает организацию тюремного быта и нравы тюремной администрации, анализирует особенности взаимоотношений внутри мира «отверженных» и отношения ссыльных с русскими сибиряками. Возможно, под влиянием беллетристов «натуральной школы» Максимов приводит „красочные“ сведения о питании ссыльных, живописует бытовую субкультуру арестантских артелей с такими ее идентификационными элементами, как карточная игра, специфический язык вербальных и невербальных коммуникаций. Социальный пафос публикации очевиден не только из ее целеполагания, но и из системы мероприятий, предлагаемых автором для коренного преобразования института ссылки. В их числе – гуманизация процесса водворения ссыльных в Сибири, изыскание средств для привлечения каторжан к социально востребованной профессиональной деятельности, устранение безбрачия среди ссыльных, прекращение

---

[410] См.: **Максимов С.В.** Несчастные: Из быта ссыльных // ВЕ. 1868. № 6. С. 480–545; № 7. С. 121–166; № 8. С. 539– 604; № 9. С. 55–145.
[411] См.: **Максимов С.В.** Сибирь и каторга: В 3 т. СПб., 1891.
[412] **Максимов С.В.** Несчастные: Из быта ссыльных // ВЕ. 1868. № 6. С. 483.

бродяжничества путем улучшения условий жизни в местах ссылки[413]. Авторская позиция С.В. Максимова соответствовала общему духу либерального издания, редакционному пониманию предназначения прессы. Достаточно определенно представление о роли печати в пореформенной империи сформулировал внутренний обозреватель в декабрьском номере 1869 г.: «Печать обязана не упускать из виду важнейших явлений общественной жизни, в этом отношении она несет на себе неприятное бремя, но полезное для общества и даже для правительства, когда дело идет об администрации»[414].

Очерки Максимова отражают на страницах издания такой структурный элемент образа региона, как *«Сибирь – место каторги»*, существовавшего в общественном мнении и массовом сознании россиян XIX столетия. Попутно заметим, что «делатели» журнала, активно обсуждая социальные функции печати, утверждали, что она в большей степени отражает общественное сознание, чем формирует его. «Печать… служит только отражением того общественного сознания, в котором сказываются реальные интересы, созданные ходом событий… Итак, напрасно думала бы печать, что она могла искусственно воспитать общество по своей фантазии… Можно испортить зеркало, разбить его, но нельзя этим изменить выражение того лица, какое дано нам жизнью и воспитанным ею сознанием», – писал, например, ведущий «Внутреннего обозрения» в 1877 г.[415]

В публикациях 1870-х гг. годов для читателей актуализируется новая содержательная характеристика образа региона – *Сибирь как «глухая», отсталая колония, которую необходимо включать в социально-экономическое и социокультурное пространство метрополии.* Работы М.В. Шиловского и А.В. Ремнева позволяют увидеть интеллектуальный и политический контекст, породивший популярную у либералов идею расширения и укрепления связей «отдаленной колонии» и потребительски к ней относящейся метрополии: 1) фобия сибирского сепаратизма, появившаяся

---

[413] Там же. № 9. С. 112.
[414] Внутреннее обозрение // ВЕ. 1869. № 12. С. 906.
[415] Внутреннее обозрение // ВЕ. 1877. № 12. С. 786.

в общественном мнении и правительственных кругах еще до презентации областниками автономистских идей; 2) правительственные дискуссии о статусе региона в составе империи; 3) опыт англичан в Северной Америке, посеявший в сознании русских интеллектуалов убеждение об исторической неизбежности отделения колоний от метрополий и др.[416]

Культурным форпостом, призванным способствовать приобщению Сибири к русской культуре и единению колонии с метрополией, либералы считали университет: «Отдаленность края от образовательных центров и господствующая в его жизни глухость, слабость умственной жизни делают учреждение университета в Сибири, наряду с проведением сибирской железной дороги и прекращением заселения этого края обыкновенными преступниками, одним из важнейших условий для пробуждения Сибири к участию в современной русской жизни»[417].

Первое упоминание о сибирском университете встречаем в рецензии на книгу сибирского золотопромышленника М.К. Сидорова «Север России» (1870 г.), в которой сообщается о пожертвовании автором книги 25 тыс. рублей на строительство первого высшего учебного заведения в Сибири[418]. Однако уже со второй половины 1870-х гг. мысль о необходимости открытия сибирского университета рефреном проходит через разножанровые публикации «Вестника Европы». Строительство сибирского университета объявлялось делом государственной важности, в котором должны принять участие и частные благотворители. Показателен, с точки зрения реконструкции ценностных ориентиров либералов пореформенной империи, набор аргументов в пользу распространения университетской науки и высшего образования в регионе: 1) необходимость подготовки просвещенных, «доброкачественных» чиновников для освобождения «азиатской полосы империи» от «ярма самого необузданного произвола, беспощадной

---

[416] См., например: **Шиловский М.В.** Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х–60-х гг. XIX в.; **Ремнев А.В.** Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи. XIX – начало XX в. С. 286–319; **Он же.** Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. С. 112–146.
[417] Внутреннее обозрение // ВЕ. 1876. № 2. С. 802.
[418] Рец. на кн.: Сидоров М. Север России // ВЕ. 1870. № 12. С. 959.

эксплуатации худших элементов бюрократизма, какими снабжала Сибирь Европейская Россия»; 2) преодоление исторически сложившейся отчужденности региона, укрепление информационных и духовных связей между Россией и Сибирью путем формирования «туземного образованного класса, который олицетворял бы нравственную связь сибирского народа с народом русским»[419]. Примечательно, что словом «туземный», часто употреблявшемся на страницах издания, либералы маркировали не только инородческое, но и русское население региона. Употребление такой лексики еще раз свидетельствует о номинации Сибири как колонии в либеральной общественной мысли 1860–1870-х гг.

Многочисленные доказательства колониального характера отношений между сибирской провинцией и имперским центром приводит Н.М. Ядринцев в статье, посвященной реформам М.М. Сперанского в Сибири[420]. Из переписки автора статьи с редактором «Вестника Европы» узнаем, что Ядринцев предполагал издать ее в сборнике «сибирских» вопросов. Однако на издание такого сборника не нашлось средств, в результате чего статья попала в руки М.М. Стасюлевича. «Желание принести посильную пользу моему отдаленному краю заставляло меня не относиться к работе легкомысленно и я старался настолько продумать ее, насколько требовала важность столь близкого мне предмета», – писал 29 декабря 1875 г. Н.М. Ядринцев[421].

Идеолог областничества называет Сперанского одной из знаковых фигур в сибирской истории, единственным реформатором, которого видел край, человеком «новой» эпохи, чья деятельность достойна внимательного осмысления и является примером для потомков. «Недаром пребыванию Сперанского в Сибири придается огромное значение в истории этой страны и выставляется особою эпохою, с которой началась новая жизнь в этих отдаленных провинциях. Сперанскому, говорят, обязана Сибирь уничтожением старой системы управления, изменением нравов и, наконец,

---

[419] Внутреннее обозрение // ВЕ. 1876. № 2. С. 805.
[420] См.: **Ядринцев Н.М.** Сперанский и его реформы в Сибири // ВЕ. 1876. № 5. С. 93–116; № 6. С. 461–502.
[421] ИРЛИ. Ф. 293 (М.М. Стасюлевич). Оп. 1. Д. 1631. Л. 1–2.

созданием нового законодательства и лучших форм местного управления. Сперанским отделяется Сибирь XIX столетия от Сибири XVII и XVIII столетий», – отмечает знаменитый сибирский патриот. Замечу, что М.М. Сперанский впоследствии рассматривался как персонифицированный символ обновляющейся Сибири многими представителями русской интеллигенции пореформенной эпохи. Так, например, в речи при закладке Томского университета 26 августа 1880 г. А.И. Дмитриев-Мамонов произнес: «Новою жизнью повеяло в Сибири с прибытием Сперанского, власть сделалась не гонительницей, а защитницею населения, Сперанский был истинным другом Сибири, тщательно изучив ее нужды, он создал в ней новые учреждения и особые законы, впервые давшие толчок к развитию экономической жизни, общественной мысли и умственной деятельности в крае»[422].

Николай Михайлович выше оценивал законодательную деятельность Сперанского, чем его управленческую практику. Знаменитый сибиряк, адресуясь к идеям Сперанского, обосновывал необходимость в осмыслении на законодательном уровне таких «сибирских вопросов», как: целесообразность ссылки в регион; необходимость свободной колонизации; соединение края с Европой «железными путями»; решение «инородческого» вопроса; поощрение развития промышленности и торговли в крае; введение земства и гласного суда; открытие университета; расширение гласности[423]. Аналогичный перечень мероприятий, направленных на ликвидацию неравноправного положения края в составе империи, мы встречаем и на страницах других либеральных и народнических периодических изданий 1880–1890-х гг. Однако впервые широким слоям образованной публики европейской части империи он стал известен со страниц «Вестника Европы» и «Отечественных записок» конца 1860–1870-х гг.

Для нас особенно важно, что Н.М. Ядринцев одним из первых в пореформенной публицистике называет и характеризует содержательные

---

[422] См.: Речь, произнесенная при закладке Сибирского университета членом Высочайше учрежденного Строительного комитета по постройке того университета А. И. Дмитриевым-Мамоновым. Томск, б.г.
[423] **Ядринцев Н.М.** Сперанский и его реформы в Сибири // ВЕ. 1876. № 6. С. 500–501.

элементы образа региона, существовавшие в общественном мнении и народном сознании в XVII–XIX вв., которые в определенной степени детерминировали и отражали политику правительства в отношении региона: «Сибирь – золотое дно»; «загадочная страна, возбуждавшая ожидания таящихся в ней сокровищ»; «звероловная, горная, земледельческая колония»; «Мехико и Перу наше»; «штрафная колония»; «страна безгласности» и «дореформенных нравов».

Журнал активно не только фиксировал колониальный статус региона, но и обсуждал законодательные меры, благодаря которым он мог измениться. Как правило, поводом для обращения «Вестника Европы» к социальным проблемам сибирской провинции являлась информация о готовящихся мероприятиях правительства в отношении региона. Например, привлечение представителей общественного мнения в качестве экспертов для подготовки законодательных актов или известие о начале обсуждения в правительственных кругах того или иного законопроекта.

Информационным поводом для написания статьи «Русская золотопромышленность и ее условия» (1880 г.) неизвестного автора, писавшего под криптонимом «П. Р-ов», послужили «слухи о предстоящих и новых изменениях в законодательстве о золотом промысле»[424]. Ее автор отмечал, что в последнее десятилетие вопросы частной золотопромышленности постоянно обращали на себя внимание общества в связи с их ожидаемым рассмотрением на законодательном уровне, своевременно высказать о них свое мнение законодателям. Таким образом, авторский публицистический дискурс имел два адресата: власть, разрабатывавшую новый законодательный акт о золотопромышленности, и общественное мнение, которое аккумулировало различные позиции современников по данному вопросу и желало быть услышанным властью. В статье подробно описывался быт рабочих золотодобывающих промыслов, особенности образа жизни золотопромышленников, анализируется влияние золотодобывающей промышленности на социально-экономическое и культурное развитие края. Отмечалось, что, с одной стороны, золотые

[424] **П. Р-ов** Русская золотопромышленность и ее условия // ВЕ. 1880. № 3. С. 354.

прииски предоставляли работу местному населению и способствовали развитию торговли и промыслов, с другой же, развращающее влияние на местное население оказывал образ жизни золотодобытчиков, способствовавших распространению пьянства и других поведенческих девиаций. В очерке фигурирует два ярких типажа жителей региона: закабаленные рабочие, чья жизнь тяжелее бурлаков (их заставляют работать как волов, обирают и обсчитывают, калечат), и паразитирующие на их труде золотопромышленники (богачи, живущие «одним днем», легко наживающие огромные состояния и также легко теряющие их). Таким образом, актуализируется такой *элемент образа региона* как *«Сибирь – край золотых приисков».* Ему соответствует символический ряд, который можно описать при помощи таких концептов: «богатство» (возможность легкого и быстрого обогащения), «нажива», «насилие» (ради обогащения), «угнетение» (слабого сильным, бедного богатым) и др. Система мер, предлагаемых автором для улучшения функционирования золотых приисков, позволяет увидеть «либеральный» вариант решения вопроса о нуждах и перспективах развития золотопромышленности в крае: организация исследования добычи золота в Сибири; административный контроль за соблюдением владельцами приисков соглашений о выплате заработной платы; распространение среди рабочих сознания необходимости артельного начала; организация за счет золотопромышленников больниц для приисковых рабочих[425]. Своеобразным откликом на призыв детального изучения развития золотых приисков в Сибири является исследовательская экспедиция известного историка В.И. Семевского, организованная на средства мецената И.М. Сибирякова. Результатом экспедиции была целая серия статей, опубликованная на страницах журналов, в том числе и в «Вестнике Европы»[426], а также книга «Рабочие на сибирских золотых промыслах» (1898 г.).

[425] Там же. С. 390–391.
[426] См.: **Семевский В.И.** На сибирских золотых промыслах // ВЕ. 1896. № 6. С. 533–564.

Информационным предлогом для появления статей Н.М. Ядринцева и Ф.Ф. Воропонова о крестьянских переселениях явилась не столько реальная практика крестьянских миграций в окраинные регионы империи, сколько созыв «Особого совещания земских деятелей и сведущих людей» (1881 г.) для обсуждения основ переселенческого законодательства и мер по борьбе с пьянством[427]. Статьи Н.М. Ядринцева фокусировали внимание читающей России на новом элементе образа *Сибири как адресата крестьянских миграций*. В статьях Ядринцева начала 1880-х гг. осваиваемые восточные губернии представали, скорее, как место переселенческих страданий, чем край будущего благоденствия аграрных мигрантов. Страстный сторонник легализации переселенческого движения констатировал, что современные переселения напоминают «бегство и эмиграцию населения через аркольский мост жизни, где толпы народа, гонимые голодом, теснятся, обрываются и падают в бездну; и только часть достигает другого берега, истощенная и обессиленная»[428]. Сообщая читателям о страданиях и бедствиях сибирских переселенцев, Ядринцев настаивал на необходимости провозглашения принципа свободы переселений, под которым понимал возможность беспрепятственного выселения, свободного передвижения и выбора мигрантами места заселения. Он выступал за предоставление льгот и пособий безземельным и малоземельным крестьянам, за устройство особых пунктов для ночлега мигрантов, оказания им медицинской и информационной помощи. Ссылаясь на опыт Соединенных Штатов Америки по организации переселенческих контор, оказывающих в каждом штате содействие переселенцам при водворении на новых местах, Ядринцев доказывал необходимость в создании учреждения, в котором были бы сосредоточены все дела, связанные с переселением крестьян. Как известно, большинство идей сибирского общественного деятеля было реализовано в практике гуманитарной помощи переселенцам.

---

[427] См.: **Воропонов Ф.Ф.** Крестьянские переселения // ВЕ. 1876. № 1; **Ядринцев Н.М.** Положение переселенцев в Сибири // ВЕ. 1881. № 8.

[428] **Ядринцев Н.М.** Положение переселенцев в Сибири // ВЕ. 1881. № 8. С. 606.

Анализ предложений по улучшению организации переселенческого дела, высказанных авторами «Вестника Европы», показывает их содержательное сходство с решениями совещания «сведущих людей» и ходатайствами земских собраний по переселенческому вопросу конца 1870–1880-х гг.

В конце 1880 – начале 1890-х гг. на страницах журнала был опубликован ряд очерков, авторы которых делились своими впечатлениями от поездки по «переселенческим маршрутам»[429]. В очерках поднимались одни и те же проблемы: причины миграций, тяжелые условия передвижения мигрантов, первые итоги общественной и государственной помощи переселенцам и потребность в ее расширении. Наряду с этим объектами внимания являлись: имущественный и этнический состав переселенцев, особенности их миграционного поведения. Путевые записки наблюдателей крестьянских миграций содержат ценные материалы о влиянии переселения на социальную психологию его участников, изобилуют многочисленными зарисовками переселенческого быта. Очевидна социальная направленность рассматриваемых очерков – помимо правдивого описания одного из самых драматичных и массовых явлений повседневной жизни пореформенной деревни, их целью было привлечение внимания правительства и общественности к неудовлетворительному состоянию переселенческого дела. Этой же цели были подчинены опубликованные в «Вестнике Европы» в начале 1890-х гг. обзоры Д.М. Головачева[430]. Темой его статей были путевые условия переселенческого движения в Сибирь. Кроме собственных впечатлений, полученных во время двухлетнего пребывания на одном из переселенческих пунктов, Головачев располагал отчетами, записками и письмами медицинского персонала, обслуживавшего переселенцев, инструкциями по организации санитарной помощи переселенцам на

---

[429] См.: **Пономарев С.М.** Лето среди переселенцев (очерки и пересказы) // ВЕ. 1886. № 9. С. 140–179; **Исаев А.А.** От Урала до Томска: Из путевых заметок // ВЕ. 1891. № 5. С. 55–87 и др.

[430] См.: **Головачев Д.М.** Переселенцы в 1892 г. // ВЕ. 1893. № 8; **Он же.** Переселенцы в 1893 г. // ВЕ. 1894. № 5. С. 366–392.

сухопутных и водных путях сообщения в Западной Сибири. Он обосновывал потребность в увеличении ассигнований на медико-санитарную помощь переселенцам, в строительстве для них бараков, столовых, бань. При этом Головачев не питал иллюзий по поводу возможностей частной благотворительности, а выступал за совершенствование переселенческого законодательства, за качественно иную постановку всего переселенческого дела: «Есть такие условия, бороться с которыми не в силах ни медики, ни частная благотворительность, сравнительно развитая в этом деле, и на которую, кажется, возлагают преувеличенные надежды. Мы не можем отрицать ее огромного значения, но она не может заменить собою государственных мер»[431].

Анализ содержания публикаций «Вестника Европы» по переселенческому вопросу позволит предположить следующие функции сибирского журнального дискурса русских либералов: 1) воздействие на власть путем широкого обсуждения наиболее злободневных вопросов сибирской действительности и предложения конкретных вариантов их решения; 2) формирование консолидированной общественной позиции в отношении «сибирских вопросов» в соответствии с системой ценностных ориентаций «западнической» версии либерализма; 3) моделирование социального поведения современников, привлечение их к решению актуальных социальных проблем региона через участие в общественных организациях.

Перечень «сибирских вопросов» в очередной раз конкретизировался журналом в связи с празднованием трехсотлетия присоединения Сибири к русскому государству. *Тема статуса региона в составе Российской империи* была вновь актуализирована для русских интеллектуалов в статье Н.М. Ядринцева и повлекла за собой широкое обсуждение вопроса о социокультурном своеобразии региона и его населения. Основную роль в процессе присоединения зауральских территорий автор отводил не

[431] **Головачев Д.М.** Переселенцы в 1893 г. // ВЕ. 1894. № 5. С. 369.

государству, как консервативные публицисты, а вольнонародной колонизации: «Ватага Ермака не была случайностью, эта была первая партия эмигрантов, выкинутая в Сибирь… Это был первый шаг народной колонизации, которая, обновляемая новыми волнами движения, создала Сибирь и упрочила впоследствии здесь гражданскую жизнь… Казак, гулящий человек, беглый крестьянин, промышленник, пашенный крестьянин, это были последовательные типы завоевателей. Последним из завоевателей мы видим добровольного переселенца крестьянина-труженика, идущего заселять новые земли… Героем предстоящего юбилея трехсотлетия мы поэтому позволяем себе считать не Ермака и воевод, но вообще русский народ»[432]. Объявляя трудящееся население главным героем присоединения Сибири, талантливый сибиряк демонстрировал противоречие между ростом регионального самосознания земляков и колониальным статусом своей родины. История региона в составе России описывалась при помощи таких маркеров, как «несчастная страна», «край, подвергавшийся всевозможным злоупотреблениям», испытывавший «много притеснений», «безжизненный край» и др.

Необходимость сибирских реформ аргументировалась, во-первых, долгом государства перед русским народом, «приобретшим целую страну и доставившим огромные богатства казне», но лишенным гражданских прав. Во-вторых, долгом метрополии перед колонией. Заметим, что в данной статье мы вновь встречаем употребление амбивалентных номинаций Сибири: с одной стороны, окраина (часть целой империи), с другой ─ бинарная оппозиция «колония – метрополия». «В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время призвать *наши окраины* к новой жизни, пробудить их общественные силы к самодеятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть *священнейший долг метрополии* по

[432] **Ядринцев Н.М.** Трехсотлетие Сибири // ВЕ. 1881. № 12. С. 844.

отношению ко всякой молодой развивающейся на ее руках страны: великая обязанность налагается на нее провидением перед лицом всего человечества и будущим истории»[433].

Итак, празднование юбилея присоединения Сибири к русскому государству рассматривалось Ядринцевым, как и многими его современниками–сибиряками, в качестве официального повода для решения на правительственном уровне «сибирских вопросов». Сибирский патриот в рассматриваемой публикации вновь приводит их перечень, повторяя то, что писал в статье о М.М. Сперанском. Однако, в очередной раз используя «рупор русского либерализма» для трансляции своих идей образованной России, Ядринцев расширяет программу необходимых для региона преобразований, включая в их число правительственную организацию переселений, улучшение участи золотопромышленных рабочих, принятие мер против мироедства и кулачества[434]. Можно с уверенностью предположить, что на формирование индивидуальных представлений публициста о регионе в определенной степени повлияло и обсуждение вышеперечисленных сюжетов на страницах «Вестника Европы».

С начала 1880-х гг. в журнале помещаются публицистические и исследовательские статьи *о социокультурном и этнографическом своеобразии населения Сибири.* Их появлению способствовало усиление интереса к региону, связанное с ростом переселенческого движения, и обсуждение прессой вопроса о причинах социальных конфликтов между сельскохозяйственными мигрантами и старожилами; проектами строительства сибирской железной дороги; переосмыслением на правительственном уровне основ региональной политики; интенсификацией интеллектуальных коммуникаций между столичной и провинциальной интеллигенцией; ростом регионального самосознания сибирской интеллигенции; популярностью этнографии, проявившейся в том числе и в

---

[433] Там же. С. 849.
[434] **Ядринцев Н.М.** Трехсотлетие Сибири // ВЕ.1881. № 12. С. 845.

публицистической дискуссии о существовании особого типа «русско-сибирской» народности. По мнению М.И. Альтшуллера, обсуждение вопроса о культурном облике сибиряков было спровоцировано сторонниками сибирского земства как аргумент в пользу готовности населения региона к распространению на Сибирь земских учреждений[435].

Удивительное для наших современников, но в определенном смысле типичное для XIX столетия объяснение мотивов обращения к изучению сибирских крестьян встречаем у историка И.Г. Прыжова (Благовещенского), поместившего в «Вестнике Европы» свои публицистические заметки: «Биология, чтобы раскрыть тайну человеческой жизни, обратилась к изучению низших животных организмов и только тогда получила правильную точку отправления; социальная наука только тогда встала на ноги, когда обратилась к сравнительному изучению народов, стоящих на низших ступенях цивилизации. С этой стороны крайне поучительно сравнительное изучение русского народа, совершенно одичавшего в наших захолустных уездах и даже областях, как Сибирь»[436].

Предметом авторского интереса, судя по подзаголовкам, было выяснение отношения сибиряков к бродягам и изучение быта старообрядцев, однако данные сюжеты явились лишь основой для размышлений об историко-культурных, этнографических и социально-психологических характеристиках русского населения Сибири. Представляется продуктивным сравнение образа сибиряка в публицистических очерках И.Г. Прыжова и в историографических обзорах А. Н. Пыпина, посвященных анализу работ по истории и этнографии региона.

Таблица 14

Конструирование образа сибиряка на страницах журнала «Вестник Европы» конца XIX – начала XX в.

Благовещенский [Прыжов И. Г.] Записки о Сибири // Вестник Европы. 1882. № 9. С. 291–	**Пыпин А.Н.** Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. 1888. № 1. С. 622–668; **Он же.** Сибирская этнография //

[435] См.: **Альтшуллер М.И.** Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 40.
[436] **Благовещенский** [Прыжов И. Г.] Записки о Сибири // Вестник Европы. 1882. № 9. С. 291.

325.	Вестник Европы. 1888. № 9. С. 272–317; **Он же.** Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 276–323.
1	2
Факторы формирования особого социокультурного и этнографического типа «сибиряков»	
«Здесь, в среде собственно сибирского населения, опять прошли два влияния (вовсе незнакомые староверам), каторжное и инородческое, а при помощи их, здесь выработались кулаки из сибиряков, совершенно завладевшие судьбою окружающего их населения, русского или инородческого». (с. 297)	«…другая область сибирской этнографии должна объяснить особенности русского племени в Сибири, потому, что в Сибири, несомненно, народились эти особенности под влиянием ее почвы, климата, племенных смешений, исключительных исторических и бытовых обстоятельств». (Сибирская этнография…С. 273)
Внешний облик сибиряков	
«Русский тип в них исчез; это все люди черные, с черными волосами, люди дикие и дерзкие на всякое преступление». (с. 297) «Таковы многие мужики в Тарбогатае, Олентуе и пр. То, по всей вероятности, помесь поселенца с инородцем: черные волосы, черные глаза на желтом лице, взгляд дикий и мутный». (с. 298) «Сибиряки давно уже начали период своего вырождения. Изучая, например, сибирскую женщину, невольно замечаешь, что тип ее распадается на две резкие и неравные части, одна русая, другая – черная, с черными некрасивыми бровями. Первые, несравненно меньшие по числу…еще сохранили в себе русские черты: они гораздо умнее, деятельнее, приличнее. Вторые, составляющие большинство, то есть чистокровные сибирячки, карымки, – злы, мстительны, коварны, низкого роста и с брацким (бурятским. – *Н.Р.*)… типом» (с. 322)	*Фрагмент анализа работ А. П. Щапова.* «Природные русские сибиряки …большею частью не высоки ростом, сухощавы, более или менее смуглы и черноволосы. Несколько черноватый или смуглый цвет лица сибирякам нравится более, чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих местах Сибири, особенно восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный» и употребляется как бранное слово, тогда как слова: «черномазый, халзан, карым или карымочка» употребляются, сколько мы слышали, как слова ласкательные или любезно шутливые, например, относительно детей или девиц». (Русская народность…С. 282) *Из анализа работ Паласа*. «Из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит род мулатов, которые имеют несколько монгольский облик и черные или очень темные волоса, но в то же время правильные и приятные черты лица, и известны под именем карымов…(Русская народность…С. 292)
Особенности социальной психологии и поведения	
«Это все богачи, нажившие деньги преступлениями, безжалостной эксплуатацией инородцев, или же охотой на бродяг и рабочих, бегущих с приисков, для которых вся эта страна представляет некое неизбежное перепутье, так как краденое золото уходит в Кяхту и Иркутск». (с. 297)	*Фрагмент анализа работ А. П. Щапова*. «…сибиряк, по большей части простак, ум его меньше расторопен и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великоруса… Зато в сибирском русском населении рассудок, кажется, больше обладает над чувством, чем в великорусском народе. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или -
«Есть селения, где жители все сплошь воры и разбойники, а проезжающие только и стараются о том, чтобы как-нибудь миновать их. Наживая этим путем богатства, сибиряки потом умирают или от пьянства, или под забором». (с. 298) «Мало убить бродягу – надо еще убитого истерзать. Убитых бродяг сибиряки режут на части и разбрасывают их, чтобы не попался труп…Вследствие этого от Томска и до Читы образовались целые местности, прославившиеся охотою на горбачей. В Томской губернии есть целые деревни, только и живущие что грабежом бродяг». (с. 296) «Сибирячка тупа, неприятна и ленива до	преобладающая наклонность к материалистическому реальному умствованию подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение. Оттого сибиряки вообще гораздо менее мистичны и религиозны, чем «российские» люди… Оттого на многие историко-традиционные принципы сибиряки смотрят гораздо свободнее, чем великорусский народ» (Русская народность…с. 283) «Сибиряков не совсем правильно считают людьми свободолюбивыми. Правда, они как будто сильнее чувствуют право личности, но за этим чувством вольности и личного права и в сибиряках сплошь и рядом скрывается и нередко обнаруживается дух раболепия… Вообще сибиряки грубы и дерзки перед тем, кого они не боятся, но перед чиновниками они раболепны и трусливы» (Русская народность…с. 284). *Фрагмент анализа работ П.А. Ровинского.* «В сибиряке-

крайности и вместе с тем страшно нахальна. Родится у нее ребенок, и мать, от нечего делать, начинает тиранить его, то ежеминутно тряся его в качалке, то болтая с ним, дразня, зацеловывая его, будто бы от любви, словом не давая ему ни минуты покоя, пока иной раз не замучает его до смерти». (с. 323)	туземце г. Ровинский находил вообще, рядом с …любознательностью, много здравых, чисто рациональных понятий, если эти понятия не идут глубже, то причина этого заключается в недостатке школы. Что же касается до тех неблагоприятных свойств, какие приписываются сибирскому характеру, как своекорыстие, хитрость и т.п., то г. Ровинский находил, что они отчасти составляют свойство общечеловеческое или же они не развивались на месте, а принесены с родины». (Русская народность…с. 286) *Фрагмент анализа работ Н.М. Астырева* «…на наших глазах совершается процесс перерождения европейско-русского человека в «сибиряка». Очевидно, если меняется через два, три десятилетия способ хозяйства и общинной жизни, составляющих капитальную основу крестьянского быта, за этим легко может последовать…также перерождение другого обычая: окружающее соседство, уменьшение культурных влияний, существовавших в «России» (например, худшая постановка школы и т.п.), могут в следующих ближайших поколениях сделать переселенца «дурным сыном церкви», породить отсутствие идейных интересов, заставить его забыть предания, привить алчность к наживе, наконец, создать «каменные сердца», одним словом, произвести все то, что в рассказе г. Астырева составляет отличительные черты «сибиряка» и непривлекательные свойства его народности». (Русская народность…с. 322)

Таблица 14 иллюстрирует различия публицистического и исследовательского дискурсов в процессе конструирования социальной общности сибиряков. Для И.Г. Прыжова, сосланного в Сибирь на каторгу по делу С. Нечаева, основным источником для выводов являются собственные наблюдения, для подтверждения которых он ссылается на не противоречащие его суждениям материалы периодической печати. Авторские интенции, родившиеся в результате знакомства с бытом населения Иркутской губернии, экстраполируются на весь регион. В соответствии с законами жанра предметом приоритетного внимания являются те сюжеты, которые потенциально имеют общественный резонанс: судьбы сибирских старообрядцев, потеря «русскости» сибиряками, изменение их этнической идентификации, влияние каторги на социокультурный облик сибиряков. Для Прыжова сибирские старожилы – продукт смешения каторжан и инородцев, разоряющих инородческое население и приисковый пролетариат. Совершенно другой подход к описанию населения региона реализуется в серии статей известного историка А.Н. Пыпина. Исследователь, анализируя работы по истории и этнографии Сибири, приводит разноречивые суждения

о русских сибиряках, предлагая такие критерии сравнения авторских позиций, как особенности антропологического облика старожилов, их умственные способности, отношение к религии, русской истории и культуре, особенности социального поведения. Выясняя причины различий в интерпретации образа сибиряка, историк упоминает характер биографической связи авторов с регионом, выделяя сибиряков по рождению и симпатиям. Предоставляя читателям самим составить представление о сибиряках на основе приводимых им цитат, Пыпин исходит из априорного признания факта формирования сибиряков как особого этнографического типа, появившегося под влиянием новых природно-климатических и культурно-исторических условий. Такой подход, как свидетельствует работа М.В. Лескинен, был характерен для зарождающейся русской этнографии, представители которой были убеждены в объективности и реальности существования национального характера, обусловленного историко-географическими факторами[437].

А.Н. Пыпин признает справедливость отдельных негативных характеристик старожилов, но при этом утверждает, что в них нет ничего фаталистического и непреодолимого, что просвещение и гражданское благоустройство региона окажет благотворное влияние на социокультурный облик сибиряков.

Таким образом, публикации Прыжова и Пыпина представляют разные варианты прочтения образа сибиряка, как по жанру, так и по содержательным характеристикам. Если текст Прыжова изобилует негативными оценками старожильческого населения края («вырождающиеся сибиряки», «люди дикие и готовые на всякое преступление»), то Пыпин приводит как положительные, так и отрицательные оценочные суждения о социально-психологических характеристиках сибиряков, пытаясь найти им объяснение в специфике колониального развития региона. Однако при всех различиях и Прыжов, и

---

[437] См.: **Лескинен М.В.** Польша и поляки в российских этнографических очерках конца XIX в. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 129.

Пыпин демонстрируют ориенталистский вариант конструирования образа сибиряка, в котором в качестве социокультурного образца для сравнения выступает крестьянин «внутренней» империи как более «европейский» (просвещенный, цивилизованный).

Со второй половины 1880-х гг. одной из наиболее актуальных тем для либерального издания становится *рост самосознания сибирской интеллигенции и несостоятельность поисков консерваторами призрака сибирского сепаратизма*. Первым инициировал обсуждение вопроса о сибирском патриотизме ведущий раздела «Из общественной хроники» (1886 г.) в связи с поисками «неблагонадежных» элементов среди сибирских газетных изданий представителями так называемой «русской» или «национальной» партии, группировавшейся вокруг «Московских ведомостей». По мнению «Вестника Европы», подобные поиски врагов, способные реанимировать обвинения в «сибирском сепаратизме» в то время, когда Сибирь ожидает распространения либеральных реформ и открытия университета, могут обречь край на роль Тантала, которому не дается в руки желаемое благо[438]. В том же году попытка разобраться в сущности «сибирского сепаратизма» предпринимается обозревателем журнала, анонсировавшим первый номер «Сибирского сборника» под редакцией Н.М. Ядринцева: «Немного есть стран, имя которых звучало бы так неприветливо, как имя Сибирь, но эта же Сибирь, как родина, внушает своим уроженцам такую же теплую привязанность, как и всякая родина. Доходило даже до того, что в укор и обвинение этой любви сибиряков к своей родине изобретен был сведущими людьми «сибирский сепаратизм» – нечто трудно понимаемое, но нет, разумеется, ничего непонятного в самой привязанности сибиряков к своему краю, и в последнее время она выражается особенным развитием литературы, посвященной изучению Сибири». Рецензент понимает «сибирский сепаратизм» как синоним сибирскому патриотизму[439].

[438] Из общественной хроники // ВЕ. 1886. № 4. С. 902–903.
[439] Рец. на кн.: Сибирский сборник Н.М. Ядринцева // ВЕ. 1886. № 7. С. 415.

А.Н. Пыпин номинировал патриотизм сибиряков как основное проявление формирующейся сибирской региональной идентичности. По мнению специалиста по истории общественной мысли, пора интенсивного роста регионального самосознания сибирской интеллигенции пришлась на конец 1850–1860-х гг., когда после Крымской войны и воцарения Александра II началось возрождение русского общества. Общественное возбуждение эпохи отразилось в лучших людях сибирского общества, в особенности среди молодежи, размышлениями о положении их родины, стремлениями что-либо сделать для улучшения ее судьбы, для распространения столь необходимого ей просвещения. Студенты-сибиряки называли свою родину русской Америкой и порождали мимолетные «федеративные мечтания». Как писал Пыпин, именно эти мечтания и повлекли за собой процесс о «сибирском сепаратизме» 1860-х гг. – «процесс, по тому времени страшно преувеличенный и, к сожалению, иным испортивший жизнь»[440]. Трудно не согласиться со следующей репликой известного либерального историка: «Если и были действительно мечты о «сепаратизме», очевидно, они были столь неосуществимы, что были абсолютно безвредны; это была лишь форма юношеского поэтического идеализма, мечтательные подробности его должны были отпасть сами собою: юность прошла, но от прежнего идеализма осталось у лучших людей здоровое зерно в том горячем стремлении служить делу просвещения и общественного развития своей ближайшей родины, это стремление сказалось потом в замечательных учено-литературных трудах и общественной деятельности многих людей этого поколения»[441]. Справедливость оценки «сибирского сепаратизма» как процесса, необоснованно «раздутого» центральной властью, опасающейся автономистических настроений сибиряков, подтверждается современными исследованиями А.В. Ремнева и М.В. Шиловского[442].

---

[440] **Пыпин А.Н.** Русская народность в Сибири // ВЕ. 1892. № 1. С. 280.
[441] **Пыпин А.Н.** Русская народность в Сибири // ВЕ. 1892. № 1. С. 280.
[442] См.: **Ремнев А.В.** Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17; **Шиловский М.В.** «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н.Потанин: Биографический очерк.

С конца 1880-х гг. словосочетание «сибирский патриотизм» использовалось как публицистическое клише при описании Сибири, оно стало одним из символов «сибирскости» в понимании путешественников из Европейской России. Типичен следующий вариант словоупотребления, оставленный в путевых записках экономиста, исследователя переселенческого движения А.А. Исаева: «Сибиряки отличаются очень сильным патриотизмом, он распространяется на все частности сибирской жизни, не исключая и благоустройства, которое будто бы царствует в сибирских городах. Об Иркутске говорят с восторгом, он, по их мнению, точная копия с Петербурга и разве только немногим уступает своему великому образцу»[443].

Со страниц журнала перед читателями представала галерея образов ярких сибирских патриотов, людей, жизнь и деятельность которых ассоциировалась у либералов со служением во благо региону. Наибольшее число публикаций посвящено Н.М. Ядринцеву и А.В. Потаниной[444]. Информативны и самодостаточны для выяснения оценок персонифицированных символов «новой Сибири» либеральными журналистами следующие повторяющиеся слова-маркеры, адресованные Ядринцеву: «разносторонний исследователь», «знаток Сибири», «самый верный и преданный сын Сибири, всю жизнь чутко прислушивавшийся к нуждам родины-матери», «истый сибиряк по рождению и воспитанию» и др. С А.В. Потаниной соотносились такие характеристики: «неутомимая путешественница»; «одна из немногих русских женщин, которые были деятельными помощницами и сотрудницами людей, посвятивших себя беззаветному служению науке»; «тонкая гуманность и сочувствие ко всем несчастным»; «перед ней открывались двери там, куда не мог проникнуть мужчина». Как достойная подражания рассматривалась деятельность сибирской интеллигенции по популяризации истории, этнографии, археологии региона путем организации провинциальных музеев и библиотек.

---

[443] **Исаев А.А.** От Урала до Томска: Из путевых заметок // ВЕ. 1891. № 9. С. 81.

[444] См., например: **Пыпин А.Н.** Некролог Н.М. Ядринцеву // ВЕ. 1894. № 7. С. 445–448; Рец. на сборник статей: Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю // Вестник Европы. 1895. № 5.С. 894–895 и др.

К 25-летнему юбилею знаменитого Минусинского краеведческого музея была приурочена статья известного народника И.П. Белоконского, посвященная его директору Н.М. Мартьянову. По мнению автора, деятельность музея служит наглядным доказательством громадной роли личности в деле общественной культуры, примером того, как можно интеллигентному человеку «не утонуть в обывательском болоте» преобладающих в нашем отечестве «медвежьих углов»[445].

Поддержка журналом просветительских усилий провинциальной интеллигенции высоко ценилась читателями-сибиряками. «Приветствуем в Вас представителя той общественной программы, которая в течение целого ряда лет настойчиво напоминала о роли интеллигенции в создании лучших форм русской жизни», – писали М.М. Стасюлевичу такие яркие представители сибирской интеллигенции, как С.П. Швецов, А. Шерстобоев, С.И. Гуляев и др.[446]

Среди основных социальных функций «лучших людей» Сибири либеральные публицисты называли разноплановое исследование истории, этнографии, современного положения региона, участие в развитии региональной журналистики и художественной литературы. Приоритетное внимание уделялось истории региона, которая рассматривалась как средство самопознания провинциальной интеллигенции, ключ к пониманию проблем современности, способ познакомить читающую Россию с жизнью и бытом имперских окраин. Основная роль в реконструкции прошлого сибирской провинции авторами журнала отводилась местной интеллигенции: «До сих пор приходится слышать и читать упреки какому-то „Петербургу“, что он не знает провинции и народа… Под словом „Петербург“ можно подразумевать весьма различные вещи, в упомянутых укорах всего чаще понимается именно Петербург административный, когда он не оказывает достаточного внимания к каким-либо местным вопросам провинции… С другой стороны,

---

[445] **Белоконский И.П.** Н.М. Мартьянов и Минусинский музей // ВЕ. 1902. № 4. С. 750–759.
[446] ИРЛИ. Ф. 293 (М. М. Стасюлевич). Оп. 1. Д. 1696. С. 167.

предполагаемое малое знание провинции Петербургом составляет вину самой провинции. До последнего времени она слишком мало изучала и вводила в литературу свою местную историю, свои общественные и народные отношения»[447].

Большое внимание, уделяемое либералами написанию сибирской истории, не случайно. Как уже было упомянуто, журнал изначально мыслился не только как политический, но и как специализированный исторический. Незначительное число исследований по истории региона историки «Вестника Европы» объясняли колониальным статусом региона, почти не имеющего собственной, отличной от метрополии политической истории, а также поздним появлением сибирского университета и малочисленностью научных центров. Сошлемся на авторитетное мнение неоднократно мною цитируемого А.Н. Пыпина, автора подавляющего большинства рецензий на работы по истории и этнографии Сибири, опубликованных в «Вестнике Европы»: «С одной стороны, Сибирь, с самого ее завоевания, не играла никогда никакой активной роли, не была сценой никаких важных событий в политической истории государства, жизнь ее была жизнью далекой и порядочно заброшенной провинции, где исполнялись только готовые мероприятия, властвовали назначенные правители, сама страна не имела никакого голоса даже на то, чтобы каким-либо образом заявить о своем положении, которое не раз становилось просто невыносимым. Такое существование действительно дает мало материала для того, что можно назвать историей, нужно было только описание страны, состояния, происходившего из условий посторонних для нее самой. С другой стороны, Сибирь издавна отличалась особенною скудостью умственной жизни и образования, массы ее населения вели только практическую трудовую жизнь изо дня в день, одни – бедственную, другие – наживаясь и процветая, и обе не задавая себе каких-нибудь вопросов общественного свойства»[448]. Профессор истории в своих публикациях пытался

---

[447] Рец. на кн.: Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири // ВЕ. 1891. № 10. С. 844–845.

[448] **А.П.** [Пыпин А. Н.] Рец. на кн.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири // ВЕ. 1886. № 11. С. 423.

сформулировать алгоритм организации работы исследователя по изучению прошлого Сибири, подразумевая следующий набор последовательных операций: 1) необходимо выяснить, что ранее написано по избранной теме; 2) выявить круг источников, в первую очередь, местных, ранее не известных историкам; 3) сравнить информацию, содержащуюся в уже опубликованных источниках и работах своих предшественников, с собственными выводами[449]. Обозреватель журнала в 1895 г. выделил три группы исследователей, изучавших Сибирь: образованные туземцы, «не безразличные к судьбам родины»; участники исследовательских экспедиций, организованных центральной и местной властью; ссыльные – «невольные обитатели Сибири», образованность и любознательность которых вела к изучению региона и его населения[450].

Либеральные журналисты придавали серьезное значение появлению художественных произведений о регионе. Как очевидно из сплошного просмотра номеров журнала за изучаемый период, редакция активно публиковала как рецензии на художественные тексты с сюжетами из «сибирской жизни», так и литературные произведения о Сибири. «Вестник Европы» познакомил образованных русских с беллетристическими очерками Н.С. Лескова «Сибирские картинки XVIII в.», одноактной драмой В.А. Крылова «В глуши Сибири», рассказом С. Петрова-Батурича «Минусинская быль» и др[451].

Рецензенты журнала активно обсуждали особенности «областной беллетристики», делая основной акцент на требованиях к «областному роману». В рецензии на книгу Л.П. Блюммера «На Алтае» читаем: «Этот род литературы, без сомнения, может быть чрезвычайно интересен, особенно в наших условиях, когда самые области страшно раскинуты и на крайних пределах ведут совсем разную жизнь, и остаются друг другу почти не

---

[449] **А.П.** [Пыпин А. Н.] Рец. на кн.: Андриевича В.К. Исторический очерк Сибири // ВЕ. 1886. № 9. С. 405.
[450] Рец. на кн.: Дионео [Шкловский И.В.] На крайнем северо-востоке Сибири // ВЕ. 1895. № 4. С. 808.
[451] См.: **Лесков Н.С.** Сибирские картинки XVIII в.: Из дел сибирской старины // ВЕ. 1893. № 3. С. 177–200; № 4. С. 534–561; **Крылов В.А.** В глуши Сибири // ВЕ. 1893. № 5. С. 65–97; **Петров-Батурич С.** Минусинская быль: Из сибирской жизни до железной дороги // ВЕ. 1985. № 6. С. 614–650.

известны... Вся изображаемая жизнь состоит из пьянства, взяточничества, разврата, грабежа и т.д., с полным отсутствием каких-нибудь иных интересов, могло быть, что сибирская жизнь пятьдесят лет назад и действительно была такова … но если за изображение таких эпох и форм жизни берется исторический роман, он должен осветить эту эпоху, объяснить читателю, откуда брался этот склад жизни, показать тот общий фон, на котором вырастали подобные явления. Без этого роман превращается в ряд фельетонных картинок, наскоро набросанных и в конце концов не оставляющих впечатления о том, что такое Алтай и почему так жилось там»[452].

В начале 1890-х гг. для читателей издания вновь актуализируется еще одна ипостась образа региона – *Сибирь как страна административного произвола.* Всевластие местной бюрократии рассматривалось как один из идентификационных символов региона. «Сибирь издавна отличалась своими особыми нравами общественными и административными, и вместе с тем, по отдаленности края и особенностям его административного положения внутренний быт этой провинции был, быть может, больше, чем где-нибудь закрыт от ведома и некоторого контроля печати и общественного мнения. В старые времена Сибирь была самой настоящей сатрапией. Некогда воеводы, потом губернаторы бывали самовластными правителями, которые делали, что хотели», – констатировал литературный обозреватель в 1891 г.[453] Активно писавший о специфике развития региона А.Н. Пыпин замечал, что среди местных губернаторов господствовало убеждение, что Сибирь «дикая страна» для управления которой не нужны «ученые методы», понятия законности и требования справедливости[454]. В.В.Птицын, характеризуя быт крестьян Иркутской губернии, писал о могуществе в Сибири даже самых низших администраторов и полицейских чиновников, о тесной связи

[452] Рец. на кн.: Блюммер Л.П. На Алтае // ВЕ. 1885. № 7. С. 430.
[453] Рец. на кн.: Сукачев В.П. Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири // ВЕ. 1891. № 10. С. 845.
[454] **Пыпин А.Н.** Сибирская этнография // ВЕ. 1888. № 9. С. 307.

представителей местной администрации с «купцами-мироедами», активно эксплуатировавшими местное население[455]. Наиболее действенным лекарством против бюрократического всевластия либералы считали развитие общественного мнения в регионе, гласности, местной периодической печати.

В конце XIX – начале XX в. либеральной журналистикой востребуется еще одна тема, задающая следующий структурный элемент образа региона, – *Сибирь – страна кабалы и господства «мироедов».* Авторы «Вестника Европы» в своих статьях называли разные формы социального и экономического угнетения (торгово-ростовщическая кабала, «помочи», батрачество и др.), объектами которого выступали разные категории сибирского населения: старожилы, переселенцы, ссыльные, «инородцы», приисковые рабочие. Кабале, существующей «искони, обнимающей всю жизнь крестьянина и инородца, как бы переходящей по наследству и образующей своего рода крепостное право», посвящена статья вышеупомянутого В.В. Птицына[456]. Под кабалой, или «покрутой», подразумевались отношения между сельским населением края и несколькими богатыми русскими купцами. В результате крестьяне и инородцы получали от купцов необходимый минимум продовольствия, одежды и орудий труда, за который обязаны были передавать последним все продукты своего труда (звериные шкуры, сено, кедровые орехи, рыбу, овощи и т.д.). Убогость быта, нищета, физическое и нравственное вырождение населения – последствия многовековой кабалы, как утверждает автор. Сибирский этнограф И.И. Тыжнов проанализировал формы эксплуатации сибирских «инородцев» Нарымского края, среди которых упоминал «вечную» долговую кабалу. Безрадостное положение «инородческого» населения описывалось при помощи таких ключевых слов, как «нищета», «пьянство», «разврат»[457]. Ответственность за создавшуюся ситуацию Тыжнов возлагает на несовершенство законодательства, определявшего правовой

---

[455] **Птицын В.В.** Очерки народной жизни по реке Лене // ВЕ. 1893. № 11. С. 81.
[456] **Птицын В.В.** Очерки народной жизни по реке Лене // ВЕ. 1893. № 11. С. 73.
[457] См.: **Тыжнов И.И.** Эксплуатация сибирских инородцев в XIX в. // ВЕ. 1901. № 8. С. 617–639.

статус «инородцев», а также «деморализующее влияние» местной администрации, связанной деловыми интересами с торговцами мехами, рыбой и спиртными напитками.

Внимательное прочтение текстов «Вестника Европы» позволяет выделить следующие ценности русского либерализма, нашедшие воплощение в публикациях по «сибирским вопросам»: 1) уверенность в преобразующей силе просвещения; 2) убежденность в торжестве законности и гласность как гарантии предотвращения злоупотреблений власти; 3) свобода выбора вероисповедания; 4) широкое привлечение общественности к решению социально значимых проблем и к диалогу с властью.

Необходимость широкого просвещения населения Сибири как залог ее экономического и культурного развития красной нитью проходит через большинство публикаций, посвященным различным реалиям сибирской жизни, начиная от статуса региона в составе империи и заканчивая путевыми очерками путешественников. Содержательный анализ публикаций, посвященных развитию образования в сибирских губерниях, свидетельствует о том, что в сознании авторов толстого журнала существовала устойчивая связь представлений о прогрессе в разных областях человеческой деятельности с просвещением населения, с распространением грамотности, профессиональных знаний, с ростом числа образовательных и культурных учреждений (библиотек, музеев и др.). Сибирь в силу своего окраинного, колониального положения, по убеждению заинтересованных современников, особенно нуждалась в приобщении к достижениям русской культуры и рассматривалась как объект «внутренней колонизации», актуализировавший миссионерскую, просветительскую деятельность русской интеллигенции. Однако если в народнической журнальной периодике основной акцент делался на необходимости широкого просвещения народных масс, путем устройства школ, воскресных курсов, расширения деятельности обществ

попечения о начальном образовании[458], то либералы «Вестника Европы» основное внимание уделяли необходимости организации сибирского университета как центра науки, просвещения, подготовки компетентных чиновников, координатора деятельности исследователей по разноплановому изучению края.

Усовершенствование законов, определяющих правовой статус различных категорий населения региона, *уравнение в правовом отношении сибирских губерний с провинциями «внутренней» России* (путем распространения на Сибирь судебной, земской реформ, отмены ссылки в край и др.), общественный контроль за исполнением законодательных актов – либеральный рецепт спасения края от административного произвола и всесилия бюрократии. Примечательно, что требования уважать закон адресовались не только представителям власти, но и сибирской интеллигенции. Например, обозреватель «Вестника Европы», сообщая о конфликте в Томском обществе естествоиспытателей и врачей, в котором участвовал попечитель Западносибирского учебного округа В.М. Флоринский, ведущий отдела «Из общественной хроники», с горькой иронией замечал: «Только у нас одних может возникать вопрос о том, следует ли соблюдать закон или не следует, только у нас можно усматривать в неизбрании кого-либо на какую-либо должность как личное для него оскорбление, только у нас можно примешивать к частному делу соображения официального характера и считать подчиненных обязанными обижаться за своего начальника, хотя речь шла о такой сфере деятельности, в которой все равны, в которой нет места для чинов, титулов и иерархических отличий»[459].

Декларация права личности вне зависимости от ее этнической и сословной принадлежности *на свободу вероисповедания* звучит в большинстве статей и сообщений, посвященных религиозным представлениям аборигенного населения региона и деятельности

---

[458] Более подробно об освещении вопросов образования на страницах народнических журналов см.: **Родигина Н.Н.** «Кому просвещать Сибирь?»: Вопросы образования на страницах российской журнальной прессы конца XIX – начала XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 5. С. 148–156.

[459] Из общественной хроники // ВЕ. 1893. № 1. С. 470.

православной церкви по его христианизации. Либеральные публицисты доказывали целесообразность «полнейшего воздержания светских властей от всякого вмешательства в великое дело распространения христианства», а ведущим направлением деятельности церкви признавали просвещение «инородцев», развитие сети учебных заведений для сибирских аборигенов[460]. Признавая право на свободу совести, либералы, базируясь на «сибирском материале», отстаивали преимущества светского начального образования над церковно-приходским[461]. Содержание образа региона задавалось авторами «Вестника Европы», информация о которых представлена в таблице 15.

Таблица 15

Биографическая связь с Сибирью авторов и сотрудников редакции журнала «Вестник Европы» второй половины XIX – начала XX в.

Ф.И.О., годы жизни	Профессия	Название журналов, в которых сотрудничали	Обстоятельства пребывания в Сибири
Белоконский И.П. (1855–1931)	Народный учитель, публицист, статистик	«Вестник Европы», «Русская школа», «Северный вестник»	Ссылка за участие в народническом движении
Головачев Д.М. (1866–1915)	Литератор, статистик, сибиревед, экономист	«Вестник Европы»	Место рождения и социализации
Максимов С.В. (1823–1901)	Писатель, этнограф	«Вестник Европы»	Исследовательская экспедиция для ознакомления с сибирской ссылкой
Исаев А.А. (1850–1919)	Экономист	«Вестник Европы»	Исследовательская экспедиция для ознакомления с состоянием переселенческого дела
Птицын В.В.	Юрист, исследователь Забайкалья	«Вестник Европы», «Русский вестник», «Русская старина» и др.	Место жительства и профессионального становления
Пыпин А. Н. (1833–1904)	Профессор истории, литературовед, этнограф	«Вестник Европы»	Область исследовательских интересов
Семевский	Профессор истории	«Вестник Европы»,	Исследовательская

[460] См.: Внутреннее обозрение // ВЕ. 1886. № 3. С. 375–383; Из общественной хроники // ВЕ. 1892. № 1. С. 449–452; **М.К.** [Кроль М. А.] Из истории просвещения сибирских инородцев // ВЕ. 1901. № 7. С. 281–289.
[461] Внутреннее обозрение // ВЕ. 1889. № 11. С. 372–373.

В.И. (1848/49(?)–1916)		«Русское богатство»	экспедиция по изучению истории золото-промышленности в Сибири, организованная по инициативе И.М. Сибирякова
Тыжнов И.И. (1864–1938)	Историк Сибири, учитель Томской гимназии, чиновник управления Алтайского горного округа	«Вестник Европы»	Место профессионального становления
Швецов С.П. (С.Марусин) (1858–1830)	Исследователь Алтайского края, статистик, общественный деятель	«Вестник Европы», «Русское богатство»	Ссылка за участие в народническом движении
Ядринцев Н.М. (1842–1894)	Публицист, общественный деятель	«Вестник Европы», «Русская мысль», «Дело», «Отечественные записки»	Место рождения, социализации, адресат общественной деятельности

Данные таблицы 15 свидетельствуют о том, что для большинства авторов, писавших о Сибири, регион был местом рождения или жительства (Д.М. Головачев, И. Тыжнов, Н.М. Ядринцев) или адресатом исследовательских экспедиций (А.А. Исаев, В.И. Семевский). Политические ссыльные (И.П. Белоконский, С.П. Щвецов), хотя и были «сибирскими корреспондентами» издания, однако не составляли в числе журналистов, освещающих «сибирские» вопросы, большинства, в отличие от народнических изданий «Русское богатство» и «Северный вестник». Оставивший наибольшее число публикаций об исследовании Сибири и рецензий на литературу о регионе, А.Н. Пыпин не имел «прямой» биографической связи с сибирской провинцией, но его можно назвать, употребляя введенное им же в оборот словосочетание, «сибиряк по симпатиям».

Предпринятый нами анализ сведений о подписчиках журнала «Вестник Европы», которые были опубликованы в декабрьских номерах журнала за 1870–1904 гг., указывает на то, что подавляющее большинство адресатов

сибирского журнального дискурса проживало за пределами Сибири. Несмотря на то, что в рассматриваемый период число читателей-сибиряков постепенно возрастало (от 179 в 1870 г. до 305 в 1904 гг.), наиболее читающая Иркутская губерния не поднималась выше 27 места по числу подписчиков среди других губерний империи. При этом максимальное число подписчиков в названной губернии доходило до 70 человек (1901 г.). За ней следовала Забайкальская обл., число читателей журнала в которой колебалось от 22 (1873 г.) до 63 (1903г.). Наименьшее число подписчиков проживало в Якутской обл. – от 2 в 1871 г. до 14 в 1899 г. Общий же тираж издания в 1890-е гг. ─ 7000 экземпляров. По подсчетам А. И. Рейтблата, в среднем номер толстого журнала во второй половине XIX в. прочитывало 13–14 человек, так что число читателей журнала, вероятно, доходило до 98 тыс. человек. Значительное расширение читательской аудитории журнала произошло после закрытия в 1884 г. журнала «Отечественные записки», подписчики которого частично перешли к «Вестнику Европы». Данное обстоятельство не случайно, многие авторы «Отечественных записок» считали данные издания не противоречащими друг другу «по направлению». Г.И. Успенский писал по этому поводу М.М. Стасюлевичу в апреле 1884 г.: «Закрытие „Отечественных записок“ вынуждает меня, как и других сотрудников этого журнала, навязывать свои работы другим изданиям. Я желал бы, по временам, помещать свои работы в Вашем издании, и не потому только, что «негде писать», а и потому, что отзывы, печатавшиеся в «Вестнике Европы» о моих книгах, дают мне некоторое право думать, что статьи мои не будут особенно противоречить общему направлению журнала»[462].

Сведения о распределении подписчиков в пределах сибирских губерний говорят о том, что журнал читали не только в губернских центрах, но и в селах, и в уездных городах. Информацию о сословном и

[462] Письмо Г.И. Успенского М.М. Стасюлевичу (апрель 1884 г.) // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 5. С. 239.

профессиональном составе читателей «Вестника Европы» содержат многочисленные телеграммы сибиряков в честь юбилеев издания и его редактора–издателя, хранящиеся в Институте русской литературы. Среди отправителей – студенты Томского университета, врачи, учителя, сотрудники местных периодических изданий, главы органов городского самоуправления, женщины-общественницы, директора библиотек, ветеринары и другие представители провинциальной интеллигенции. Знаменательна оценка роли издания в формировании общественного мнения пореформенной империи, данная омскими поклонниками журнала: «Приветствуем в Вашем лице одного из лучших представителей печати, неустанно отстаивающего законность и справедливость во всех проявлениях общественной жизни и необходимости для России свободных учреждений»[463]. Среди известных поклонников «Вестника Европы», проживавших за пределами Сибири, можно упомянуть А.П. Чехова, писавшего о том, что «это лучший журнал из всех толстых»[464]. Судя по воспоминаниям А.Ф. Кони, журнал входил в круг чтения Николая II[465].

«Эта огромная страна, так мало населенная»: Образ Сибири в интерпретации земских либералов (по материалам журнала «Русская мысль»)

Выяснить общее и особенное в либеральном конструировании образа Сибири поможет сопоставление публикаций на сибирскую тему западнического «Вестника Европы» и «Русской мысли», номинировавшейся современниками как орган земского либерализма, с ярко выраженными славянофильскими симпатиями в первые годы существования издания.

Первым редактором журнала (1880–1884 гг.) был С.А. Юрьев, известный московский славянофил. Его неофициальным преемником с 1885 г. стал бывший доцент Московского университета, убежденный

[463] ИРЛИ. Ф. 293 (М. М. Стасюлевич). Оп. 1. Д. 1696. Л. 130.
[464] **Чехов А.П.** Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1949. Т. 17. С. 12.
[465] **Кони А.Ф.** Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 437.

конституционалист В.А. Гольцев, подвергавшийся политическим преследованиям со стороны властей за связи с народовольцами. Долгие годы издателем журнала был В.М. Лавров, происходивший из купеческой среды, замечательный переводчик произведений польских писателей Г. Сенкевича и Э. Ожешковой, публиковавшихся на страницах издания.

В первом выпуске «Русской мысли» в качестве ключевых обозначены следующие задачи журнала: «Содействовать живому и плодотворному росту личности на Руси и отстаивать наше самоуправление»[466]. Уже упомянутый мною Ремизов в стихотворной форме так сформулировал мировоззренческое кредо своих соратников по журналу, образно названному «ладьей»:

В ладье везем мы груз запретный
Гуманных нравственных идей
И «Русской мысли» клич заветный
К любви и равенству людей[467].

Спустя двадцать лет после начала издания журнала его редактор отмечал, что поставленные им в первом номере задачи «по-прежнему дороги и святы». В ответ на упреки критиков издания в эклектизме В.А. Гольцев писал, что, имея в виду условия русской общественной жизни, журнал сознательно не суживает своей программы исключительно взглядами редакторов[468]. На мой взгляд, именно благодаря такой редакционной политике, проявлявшейся и в подборе авторов «Русская мысль» входила в число наиболее популярных общественно-политических изданий последней четверти XIX в. В.Г. Короленко, сам принимавший в 1880-х гг. участие в журнале, не без оснований полагал, что в описываемый период «как по числу подписчиков, так и по литературному и моральному влиянию он занимал первое место в русской ежемесячной журналистике»[469].

Однако при всем широком демократизме редакторских установок В.А. Гольцев был убежден в том, что в современной ему журналистике

---

[466] **В.Г.** [В. А. Гольцев] Внутреннее обозрение // РМ. 1880. № 1. С. 89.
[467] Цит. по: **Гиляровский В.А.** «Русская мысль» // Соч.: В 3 т. М., 1989. Т. 3. С. 187.
[468] Внутреннее обозрение // РМ. 1900. № 1. С. 220.
[469] История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч.1. С. 73.

невозможна независимость настоящего публициста от того или иного политического направления. «Разные разгильдяи нашей печати тупо издеваются над направленством (и слово-то глупое) и хвастают своей независимостью в этом отношении, но в такой независимости отсутствуют общественный смысл и подлинное личное достоинство. Эти господа воображают, что неловко и стыдно считать себя нравственно связанными с людьми единомыслящими и принимать в своих поступках и словах во внимание интересы групп или направления»[470].

Ведущие публицисты «Русской мысли» понимали зависимость общественного мнения от тех социальных сообществ, в которых оно формировалось. Н.В. Шелгунов писал, что общественное мнение – громадная контролирующая сила, подчиняющая себе поведение каждого человека всегда условно, зависимо от корпоративной принадлежности индивида: «Общество наше живет пока отдельными мирками и распадается на группы по роду своих занятий… Каждый такой отдельный мир, а иногда и мирок, живет своим корпоративным общественным мнением и своею собственной совестью. Между этими специальными совестями нет нередко ни малейшей связи»[471].

На представителей какого «мира» ориентировался журнал? На какую читательскую аудиторию он транслировал свои идеи? Предпринятый нами содержательный анализ разножанровых публикаций ежемесячного журнала за 1880–1904 гг. свидетельствует о том, что в качестве основных читателей журнал видел «здоровые силы русской интеллигенции», болеющей за судьбы родины и народа. Подписная компания 1886 г. дает основания утверждать, что редакция издания предпринимала попытки конструирования своей аудитории путем предоставления существенных скидок и рассрочки при подписке на журнал для студентов, слушательниц высших женских курсов, сельских учителей, воспитанников старшего класса средних учебных

---

[470] Цит. по: Памяти В. А. Гольцева: Статьи, воспоминания, письма / Под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1910. С. 65.
[471] См.: **Шелгунов Н.** Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 5. С. 156.

заведений[472]. Одним из достижений редакционной политики В.А. Гольцева было понижение стоимости подписки с 16 р. – обычной цены годовой подписки на «толстые» журналы – до 12 р., что тоже повлияло на увеличение числа читателей[473].

Структура издания была достаточно типичной для «толстых» журналов пореформенной эпохи: беллетристический отдел; информационные сообщения и аналитические статьи о российской жизни в отделах «Внутреннее обозрение» и «Очерки русской жизни»; научное и иностранное обозрения, а также обширный «Библиографический отдел».

В чем сходство и различие в образе известных популярных либеральных журналов, избранных мною, для выявления особенностей сконструированного ими образа региона? Как декларируемые изданиями ценности влияли на их восприятие реалий сибирской жизни?

Журналы выходили в двух столицах интеллектуальной жизни империи: «Вестник Европы» – в Санкт-Петербурге, «Русская мысль» – в Москве. В редактировании изданий принимали участие профессора ведущих российских университетов. Если в редакционном коллективе западнического журнала преобладали историки, то в «Русской мысли» сотрудничали преимущественно экономисты, например, С.А. Муромцев, А.И. Чупров и др.[474] Несмотря на то, что данные журналы выходили без предварительной цензуры, их редакторы ощущали на себе всю тяжесть цензурного гнета и в своей редакционной политике вынуждены были учитывать требования цензуры. В.Г. Короленко, редактировавший народническое «Русское богатство», знавший не понаслышке о хитросплетениях цензурной политики, сравнивал своего коллегу В.А. Гольцева с опытным лоцманом, который проводил журнал «без особенно чувствительных административных крушений, мимо опасных подводных рифов» российской цензуры[475]. Письма Г.И. Успенского В.А. Гольцеву из «проклятой Сибири» свидетельствуют о

[472] Объявление о подписке // РМ. 1886. № 12. Форзац.
[473] См.: **Ветринский Ч.В.**А. Гольцев // Памяти В. А. Гольцева… С. 60.
[474] ОР РГБ. Ф. 77. Карт. 23. Д. 1. Л. 40.
[475] **Короленко В.Г.** Памяти В.А. Гольцева // Памяти В.А. Гольцева…С. 114.

том, что опасения цензурного вмешательства в определенной степени влияли на выбор сюжетов и авторские оценки даже таких мастодонтов пореформенной журналистики, как Успенский[476].

Интересующие нас издания имели общий круг авторов, писавших на «сибирские темы». Среди них – сибиряк Н.М. Ядринцев, побывавшие в Сибири в исследовательских экспедициях В.И. Семевский, А.А. Исаев, политический ссыльный С.П. Швецов. Однако, несмотря на то, что большинство постоянных сотрудников «Русской мысли» так же, как и «Вестника Европы», не имело биографической связи с регионом, московский журнал сумел привлечь к сотрудничеству известных писателей и публицистов, творчество которых соотносилось читающей публикой с Сибирью – В.Г. Короленко, Г.А. Мачтета, Н.М. Астырева, С. Л.Чудновского, С.Я. Капустина. Именно на страницах «Русской мысли» увидели свет путевые очерки «по Сибири» классиков русской литературы Г. И. Успенского, А. П. Чехова, К. М. Станюковича.

Об актуальности «сибирской тематики» для публицистов рассматриваемого издания, в сравнении с другими окраинными регионами империи, свидетельствует данные таблицы 16.

Таблица 16

Количество статей, посвященных окраинным регионам России, в журнале «Русская мысль» (1880–1904 гг.)*

Окраины Российской империи	Кол-востатей	Число публикаций, посвященных окраинным регионам, %
Украина	10	12,3
Белоруссия, Литва, Северо-, Юго-Западный край	2	2,5
Царство Польское	10	12,3
Финляндия	3	3,7

[476] См.: Переписка Г.И. Успенского с В.А. Гольцевым (май–декабрь 1888 г.) // Архив В.А. Гольцева. М., 1914. С. 51–64.

Кавказ	12	14,8
Сибирь	27	33,4
Урал	7	8,7
Туркестанский край и Казахстан	10	12,3
Итого	81	100

*Сост. автором по: Указатель статей, помещенных в журнале «Русская мысль» (1880–1904 гг.). М., Б.г. В таблицу вошли только статьи, в названиях которых упомянуты топонимы или этнонимы, соотносящиеся с той или иной имперской окраиной.

Материалы таблицы свидетельствуют о том, что Сибирь входила в сферу интеллектуального притяжения журнала и, судя по количеству публикаций, из всех имперских окраин вызывала наибольший интерес его авторов и сотрудников.

Содержательный анализ публикаций о Сибири «Русской мысли» подтверждает высказанную мною ранее гипотезу о том, что образ региона, сконструированный журналами, выбор и интерпретация его авторами «сибирских вопросов» напрямую зависят от мировоззренческих ценностей, транслируемых изданием. Всемерная поддержка либеральных реформ относилась к числу основных идейных постулатов либеральной идеологии. Для публицистов журнала было характерно трепетное отношение к периоду активного реформирования империи в годы правления Александра II, шестидесятые годы рассматривались как своеобразная точка отсчета, как эталон общественной активности, с которым соотносились все последующие шаги интеллигенции. «Это было, когда в полном смысле слова открывались перспективы новой и чудной жизни зари русской жизни. Не мудрено поэтому, что все доброе, просвещенное, честное поистине ликовало», – вспоминал на страницах журнала известный экономист И.И. Иванюков[477].

Совпадая во взглядах о необходимости распространения либеральных реформ на сибирские губернии, журналы по-разному транслировали эту идею читателям. Если «Вестник Европы» с середины 1880-х гг. ограничивался публикацией сухих правительственных сообщений о

[477] См.: **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1894. № 5. С. 189.

подготовке появлении конкретных законодательных актов, касающихся региона[478], то «Русская мысль» в обзорах провинциальной прессы, в сообщениях «Внутреннего обозрения», показывая культурную отсталость региона в области медицины и образования, аргументировала идею создания в крае земских учреждений. Типичны до такой степени, что их можно назвать публицистическими клише, следующие реплики: «Введение земства в Сибири, бесспорно, является одной из насущных задач нашего времени»[479]; «Сибирь ждет земских учреждений, Сибирь ждет судебной реформы»[480].

Впервые на страницах «Русской мысли» вопрос о необходимости введения земских и судебных учреждений был поставлен в связи с празднованием трехсотлетия присоединения Сибири к русскому государству В.А. Гольцевым, бывшим тогда внутренним обозревателем журнала. «Эта страна, в течение трех столетий разделявшая судьбы русского государства, до сих пор находится как бы вне общегосударственной жизни. На ней не отразились реформы, которые были дарованы покойным Государем другим частям России, до сих пор она продолжает жить при невозможных дореформенных порядках… Между тем потребность в преобразовании местного строя весьма живо ощущается в Сибири. Местные городские думы и местная печать настойчиво указывают на необходимость скорейшего введения в крае земских учреждений и гласного суда»[481].

Именно как продолжение идей и идеалов, оформившихся в 1860-е гг., воспринималась борьба либеральных журналистов за развитие и территориальное расширение реформ. Основным свидетельством готовности региона к проведению либеральных реформ земские либералы считали специфический опыт развития общинного самоуправления, стремление населения к просвещению, чувство собственного достоинства у сибирских крестьян, не знавших крепостного права. *«Ссылка в Сибирь должна быть*

---

[478] См., например: Внутреннее обозрение: Судебная реформа в Архангельской губернии и в Сибири // ВЕ. 1896. № 6. С. 775–789; Внутреннее обозрение: Высочайшее повеление 6 мая, ссылка судебная и административная // ВЕ. 1899. № 6. С. 774–777 и др.
[479] Внутреннее обозрение // РМ. 1903. № 6. С. 235.
[480] **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1894. № 9.С.179.
[481] **В.Г.** [В. А. Гольцев] Внутреннее обозрение // РМ. 1883. № 1. С. 119.

уничтожена» – эти слова, как девиз, рефреном проходят через публикации, посвященные перспективам развития края. С.Л. Чудновский, оценивая колонизационное значение сибирской ссылки, констатировал: «Она деморализует и развращает сибирское общество. Пока существует ссылка, Сибирь не может не отставать в развитии своей гражданственности от метрополии»[482]. Общественным приговором имперской пенитенциарной системе стал «Остров Сахалин» А.П. Чехова, впервые опубликованный на страницах «Русской мысли» в 1893–1894 гг.

На рубеже XIX–XX вв., обозначая новые тенденции в сибирской жизни, изменившие социокультурный облик региона, «Русская мысль» включала отмену ссылки в перечень мер, способных изменить неполноправное положение региона в составе Российской империи. «Значительный приток свободных поселенцев, введение судебных уставов, обновление администрации, утверждение университета в Сибири – все это приняло характер сибирской жизни. Некогда пустынный и дикий, этот богатый край ныне вступил на тот путь нормального гражданского развития, о котором мечтал когда-то покойный Ядринцев», – обосновывал своевременность уничтожения ссылки в Сибирь ведущий рубрики «Внутреннее обозрение» в 1899 г.[483]

Даже после отмены ссылки продолжалось осмысление ее влияния на культурное развитие окраины. «Едва ли кто станет отрицать, что привхождение огромного ссыльного элемента в состав населения определило настоящее бесчестье Сибири», – читаем в апрельском номере «Русской мысли» за 1902 г. – Пусть каждый район берет на себя своих преступников. Рассеянные по всей Империи, они будут менее опасны, чем теперь концентрированные в Сибири, благодаря чему преступные элементы легче группируются, организуются, создают свое особое общественное мнение, повелительно диктующее преступный образ действия»[484].

---

[482] **Чудновский С.Л.** Колонизационное значение сибирской ссылки // РМ. 1886. № 10. С. 66.
[483] Внутреннее обозрение // РМ. 1899. № 6.С. 214.
[484] Внутреннее обозрение // РМ. 1902. № 4. С. 207.

Признавая за каждым человеком свободу религиозных убеждений, выступая за всемерное содействие светскому образованию и отделение школы от церкви, либеральные журналы не просто декларировали свои ценности, но и последовательно отстаивали их, выступая в защиту нуждающихся в общественной поддержке сибиряков. В 1891 г. «Русская мысль», вслед за газетой «Сибирская жизнь», выступила в защиту учительницы Греховой из Мариинска Томской губ., обвиненной протоиереем о.Беневоленским в проявлении антирелигиозного образа мыслей. Основываясь на свидетельстве инспектора народных училищ Добровольского, обозреватель провинциальной печати разоблачает клеветнический донос Беневоленского, характеризуя учительницу как хорошего педагога, любимого детьми и уважаемого родителями. «Последнее время излюбленным средством для того, чтобы отравить своему ближнему существование, стали доносы в антирелигиозном направлении. Хотят ли выжить с места какого-нибудь земского служащего, народного учителя или учительницу – сейчас донос по начальству: постов не соблюдает, уставов церкви не признает, в церковь редко ходит, и достаточно. В 99 случаях из 100 обвиняемый будет лишен огня и воды», – гневно обличал сомнительные достижения эпохи К.П. Победоносцева обозреватель «Русской мысли»[485].

Уже упоминалось о том, что образ Сибири как малоизвестной «внутренней России» страны был широко представлен в публикациях «Вестника Европы» 1860–1870-х гг. Данная характеристика образа региона продолжает встречаться в большинстве общественно-политических и отраслевых журналов начала 1880-х гг. Этот повторяющийся образ нашел отражение и в публикациях «Русской мысли». Большинство авторов, писавших о Сибири, обращали внимание на скудость и неточность представлений читающей России о ее зауральских окраинах. И. Левитов, делясь с читателями своими впечатлениями от поездки от Москвы до Томска, восклицал: «Боязнь и трепет пред Сибирью, которые многие питают

[485] Внутреннее обозрение // РМ. 1901. № 11.С.243.

к ней, лишены…смысла. Это объясняется только абсолютным незнанием Сибири и теми ложными сведениями, которые вкоренены у нас с детства»[486].

Чиновник Министерства государственных имуществ, принимавший участие в статистических обследованиях Восточной Сибири, Л.С. Личков писал в 1895 г. о необходимости разнопланового изучения региона в связи с проведением железной дороги, организации заселения восточных губерний. Фиксируя существование в общественном мнении стереотипных представлений о регионе, автор отмечает их условность, мифологичность и настаивает на некорректности распространения характеристик одних районов Сибири на другие. «Для многих Сибирь – золотое дно, и для многих она в то же время представляется какою-то однообразною, беспросветною, дикою лесной пустыней, где живут медведи да каторжники… А, между тем, она настолько велика и обширна и, уже по одному этому, настолько разнообразна, что характеристика человека, действительного знающего какую-нибудь одну только, хотя и довольно крупную, полосу Сибири в большинстве случаев, оказывается совершенно неподходящей, когда дело идет о какой-либо другой ее части…»[487].

Всестороннее исследование региона, более активное вовлечение его в коммуникативное пространство империи, просвещение населения Сибири мыслились земскими либералами как рецепт избавления окраины от общественных недугов. Совпадая с публицистами «Вестника Европы» в вопросе о необходимости привлечения образованных сибиряков для изучения региона, «Русская мысль» более настойчиво отстаивала идею покровительства сибирской периодической печати, считала ее одним из институтов сплочения провинциальной интеллигенции. Последовательный «шестидесятник», один из кумиров пореформенной молодежи, Н.В. Шелгунов, ведущий раздела «Очерки русской жизни», в 1880-е гг. писал о «молодой» периодике имперских окраин, в том числе и сибирской: «В этих

---

[486] **Левитов И.** От Москвы до Томска // РМ.1883. № 7. С. 3.
[487] **Личков Л.С.** Где правда? (К вопросу о «поездках» для исследования Сибири) // РМ. 1895. № 3. С. 107.

газетах чувствуется живая, страстная преданность своему делу и любовь к своему местному очагу, придающие этим органам не только известную силу убежденности, но и убедительность… Все это и понятно: не издательская спекуляция создала эти органы, их создала потребность защиты местных интересов, необходимость изучения местных нужд и особенностей, придающие каждой местности особенный характер и потому требующих особых законодательных и административных отношений»[488]. В своих ежемесячных обзорах Шелгунов гневно клеймил всякие попытки административного воздействия на провинциальных журналистов: «Если в Сибири корреспондента заковывают в кандалы и сажают в кутузку, это относится к дикости Сибири»[489]. Обращу внимание, что деятельность редакторов и сотрудников сибирских газет рассматривалась, с одной стороны, как высокая культурная миссия, с другой ─ как нелегкий, мало оплачиваемый труд, сопряженный с риском «остаться без куска хлеба». Профессия журналиста считалась опасной в «краю бюрократического всевластья», к ней, по мнению сотрудников «Русской мысли», способны лишь люди, преданные своему делу[490].

К числу безусловных заслуг сибирской газетной прессы земские либералы относили не только воспитание интеллигенции имперской окраины, но и борьбу печатных изданий со злоупотреблениями местных властей, вынужденных теперь считаться с «бумагой, испещренной типографскими красками». «Если Сибирь и теперь страна произвола и насилия, то нужно себе представить, что же было десять лет назад… Прямое, мужественное оглашение в печати наших сибирских горестей повело к тому, что явился страх перед общественным мнением, а за этим последовала большая осторожность в деяниях и уменьшение, так сказать, напряженности злоупотреблений. Всякий куроцап-самоуправец начал бояться не только ока грозного начальства, но и этих „корришпондентов“, которые постепенно

[488] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни // РМ. 1886. № 1. С. 128.
[489] Там же. № 11. С. 131.
[490] См., например: **Иванюков И.И.** Очерки русской жизни // РМ. 1894. № 7. С. 105.

заводились, а теперь завелись везде, даже на самых дальних углах сибирской тайги», – читаем в провинциальном обозрении «Русской мысли»[491].

Подобно «Вестнику Европы», издание земских либералов выстраивало свою галерею образов «героев» Сибири – людей, воплощавших лучшие характеристики сибирской интеллигенции, среди которых выделялись А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев[492]. Показательно, что авторы биографических очерков не стремились к созданию однозначно положительных, пафосных характеристик, не идеализировали сибирских патриотов, упоминая и о девиациях в их поведении (например, склонности А.П. Щапова к алкоголизму в последние годы его жизни, обстоятельства смерти Н.М. Ядринцева). Биографами настойчиво подчеркивалось влияние исторических обстоятельств, перипетий эпохи на судьбы своих героев. В.И. Семевский, например, замечал: «При других условиях Ядринцев мог бы сделаться заправским ученым, но у нас он стал выдающимся публицистом, и эта форма деятельности дала ему более сильное и широкое влияние в Сибири, чем могла бы дать специально ученая карьера; в своих статьях и книгах он учил все сибирское общество, всю сибирскую молодежь знать и любить свою родину, гуманно относиться ко всему ее разнообразному населению, без различия происхождения и вероисповедания, служить интересам народа…»[493] Очевидно, что, оценивая заслуги Ядринцева перед родиной, историк акцентировал внимание именно на том наборе качеств, которые должны быть присущи современному общественному деятелю.

На рубеже XIX–XX вв. «Русская мысль» публикует серию статей о пребывании политических ссыльных в Сибири[494]. На примере судеб декабристов, а также М.Л. Михайлова, К.М. Станюковича формировался новый элемент образа региона – *Сибирь как место ссылки всех оппонентов*

---

[491] Там же. № 3. С. 159.

[492] См.: **Семевский В.И.** Несколько слов в память Николая Михайловича Ядринцева // РМ. 1895. № 1. С. 29–37; **Алексинский Г.** Историк-публицист Афанасий Прокопьевич Щапов // РМ. 1901. № 8. С. 64–75.

[493] **Семевский В.И.** Несколько слов в память Николая Михайловича Ядринцева // РМ. 1895. № 1. С.37.

[494] См., например: **Белозерский Н.** От Петербурга до Нерчинска: Новые материалы для биографии поэта М. Л. Михайлова // РМ. 1902. № 12. 53–71; Рец. на кн.: Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири // РМ. 1896. № 6. С. 249–251; **Некрасова Е.С.** Константин Михайлович Станюкович. Его поездка и жизнь в Томске // РМ. 1903. № 10. С. 141–170.

царского режима. Мы уже упоминали о том, что восприятие Сибири как места страдания за идею, как удел свободолюбивых и критически мыслящих личностей характерно для XIX в., об этом свидетельствуют многочисленные произведения художественной литературы, мемуары и эпистолярии современников. Примечательные строки читаем в воспоминаниях жены Гольцева о пребывании с будущим редактором «Русской мысли» в 1876 г. в Англии: «Вестминстерское аббатство своею могучею красотою, с бесчисленными памятниками великим людям страны, указывало нам, как культурная нация помнит и чтит достойных сыновей своей страны, в то время как наши выдающиеся люди гибли, забытые в тюрьмах и на каторге, в далекой Сибири»[495]. Поэтизация страданий героев борьбы с режимом порождала преимущественное внимание к описанию тяжелых условий пребывания в крае, но одновременно с этим акцентировала способность «героев» преодолевать трудности и в вынужденной неволе находить достойное приложение своим силам, вызывать уважение и преклонение окружающих сибиряков.

Как и большинство общественно-политических периодических изданий пореформенной эпохи, либеральные журналы уделяли большое внимание «переселенческому» вопросу. При очевидном сходстве позиций «Вестника Европы» и «Русской мысли», выступавших за всестороннее государственное и общественное содействие мигрантам, регулярно информировавших власть и общественное мнение о недостатках в организации «переселенческого дела», можно выявить некоторые разночтения в интерпретации переселенческого вопроса. Публицисты «Вестника Европы» основное внимание уделяли анализу правовой базы переселенческого движения, описанию путевых условий и особенностей устройства аграрных мигрантов на «новых местах». На страницах «Русской мысли» наиболее активно обсуждались причины сельскохозяйственных переселений, публиковались программы и результаты земских обследований мигрантов, активно

[495] ОР РГБ. Ф. 77. Карт. 23. Д. 1. Л. 10.

рецензировалась литература по «переселенческому вопросу», в том числе и популярного характера[496].

С позиций выяснения мировоззренческих ценностей «Русской мысли» показательна следующая реплика, иллюстрирующая причины обращения журнала к проблемам крестьянских миграций: «О переселении писалось у нас в последние годы столько, что даже боишься повторять эту старую и всем известную историю. Но, должно быть, старая история еще все-таки мало известна, потому что каждая журнальная статья о переселении читается с новым интересом, точно читателю открывают Америку. И эта Америка, как видно, в действительности еще не открыта, иначе нечем объяснить, что переселение остается „вопросом“, пока разрешаемым „собственными средствами“, лишь одними мужиками. Судя по прогрессу, который сделал этот вопрос, предоставленный разрешению лишь деревне, можно рассчитывать, что если мужик подзаймется переселением еще лет двести, то, может быть, и организует его в стройное, упорядоченное явление»[497].

С удивительным единодушием авторы журнала отстаивали тезис о предпочтительности вольнонародной колонизации восточных окраин, доказывая, что Россия „создалась“ переселениями на восток раньше, чем завоеваниями на юг, запад и северо-восток[498]. Пытаясь понять ритмы народной жизни, формирующие миграционную мотивацию и влияющие на миграционную активность крестьян, сотрудники издания активно обращались к свидетельствам самих крестьян, публиковали их письма, записи бесед с переселенцами[499]. Редакция «Русской мысли» стремилась

---

[496] См., например: **Никольский А.** Подробности аграрного вопроса в черноземной России // РМ. 1880. № 12. С. 61–122; **Григорьев В.Н.** Переселение крестьян Рязанской губернии // РМ. 1884. №№ 1–5; **Он же.** Программа для исследования переселенческого движения на местах выхода переселенцев // РМ. 1884. № 6. С. 62–76; Внутреннее обозрение // РМ. 1889. № 10. С 216–222; Внутреннее обозрение // РМ. 1893. № 2. С. 176–178; Внутреннее обозрение // РМ. 1896. № 3. С. 183–187; Внутреннее обозрение // РМ. 1896. № 12. С. 202–207; **Вокач Н.** Переселенческое дело // РМ. 1892. № 8. С. 65–83; Рец. на кн.: Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае» // РМ. 1890. № 3. С. 113–115; Рец. на кн.: Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь в связи с историей заселения Сибири» // РМ. 1902. № 6. С 184–186; Рец. на кн.: Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири // РМ. 1903. № 7. С. 231–234 и др.

[497] **Шелгунов Н.В.** Очерки русской жизни // РМ. 1887. № 1. С. 256.

[498] Внутреннее обозрение // РМ. 1890. № 6. С. 199.

[499] См., например: **Успенский Г.И.** Письма переселенцев: Заметки о текущей народной жизни // РМ. 1891. № 1. С. 202–220.

оказывать действенное гуманитарное и информационное содействие крестьянам-переселенцам посредством публикации объявлений и отчетов о деятельности обществ помощи нуждающимся переселенцам; рекламы книг и сообщений о крупных благотворительных акциях в пользу мигрантов[500].

Содержательный анализ статей «Русской мысли», в том числе и по переселенческому вопросу, позволяет предположить популярность централистских идей среди авторов издания. Не случайно Н.М. Ядринцев в набросках своей автобиографии замечал, что в столице даже такие сторонники провинции, как Шелгунов, являлись „централизаторами“[501]. «Историческая необходимость, по нашему мнению, будет непрерывно распространять русский язык, постоянно сплавлять великоросса, малоросса и белоросса в единый народ. Железные дороги, расходясь от центра к окраинам государства, перемешивают население, усиливая торговые сношения, сглаживая местные различия. Наука и искусство объединят нас всех бесконечно любовнее и крепче, если такому объединению не будут содействовать усиленные мероприятия», – писал внутренний обозреватель в одном из первых номеров журнала[502]. Выступая против наиболее одиозных мероприятий «обрусителей», идеологи журнала в рассматриваемый период поддерживали проект создания «большой русской нации». Например, А.И. Чупров считал, что правильно организованное переселенческое движение в сибирские губернии может решать две важнейшие экономические и политические задачи – поднятие и оживление окраин нашего отечества и образование одного национального целого на всем протяжении империи[503].

Понимание региона как особенной, но, тем не менее, органичной, неотъемлемой части империи породило такой компонент образа региона, как *Сибирь – зеркало России.* Информирование читающей публики о Сибири

---

[500] См., например: Анонс книги «Путь–дорога»: научно-литературный сборник в пользу общества нуждающихся переселенцев // РМ. 1893. № 8. С. 353–355; Внутреннее обозрение // РМ. 1893. № 11. С. 182–183; **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1894. № 9. С. 167–169; Рец. на кн.: Всеволодская О.В. Помощь переселенцам: Повести и рассказы // РМ. 1894. № 11. С. 527–528.

[501] **Ядринцев Н.М.** К моей автобиографии // РМ. 1904. № 6. С. 166.

[502] Внутреннее обозрение // РМ. 1880. № 7. С. 50.

[503] См.: **А.Ч.** [Чупров А. И.] Крестьянские переселения в Сибирь // РМ. 1895. № 8. С. 95.

рассматривалось не только как средство привлечения общественного внимания к нуждам края, но и как способ борьбы с социальными бедами всей России. Демонстрация злоупотреблений сибирской администрации, «всяких безобразий местного кулачества и всяческих грабежей, охвативших и разорявших эту неимоверно богатую страну, всецело находившуюся во власти местного чиновничества»[504], использовалась земскими либералами как материал для доказательства общности проблем социально-экономического и социокультурного развития пореформенной России. В этом смысле примечателен образ, предложенный С.Я. Капустиным: «Итак, современная Сибирь – не дочь ли России, во всем похожая на родную мать, с тою только разницей, что последняя, как взрослая, умеет скрывать многие свои недостатки, а первая этому еще не выучилась?»[505] Возможно, именно для того, чтобы Сибирь смогла избежать неправильных, с точки зрения авторов издания, линий развития, журнал последовательно выступал против проекта введения в регионе помещичьего землевладения. «Создать обстановку, благоприятную для успехов помещичьего хозяйства в Сибири посредством затруднения переселений – это значит пожертвовать насущными интересами многих миллионов» – один из многих тезисов против проектов продажи дворянам сибирских земель[506]. «Развитие в Сибири крупного частного землевладения противоречит началам государственной переселенческой политики», – лейтмотив многочисленных публикаций журнала по данному вопросу[507].

Вопрос о развитии в регионе крупного частного землевладения являлся одним из принципиальных для издания, большинство авторов которого были сторонниками развития общинного самоуправления. Для характеристики оценки общины земскими либералами сошлемся на программное заявление «Русской мысли», сформулированное В.А. Гольцевым и опубликованное в первом номере журнала: «Защищая общину, „Русская мысль“ будет стоять за

[504] Рец. на собрание сочинений Н.И. Наумова // РМ. 1898. № 2. С. 51.
[505] **К[апус]тин С.** Зеркало России (По поводу книги Ядринцева «Сибирь как колония») // РМ. 1883. № 1.С. 29.
[506] Внутреннее обозрение // РМ. 1895. № 4. С. 144.
[507] См., например: Внутреннее обозрение // РМ. 1893. № 4. С. 159–167.

её постепенное превращение в свободный союз на основе общинного землевладения, выдвигая вперед артельное начало, наше издание выше всего поставит честный личный труд»[508]. Признавая приоритет индивидуального начала над коллективным, либералы «Русской мысли» в то же время отмечали, что община «стесняет личный почин», подчеркивая государственно-экономическое значение общинного землевладения, видели в ней потенциал для воспитания правовой культуры и социальной активности крестьян. «Образованная и самоуправляющаяся община» была идеологическим ориентиром для сторонников земского конституционализма. Либералы «Вестника Европы» видели в общине препятствие для достижения реального освобождения крестьян, тормоз для динамичного развития капиталистических отношений, но при этом отмечали эффективность общинного землевладения с точки зрения реализации налоговой политики государства.

Интерес к общинной тематике был предопределён всем предшествующим развитием русской общественной мысли, начиная со времени общественной рефлексии по поводу теории официальной народности, дискуссий западников и славянофилов. Для интеллигенции 1880-х гг. отношение к общине было одним из индикаторов определения собственной социальной и политической идентичности, «модным вопросом» для обсуждения, знание которого свидетельствовало об общественно-политической компетентности собеседника. Сама же община рассматривалась поколением, ищущим своё место в эпоху безвременья, как объект изучения и культурной работы, знакомство с которым поможет проникнуть в глубины народной жизни, даст возможность взглянуть на ближайшие перспективы русской жизни «глазами мужика». Изучение сибирской общины, по мнению публицистов журнала, давало простор для компаративистских изысканий современников, рефлексирующих по поводу истории русской общины и размышляющих над ее перспективами: «Известно, что Сибирь представляет собой богатый материал для исследования общины не только в ее неподвижном

[508] **В.Г.** [Гольцев В. А.] Внутреннее обозрение // РМ. 1880. № 1. С. 69.

состоянии, но и в историческом развитии. Там сохранились такие формы землевладения, которые считаются исчезнувшими и могут быть восстановлены в других местах лишь по догадкам. Наряду с этим мы находим в Сибири разнообразие форм и типов землевладения, соответствующего более поздним фазисам заселения страны и меньшему земельному простору. На основании современных данных можно наблюдать сам процесс перехода от одних форм землевладения к другим и в результате изучение сибирских общинных порядков может дать ключ к раскрытию истории общинного землевладения»[509].

Усиление коммуникационных взаимодействий между Сибирью и Европейской Россией в результате крестьянский миграций оценивалось публицистами «Русской мысли» как эффективный способ трансляции российских общинных традиций на сибирскую почву. «Рассейский» мужик является бессознательным политическим строителем и творцом общинного уклада, как утверждал, например, Н.В. Шелгунов[510]. Можно предположить, что централистская тенденция «Русской мысли» проявлялась и в позиции журнала в дискуссии о существовании специфического социокультурного типа «русских сибиряков». На страницах «Русской мысли» была опубликована статья Н.М. Астырева «Очерки быта населения Восточной Сибири», вызвавшая большой резонанс в периодической печати[511]. В отличие от идеалистических характеристик сибирских крестьян, распространенных в народнической печати, Николай Михайлович описывает сибиряка плохим сыном церкви, законченным индивидуалистом, неспособным к проявлению альтруистических чувств, склонным к эксплуатации себе подобных и т. д. В качестве критерия сравнения и здесь выступает крестьянин Европейской России как более нравственный и цивилизованный.

О степени популярности других «сибирских» вопросов в значительной степени моделировавших предлагаемый читателям «Русской мысли» образ региона, свидетельствуют данные таблицы 17.

---

[509] **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1895. № 3. С. 178–179.
[510] **Шелгунов Н.В.** Очерки русской жизни // РМ. 1888. № 1. С. 171.
[511] См.: **Астырев Н.М.** Очерки быта населения Восточной Сибири // РМ. 1890. № 7. С. 66–79, № 9. С. 71–100.

Не менее актуальным, чем проблемы и перспективы развития крестьянского самоуправления, для публицистов «Русской мысли» был «инородческий» вопрос, о чем свидетельствуют материалы таблицы 17.

Таблица 17

Количество публикаций по «сибирской» тематике в журнале «Русская мысль» (1880– 1904 гг.)*

Тема	Публицистические статьи и художественные тексты	Материалы «Внутреннего обозрения» и обзоров провинциальной печати	Рецензии на книги о Сибири
Переселенческий вопрос	8	23	11
Сибирская ссылка	6	5	9
Необходимость проведения судебной и земской реформ	2	14	3
«Инородческий» вопрос	2	3	18
Железнодорожное строительство и промышленное развитие региона	4	10	7
Сельское хозяйство и сельское самоуправление	4	10	5
Развитие культуры, образования и медицины	6	10	41

*Сост. автором на основе сплошного просмотра публикаций журнала 1880–1904 гг.

Содержательный анализ публикаций по «инородческому вопросу» позволяет выделить следующие сюжеты, активно обсуждавшиеся современниками.

1. Сибирские «инородцы» как представители «другой», «чужой» и малоизвестной русским культуры, которая нуждается в изучении, описании и покровительстве. Достаточно конкретно познавательная мотивация, объясняющая интерес к жизни и быту сибирских народов, сформулирована в отзыве «Русской мысли» о «Якутских рассказах» В.Л. Серошевского: «Жизнь чужих народов и стран представляется в высшей степени любопытною во всех ее изображениях, в виде путешествий, этнографических очерков и беллетристических рассказов. Наибольший же интерес должны возбуждать описания таких стран и народов, которые вошли в состав «нашей земли» и, тем не менее, остаются для нас чужими. Таких рассказов, особливо же написанных живо и талантливо, очень немного, и нет, кажется, государства в цивилизованном мире, где бы образованнейшие классы общества имели столь скудные сведения о своем отечестве, как то мы видим в России»[512]. Более осознанно и аргументированно необходимость всестороннего изучения «инородческого» населения в колонии, «когда-то инородческой по преимуществу», обоснована Н.М. Ядринцевым, предложившим следующие смыслы такой работы: 1) огромный с точки зрения этнографии и антропологии потенциал «азиатских народностей», позволяющий реконструировать этническую историю Евразийского континента; 2) этнологическое значение для выявления особенностей этно- и расогенеза специфики межэтнических взаимодействий русского и аборигенного населения региона; 3) необходимость выявления причин сокращения численности «инородцев» и выяснения способов оказания им необходимой помощи[513]. Декларируя научную и социальную востребованность изучения коренных народов Сибири, как народнические, так и либеральные публицисты сетовали на фрагментарность и определенную поверхностность современных им исследовательских работ по обозначенной теме. В частности, сибиряк С.Я. Капустин замечал, что

[512] Рец. на кн.: Серошевский В.Л. Якутские рассказы // РМ. 1895. № 4.С. 154–155.
[513] **Ядринцев Н.М.** Инородцы Сибири и их вымирание // РМ. 1883. № 3. С. 81–82.

большинство «наезжих исследователей» судят о населении края на основе увиденного в недолговременных поездках, распространяя сведения, добытые на отдельных «окраинах Сибири», на всю территорию региона. «Что могли сказать эти люди относительно как сибирского инородца, языка которого они не знали, так и про русскую семью, приютившуюся около этих инородцев? Что они могли написать верного относительно подробностей быта основной массы сибирского крестьянства, скученно населившего запад и средину Сибири? Ведь они видели его только из тарантаса, несясь с быстротою 20-ти верст в час, с пятиминутными остановками на станциях», – писал Капустин, называя результаты исследований таких «экскурсантов» «химерической этнографией»[514]. Как более информативные расценивались наблюдения исследователей, не только непосредственно на протяжении длительных промежутков времени наблюдавших реалии повседневной и праздничной культуры аборигенов, но и «вживавшихся» в изучаемую среду, живших в иноэтничном окружении[515].

Примечательно, что изучение особенностей материальной культуры и повседневного быта как инородческого, так и русского населения региона рассматривалось как полидисциплинарная тема, область предметных интересов этнографии, экономики, социологии и других наук. Так, обозреватель библиографического отдела замечал, что хозяйственный быт инородцев ─ вопрос, одинаково интересный и для этнографов, и для экономистов[516]. В рецензии «Русской мысли» на книгу Я.П. Дуброва «Женщина у монголо-бурят» актуализируется важность исследования с точки зрения современной социологии, интересующейся всеми фактами первобытной жизни у племен, стоящих на низких ступенях развития, в связи

[514] **К[апус]тин С.Я.** Зеркало России. С. 14.
[515] Рец. на кн.: Кон Ф. Сказки из сибирской действительности // РМ. 1902. № 9.С. 288–289.
[516] Рец. на кн.: Записки ЗСОРГО. Кн. 27. // РМ. 1901. № 3. С. 62.

с чем инородческое население представляет громадный, почти еще не тронутый материал[517].

Публицисты «Русской мысли» подчеркивали общность социально-экономических проблем русского и аборигенного населения региона. В рецензии на собрание сочинений сибирского писателя Н.И. Наумова для обозначения этих проблем употребляется примечательная метафора – «паутина», опутавшая крестьян и инородцев, сплетенная местными чиновниками и кулаками, грабежи и бесчинства которых «разоряют эту неимоверно богатую страну»[518]. «Подача каких-либо прошений и заявлений о незаконных поступках низших чинов администрации преследуется, как действие „скопом“, зачинщики оказываются обвиненными к „подстрекательству к бунту“ и попадают в остроги, и все остается „шитым и крытым“, и громадная страна, запуганная и задавленная произволом, молчит, стало быть, благоденствует. Молча она разоряется, молча вымирают от голода племена инородцев», – с горечью продолжает автор рецензии[519]. Из текста очевидно, что в качестве действенного способа борьбы с «вековой паутиной» обозреватель «Русской мысли» рассматривает информирование читающей публики о злоупотреблениях сибирской администрации и «бесчинствах» местного кулачества. Автор ежемесячных «Очерков провинциальной жизни» названного журнала, известный экономист И.И. Иванюков подчеркивал роль местной периодической печати в борьбе за улучшение положения инородцев, приводя в качестве примера публикации «Сибирского листка»[520].

Социальная направленность позиции либеральных публицистов по «инородческому вопросу» проявляется и в демонстрации отрицательного влияния ссылки на экономическое и культурное развитие аборигенов. Так, резко критикуя составителей «Памятной книжки Якутской области» (1896 г.)

---

[517] Рец. на кн.: Дубров Я.П. «Женщина у монголо-бурят» // РМ. 1885. № 7.С. 33.
[518] Рец. на: Собрание сочинений Н.И. Наумова // РМ. 1898. № 2. С. 51.
[519] Там же. С. 52.
[520] **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1892. № 11.С.189–190.

за тезис о том, что ссыльные знакомят якутов с русским бытом, приемами хозяйствования, сотрудник «Русской мысли» ратовал за скорейшее избавление «далекого края» от «ссыльно-поселенческой заразы». «Как поучительны должны быть для якутов повествования острожников, как благодетельно острожное влияние отражается на „духовном мире“ детей природы, как обогащается якутский язык острожным жаргоном, как способствует духовному подъему якутов ознакомление их с острожными песнями и острожными нравами», – едко иронизировал анонимный рецензент[521].

В числе причин сокращения численности аборигенного населения авторы журнала единодушно называли плохие медико-санитарные условия жизни. «Следя за автором за всеми жалкими формами жизни сибирских инородцев, можно положительно придти в ужас от их положения: они не только лишены обычных удобств жизни, но нередко и самого необходимого. Остяки и самоеды совсем лишены, например, медицинской помощи. К автору не раз обращались за исцелением в таких случаях, которые порождают только одно отчаяние. Например, гниение руки, сухотка и т.п.», – писал литературный обозреватель «Русской мысли» в 1882 г.[522]

Информируя общественное мнение о тяжелых условиях жизни и быта сибирских «инородцев», рассказывая мыслящей России о культурной «инакости», самобытности аборигенов, либеральные и народнические публицисты последовательно предлагали преобразования, способные улучшить положение коренных народов имперской окраины. Нами не выявлено существенных разночтений между либералами и народниками в понимании основных приоритетов, с учетом которых должна строиться политика государства в отношении сибирских „инородцев“. Система самого широкого народного образования, преподавание в школах на родном языке, свободный доступ детям „инородцев“ в средние и высшие учебные

[521] Рец. на кн.: Памятная книжка Якутской области на 1896 г. // РМ. 1896. № 4. С. 171.
[522] Рец. на кн.: Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финша и А.Брэма // РМ. 1882. № 5. С. 39.

заведения, освобождение бедствующих инородческих племен от эксплуатации их русским населением, реформы в сфере административного управления и самоуправления „инородцев“, распространение на них полной гражданской равноправности – таковы требования либеральных журналистов «Русской мысли»[523].

Примечательно, что публицисты предлагали свои варианты консолидации общественных усилий в деле помощи нуждающимся «инородцам». Например, рецензируя историко-статистический очерк А.Ф. Плотникова «Нарымский край», литературный обозреватель «Русской мысли» присоединяется к идее автора очерка о целесообразности создания общества помощи инородцам – «общества покровительства вымирающим людям». «Для того, чтобы дать „инородцам“ вздохнуть спокойнее, поднять их энергию к жизни, пробудить надежды в лучшее будущее, следует прийти к ним на помощь во имя спасения народности, ради братства и человеколюбия», – приводимая в рецензии мотивация информативна не только с точки зрения выявления отношения умеренно оппозиционной интеллигенции к «инородческому» вопросу, но и для реконструкции системы ценностных ориентаций мыслящей России пореформенной эпохи[524]. В числе конкретных направлений деятельности общества и государства называется следующее: создание передвижных школ; освобождение от уплаты ясака и других казенных сборов за умершие души; от ремонта храмов; избавление аборигенов от эксплуатации торговцами, приобщение «инородцев» к земледелию.

Показательно, что публицисты не только предлагали способы содействия аборигенам окраинных губерний, но и рефлексировали по поводу ее действенности, достаточно часто ссылаясь на публикации сибирских газет. Например, И.И. Иванюков в своем обзоре провинциальной печати в 1892 г. привел следующий фрагмент из «Сибирского листка»: «Не может ли

[523] Рец. на кн.: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение // РМ. 1892. №3. С. 122.
[524] Рец. на кн.: Плотников А.Ф. Нарымский край //РМ. 1902. № 8. С. 255.

инородец с полным правом сказать: «Да, я дик и глуп… Я почти не в состоянии отличить правду от лжи, добро от зла…Я веду жизнь в грязи и на холоде, ем вместе с собаками, иногда не зная, чем наполнить свой желудок, а мне предлагают креститься и ничего более. Меня всячески эксплуатируют и ощипывают с разных сторон русские и зырянские кулаки, я околеваю от стужи и голода или живьем сгниваю от сифилиса… Та же участь ожидает и моих детей…А мне в утешение говорят, что я вымираю…Пусть так, но делали вы что-нибудь, чтобы поставить меня в иные условия, чем те, о которых сказано выше? Не заботились ли вы совершенно об обратном? Сделайте же хоть что-нибудь в моих интересах и тогда говорите о вырождении»[525].

2. «Зачем я не дикарь?»: романтизация образа инородца в пореформенной журналистике. Отношение к коренным народам региона как к не испорченным европейской цивилизацией дикарям, варварам, нуждающимся в заботе, опеке, просветительском воздействии и изучении, характерно для либеральных и народнических публицистов. Во многом это объясняется господствующей в этнографии второй половины XIX в. теорией эволюционизма. В рецензии «Русской мысли» на этнографические очерки В.Г. Тана их автор сравнивается с пушкинским Алеко, бежавшим из цивилизованных стран, чтобы отдохнуть от зрелища безумия, насилия, порабощения человека человеком, «всей той страшной путаницы, из которой нет выхода, но с которой невозможно и примириться»[526]. По мнению рецензента, уход к «диким сынам природы» подарил автору душевный покой. Сомневаясь в корректности сравнения вынужденной ссылки, которую отбывал народник В.Г. Богораз-Тан в Якутской области, с добровольным, осознанным побегом от цивилизации, обращу внимание на наличие в тексте рецензии бинарных оппозиций «природа – цивилизация», «дикарь (дитя природы) – европеец (порождение цивилизации)». Пагубное влияние

[525] **Иванюков И.И.** Очерки провинциальной жизни // РМ. 1892. №11. С. 189–190.
[526] Рец. на кн.: Тан В.Г. Очерки и рассказы. // РМ. 1902. № 4. С.102–103.

бесчестных торговцев и похитителей скота на искренних и простодушных кочующих «инородцев» – основной социальный пафос рассказа Д. Кантигрова «Богатыри»[527]. «Зачем я не дикарь?» – устами одного из героев своей книги вопрошал детский писатель К.Д. Носилов, фиксируя наличие в общественном мнении мифологического образа «инородца». При описании жизни аборигенов сибирского Севера автор с ностальгией замечал: «Жаль только одного, что мы не можем всего этого видеть и наблюдать, потому что комнаты и книги скрыли от нас эту жизнь...»[528]. Замечу, что романтизация сибирских «инородцев» была вообще характерна для русских интеллектуалов пореформенной эпохи, побуждая многих из них к серьезным этнографическим исследованиям. Примечательна в этой связи реплика в одном из писем Д.А. Клеменца: «Мечтаю зимой уехать к инородцам, но мечта, кажется, не осуществится. Скажу по совести, что эти сибирские дикари нравятся мне гораздо более многих из моих соотечественников и рано или поздно я поживу между ними»[529].

Внимательное прочтение текстов по избранной проблематике делает очевидной противоречивость образа сибирского «инородца» в пореформенной публицистике: с одной стороны, привлекательно-романтический «дикарь, дитя природы», с другой – невежественный и иногда враждебный переселенцам обитатель осваиваемой имперской окраины. Вторая ипостать обозначенного образа актуализировалась крайне редко, как правило, в связи с описанием проблем переселенческого движения, связанных с устройством переселенцев на «новых местах». Так, внутренний обозреватель «Русской мысли» сообщал о конфликте между татарами-конокрадами и переселенцами Канского уезда Енисейской губернии, отмечал, что причина конфликта – конокрадство татар – повсеместный бич крестьянского населения. Отмечу одну важную деталь.

---

[527] См.: **Кантигров Д.** Богатыри: Из быта минусинских инородцев // РМ. 1903. № 7. С. 94–118.
[528] Рец. на кн.: Носилов К.Д. В снегах // РМ. 1901. № 8. С. 259.
[529] Цит. по: **Дубенская Е.Д.** А. Клеменц // Каторга и ссылка. 1930. № 5. С. 175.

Сообщая об избиении крестьянами татар-конокрадов, автор заметки упоминал о том, что переселенцы прятали в домах во время погрома «честных» татар[530].

Об отражении в повести В.Л. Серошевского «В сетях» сложных отношений между политическими ссыльными и якутами повествует рецензент «Русской мысли» в июньском номере 1898 г. В числе причин трагического взаимного непонимания ссыльного Александра и его соседа – зажиточного якута – ведущий «Библиографического отдела» называет, как и современные исследователи национального вопроса в императорской России, конфликты из-за земельных угодий и культурные различия[531].

О двойственности образа сибирского «инородца» свидетельствуют прилагательные, употребляемые при его характеристике: «простые», «наивные», «милые», «беззаботные», но при этом «лживые» и «тупые»; «ловкие», «смелые», но «ленивые» и «беспомощные». Очевидна противоречивость и ситуационная обусловленность приведенных оценочных суждений, свидетельствующая лишь о различиях в ментальных и этнических стереотипах участников межэтнических коммуникаций. В данном случае трудно не согласиться с мнением С. Соколовского о том, что «размышления о „других“ гораздо больше сообщают о „нас“, нежели о „них“, являясь, по существу, проекцией коллективного „Я“ на непознанное социальное окружение. Нас повседневно окружают разнообразные „иные“, ─ однако их инаковость не существует сама по себе; она является для нас, в полном соответствии с психологией проекции, каждый раз завися от нашего автостереотипа и высвечивая наши собственные ценности и предрассудки. Мы проецируем на "соседей" все те черты (отрицательные и положительные), которые есть у нас, но нами отвергаются»[532].

---

[530] Внутреннее обозрение // РМ. 1902. № 6.С.191–193.

[531] Рец. на кн.: Серошевский В. В сетях // РМ. 1898. № 6. С. 225– 226.

[532] **Соколовский С.В.** Категория «коренные народы» в российской политике,законодательстве и науке. Режим доступа: www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm.

Итак, либеральные журналы открывали новые имена писателей, исследователей, впоследствии ставших классиками отечественной этнографии и способствовавших «литературному освоению» «инородческих» окраин, при помощи рецензий активно анонсировали появление исследовательских работ по этнографии коренных народов Сибири, стимулируя интерес у читающей публики к истории, этнографии и социально-экономическому положению аборигенов края. При этом нам не удалось выявить расхождений между позициями либералов и народников по изучаемому вопросу, что может свидетельствовать о том, что «инородческий» вопрос в Сибири был одной из точек сближения, схождения либеральной и либерально-народнической доктрин.

Публикации «Русской мысли», так же как и других либеральных и народнических изданий[533], посвященные сибирским «инородцам», с одной стороны, выполняли информативную функцию – сообщали читателям об этнографических особенностях аборигенного населения региона, с другой – формировали в общественном мнении сочувственное отношение к бедствиям и несчастьям инородцев, порождаемых внешними историческими обстоятельствами.

Данные таблицы 17 свидетельствуют о том, что одним из приоритетных сюжетов для журнала «Русская мысль» являлось развитие здравоохранения в сибирской провинции. Внутренние обозреватели журнала сообщали о насущной потребности региона в медицинском персонале, приводили примеры распространения эпидемических заболеваний, разоблачали невежество населения в санитарно-гигиеническом отношении[534]. «Смрад, зловоние находящейся тут же в помещении выгребной ямы, чад от плохо устроенных печей, крайне испорченный воздух от отсутствия

---

[533] Более подробно см.: **Родигина Н.Н.** «Жаль, что комнаты и книги скрыли совсем от нас эту жизнь»: «Инородческий вопрос» в Сибири на страницах либеральных и народнических журналов рубежа XIX–XX вв. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. С.46–51.

[534] См., например: Внутреннее обозрение // РМ. 1902. № 10. С. 235–236; Внутреннее обозрение // РМ. 1903. № 6. С. 234–235.

вентиляции и скученности людей производят у свежего человека головную боль даже после кратковременного пребывания» – ужасающие подробности о томской больнице для душевнобольных, в которой нередки были побои пациентов, сообщал журнал в 1895 г.[535] Не более оптимистично описывается положение участковой медицины в крае в конце XIX – начале XX в. В письме сибирского врача, подписавшего статью криптонимом «С.Ф.У.», констатируется неудовлетворительное состояние медицинского дела в Иркутской губернии, объясняющееся большой протяженностью участков, отсутствием земской медицины, нехваткой медицинских работников[536]. Всестороннее развитие бесплатной медицины – вот рецепт спасения населения региона от болезней, предлагаемый авторами «Русской мысли».

3. «Кажется, ни один уголок России не имеет такой разнохарактерной репутации, как Сибирь»[537]. Сопоставление содержания публикаций на «сибирские темы» в народнических журналах «Русское богатство» и «Северный вестник» с вариантом их освещения в либеральной «Русской мысли» позволяет судить о сходстве, а в большинстве случаев и единстве позиций данных изданий по ключевым вопросам «сибирской жизни». Можно предположить две причины выявленного единодушия: 1) во многом общий круг авторов; 2) общность идеологических установок изданий, отразившаяся и на содержании репрезентируемого ими образа региона.

Анализ публикаций на «сибирскую тематику» в двух авторитетнейших изданиях пореформенной России позволяет прийти к следующим выводам по поводу содержания образа региона в сознании русских либералов:

1. В 1860 – начале 1880-х гг. Сибирь представлялась либеральным интеллектуалам малоизвестной колонией (западнический «Вестник Европы») или окраиной империи (земско-либеральная «Русская мысль»), нуждающейся во всестороннем изучении, просвещении населения, приобщении его к достижениям европейской цивилизации.

---

[535] Внутреннее обозрение // РМ. 1899. № 12. С. 193–195.
[536] См.: **С.Ф.У.** Заметка об участковых (сельских) докторах в дальней Сибири // РМ. 1902. № 9. С. 134–140.
[537] Рец. на кн.: Финш О. и Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь //РМ. 1882. № 5.С. 37.

2. С конца 1870 – начала 1880-х гг. с усилением малоземелья в европейской части империи и с ростом крестьянских переселений в Сибирь регион начинает рассматриваться либеральной публицистикой как основной и наиболее перспективный район миграционного притяжения. Считая вольнонародную колонизацию основной движущей силой территориального и ментального расширения русского государства, либералы выступали за легализацию переселений и всестороннюю государственную и общественную поддержку аграрным мигрантам.

3. В течение всего пореформенного периода регион воспринимался либералами как место бюрократического всевластия, край беззакония, «дореформенных порядков» и господства «мироедов» (под которыми понимались кулаки, купцы-ростовщики, хозяева золотых приисков и др.). К числу основных способов борьбы с «язвами» сибирской жизни авторы проанализированных изданий относили: распространение на регион действия судебной и земской реформ, отмену ссылки и уравнение, таким образом, в правовом отношении Сибири с другими провинциями «внутренней России»; развитие местной периодической печати и общественной активности сибирской интеллигенции, устройство университета и широкое строительство школ как для русского, так и для аборигенного населения края, общественный контроль за соблюдением законности местными властными структурами.

4. Признавая право личности на свободу совести, либеральные публицисты отстаивали принцип свободы вероисповедания для коренного населения сибирских губерний. Однако при этом считали, что добровольное обращение в христианство ─ лучший способ просвещения сибирских «инородцев», критиковали вмешательство властей в миссионерскую деятельность церкви.

5. При обозначении статуса Сибири в составе русского государства авторы либеральных изданий придерживались разных позиций. «Вестник Европы» чаще интерпретировал отношения Центра и Сибири как отношения

колонии и метрополии (особенно активно в 1860 – начале 1880-х гг.), среди авторов «Русской мысли» преобладали сторонники централизаторских идей, рассматривающих регион как не лишенную своеобразия имперскую окраину. С середины 1880 – начала 1890-х гг. под влиянием строительства Сибирской железной дороги, увеличения переселенческого движения, изменения места региона в геополитических стратегиях самодержавия и его внутренней политике публицистами активнее начинают обсуждаться мероприятия, способствующие более органичному включению региона в социально-экономическое и коммуникационное пространство империи, среди которых: интенсивное строительство путей сообщения, активное развитие промышленности и торговли, расширение сети медицинских, культурных и образовательных учреждений, уравнение правового статуса Сибири с регионами Европейской России.

2.3. Образ региона на страницах народнических изданий

Как воспринимали Сибирь народники-реформисты, при помощи каких метафор они фиксировали свои преставления, делая их достоянием читающей империи? Какие именно реалии сибирской жизни привлекали внимание народнических публицистов? В каких контекстах актуализировался образ региона? Как и под воздействием каких факторов он эволюционировал? Приведенный перечень вопросов очерчивает то проблемное поле, которому посвящен данный раздел.

Предметом нашего анализа стали журналы, имеющие среди современников и историков репутацию народнических изданий и самоидентифицировавшие себя в качестве таковых: «Русское богатство» и «Северный вестник»[538].

На наш взгляд, можно выделить следующие группы причин, предопределивших особое внимание народнических публицистов к Сибири,

[538] Учитывая специфическую историю «Северного вестника», эволюционизировавшего от либерально-народнического к модернистскому изданию, я сочла необходимым проанализировать содержание образа региона на разных этапах истории издания, для выявления влияния идеологической ориентации журнала на транслируемые им представления о регионе.

а также во многом детерминировавших содержание образа региона на страницах народнических изданий: ментально-географические, идеологические, биографические. Под ментально-географическими причинами в данном случае понимается познавательный интерес современников к малоизвестной окраине, обладающей в массовом сознании противоречивой репутацией.

К числу идеологических причин можно отнести пристальное внимание народников к таким проявлениям «народной жизни», как переселенческое движение, судьбы русского народа в новых природно-климатических, социальных, этнокультурных условиях жизни. Определяющее значение имела и популярная в народнической среде идея «областничества». В отличие от традиционного для сибирской историографии определения данного термина, литературовед Г.А. Бялый, исходя из контекста изучаемой эпохи, вслед за народниками, понимал под областничеством интерес к провинции, культурническую деятельность народнической интеллигенции по ее изучению и просвещению, своеобразную замену «хождения в народ»[539]. Зарождение областничества исследователь относит ко второй половине 1870-х гг., когда на страницах журналов «Отечественные записки» и «Дело» развернулась дискуссия о взаимоотношениях столицы и провинции, о литературе центральной и местной, о направлении деятельности интеллигенции (к центру или окраинам). В ходе этой дискуссии были определены ключевые постулаты народнического областничества: стремление изучить и «оживить» провинцию, создать новые культурные очаги, а в конечном итоге подготовить почву для широкого демократического движения. Такому широкому пониманию областничества не противоречат и суждения классиков сибирского областничества. Н.М. Ядринцев в письме к Н.К. Михайловскому отмечал, что областная идея или служение народу появилась и возбуждала жизнь «изнутри», из провинции в

[539] **Бялый Г.А.** В.Г. Короленко. Л., 1983. С. 95.

земцах, областных писателях и местных деятелях[540]. Областной вопрос, по его мнению, «явился не из теории, а из практических требований самой русской жизни, эти требования нашли себе только подходящую теорию в западническом роде, согласуя лучшие идеалы со своими местными нуждами, с желанием служить народу своей области, находясь космополитами во всех других отношениях, они совместили и любовь к своей местности и населению[541]. Интерпретацию сибирского областничества как региональной разновидности народнического движения встречаем в работах современного сибирского исследователя М.Г. Колокольцева[542].

Актуальность провинциальной проблематики для народнических толстых журналов наглядно отражается не только в «говорящих» названиях статей, но и в том, что она легла в основу рубрикации, конструируя образ самого издания. «Областной отдел» – так назывался в «Северном вестнике», имевшем традиционную структуру пореформенных ежемесячных журналов, второй отдел, включавший в себя обозрение текущих событий в России и за рубежом, литературную критику, рецензии. Еще более усиливало декларацию «провинциальной» ориентации издания наличие постоянного раздела «Из провинциальной печати», название которого делало самоочевидным характер помещаемой в нем информации. «Провинция – это вся Россия. Столичные обыватели составляют менее 2% общего населения государства и несомненно, что фон русской жизни, это жизнь провинции», – писал обозреватель провинциальной печати «Северного вестника»[543].

Таким образом, востребованность «сибирской» тематики в народнической публицистике связана с идеологическим, идентификационным постулатом народников-реформистов – интересом к «таинственным недрам народной жизни»[544] (метафора одного из идеологов областничества К.В. Лаврского) и к провинции, позволяющей открыть эти «недра».

---

[540] ИРЛИ. Ф. 181 (Н.К. Михайловский). Оп. 1. Д. 806. Л. 2 об.
[541] ИРЛИ. Ф. 181 (Н.К. Михайловский). Оп. 1. Д. 806. Л. 2.
[542] См.: **Колокольцев М.Г.** Сибирское областничество как региональная разновидность народничества // Образование и социальное развитие региона. Барнаул. 2002. № 3–4. С. 168–171.
[543] Из провинциальной печати // СВ.1893. № 1. С. 30.
[544] **Бялый Г.А.** В.Г. Короленко. С. 97.

Не менее значимо и то обстоятельство, что большинство сотрудников редакций, задававших тон в указанных мною изданиях, были биографически связаны с регионом, о чем свидетельствует таблица 18.

Таблица 18

Биографическая связь с Сибирью авторов и сотрудников редакции народнических журналов на рубеже XIX–XX вв.*

Ф.И.О., годы жизни	Название журнала, в котором сотрудничал	Обстоятельства пребывания в Сибири	Место и годы пребывания в Сибири
1	2	3	4
Анненский Н.Ф. (1843–1912)	«Русское богатство»	Место учебы и социализации, ссылки	Западная Сибирь (Омск)
Астырев Н.М. (1857–1894)	«Северный вестник»	Место профессиональной деятельности в качестве заведующего Иркутским статистическим бюро	Восточная Сибирь (1888–1890)
Белоконский И.П. (1855-1931)	«Северный вестник»	Ссылка за связи с революционными народниками	
Богораз–Тан В.Г. (1865–1936)	«Русское богатство»	Ссылка за участие в деятельности радикально народнических организаций	Восточная Сибирь (1889–1899)
Вологодский П.В. (1863–1928)	«Русское богатство»	Место рождения, социализации, профессионального становления и место жительства	Западная и Восточная Сибирь (Томск, Красноярск, Омск)
Гарин-Михайловский Н.Г. (1852–1906)	«Русское богатство»	Служебная командировка в связи со строительством Сибирской железной дороги	Западная Сибирь (1891)
Голубев П.А. (1855–1912)	«Северный вестник»	Ссылка за участие в деятельности народнических организаций	Западная Сибирь (1886 -)
Дубровина Е.О. (1845–1913)	«Русское богатство»	Место рождения и социализации	Восточная Сибирь
Елпатьевский С.Я. (1854–1933)	«Русское богатство»	Ссылка за связи с революционными народниками	Восточная Сибирь (1884–1886)
Иванчин-Писарев А.И. (1849—1916)	«Русское богатство»	Ссылка за участие в народническом движении	Западная Сибирь (1881–1889)
Исаев А.А. (1850–1919)	«Северный вестник»	Исследовательская экспедиция для ознакомления с состоянием переселенческого дела	Западная Сибирь (1888)

Кауфман А.А. (1864–1919)	«Северный вестник»	Служебные командировки для проведения статистических обследований хозяйственного быта крестьян	Западная Сибирь (1887–1888; с 1894–1903 гг. ─ ежегодно)
Клеменц Д.А. (1848 – 1914)	«Русское богатство»	Ссылка за участие в деятельности радикально народнических организаций	Восточная Сибирь (1879 – середина 1890-х гг.)
Короленко В.Г. (1853–1921)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Ссылка за связи с революционными народниками	Западная и Восточная Сибирь (Якутия) (1881 – 1884)
Кривенко С.Н. (1847–1906)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Ссылка за членство в организации «Народная воля»	Западная Сибирь (1886–1890 гг.)
Мачтет Г.А. (1852–1901)	«Северный вестник»	Ссылка за связи с революционными народниками	Западная Сибирь (1879–1884)
Семевский В.И. (1848/49 – 1916)	«Русское богатство»	Исследовательская экспедиция по изучению истории золотопромышленности в Сибири, организованная по инициативе И.М. Сибирякова	Восточная Сибирь (1892)
Станюкович К.М. (1843–1903)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Ссылка за связи с революционными народниками	Западная Сибирь (Томск) (1885–1888)
Успенский Г.И. (1843–1902)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Литературная экспедиция	Западная Сибирь (1888)
Филимонов Ф.Ф. (1862 – 1920)	«Русское богатство»	Ссылка за участие в студенческом движении, место жительства	Западная Сибирь, Восточная Сибирь (1887 – 1920)
Чудновский С.Л. (1849 – 1912)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Ссылка за участие в народническом движении	С 1878 г.
Швецов С.П. (1858–1830)	«Русское богатство», «Северный вестник»	Ссылка за участие в народническом движении	Западная Сибирь (1880–1914)
Шелгунов Н.В. (1824 – 1891)	«Северный вестник»	Поездка для организации побега с каторги своего друга поэта М.Л. Михайлова	Восточная Сибирь (1862 –1863 гг.)
Южаков С.Н. (1849 –1910)	«Северный вестник»,	Ссылка	Восточная Сибирь (1879 –1881)

	«Русское богатство»		
Якубович-Мельшин П.Ф. (1860–1911)	«Русское богатство»	Каторга	Восточная Сибирь (1887–1899)

*Сост. по: **Балуев Б. П.** Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982; Литературная Сибирь: Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири. Иркутск, 1986. Ч. 1; Отечественная история с древних времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1996. Т.2.

Представленная таблица свидетельствует о том, что значительная часть редакционного коллектива и наиболее известных авторов народнических изданий знали о Сибири не понаслышке, имели собственные впечатления о регионе. Большинство авторов, освещавших «сибирские вопросы» и «делателей» легальных народнических изданий, познакомились с реалиями сибирской жизни во время пребывания в ссылке. Предполагаю, что содержание впечатлений зависело не столько от самого факта вынужденного знакомство с регионом, сколько от индивидуальных, социально-психологических, возрастных характеристик публицистов. Понимая, что выявление факторов, детерминирующих особенности индивидуального восприятия образа региона, является предметом специального изучения, приведем несколько примеров, характеризующих разницу в представлениях ссыльных о регионе. Так, у С.Я. Елпатьевского место ссылки вызывало ужас, провоцировало безнадежную тоску, усугублявшуюся безлюдьем. Сибирская тайга, с романтическим восхищением воспринимавшаяся В.Г. Короленко, Елпатьевским в отдельных очерках описывалась как «огромное и пустое ничто», ревущее «угрожающим воем» как «расходившийся, растревоженный зверь»[545].

Схожие ассоциации встречаем в путевых заметках К.М. Станюковича: «Трудно представить себе что-нибудь однообразнее и унылее этой широкой, разлившейся на необозримые пространства реки с её низкими, затопленными лесистыми берегами. Куда ни взглянешь – все та же беспредельная тайга по

[545] **Венгеров С.** Елпатьевский Сергей Яковлевич. Режим доступа: http: // www.hi-edu.ru/Brok/01060131.htm; **Литвинова В.И.** Художественное отражение Сибири в очерках С. Я. Елпатьевского. Режим доступа: http://www.russofile.ru/articles/article_59.php

обе стороны… Безлюдье полное… Становилось просто жутко. Тоска невольно охватывала приезжего человека. Неужели здесь можно жить?»[546] Сосланный писатель называл Сибирь страной «маленьких «сатрапчиков» в образе разных заседателей и прочих полицейских цивилизаторов», краем «богатых и прогорающих золотопромышленников, бандитов легальных, разных кулаков местного произрастания и бандитов нелегальных – рыцарей острога и каторги»[547]. Страной «полнейшего произвола», где законы «не имеют почти никакого значения», местом «царствования гоголевских типов, преимущественно Сквозняков-Дмухановских», на фоне которых «как блудящие огоньки, мелькают люди интеллигенции», только пускающей «ростки на сибирской почве», именовал в своих путевых очерках И.П. Белоконский[548]. Ощущением тоски и безысходности было проникнуто пребывание Г.А. Мачтета в Тобольской губернии. «Оставаться здесь я, конечно, не думаю, – писал он перед отъездом из Сибири в 1885 г. – Это было бы просто ужасно!.. Прожить в яме, холодной, глухой, чуждой мне по всему, прожить в ней пять лет и затем остаться жить в ней добровольно – может только мертвый человек»[549]. Как «настоящее складочное место российской драмы» воспринимал Сибирь уже упомянутый мною Короленко[550]. Другой вариант отношения к «стране изгнания» демонстрирует жизненный сценарий Д.А. Клеменца, увлеченного изучением этнографии и антропологии аборигенов Сибири и добровольно прожившего в регионе несколько лет после окончания срока ссылки[551]. Не мачехой, а второй родиной назвал Сибирь в своих воспоминаниях С.Л. Чудновский[552].

Отношение ссыльных литераторов к Сибири эволюционировало с течением времени, менялось под влиянием как личностных обстоятельств

---

[546] **Станюкович К.М.** В далёкие края // Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. С. 324–325.
[547] Там же. С. 240–241.
[548] **Белоконский И.П.** По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 230–231.
[549] Цит. по: **Физиков В.М.** Г.А. Мачтет в сибирской ссылке // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Омск, 1968. Вып. 36. С. 60.
[550] См.: **Боброва Л.Е.** Рассказ В.Г. Короленко «Убивец» // Вопросы русской литературы. Омск, 1972. С. 8.
[551] **Белоконский И. П.** Дань времени: Воспоминания. М., 1928. С. 296.
[552] **Чудновский С. Л.** Из давних лет: Воспоминания. М., 1934. С. 266.

(возраста, особенностей социального опыта и др.), так и в зависимости от интенсивности информационных взаимодействий с населением сибирских окраин (обмен эпистоляриями с сибиряками, корреспонденции в периодической печати о жизни «страны изгнания», обсуждение общественным мнением законопроектов, касающихся края). Например, в письмах Короленко из ссылки можно увидеть разные варианты отношения к Сибири, во многом детерминированные самой ситуацией ссылки, однако спустя годы он писал (1911 г.): «Во время скитаний моих в Сибири я успел полюбить и теперь часто вспоминаю эту суровую страну великих будущих возможностей»[553].

Попутно замечу, что у пореформенных публицистов, приезжавших в восточные губернии в исследовательские или литературные экспедиции, встречаем схожие варианты восприятия края. Приглашенный генерал-губернатором Восточной Сибири для организации статистических обследований Н.М. Астырев писал в письме Короленко из Иркутска в 1888 г.: «Сибирь, может быть, и прекрасная страна, но вместе с тем – она страна забвения. Горе затерявшимся в ее тайге, тундрах и степях!.. О них слишком скоро забывают их близкие, оставшиеся там, по ту сторону „Камня“»[554].

Рассмотрим, как моделировался образ региона на страницах народнических журналов, выделим в нем общие и особенные черты, постараемся увидеть «внеидеологические» составляющие социокультурных мифов о Сибири, бытовавших в общественном мнении и массовом сознании россиян пореформенной эпохи.

«Сибирь – якорь спасения России»? Образ региона в интерпретации журнала «Русское богатство»

---

[553] Цит. по: **Храбровицкий А.** Неопубликованные воспоминания В.Г. Короленко о Сибири // Сибирские огни. 1962. № 10. С. 173.

[554] Цит. по: **Куклина Е.А.** Н.М. Астырев и В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 97.

Журнал «Русское богатство» начал выпускаться с 1876 г. сначала в Москве, а затем в Петербурге малоизвестным издателем Н.Ф. Савичем. Первоначально журнал выходил три раза в месяц и был посвящен экономическим вопросам, сельскому хозяйству, торговле и промышленности. В конце 1870-х –1880-х гг. журнал переходил из рук в руки, его нельзя было отнести к числу популярных. Но с января 1880 по 1 марта 1881 гг. ситуация изменилась: он начал издаваться народнической артелью, включавшей в себя таких талантливых публицистов, как С.Н. Кривенко, Н.Н. Златовратский, Н.Ф. Анненский, Г.И. Успенский, А.М. Скабичевский, В. М. Гаршин, Н.И. Наумов, А.Н. Плещеев. Официальным издателем была С.Н. Бажина[555]. Приверженность редакционного коллектива народническим идеалам определяла тематику и содержание журнальных публикаций, делая предметом обсуждения такие аспекты пореформенной российской действительности, как: крестьянская община, деятельность органов земского самоуправления, подвижнические усилия интеллигенции по просвещению народа и преобразованию окружающего мира на гуманных и демократичных основаниях. Примечательно, что, несмотря на блестящий авторский состав, тираж издания был достаточно невелик – 700 экземпляров[556]. На наш взгляд, данное обстоятельство во многом можно объяснить успешной конкуренцией «Отечественных записок», а с середины 1880-х гг. «Северного вестника», ориентированных на ту же читательскую аудиторию, что и «Русское богатство», объединяющую критически мыслящих потомков поколения «кающихся дворян». При этом названные издания имели общий круг авторов. Примечательно, что «Отечественные записки» были закрыты 20 апреля 1884 г. в связи с тем, что вокруг них «группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией»[557]. В данном случае имелись в виду, прежде всего, Н.К.

[555] РГИА. Ф. 777. Оп. 3 (1879). Д. 35 (II). Л. 3; ОР РНБ. Ф. 1029 (Е. Д. Максимов). Д. 88. Л. 2 – 2об.
[556] История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. проф. А.В. Западова. 3-е изд., исправленное. М., 1973. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text3/06.htm.
[557] **Жирков Г.В.** История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 163.

Михайловский и С.Н. Кривенко, в начале 1890-х гг. возглавившие «Русское богатство».

Возвращаясь к предмету нашего исследования, заметим, что сплошной просмотр номеров «Русского богатства» за 1880–1881 гг. позволяет утверждать, что сибирская проблематика ещё не была актуальной для публицистов журнала, несмотря на то, что в его редакционный состав входили сибиряки Н.И. Наумов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, изредка помещавшие там свои статьи[558]. Сибирь ещё не включалась публицистами артельного журнала в социально значимое коммуникативное пространство, основной территорией их геополитических и социокультурных интересов была европейская часть Российской империи.

Размышляя о причинах индифферентности авторов издания к сибирским реалиям можно предположить, что большинство публицистов «Русского богатства» начала 1880-х гг. биографически ещё не были связаны с регионом. Сама же малоизвестная народническим публицистам сибирская действительность, вероятно, почти не притягивала их внимание потому, что её мало коснулись реформаторские преобразования 1860–1870 гг.: на Сибирь не были распространены ни земская, ни судебная реформы, крестьянская реформа незначительно изменила образ жизни сельского населения края. Регион не был ареной ярких социальных потрясений и ещё не являлся сферой приоритетных социально-экономических и геополитических интересов правительства.

События 1 марта 1881 г. существенно повлияли на состав авторского коллектива издания. Ужесточение цензуры, усиление охранительных тенденций во внутренней политике правительства и актуализация традиционалистских и консервативных ценностей и идеалов в общественном мнении привели к тому, что многие публицисты покинули журнал, вследствие чего он начал терять свою популярность. Официальным

---

[558] См., например: **Наумов Н.И.** Горная идиллия // РБ. 1880. № 5. С. 145–170; № 6. С. 113–128; № 7. С. 115–138; **Потанин Г.Н.** Поездка в Дархаты: Путевые картины // РБ. 1880. № 12. С. 115–154; **Ядринцев Н.М.** Сибирская Швейцария: Из путевых записок об Алтае // РБ. 1880. № 8. С. 47–66.

редактором «Русского богатства» с апреля 1881 г. становится поэт и библиограф П.В. Быков. В конце 1882 г. журнал был продан философу Л.Е. Оболенскому, который пытался сохранить либерально-народническое направление издания. Однако общие тенденции в развитии общественного мнения и периодической печати в период консервативной модернизации сказались не только на содержании журнальных публикаций, но и на структуре издания. Беллетристика отходит на второй план, в соответствии с „вкусовыми“ и профессиональными пристрастиями владельца журнала главное место на его страницах занимают научный и философский отделы, причем философско-нравственные и религиозные рассуждения захватывают и литературно-критические статьи[559]. Однако именно в период редакторства Л. Е. Оболенского на страницах издания начинают появляться систематические упоминания о Сибири. Любопытны контексты, в которых первоначально конструируется образ региона. В драме известной писательницы, деятельницы женского движения, сибирячки Е.О. Дубровиной «Каторжница» о судьбе женщины, в юности убившей помещика за попытку изнасилования, Сибирь фигурирует как *место ссылки*[560].

В одном из сюжетов раздела хроники «По внутренним вопросам», посвященном пересмотру и кодификации семейного законодательства, упоминаются сибирские аборигены (буряты, самоеды, вогулы, остяки), у которых нормы обычного права в отношении разводов гораздо гуманнее, чем имперский «Свод законов»[561]. Таким образом, актуализируется характерная для общественного мнения XIX в. руссоистская оппозиция мира цивилизации со всеми его пороками и «естественного» мира аборигенов Сибири. Примечательно, что в этой оппозиции в пореформенной публицистике народнического толка цивилизация чаще всего изображается с отрицательными коннотациями.

---

[559] История русской журналистики XVIII–XIX вв. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text3/06.htm#з_22
[560] См.: **Д-вина Е.** [Дубровина Е.О.] Каторжница (Материалы драмы) // РБ.1884. № 1. С. 73–104.
[561] См.: **Тютрюмов И.** По внутренним вопросам: По поводу пересмотра кодификации гражданских законов// Русское богатство. 1884. № 3. С. 692–706.

Противопоставление социальных институтов и норм поведения инородцев русским как более естественных, гуманных встречается и в других публикациях журнала. Так, в очерке Л.Х. Хохряковой о голоде вогулов (манси. – *Н.Р.*) виновными в страданиях аборигенов называются русские, нарушившие традиционный уклад жизни и хозяйственной деятельности коренного населения региона. «Зверь не вернется, если русские не уйдут. А они крепко засели, совсем надвинулись на нас, взяли последние реки. Настроили домов, поставят заводы. От стука их топоров лес заговорил, зверь испугался и убежал. Им нужно золото и нет дела до нас. Они пойдут дальше и дальше, врежутся между нашими юртами», – слова шамана, героя очерка, выражают основной пафос публикации[562]. Причем виновниками нарушения экологического равновесия называются власти, обложившие аборигенов тайги ясаком, и купцы–скупщики пушнины. Примечательна метафора *«дикарь-инородец, пасынок Сибири»*[563], отчетливо выражающая восприятие автором сибирских аборигенов и являющаяся отражением межэтнических стереотипов. Первые публикации «Русского богатства» по «инородческому» вопросу ставили под сомнение существующую в общественном мнении мифологему, транслировавшуюся через учебную литературу по истории и географии, консервативные и либеральные периодические издания о цивилизующем воздействии русских колонизаторов на аборигенное население края, стоящее на более низких ступенях эволюционного развития.

В конце 1880-х гг. в журнале начинают появляться аналитические статьи и информационные сообщения, посвященные аграрным миграциям в Сибирь. Примечательно, что проблемы переселенческого движения рассматривались через призму интересов населения Европейской России, то есть речь шла о проблемах, связанных с выселением крестьян из «внутренних» губерний. Так, В. Бирюков, перечисляя причины крестьянских переселений (малоземелье, хищническое лесопользование, ухудшение

[562] **Симонова Л.** [Хохрякова Л. Х.] Голод // РБ. 1884. № 5–6. С.188.
[563] Там же. С. 186.

качества земельных угодий, отсутствие дополнительных заработков), отмечал пагубное влияние слухов об «обетованных местах» на социальное поведение крестьян: «Мечтающие о переселении и ожидающие его крестьяне начинают вести свое хозяйство, спустя рукава. Иногда уверенность в близости этого вожделенного времени настолько велика, что целые семьи и даже деревни продают свой скот, инвентарь, зерно, нужное для посевов… Бывают же случаи, когда и сами крестьяне, без нужного на то разрешения, снимаются со своих мест, чтобы затем быть настигнутыми полицией и водворенными на прежнее место жительства»[564]. Автор с негодованием писал о деятельности мошенников, наживающихся на слабой информированности крестьян о районах миграционного притяжения, о пассивности власти в отношении регулирования переселенческого движения. Особый интерес представляют приводимые на основе тематической подборки материалов провинциальной прессы сведения об образе Сибири в массовом сознании русских крестьян. Для его описания автор использует такие маркеры, как «вольные земли», «обетованная земля». Неизвестная крестьянам, но влекущая их территория наделяется следующими характеристиками: «там диких кабанов ловят таких, что 12 пудов сала на них, а леса страшные такие, из четырех дерев и хата»; «у кого была пара лошадей, тому пара и там, у кого корова – и там корова» и др.[565] При этом Сибирь соотносится с самыми неожиданными топонимами. Так, крестьяне Курской губернии, собираясь переселяться в Китай, подразумевали под ним сибирские земли. Колоритна приводимая в анализируемой публикации реплика одного из потенциальных мигрантов: «Была Китайка, да остался после её смерти вот сын и подарил нашему царю землю. Дядькой ему приходится наш царь, вот на эту землю и зовут всех»[566].

На рубеже 1880–1890-х гг. Сибирь начинает вызывать и самостоятельный интерес народнических публицистов, сотрудничавших с

---

[564] **Б-ъ В.** [Бирюков] Внутреннее обозрение // РБ. 1887. № 10. С. 220.
[565] Там же. С. 219.
[566] Там же. С. 218.

«Русским богатством»: появляются рецензии на научно-популярные и художественные произведения о регионе[567]; сообщения, касающиеся отдельных аспектов экономической и культурной жизни края[568]. В поле зрения сотрудников журнала попадают такие сюжеты, как потребность Сибири в высших технических учебных заведениях; формирование еврейского населения на восточной окраине; влияние на экономические интересы сибирских купцов закона 21 мая 1889 г. о беспошлинном ввозе морским путем отдельных иностранных товаров в Сибирь; протест сибирских виноторговцев против введения государственной монополии на торговлю табаком и водкой. На страницах издания затрагивается вопрос об особенностях региональной самоидентификации сибиряков, по сути свидетельствующий о признании культурной самобытности населения сибирской провинции. Симптоматична реплика рецензента работы В.И. Межова «Сибирская библиография» о том, что сибирская молодежь в своей любви к отечеству часто возвышается до явного славянофильства[569]. Полный оптимизма и надежд на будущее образ новой Сибири очевиден из стихотворения популярнейшего поэта Ф.Ф. Филимонова, присланного из Красноярска и опубликованного в журнале в августе 1891 г.:

…Здесь сердца, как природа, свободны,
Здесь надеждой на счастье живут,
Лишь бы не были нивы бесплодны,
Ведь – колосья на них расцветут,
Расцветут и на жатве обильной
От посева плодов не сберет –
Только тот, кто в тревоге бессильной
Эти темные дни проведет[570].

---

[567] См., например: Рец. на кн.: Уманский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге // РБ. 1888. № 4. С. 211–212; Рец. на сборник «Сибирские рассказы из жизни приискового люда» // РБ. 1888. № 5–6. С. 273; Рец. на кн.: Межов В.И. Сибирская библиография // РБ. 1891. № 10. С. 224 и др.

[568] См., например: **Бирюков В.** По внутренним вопросам: Итоги минувшего года // РБ. 1889. № 2. С. 219–221; **Лякуб П.** Судьбы еврейских земледельческих колоний в России // РБ. 1889. № 12. С. 153–191.

[569] Рец. на кн.: Межов В.И. Сибирская библиография. С. 224.

[570] **Филимонов Ф.Ф.** Из сибирских напевов // РБ. 1881. № 8. С. 48.

Приведенный перечень тематизмов позволяет предположить, что образ региона, представленный на страницах «Русского богатства», был сложным, многослойным. Сибирь ассоциировалась с местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянством территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим на ней поселиться; провинцией с активно формирующимся региональным самосознанием.

Пик популярности сибирской проблематики в «Русском богатстве» совпадает с общепризнанным современниками и историками расцветом издания, приходится на начало 1890-х гг. и связан с переходом «Русского богатства» в руки новой редакции. В 1892 г. номинальными издателями журнала становятся Е.М. Гаршин, затем Н.В. Михайловская, в действительности журнал переходит в коллективную собственность товарищества народнических публицистов[571]. С этого времени издание становится общепризнанным легальным органом народников и редактируется С.Н. Кривенко (до 1894 г.) и Н.К. Михайловским при официальных редакторах П.В. Быкове и С.П. Попове. С 1896 г. в редактировании журнала принимает участие В.Г. Короленко. В журнале сотрудничают С.Н. Южаков, Н.Ф. Анненский, В.И. Семевский, С.Я. Елпатьевский, К.М. Станюкович. С точки зрения изучаемой темы важен тот факт, что биография почти всех перечисленных писателей и публицистов была связана с Сибирью. С.Н. Кривенко, В.Г. Короленко, С.Н. Южаков, К.М. Станюкович, С.Я. Елпатьевский, И.П. Белоконский, С.Л. Чудновский отбывали ссылку в сибирских губерниях. Будучи в ссылке с регионом познакомились «пайщики» журнала В.В. Лесевич и А.И. Иванчин-Писарев. В Сибири прошло детство Н.Ф. Анненского и П.В. Вологодского, автора очерка о

[571] ИРЛИ. Ф. 266 (Архив журнала «Русское богатство»). Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Там же. Д. 2. Л. 67–67 об.

судебной реформе в Сибири, впоследствии одного из лидеров правительства Колчака[572].

Для «Русского богатства» 1890-х гг. была характерна внутренняя структура традиционная для большинства аналогичных изданий пореформенной эпохи. Журнал делился на два раздела: в первом печатались художественные произведения, объемные авторские исторические и публицистические статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам современности; во втором – хроника текущих событий (раздел «Из хроники внутренней жизни»); рецензии (раздел «Новые книги»), обзор зарубежных событий (раздел «Иностранное обозрение»); литературная критика; письма читателей; реклама новых книг и объявления о подписке на газеты и журналы.

Проведенный нами сплошной просмотр номеров «Русского богатства» с 1880 по 1904 г. свидетельствует о том, что статьи и сообщения о Сибири появлялись во всех тематических рубриках издания, за исключением «Иностранного обозрения». Книги регистрации гонораров сотрудникам журнала за 1892–1904 гг., хранящиеся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), показывают, что «сибирские сюжеты» в рубриках «Хроника внутреннего обозрения», «Новые книги» освещали преимущественно люди, имевшие непосредственный опыт знакомства с жизнью края[573].

Анализ рекламных объявлений свидетельствует о том, что в период подписных компаний редакция преимущественно помещала на своих страницах информацию о профессиональных и провинциальных периодических изданиях. При этом в 1890-е гг. «Русское богатство» активно рекламировало такие сибирские газеты, как «Сибирский вестник», «Сибирская торговая газета», «Сибирь». Подписная цена на журнал была достаточно демократичной и в конце 1890-х гг. с доставкой и пересылкой

---

[572] **Шишкин В.И.** К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.). Режим доступа: http://www.zaimka.ru/01_2003/shishkin_omsk/

[573] ОР РНБ. Ф. 211 (А. Г. Горнфельд). Д. 1252-1260.

составляла 9 р., без доставки – 8 р. Об авторитете «Русского богатства» и его популярности в России свидетельствовал высокий тираж издания, в 1890-е гг. доходивший до 14 000[574]. Итоги подписной компании журнала за 1902–1904 гг. показывают, что подавляющее большинство читателей журнала – иногородние подписчики, то есть провинциальная Россия[575].

Работы специалистов по истории библиотечного дела свидетельствуют о популярности «Русского богатства» в Сибири, о наличии его в городских и частных библиотеках региона[576]. Письмо писателя Н.И. Наумова из Томска к С.Н. Кривенко 9 сентября 1893 г. дает некоторое представление о сибирской аудитории журнала: «„Русское богатство“ все более и более приобретает симпатии к себе в читающей публике. Его читают преимущественно перед „Вестником Европы“ и „Русской мыслью“, об остальных журналах и поминать нечего. Читают его профессора, студенты… начинают читать и лучшие люди из чиновного мира»[577].

Материалы таблицы 19 позволят увидеть тематические приоритеты сибирского журнального дискурса «Русского богатства», предопределившие структурные и содержательные элементы образа Сибири в интерпретации либеральных народников.

Таблица 19

Публикации, посвященные сибирской тематике, на страницах журнала «Русское богатство» (1880–1904 гг.)*

Тема	Кол-во публикаций

[574] См.: **Есин Б.И.** История русской журналистики (1703–1917). М., 2001. С. 63.
[575] РГАЛИ. Ф. 1668 (Редакция журнала «Русское богатство»). Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
[576] См., например: **Бердников Л.П.** Из истории городских библиотек Енисейской губернии. Режим доступа: http://www.krasu.ru/exlibris/; **Он же.** Из истории общественных библиотек города Красноярска // Там же; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2001. Т. 2. С. 109 и др.
[577] Неизвестные письма Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 158.

Переселенческий вопрос	25
Сибирская ссылка	17
Судебная реформа	5
Обоснование необходимости земской реформы	2
«Инородческий» вопрос	18
Железнодорожное строительство и развитие путей сообщения	11
Промышленное развитие	9
Сельское хозяйство и общинная жизнь	26
Развитие культуры и образования	22

* Подсчитано автором на основе сплошного просмотра журнала «Русское богатство» за 1880–1904 гг. В качестве содержательных единиц были учтены разножанровые тексты, непосредственно посвященные региону.

Приведенные в таблице 19 данные свидетельствуют о том, что переселенческий вопрос для «Русского богатства», так же как и для либеральной журнальной прессы, был одной из актуальных проблем, соотносящихся с сибирской провинцией. Однако в отличие от либералов народники не идеализировали судьбу крестьян-колонизаторов на многоземельной окраине, относили миграции к одному из вопиющих проявлений тяжелого экономического положения селян и рассматривали переселение не как панацею от разорения крестьян европейской части империи, а, скорее, как вынужденную временную меру, возникшую вследствие неспособности правительства решить аграрный вопрос в местах массового выхода мигрантов[578]. *«Сибирь не якорь спасения России»,* – читаем в рецензии на книгу Н.Я. Новомбергского «По Сибири», считавшего утопией возможность успешного переселения в Сибирь нуждающегося и голодающего крестьянства[579]. Данное метафорическое отрицание может быть

[578]**[Богданович А.И.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1893. № 2. II отд. С. 81–84; **[Плотников М.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1898. № 6. II отд. С. 110–114; **[Анненский Н.Ф.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1897. № 2. II отд. С. 176– 179.

[579] Новые книги: Рец. на кн.: Новомбергский Н. По Сибири // РБ. 1903. № 9. II отд. С. 48.

названо определяющим позицию народников в отношении крестьянских миграций с середины 1890-х гг.

Очевидна определенная эволюция представлений издания в отношении участия государства и общественности в организации сельскохозяйственных переселений. В конце 1880 – начале 1890-х гг. подобно либеральным публицистам, авторы «Русского богатства» надеялись на действенную роль общественности в решении «переселенческих» проблем, рассматривали общества помощи мигрантам как способ привлечения представителей разных сословий к социально значимому делу, видели в них проявление «растущего общественного самосознания» и в соответствии с такой установкой публиковали сообщения об их деятельности, сообщали о благотворительных акциях в пользу переселенцев[580]. О безусловном сходстве позиции либералов и народников по переселенческому вопросу свидетельствуют найденная нами в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки «Записка о мерах по улучшению жизни крестьян в России», написанная С.Н. Кривенко, «Народохозяйственные наброски» Н.А. Карышева, опубликованные на страницах «Русского богатства»[581].

Однако с 1893 г. во внутренних обозрениях журнала начало преобладать отношение к переселению как к мере «глубоко консервативной», лишь по странному недоразумению считающейся либеральной. «В принципе едва ли переселение может найти безусловных защитников, так как задача государства, правильно поставленная, заключается в том, чтобы устраивать людей на месте, на родине. Кроме того, что каждый выселяющийся – это потеря для страны, откуда он уходит, потеря, ничем не вознаградимая. Остающимся тоже не легче, так как в большинстве случаев у нас земля достается в руки кулаков», – так словами ведущего «Хроники внутренней жизни» С.Н. Южакова можно

---

[580] См. например: Хроника внутренней жизни // РБ. 1890. № 12. С. 161–162; Хроника внутренней жизни // РБ. 1891. № 1; Объявление о взносах в кассу Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам // РБ. 1891. № 3. С. 239 и др.

[581] ОР РНБ. Ф. 1019 (Е.Д. Максимов). Д. 1029. Л. 1; **Карышев Н.А.** Народохозяйственные наброски // РБ. 1894. № 4. С. 67–78.

сформулировать суть «нового» народнического взгляда на аграрные миграции[582]. Публикация материалов обследований переселенческих хозяйств, публицистических очерков и информационных сообщений об условиях жизни в Сибири способствовала деконструкции существовавшего в массовом сознании *мифа о Сибири как о земле обетованной для земледельцев, раздольной «самаре», где «земли много, начальства мало»*[583].

О сознательных усилиях народнического издания по деконструкции коллективных представлений о земельных просторах и «приволье» Сибири свидетельствует публикация в 1899 г. письма крестьянина И.Е. Белякова о переселении крестьян Пензенской губернии в Сибирь[584]. Автор, человек, по отзыву редактора журнала, «хорошо грамотный и очень толковый»[585], обстоятельно рассказывает о причинах, побудивших его односельчан искать лучшей доли в Сибири, о социально-психологической атмосфере, в которой принималось решение о переселении, о первоначальных представлениях о регионе, бытовавших среди его земляков, о содержании слухов, активизировавших миграционную активность крестьян, о крушении иллюзий мигрантов о Сибири. Учитывая, что данное письмо уже неоднократно привлекало пристальное внимание исследователей[586], обратим внимание на его потенциал для изучения эволюции представлений мигрантов о крае по мере их устройства на «новых местах».

Письмо Белякова послужило основой для написания очерка В.Г. Короленко «Легенда о царской милости». По мнению писателя, одной из ментальных причин миграционной активности пореформенного крестьянства была вера в благодеяния доброго царя: «Простодушных пахарей манила

---

[582] **[Южаков С.Н.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1893. № 12. II отд. С. 153.
[583] См. напр.: **Владиславлев В.** Хозяйственное положение тобольских новоселов // РБ. 1899. № 6. С. 102–127.
[584] **Беляков И.Е.** Переселенец о Сибири //РБ. 1899. № 3. II отд. С. 1–14.
[585] **Короленко В.Г.** Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. С. 12.
[586] См. например: **Зверев В.А.** Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С.55; **Родигина Н.Н.** “Земля обетованная” или “каторжный край”: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в.; **Она же.** Письма сибирских переселенцев второй половине XIX в. – источник по истории крестьянских миграций // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 87– 91.

сказочная страна, где добрый царь ждет своих деток, чтобы окончательно осчастливить их. Царская легенда сияла впереди путеводной звездой, увлекая за собой десятки и сотни тысяч темных людей, веривших в эту легенду как в откровение. Несмотря на массу статей по переселенческому вопросу… которыми образованные люди пытались осветить положение переселенцев в Сибири, целые тучи крестьян летели, как бабочки на огонь, в чудесную страну, где маяком светился перед их духовными взглядами образ доброго царя, зовущего своих детей в земной рай»[587].

Можно предположить причины, предопределившие разочарование народников в эффективности переселений на восточные окраины: непосредственно наблюдаемый ими быт мигрантов на «новых местах», интенсивное расслоение крестьянства под влиянием переселений, чрезмерная бюрократизация организации переселенческого дела. «Единственное, чего достигло правительство, пытаясь руководить движением, это то, что теперь устранено всякое общественное вмешательство в переселенческое дело и дело это всецело находится в руках администрации. Ходатайства некоторых земств по различным вопросам неизменно отклонялись, деятельность частных переселенческих обществ, как в Санкт-Петербурге, так и в Сибири, ставилась в такие условия, что она не могла продуктивно развиваться и замерла. Живое переселенческое дело очутилось в канцелярии и все ведение его носит чисто бюрократический характер», – с грустью констатировал анонимный автор хроники переселенческого движения в Сибирь в 1901 г.[588] В числе оптимальных вариантов решения проблем переселенческого движения народническими публицистами виделась передача его в ведение земских органов как в местах массового выселения мигрантов, так и в Сибири. А.А. Белевский, например, утверждал: «Русская жизнь выработала лишь одну форму представительства местных людей в целях наилучшего удовлетворения местных хозяйственных задач, именно земство. И введение земства в

[587] **Короленко В.Г.** Земли! Земли. Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. С. 16.
[588] **С.Ф.** К хронике переселенческого движения в Сибирь // РБ. 1901. № 6. II отд. С. 120.

Сибири, необходимое для нее во многих отношениях, необходимо и для упорядочения колонизационного дела»[589].

С середины 1890-х гг. на страницах журнала появляется серия публикаций об итогах статистических обследований землевладения и общинной жизни в Сибири, ставящих под сомнение *стереотипные мифологизированные представления о крае как кладовой неисчерпаемых природных богатств*[590]. Об осознанной деконструкции социокультурных мифов о регионе свидетельствует реплика статистика Н.О. Осипова: «Огромность территории и скудость сведений о сибирской жизни всего приводили и приводят к несколько фантастическим представлениям как о природе Сибири, так в особенности о жизни ее обитателей. Мы привыкли думать, что Сибирь – страна чуть не чудес и неисчерпаемых богатств всякого рода. Произведенные исследования рассеивают это ошибочное представление… Ни чудес, ни сказочных богатств, ни даже особенного поражающего благосостояния населения здесь нет, «Материалы» ставят читателя на почву действительности и развертывают перед нами довольно знакомую картину, напоминающую в общих чертах Степное Приуралье»[591]. Очевиден мотив публикаций – показать общность основных проблем социально-экономического развития России и Сибири, сделать когда-то далекую и малоизвестную окраину понятной и «своей», включив ее в картину мира столичной и провинциальной интеллигенции «внутренней» России как часть ментально освоенной русской территории.

Взгляд на *Сибирь как на одну из многих российских областей* встречаем и в рецензиях на произведения о регионе. В отзыве на книгу барнаульской поэтессы М.Г. Васильевой «Песни сибирячки», критиковавшейся многими толстыми журналами, в том числе и «Русским

---

[589] **Белевский А.А.** К переселенческому вопросу // РБ. 1904. № 8. II отд. С. 17.

[590] **Южаков С.Н.** Земледельческий вопрос в Сибири и Приамурском крае // Русское богатство. 1894. № 7. II отд. С. 148–152; Рец. на кн.: Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округов к заселению переселенцами из Европейской России // РБ. 1894. № 3. II отд. С. 53–54; Рец. на кн.: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. // РБ. 1897. № 5. II отд. С. 54–58.

[591] **Осипов Н.О.** К вопросу о поземельном устройстве крестьян Западной Сибири // РБ. 1894. № 5. II отд. С. 53.

богатством», за отсутствие в стихах собственно «сибирского колорита»[592], встречаем, тем не менее, такие строки: «…Сибирь ни в государственном, ни в интеллектуальном отношении не представляет отдельного целого. Ведь это – *не более как одна из многих русских провинций, хоть и с многими характерными особенностями...*»[593].

Стремлением уравнять правовой статус сибирской провинции с губерниями Европейской России проникнуты публикации, посвященные необходимости проведения либеральных реформ (судебной и земской) на восточных окраинах империи. Большинство публикаций, посвященных введению в регионе судебных уставов 1864 г., приходится на 1896 г. – время правительственного обсуждения и «насаждения» в Сибири реформированного судопроизводства. Однако первая статья о потребности сибирских губерний в «новом суде» появилась в «Русском богатстве» еще в 1892 г. Ее автор, 29-летний чиновник судебного ведомства, будущий председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский, доказывал готовность сибирского населения к преобразованию судебной системы в регионе. Подробно анализируя «печальную историю» вопроса о судебной реформе, автор доказывал необоснованность мнения центральной власти, признававшей Сибирь не готовой к учреждению реформированного суда. Информируя читающую Россию о «юридических вечерах», проводившихся в Иркутске, Тобольске, на которых представителями местной интеллектуальной элиты обсуждались юридические журналы, разбирались спорные вопросы законодательства и зачитывались лекции и рефераты на юридическую тематику; о докладных записках сибирских чиновников и обывателей о готовности края к судебной реформе; об особенностях правосознания сибиряков, автор выражал надежду на скорейшее введение судебных уставов. «Сибирь ждет полной судебной реформы, ждет суда гласного, суда правды и милости. Но будем надеяться,

[592] См. например: Рец. на кн.: Васильева М.Г. Песни сибирячки. СПб., 1901 // РМ. 1901. № 12. С. 377–378.
[593] Рец. на кн.: Васильева М.Г. Песни сибирячки. СПб., 1901 // РБ. 1901. № 10. II отд. С. 37.

что на этот раз сибиряки не обманутся в своих ожиданиях и что Сибирь будет, наконец, пользоваться более гарантирующими свободу, честь и интересы ее обывателей формами судебного устройства», – так автор формулировал затянувшиеся ожидания земляков[594].

После распространения в 1896 г. на сибирские губернии реформаторских судебных уставов Н.Ф. Анненский с горечью констатировал: «Кажется, ни один законодательный вопрос не разрабатывался так долго… На это понадобился промежуток времени больший, чем жизнь нового поколения»[595]. Замечу, что большинство авторов журнала не испытывали особой эйфории после реформирования сибирского суда. Радость от того, что Сибирь перестанет быть «в отношении суда дикой страной мрака и невежества», «страной исконного чиновничьего произвола», местом, где «грубый произвол, продажность и взяточничество царили кругом, а правда, совесть и честь стали забытыми словами», омрачалась тем, что в регионе не был введен суд присяжных, не утвердились выборность мировых судей, принцип несменяемости судей[596]. Именно необходимость ликвидации отличий судебной системы в центральной части империи и на ее восточных окраинах была основной темой материалов о судебной реформе конца XIX – начала XX в. Публицисты настойчиво аргументировали несостоятельность ссылок на «местные особенности» Сибири как обоснования для «урезания» судебных уставов, последовательно доказывали готовность местного населения к «суду общественной совести».

В контексте реконструкции образа региона публикации о судебной реформе в восточных губерниях информативны, прежде всего, тем, что в них нивелировалась региональная специфика края. Сибирь рассматривалась как составная часть империи, подобная многим областям «внутренней России», особенности которой целенаправленно утрировались центральной властью в

---

[594] **Вологодский П.В.** Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // РБ. 1892. № 12. II отд. С. 13.

[595] **Анненский Н.Ф.** Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // РБ. 1896. № 7. II отд. С. 165.

[596] См., например: **Плотников М.А.** Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // РБ. 1898. № 2. II отд. С. 200–202; **О.Б.А.** [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // РБ. 1897. № 7. II отд. С. 176–177; **Д.Л.** Пересмотр судебных уставов // РБ. 1901. № 3. II отд. С. 109–127.

соответствии с колебаниями ее внутриполитического курса. Так, во внутреннем обозрении, подписанным известным читающей России псевдонимом «О.Б.А.», читаем: «Можно ли сказать, например, что хотя бы университетский Томск, город, стоящий на одном из первых мест в России по широкой постановке в нем школьного дела, представляет условия, менее благоприятные для правильного функционирования там суда присяжных, чем какой-нибудь Мамадыш, Малмыж, Царевококшайск и другие, тому подобные города в Европейской России?»[597].

Нами не выявлено существенных разночтений между либеральными и народническими изданиями в вопросе о необходимости проведения в регионе судебной и земской реформ, что может свидетельствовать об общедемократическом характере реформаторских требований в отношении региона оппозиционных изданий. Консолидированную позицию занимали народнические и либеральные публицисты в отношении вопроса об отмене ссылки в Сибирь. Из публикаций «Русского богатства» очевидно, что сотрудники издания однозначно были уверены в необходимости отмены ссылки, именуя её «тяжелым бичом», «язвой», «вредом и опасностью для всего населения Сибири»[598]. С. Дижур, автор исторического очерка по истории ссылки, выдвигает следующие аргументы в пользу её отмены, которые согласуются с суждениями по этому поводу внутренних обозревателей журнала 1890-х гг.:

1) неэффективность ссылки как института карательной системы;

2) пагубное влияние ссылки на демографический состав населения региона, проявляющееся в половой диспропорции между женским и мужским населением;

---

[597] **О.Б.А.** [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни: Судебная реформа в Сибири // РБ. 1897. № 7. II отд. С. 179.

[598] См., например: **Москвич В.**[Веселов] Погибшие и погибающие: Отбросы России на сибирской почве // РБ. 1895. № 7. С. 46–81; **К-в В.** [Кокосов В. Я.] Воспоминания врача о Карийской каторге // РБ. 1902. № 10. С. 181–231.

3) высокий уровень преступности в крае за счет криминальной активности ссыльнопоселенцев, которые совершают наиболее тяжкие преступления;

4) развращающее воздействие ссылки на местное население, в первую очередь, на молодежь;

5) оживление экономической жизни региона в результате строительства железной дороги, активизации крестьянских миграций, что делает нецелесообразным развитие уголовной ссылки, препятствующей экономическому и культурному расцвету Сибири[599].

Позиция журнала в отношении ссылки, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, разделялась его читателями. Так, В. Бычков, читатель из Иркутска, сообщая о зверском преступлении, совершенном уголовными ссыльными в Нерчинске, писал: «Одною из наиболее вредных сторон влияния уголовной ссылки на жизнь Сибири является та создаваемая ссылкой „уголовная атмосфера“, которая, пропитывая насквозь всю общественную среду безграничным индифферентизмом, эгоизмом чистой воды, ни в чем никого не гарантирует от возможных случайностей. Все как-то невольно черствеют в этой атмосфере, все чувствуют себя как бы живущими на вулкане»[600]. Можно интерпретировать как основной результат усилий либеральной и народнической прессы по формированию общественного мнения закон 10 июня 1900 г. об отмене уголовной ссылки в Сибирь. Любопытна рефлексия журнала по поводу данного закона. Основное его значение внутренний обозреватель видел в том, что Сибирь перестанет играть роль сточной канавы для преступной волны из европейской России, в ней исчезнет та атмосфера бесправия, которая объясняется наличием в регионе массы людей, лишенных охраны со стороны закона[601].

Как и в случае с судебной реформой, радость события омрачалась его затянувшимся ожиданием и ограниченным характером реформы, не

---

[599] См.: **Дижур С.** Русская ссылка. Её история и ожидаемая реформа // РБ. 1900. № 4. С. 45–64.
[600] **Бычков А.** Письмо из Иркутска // РБ. 1900. № 6. II отд. С. 19.
[601] Хроника внутренней жизни // РБ. 1900. № 7. II отд. С. 143–152.

посягнувшей на сколько-нибудь заметное изменение системы уголовного законодательства, являвшейся «типичным порождением эпохи, отказавшейся от широких задач и новаторских замыслов»[602].

Среди насущных проблем региона, привлекавших внимание народнических журналистов в конце XIX – начале XX в. – *развитие капитализма в сибирской провинции*. Статьи сибирских корреспондентов посвящены влиянию капитализма на разные стороны жизни населения края и порожденными им социально-экономические и социокультурные конфликты, нарушившие традиционный уклад жизни сибирской деревни. С.П. Швецов, анализируя причины «молочных бунтов» (движение за закрытие маслодельных заводов. – *Н.Р.*) в Алтайском крае, называет в их числе конфликт интересов общины и частных предпринимателей, настороженное отношение крестьян к новациям в области организации сельскохозяйственного производства, протест против социального расслоения, столкновение «примитивных форм хозяйства и общих условий жизни сибирской деревни с ворвавшимся в нее в виде маслоделия капитализмом, порожденным где-то там, на стороне, до сих пор чуждыми этой деревне условиями и потому мало для нее понятными»[603].

В статье известного исследователя Алтая, ссыльного С.Л. Чудновского, опубликованной в 1894 г., речь идет о ценностных конфликтах в области семейных отношений, порожденных капиталистическими новациями в социально-экономическом развитии сибирской деревни. Социокультурные явления, скрупулезно зафиксированные Чудновским, на современном языке обществоведческих дисциплин могут быть описаны как симптомы модернизационных процессов в демографической сфере, заключавшихся в переходе от большой патриархальной семьи к малой нуклеарной, в смене содержания семейных ролей под влиянием эмансипационных изменений в массовом сознании[604]. Вдумчивый наблюдатель крестьянского быта показал

---

[602] Хроника внутренней жизни // РБ. 1901. № 1. II отд. С. 164.
[603] **Швецов С.П.** «Молочные бунты» в Сибири и их причины // РБ. 1902. № 3. С. 118.
[604] См.: **Чудновский С.Л.** Очерки народного быта Алтайского горного округа // РБ. 1894. № 7. С. 25–70.

конфликты между мужьями и женами, между отцами и детьми, между „большаками“ и другими членами семьи. Значим вывод исследователя о том, что в старожильческой среде демократизация семейных отношений происходила быстрее, чем в переселенческой. Среди старожилов чаще встречались случаи раздельного проживания супругов, даже если их развод не был юридически оформлен; разделы в сибирских семьях практиковались значительно чаще, чем в «российских». Факты, приводимые Чудновским, позволяют утверждать, что конфликты в сфере семейных отношений являлись реакцией традиционного сознания на динамично изменяющиеся реалии семейного быта: стремление женщин к равенству в правах с мужчинами, желание сыновей вести самостоятельное хозяйство, желание молодых людей самим выбирать брачных партнеров и выстраивать семейные отношения по собственным сценариям, отличным от обычаев и традиций предков.

К сфере интересов народнической интеллигенции, судя по публикациям анализируемого издания, относился вопрос об изменениях в народном сознании в эпоху перехода к индустриальному обществу, проявляющихся в конфликтах идей, систем ценностных ориентаций, ментальных установок. При этом обсуждалась реакция традиционного крестьянского сознания на перемены в пореформенной деревне, акцентировалось внимание на наиболее одиозных проявлениях крестьянской социокультурной инверсии. Примечательно описание «убиения холеры» в Томской губ., когда крестьяне во главе со старостой убили путешественника-иностранца, не знавшего русского языка, приняв его за холеру[605].

Предметом осмысления публицистов явилась реакция старообрядческого населения на проведение Первой Всеобщей переписи населения Российской империи. По сообщению внутреннего обозревателя белоризцы, жившие в верховьях Казыря, Мины и Сисима, услышав о переписи, соорудили два ковчега и, покинув известное «миру» место

[605] **Южаков С.Н.** Из современной хроники // РБ. 1895. № 9. II отд. С. 167.

жительства, поплыли вниз по Тубе и Енисею, через Обь проникли в незаселенные места на Васюганских болотах. Они бежали от «сетей антихриста» – от переписи. Впрочем, судя по рассматриваемой публикации, настороженное восприятие переписи было характерно для большинства крестьянского населения, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности. «По деревням перепись встречали с обычною смесью боязни, подозрений, надежд, нелепых толкований, слухов. Пессимисты озлобленно толковали о прибавке налогов, поголовной солдатчине, принудительном выселении в Сибирь, на Амур. Бабы всему верили и не на шутку волновались. Оптимисты опять начали лелеять неискоренимую мечту народа о прирезке земель»[606]. Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что массовом сознании крестьян в 1890-е годы, несмотря на широкое развитие переселенческого движения, ввода в эксплуатацию протяженных участков сибирской железной дороги, расширивших коммуникативное пространство и кругозор сельских жителей, Сибирь продолжала ассоциироваться с «каторжным краем», малоизвестным населению европейской части страны. Впрочем, рефлексия по поводу недостаточной информированности читающей публики об условиях жизни в восточных губерниях страны была общим местом для толстых журналов, помещающих статьи о регионе, «Русское богатство» в данном случае не исключение. Не случайна реплика рецензента книги А.А. Кауфмана «Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг.»: «Хотя Сибирью у нас в последнее время сильно интересуются, но с её внутренней жизнью публика до сих пор очень мало знакома. Объясняется это, конечно, просто. Сибирь была слишком далеко от нас, а написано о ней было очень немного. К тому же не все, что печаталось об этой отдалённой окраине, соответствовало истине»[607].

---

[606] **О.Б.А.** [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // РБ. 1897. № 5. II отд. С. 171.
[607] Рец. на кн.: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. С. 54–58.

Влияние изменяющихся социокультурных и социально-экономических реалий на религиозные представления сибиряков и в более широком смысле – на повседневную культуру русского населения региона – одна из тем, которая была актуальной не только для сотрудников, но и для читателей журнала. Об этом свидетельствует, например, публикация писем А. Шерстобитова под общим названием «Старообрядческая энциклопедия»[608]. Автор приводит краткую историю формирования старообрядческого населения Барнаульского округа Томской губернии, культурно-бытовые особенности разных локальных групп алтайских старообрядцев, варианты взаимоотношений старожилов (из которых значительную часть составляли старообрядцы) и переселенцев (в большинстве своём приверженцев официальной православной церкви).

На страницах издания упоминается ещё об одном проявлении конфликтов в сфере социально-экономических отношений, соотносящихся народниками с признаками капитализма, – о конфликте между рабочими и работодателями. В серии статей уже упомянутого нами историка В.И. Семевского, посвященных описанию быта рабочих на сибирских золотых промыслах, анализируются причины таких конфликтов и формы их проявления[609]. В качестве причин социальных конфликтов называются тяжелые условия труда на золотых приисках, жестокость по отношению к рабочим со стороны приисковой администрации. Варианты проявления социальной активности рабочих в условиях конфликта Семевский делит на пассивные (побеги с приисков, сочинение песен критического содержания, небрежное выполнение работы) и явные, выражающиеся в убийстве наиболее ненавистных представителей приисковой администрации. В данном случае особенно значимо, что позиция редакции журнала проявлялась не только в фиксации социальных конфликтов в различных сферах жизни сибирского общества, но и в пропаганде общественной деятельности,

[608] См.: **Шерстобитов А.** Старообрядческая энциклопедия: Письма из Барнаульского округа // РБ. 1899. № 8. II отд. С. 127–131.
[609] См.: **Семевский В.И.** Очерки из истории быта рабочих на сибирских золотых промыслах // РБ. 1893. № 1. С. 174– 207; № 2. С. 120–158; **Он же.** Из истории обязательного горного труда // РБ. 1897. № 1. С. 264–289.

потенциально направленной на искоренение их причин. Так, в 1894 г. во внутреннем обозрении сообщается о 800-тысячном пожертвовании купца-благотворителя И.М. Сибирякова, половина которого предназначалась для обеспечения рабочих-инвалидов сибирской золотопромышленности. Можно предположить, что исследования В.И. Семевского, ранее упомянутые нами, послужили одним из мотивов благородного поступка. Примечателен редакционный комментарий, гласивший: «Такое грандиозное пожертвование было бы редкостью даже в Америке, тем более у нас, где охотно выбрасывают миллионы на прихоти и капризы и скупятся на общественные дела… Для осуществления намеченной цели нужны многие миллионы и на инициативу Сибирякова надо смотреть только как на начало этого серьёзного дела»[610].

Как и либеральные публицисты «Русской мысли», авторы «Русского богатства» протестовали против принятия закона о частной поземельной собственности в Сибири, считая его противоречащим интересам многомиллионной массы истинных колонизаторов региона – крестьян. «До оборудования ее железною дорогою и, главное, до заселения ее трудящимися естественные богатства Сибири вовсе не казались заманчивыми для европейской – русской и заграничной предприимчивости. Сибирь довольствовалась доморощенными капиталами, нажитыми хищнической добычей золота и спаиванием инородцев... Нужна была колонизационная работа крестьянской массы, нужны были многомиллионные затраты государственного казначейства, чтобы земли, леса и руды Сибири сделались „богатствами“. Открывая к ним свободный доступ господам капиталистам, мы приносим в жертву частным интересам ценные результаты народных усилий», – писал внутренний обозреватель А.В. Пешехонов[611]. Ведущий специалист по аграрному вопросу «Русского богатства» рубежа XIX–XX вв. Пешехонов аргументированно доказывал несостоятельность надежд на

[610] **[Богданович А. И.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1894. № 4. II отд. С. 101–102.
[611] **[Пешехонов А. В.]** Хроника внутренней жизни // РБ. 1901. № 8. II отд. С. 130.

колонизационный потенциал пореформенного дворянства, ошибочность распространенного представления о неразрывной связи технического прогресса с капиталистической формой производства, сравнивал возможные последствия нового закона для «молодой» окраины с последствиями крепостного права для «коренной» России. Обратим внимание на зафиксированную Алексеем Васильевичем эволюцию представлений о регионе в среде народнической интеллигенции: «На Сибирь мы привыкли смотреть как на окраину, безнадежно отсталую в культурном отношении, бессильную экономически и не требующую особого внимания с точки зрения внешней безопасности. Мы привыкли пользоваться ею для своих отбросов и приучили ее довольствоваться институтами и учреждениями, заведомо для нас самих непригодными. Между тем, эта окраина занимает площадь, в три раза превосходящую своими размерами коренную Россию, ее богатства не только не исчерпаны, но и не изведаны, ее роль в истории не только не сыграна, но и не начата еще. Лишь в наши дни назрела необходимость привлечь эту новую страну к более активному участию в жизни государства и человечества… Поражающая доселе безлюдьем страна стала быстро заселяться, лежащие втуне богатства появились на мировом рынке, в стране, по которой еще бродят полудикие инородцы, уже функционируют школы, уже внятно звучит идейное слово печати»[612].

Пешехоновым актуализируется новый элемент образа региона, распространенный в народнической журнальной прессе конца XIX – начала XX в. – *Сибирь, начавшая новую жизнь, способна избежать ошибок, которые были характерны для «внутренней» России.* К числу ошибок в первую очередь относили крепостное право и пагубные для трудящихся масс проявления капитализма, такие, например, как эксплуатация человека человеком. «Едва только открытие нового пути (в 1897 г.) приобщило оторванную до того времени от цивилизованного мира окраину к мировому рынку, как со всех сторон стали стекаться в неё капиталы в надежде на

[612] Там же. С. 129.

большие барыши. В наших фабричных районах расширяют производство и создают новые отрасли его в расчете на потребление расширяющегося сибирского рынка… В самой Сибири ежедневно создаются различные промышленные, торговые и кредитные предприятия…Понятно, что при настоящем промышленном развитии Сибири, и иностранные, и русские капиталы с жадностью ринулись на этот новый рынок; понятно, что русское крестьянство с удвоенной энергией стремится теперь в этот новый край, в надежде избавиться от хронического недоедания и периодических голодовок», – резюмировал ранее упоминавшийся нами С. Дижур на страницах «Русского богатства»[613].

На рубеже веков наряду *с оптимистичным образом «новой», «молодой»* Сибири по-прежнему встречается и распространенный в оппозиционной прессе *взгляд на регион как на неполноправную окраинную имперскую провинцию*. «Перестав быть ссыльной колонией, *она не стала равноправной сестрой метрополии.* Русское население её не имеет земства, не имеет суда присяжных, количество школ и врачей ничтожно; дорог, кроме небольшого числа трактовых, нет никаких. Не играя в жизни России крупной экономической роли, Сибирь в той борьбе интересов, которая идет между различными областями страны, всегда является *побежденной стороной*», – писал А.А. Белевский в 1904 г.[614] В данном случае мы имеем дело не только со свойственным публицистике как жанру полемическим приемом, но и с проявлением инерционности образа региона, изменявшегося медленнее, чем те реалии, на которых он основан.

В журнале регулярно сообщалось об организации и проведении статистических, этнографических экспедиций на территории региона, об участии благотворителей-сибиряков в финансировании конкретных исследовательских проектов[615]. В определенном смысле типичное для

---

[613] **Дижур С.** Русская ссылка. Её история и ожидаемая реформа // РБ. 1900. II отд. № 4. С. 61.
[614] **Белевский А.А.** К переселенческому вопросу // РБ. 1904. № 8. II отд. С. 1.
[615] См., например: Рец. на кн.: Диминский С.Я. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири // РБ. 1893. № 7. II отд. С. 58–77; Рец. на кн.: Иохельсон

либерального народничества видение задач сибирской общественности и отношение к пробуждающемуся региональному самосознанию сибиряков, в частности, интеллигентной сибирской молодежи сформулировал Н.Ф. Анненский. Размышляя о введении в Сибири положений судебной реформы 1864 г., он утверждал, что преобразование судебной системы в регионе и превращение его из «страны чиновничьего произвола» в территорию господства закона возможно лишь при условии облегчения доступа к высшему юридическому образованию и к службе в судебных инстанциях местной интеллигенции. Один из идейных лидеров «Русского богатства» с оптимизмом замечал: «Кто знаком с Сибирью, тот знает, с какою энергией и настойчивостью массы сибирской молодежи стучатся в двери высшей школы. И огромная доля этой молодёжи охотно вернется для служения своей далекой и суровой родине. Её потянет туда не стремление к карьере или каким-нибудь служебным преимуществам, а тот здоровый областной патриотизм, который свойственен каждой окраине и которым отличалась всегда и сибирская молодая интеллигенция»[616].

Большую роль в формировании позитивной региональной самоидентификации, чувства личностной ответственности и сопричастности ко всему происходящему вокруг интеллектуальные лидеры народничества, подобно либеральным публицистам, отводили провинциальной прессе. На страницах «Русского богатства» неоднократно помещалась информация из региональных газет «Сибирь», «Восточное обозрение». Данные издания расценивались как газеты с ярко выраженной областнической тенденцией, в которых поднимались и обсуждались вопросы, социально значимые для сибирского образованного общества. В заметке, посвященной сорокалетию литературной деятельности сибирского публициста М.В. Загоскина, отмечались следующие особенности местной газетной прессы: «Начало сибирской журналистики совпадает с зарей провинциальной периодической

В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // РБ. 1898. № 10. II отд. С. 56–57; Рец. на кн.: Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах якутского края // РБ. 1899. № 4. II отд. С. 81–82.

[616] **Анненский Н.Ф.** Хроника внутренней жизни // РБ. 1896. № 7. II отд. С. 165.

печати в европейской России; в большинстве своём эта последняя состояла из листков, которые издавались с торгашескими целями. Сибирь была одним из немногих исключений в ряду других областей России; цензура в Сибири, конечно, тяжелее, чем где-нибудь в империи, но, несмотря на то, многие другие местности империи могут позавидовать началу сибирской журналистики; немного найдется мест, где первое по времени периодическое издание (имеется в виду газета «Сибирь», основанная в 1862 г. М.В. Загоскиным. – *Н.Р.*) явилось бы не началом торговой спекуляции, а убежденным словом…»[617] Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что народнические публицисты осознавали и фиксировали не только наличие конфликта между властью и журналистикой, проявлявшегося в цензурных притеснениях, но и существование антагонистических противоречий между свободой слова и властью капитала. Противоречия эти проявлялись в том, что журналист зависим, с одной стороны, от интересов лиц, финансирующих издание, с другой – он должен ориентироваться на вкусы, идеалы и потребности своих читателей, количество которых определяет тираж и экономическое благополучие издания. Реагируя на современную им коммерциализацию прессы, один из авторов, скрывавший своё имя под псевдонимом «Созерцатель», с горечью отмечал, что газетная пресса представляет и будет представлять ту же отсталость от духовного развития передовых умственных и творческих элементов своего общества, как и та полуграмотная, полуневежественная масса, для которой она существует. «Это – газетная стадия развития общества, когда и ум, и чувство, и вкус, и философию даёт, рекомендует, рекламирует газета, рядом с опереткой, духами, помадой, горничной, лакеями. Тут нет ни собственной мысли, ни собственного чувства, тут с утра справляются, что сказал листок, что говорят в свете, что думает княгиня Марья Алексеевна, и повторяют до вечера их слова, и если завтра они скажут другое, будут говорить другое, и кого сегодня носили на руках, того завтра будут топтать», – констатировал

[617] Хроника внутренней жизни // РБ. 1898. № 12. II отд. С. 215.

критически мыслящий современник[618]. По мнению авторов анализируемого издания, журналисты, издатели газет и журналов должны не потакать общественным потребностям, а формировать их, транслировать читателям свои убеждения, обращая внимание на самые неприглядные стороны действительности. Примером успешной реализации такой журналистской позиции являлись сибиряки Н.М. Ядринцев и М.В. Загоскин[619]. «Местная газета может иметь воспитательное значение для провинции только под условием, если в газете ясно, как в зеркале, отражается гражданский облик редактора. Для читателя не безразлично, кто проповедует, убеждённый ли человек или только искусный оратор. Таким идеальным редактором и был М.В. Загоскин. Не блеском и остроумием производила действие газета, а стойким характером редактора и его верой в правоту своих идей», – писал внутренний обозреватель о первом редакторе «Сибири»[620].

Переписка ведущих сотрудников журнала с сибирскими журналистами свидетельствует о безусловном профессиональном авторитете и воспитательном влиянии лидеров «Русского богатства» на провинциальных коллег. Например, С.П. Швецов, сообщая В.Г. Короленко о покупке «Сибирского вестника», обращался к нему: «Я пишу к Вам не только для того, чтобы поделиться с Вами новостью, которая меня целиком переполняет, но и затем, чтобы просить Вашей поддержки сотрудничеством, хотя бы самым редким и незначительным. Одна Ваша прикосновенность так многому научит будущих ближайших сотрудников газеты, придаст значительную долю уверенности в успехе предприятия»[621].

Поддерживая любые проявления общественной инициативы, направленные на помощь нуждающимся категориям населения, журналисты «Русского богатства» обращали пристальное внимание на взаимоотношения между представителями провинциальной власти и сибирской интеллигенции, отстаивая интересы последней. В сентябрьском номере журнала за 1897 г.

---

[618] Созерцатель. Общественно-критические заметки // РБ.1887. № 2. II отд. С. 211.
[619] См., например: Рец. на кн.: Литературный сборник / Под ред. Н.М. Ядринцева // РБ. 1885. № 10. С. 197.
[620] Хроника внутренней жизни // РБ. 1898. № 12. С. 215.
[621] ОР РГБ. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Раздел II. Карт. 36. Д. 20. Л. 1.

находим любопытную перепечатку из газеты «Сибирь» о конфликте между учительницей Олекминского городского училища и исправником полицейского управления. Суть конфликта заключалась в словесных оскорблениях учительницы за то, что она без согласования с представителями местного полицейского управления заказала книги для школьной библиотеки. Важен редакционный постскриптум: «Каждый более или менее значительный самостоятельный шаг учителя или учительницы в их деятельности может послужить поводом к столкновению с чьими-либо интересами, симпатиями и мнениями»[622].

Одним из основных объектов социальной защиты народников, так же как и либералов в конце XIX – начале XX в., были сибирские «инородцы». Плачевные санитарно-гигиенические условия жизни коренного населения Якутской области рассмотрены в статье с «говорящим» названием «Вымирающий край», опубликованной в «Русском богатстве» в 1902 г. Благодаря книгам регистрации рукописей, удалось установить фамилию анонимного автора путевых заметок – С. Мицкевич[623].Врач по профессии, он обращает внимание заинтересованных читателей на распространение среди аборигенов инфекционных заболеваний (туберкулеза, сифилиса и др.), ведущих к вымиранию и вырождению. Очевидна патерналистская позиция публициста, проявляющаяся, в частности, в употреблении по отношению к аборигенам метафоры «*милые, беззаботные дети природы*»[624]. Мы уже упоминали о том, что отношение к коренным народам региона как не испорченным европейской цивилизацией дикарям, варварам, нуждающимся в заботе, опеке, просветительском воздействии и изучении, характерно для общественного мнения пореформенной эпохи и было одним из парадоксальных проявлений русского ориентализма. Характерно, что более близкое взаимодействие с изучаемыми народами в ходе этнографических экспедиций, общение на бытовом уровне существенно корректировали

---

[622] Хроника внутренней жизни // РБ. 1897. № 9. С. 221.
[623] ОР РГБ. Ф. 135 (В. Г. Короленко). Карт. 22. Ф. 1329. Л. 57 об.
[624] **С.М.** [Мицкевич С.] Вымирающий край: Из путевых заметок врача // РБ. 1902. № 7. С. 99.

существовавшие в индивидуальном сознании авторов межэтнические стереотипы и социокультурные мифы. Позволю себе сослаться на размышления ссыльного народника, знатока крестьянского быта Н.М. Астырева, одного из авторов «Русского богатства», опубликованные в другом народническом издании «Северный вестник», занимавшего по «инородческому» вопросу аналогичную позицию. «Когда ездил по бесчисленным бурятским улусам, то мое настроение духа и степень симпатии к новым знакомым подвергались значительным колебаниям: сегодня я наслаждался простотой, непосредственностью и наивностью кочевников, сумевших … сохранить некоторые доблестные качества «варварских» народов, еще не перевоспитанных европейской культурой; назавтра мне предстояло впадать в пессимизм по поводу характернейших проявлений их скрытности, лживости и тупости; при известной обстановке я любовался ловкостью и удалью этих родных сынов степей, а попав в иной дом, я брезгливо прикасался к их немытой посуде, с опасением глядел на скребущих головы и плюющихся собеседников», – писал он о монголо-бурятах Иркутской губ.[625]

Письмо Д.А. Клеменца А.И. Иванчину-Писареву (1891 г.) указывает на одну из причин интереса образованных современников к изучению культуры и быта сибирских «инородцев». Выступая в качестве «литературного свата» для статьи Ф. Трощанского о религиозных представлениях якутов, он предполагал: «Я думаю, что Михайловский, если бы он был ближе знаком с шаманством или публика была бы больше знакома с ним – он нашел бы в нем большой материал для уподоблений и сравнений с разными явлениями российской жизни. Было бы это донельзя пикантно. Впрочем, нам, живущим в этой первобытщине, многое кажется более интересным и важным, чем Вам»[626]. Таким образом, изучение «инородцев» как *„других“* мыслилось как

[625] **Астырев Н.** Монголо-буряты Иркутской губернии // СВ.1890. № 12. II отд. С. 52–53.
[626] ИРЛИ. Ф. 114 (А.И. Иванчин-Писарев). Оп. 2. Д. 204. Л. 1 об.

средство познания „*себя*“, способ понимания и объяснения проблем современной российской действительности.

Специалистами по истории русской литературы Сибири наглядно показана роль сотрудников редакции «Русского богатства», в особенности В.Г. Короленко, в популяризации произведений на сибирские темы[627]. В журнале были опубликованы его рассказы: «Ат-Даван», «Марусина заимка», «Последний луч», «Мороз», «Государевы ямщики», «Искушение». При поддержке Короленко увидели свет произведения П.Ф. Якубовича (Л. Мельшина), В.Я. Кокосова, В. Серошевского, В. Москвича (Веселова) и др. Именно к Короленко обращался с просьбой опубликовать свои рассказы В.Г. Богораз (Н.А. Тан). Приковывает внимание авторская мотивация обращения в журнал: «Во время путешествия среди чукчей, предпринятого мною с целью изучения их быта, мне пришло в голову, наталкиваясь на характерные особенности их жизни, составить описание ее в виде небольших очерков полубеллетристического характера… Ввиду того интереса, который, сколько известно возбуждают ныне среди русской публики малоизвестные окраины Восточной Сибири, быть может, Вы не откажитесь поместить их в Вашем уважаемом журнале?»[628]. Как к знатоку Сибири, и в частности, культуры и быта аборигенного населения Якутской обл. обращался к В.Г. Короленко известный меценат И.М. Сибиряков, приглашая на экскурсию по краю и рекомендуя А.В. Андрианову, организовывавшему экспедицию для исследования экономического быта инородцев, воспользоваться советом писателя[629].

Свидетельством популярности сибирской темы в общественном мнении являются записи в книгах регистрации рукописей, поступивших в редакцию «Русского богатства», хранящиеся в отделах рукописей Российской государственной и национальной библиотек. Так, с октября 1892 по декабрь 1896 г. поступило 29 публикаций, судя по названиям, имеющих

---

[627] См.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. С.452– 453.
[628] ОР РГБ. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Раздел II. Карт. 19. Д. 46. Л. 2.
[629] Там же. Карт. 33. Д. 57.

отношение к Сибири, из которых было опубликовано 10. Примечательно, что среди отвергнутых редакторами текстов преобладают те же тематические приоритеты, что и в опубликованных материалах: крестьянские переселения в край; положение ссыльных и каторжных; развитие земледелия и землепользования; особенности быта, экономического положения и религиозных представлений сибирских инородцев. Пометки в редакторских книгах «Русского богатства» указывают на то, что экспертами при принятии решения об опубликовании рукописей на «сибирские темы» были люди, определявшие «лицо издания» (Н.К. Михайловский, А.И. Иванчин-Писарев, С.Н. Кривенко, В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненский, Д.А. Клеменц), подавляющее большинство которых побывало в сибирской ссылке. Записи В.Г. Короленко, фиксировавшего свои отзывы о текстах, присланных в редакцию журнала в 1900–1904 гг., позволяют предположить основные критерии отбора рукописей: социальная востребованность, высокий художественный уровень, потенциальный интерес у читателей. Приведу в качестве примера несколько редакторских комментариев Владимира Галлактионовича на возвращенные авторам тексты. Отзыв на рукопись «Фарт дяди Ивана: Страничка из истории сибирских капиталов» Н. Урбана: «Рассказ о сибиряке, который на своей заимке принимал бродяг, обращал в своих крепостных, а в случае побега или сопротивления – убивал. Написано недурно сначала, а потом хуже. А в общем – „уголовный рассказ“»[630]. «Умно, но нехудожественно», – редакторский комментарий к рассказу «Каторга» W. Мач. (В.М. Мачтет. –?)[631]. Ориентация на интерес читателей явствует из следующего отклика на путевые заметки Л. Сибиряка «По железной дороге от Тюмени до Иркутска»: «Очень обстоятельное описание путешествия. Автор описывает, перечисляет, где какие пассажиры сидят в комнатах и в вагонах, вступает в разговоры с пассажирами и добросовестно записывает их биографии и т.д. Впечатление – не интересно написано, хотя есть записи

[630] ОР РГБ. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Карт. 22. Д. 1329. Л. 152 об.
[631] Там же. Л. 7.

поговорок»[632]. Судя по всему, при определении «судьбы» текста для редактора личность автора не имела первостепенного значения: среди авторов отвергнутых рукописей встречаем таких читаемых писателей и публицистов, как В.Л. Серошевский, Д.М. Головачев, И.П. Белоконский, томский переселенческий чиновник А.А. Чарушин и др.

Итак, содержательный анализ привлеченного в качестве «текста-источника» журнала «Русское богатства» позволил прийти к следующим выводам. Если в 1880-е гг. Сибирь была мало известной, потенциально актуальной и только изучаемой окраиной, то в 1890-е, после изменений в редакционном коллективе журнала, его концепции, регион включается в активное коммуникативное пространство народнической интеллигенции. Большинство авторов «Русского богатства», писавших в изучаемый период о Сибири, знали о нуждах края и его населении не понаслышке: для одних она была местом социализации, для других – территорией ссылки или местом исследовательских экспедиций.

Рост малоземелья и обезземеливания крестьян, экстенсивный характер земледелия, пережитки крепостничества в сельском хозяйстве, рост социального неравенства, раскрестьянивание, голод 1892 г., повлекший за собой распространение массовых эпидемиологических заболеваний – неполный перечень явлений, характерных для пореформенной Европейской России и предопределивших внимание журналистов «Русского богатства» к Сибири. С конца 1880 – начала 1890-х гг. регион рассматривался как многоземельная, активно осваиваемая территория, способная, в случае проведения в ней либерально-реформаторских преобразований (отмена ссылки, проведения судебной и земской реформ и др.), проведения железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования, превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край. В начале XX в. утрачиваются иллюзорные народнические представления о Сибири как о «якоре спасения России».

[632] Там же. Л. 150.

Регион рассматривается как одна из многих российских провинций, с присущими им социально-экономическими проблемами, положение которой отягощено долговременным неполноправным статусом в составе российского государства.

«Страна мрака и изгнания или близкая соседка России?»: Реалии сибирской жизни в освещении «Северного вестника»

В подзаголовок вынесены слова из журнала «Северный вестник», раскрывающие семантику топонима Сибирь в лексиконе русских народников. Публикации названного издания позволяют конкретизировать содержание и выявить динамику народнических представлений о регионе, уточнить степень влияния идейной эволюции ежемесячника на конструируемый им образ региона.

«Северный вестник» был основан в 1885 г. как «литературно-научный и политический» журнал с предварительной цензурой. Его первой издательницей была А.В. Сабашникова, редактором – А.М. Евреинова, первая русская женщина, имеющая степень доктора права[633]. В истории «Северного вестника» специалисты условно выделяют несколько периодов[634]. Первый – с 1885 по начало 1890 г. – период редакторства А.М. Евреиновой, когда редакционное ядро составляли народники во главе с Н.К. Михайловским, покинувшим журнал из-за разногласий с Евреиновой в 1888 г. В это время в журнале сотрудничали Г.И. Успенский, В.Г. Короленко, К.М. Станюкович, С.Н. Южаков, Н.Е. Каронин (Петропавловский), В.В. Лесевич и др. Впоследствии, в начале 1890-х гг., эта блестящая литературная плеяда формировала образ «Русского богатства». Очевидны преемственность «Северного вестника» второй половины 1880-х и «Русского богатства» 1890-х–начала XX в., единство их позиций по многим ключевым вопросам

---

633 **Есин Б.И.** Н.К. Михайловский и журнал «Северный вестник» в 80-е гг. // Из истории русской журналистики. М., 1959. С. 231.

634 См., например: **Иванова Е.В.** «Северный вестник». С. 91–128; **Куприяновский П.В.** История журнала «Северный вестник». 51–89; **Он же.** Журнал «Северный вестник» и литературное народничество. С. 234–244; **Крутикова Л.В.** «Северный вестник». С. 394–412.

российской, в том числе и сибирской действительности. Как справедливо замечено историком журналистики П.В. Куприяновским, ссылающимся на многочисленные свидетельства информированных современников, в период своего соредакторства Н.К. Михайловский (1886–1888 гг.) от каждого публикуемого материала требовал проведения «твердых общих принципов», стремился превратить журнал в свой партийный орган[635]. Можно предположить, что значительная, если не преобладающая часть подписчиков, разделяла либерально-народнические воззрения, о чем свидетельствуют письма в редакцию журнала в поддержку Михайловского во время его публичного конфликта с А.Л. Волынским (1891 г.), а также падение числа подписчиков журнала (с 4000 в 1888 г. до 2200 в 1890 г.) после ухода Михайловского и его ближайших соратников. Не останавливаясь подробно на сути мировоззренческих противоречий либерального народника, продолжателя идей «шестидесятников», позитивиста Н.К. Михайловского и аполитичного идеалиста А.Л. Волынского, в связи с тем, что они получили уже достаточное освещение в работах по истории журналистики[636], еще раз отметим, что читатели в 1880-х и даже в начале 1890-х гг. идентифицировали журнал с либерально-народнической идеологией. Позволю себе сослаться на письмо студента А. Корецкого в редакцию «Северного вестника», адресованного, судя по всему Б.Б. Глинскому, сменившему А.М. Евреинову в качестве редактора: «В Вашем журнале появилась статья господина Волынского, которая вызвала во мне, читателе, негодование за ее отношение к Михайловскому. Вы, надеюсь, согласитесь со мною, что господин Михайловский составляет красу нашей литературы и как писатель, и как безупречный деятель. Это общее убеждение интеллигентных людей, надеюсь, разделяется и Вами. В таком случае Вы должны признать, что помещение статей в журналах, которые читаются теми же читателями, есть вопиющий non sens. Ведь Вы в качестве редактора имели полную

[635] **Куприяновский П.В.** История журнала «Северный вестник». С. 58.
[636] См.: **Куприяновский П.В.** Журнал «Северный вестник» и литературное народничество. С. 234–244.

возможность не допустить в своем журнале статей, идущих вразрез с чувствами читателей, помимо всяких других соображений… Итак, долой Волынского из редакции «Северного вестника» и да здравствует Михайловский!»[637].

Второй период в истории журнала начинается с мая 1890 г., когда журнал переходит в руки группы пайщиков, в числе которых – Б.Б. Глинский (гимназический товарищ А.Л. Волынского (Флексера), впоследствии редактор «Исторического вестника» и автор одного из первых биографических сочинений о Н.М. Ядринцеве; известный либеральный экономист, прославившийся своими статистико-экономическими исследованиями сельского населения Западной Сибири А. А. Кауфман; литературный критик А.Л. Волынский; дочь Я.Г. Гуревича – издателя специализированного журнала «Русская школа» – Л.Я. Гуревич; юристы М.И. Свешников и М.А. Лозинский и др.

Анализ «сибирских» материалов издания подтверждает правоту специалиста по истории журналистики Е.В. Ивановой, замечавшей, что в основном редакционный комитет продолжал ориентироваться на народническую идеологию, но Волынский считал необходимым модернизировать народничество, «подвести под русский радикализм новую базу»[638]. В начале 1890-х гг. в журнале продолжали сотрудничать С.Н. Кривенко (до октября 1891 г.), А.М. Скабичевский (до мая 1891 г.). М.А. Протопопов, ранее сотрудничавший с журналом, вероятно, имея в виду идейную разношерстность и отсутствие единства в понимании стратегии и тактики редакционного комитета, заметил в 1892 г., что «Северный вестник» никак не мог определить своего места ни в природе, ни в жизни, ни даже в журналистике[639].

С декабря 1891 г. журнал переходит в полную собственность Л.Я. Гуревич. Фактическим руководителем и идеологом журнала становится А.Л.

---

[637] ИРЛИ. Ф. 563 (редакция «Северного вестника»). Д. 1. Л. 137–137об.
[638] **Иванова Е.В.** «Северный вестник». С. 91.
[639] **Протопопов М.А.** Письма о литературе // РМ. 1892. № 1. С. 41.

Волынский. В качестве официального редактора был приглашен М.Н. Альбов, ранее редактировавший беллетристический отдел, а с ноября 1895 г. в качестве редактора-издателя была утверждена Гуревич. В данный период для журнала характерна редакционная политика «неприсоединения» к ведущим течениям общественной мысли. Среди исследователей истории «Северного вестника» широко распространено представление о том, что в данный период журнал становится трибуной русских модернистов. Современники неоднократно отмечали внутреннюю противоречивость и идейную разнохарактерность издания, которые проявлялись, прежде всего, в мировоззренческой рассогласованности различных его отделов. В критическом отделе атакам со стороны Волынского и его единомышленницы Гуревич подвергались все направления общественной мысли. Как было замечено исследовательницей Л.В. Крутиковой, руководители журнала дистанцировались и от либералов и консерваторов, и от либеральных народников и марксистов, обвиняя всех в философской ограниченности, утилитаризме и буржуазности[640]. В качестве мировоззренческого кредо новой редакции «Северного вестника» определялось идеалистическое направление, как в научной, так и в общественной жизни.

Однако данные декларации не мешали широкому привлечению к сотрудничеству либеральных публицистов А.С. Трачевского (с 1893 по 1898 г.), Л.А. Полонского (с 1893 по март 1896 г.), ведущих такие значимые, с точки зрения конструирования образа издания, разделы, как «Внутреннее обозрение», «Политическая летопись», ежемесячный обзор «Провинциальная печать». Работы П.В. Куприяновского свидетельствуют о том, что в середине 1890-х гг. в полемике между народниками и легальными марксистами редакция «Северного вестника» симпатизировала марксистам[641]. При этом в беллетристическом отделе журнала продолжали сотрудничать тяготевшие к народничеству писатели Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ф.Нефедов, К. Баранцевич, А.

---

[640] **Крутикова Л.В.** «Северный вестник». С. 402.

[641] См., например: **Куприяновский П.В.** История журнала «Северный вестник». С. 51–89.

Эртель. Специалисты по истории журнала отмечали, что статьи по социально-политическим и экономическим вопросам, помещаемые в отделах «Политическая летопись», «Провинциальная печать», «Областной отдел», мало чем отличались от публикаций либеральных «Вестника Европы», «Русской мысли», а в отдельных случаях и либерально-народнического «Русского богатства»[642]. О.В. Цехновицер убедительно доказал, что именно эти разделы журнала вызывали наибольшее раздражение цензуры, лояльно относившейся к публикациям символистов в литературном отделе[643].

Эпистолярное наследие Л.Я. Гуревич, широко введенное в научный оборот благодаря работам П.В. Куприяновского и С.С. Гречишкина[644], позволяет говорить об ориентации редакторов на юную читательскую аудиторию, включающую в себя студенческую и учащуюся молодежь. Это вполне закономерно, учитывая возраст самой издательницы, которой в 1891 г., когда она стала собственницей журнала, было 24 года. О самоидентификации с «университетской» молодежью свидетельствует и письмо А.Л. Волынского А.А. Давыдовой – издательнице журнала «Мир Божий», сообщающего о покупке пайщиками «Северного вестника»: «Люди, купившие „Северный вестник“, – университетские люди, горячо чтящие лучшие университетские традиции»[645]. В редакционной практике это отразилось в подписной компании 1896 г., когда плата за подписку для иногородних «учащих и учащихся» была снижена с 13,5 р. до 11 р.[646]

Идеологический эклектизм не способствовал популярности издания у политически ангажированной читающей публики конца XIX в., что наряду с финансовыми затруднениями, сложными взаимоотношениями с цензурой, просчетами и разногласиями во внутриредакционной политике издания привело к его закрытию в 1898 г.

---

[642] См.: **Крутикова Л.В.** «Северный вестник». С. 403; **Иванова Е.В.** «Северный вестник». С. 102.
[643] См.: **Цехновицер О.В.** Символизм и царская цензура // Ученые записки Ленингр. ун-та. Сер филолог. наук. Л., 1941. Вып. 11. С. 279.
[644] См.: **Куприяновский П.В.** История журнала «Северный вестник»; **Гречишкин С.С.** Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1976. Л., 1978. С. 3–29.
[645] ИРЛИ. Ф. 563 (редакция «Северного вестника»). Д. 1. Л. 261.
[646] РГИА. Ф. 777. Оп. 3 (1885). Д. 43 (Ч. II). Л. 9.

Итак, с точки зрения деконструкции образа Сибири в общественном мнении пореформенной России данное издание представляет особый интерес в связи с тем, что, с одной стороны, позволяет уточнить идеологическую составляющую образа региона, с другой – дает надежду на выяснение внеидеологических контекстов в представлениях о регионе образованных россиян.

Как ранее было замечено, отличительной особенностью журнала с первых лет его существования была ориентация на провинциального читателя. Согласно программе издания (1885 г.) в «Областном отделе» предполагалась публикация корреспонденций и статей, присылаемых из провинции и относящихся к местной провинциальной жизни, касающихся ее интересов, а также событий и новостей внутренней политики[647].

В период редакторства Л.Я. Гуревич появляется специальная рубрика в областном отделе «На окраинах», впоследствии названная «За пределами Европейской России». «Говорящее» заглавие подотдела указывает на особый интерес к жизни окраинных регионов империи – Кавказа, Сибири, Польши и прибалтийских губерний. В последние годы существования журнала (1897–1898 гг.) сама Гуревич выступала в роли обозревателя провинциальной печати под псевдонимом «Л. Горев». Однако расплывчатость и неопределенность общего направления «Северного вестника» 1890-х гг. отражались и в освещении «областной тематики». С одной стороны, как уже было неоднократно упомянуто, «общественно-политические» разделы журнала позиционировали провинциальную Россию как объект приоритетного внимания, с другой же, в критических статьях А.Л. Волынского неоднократно критиковались писатели народнического толка, в частности В.Г. Короленко, за провинциализм, избыточное внимание к «клочку земли», лежащему перед глазами. Подоплеку упреков народнических беллетристов в пристрастии к провинциальной тематике П.В. Куприяновский склонен видеть в том, что областнические тенденции не

[647] РГИА. Ф. 777. Оп. 3 (1885). Д. 43. Л. 3.

могли возбудить сочувствия у авторов журнала, который в своей деятельности оглядывался на модернистские явления Запада[648]. На наш взгляд, дело, скорее, в несогласованности мировоззренческих оснований литературно-критического отдела, явно презентующего свою приверженность символизму и идеалистической философии с общественно-политическим отделом, транслировавшим либеральные и народнические ценности.

Существенную роль для понимания особенностей освещения сибирской жизни в «Северном вестнике» играет то обстоятельство, что ведущими «Областного отдела» в разные годы были люди биографически связанные с регионом. В первые годы существования журнала обозревателем названного отдела был Н.В. Шелгунов, приезжавший в Сибирь для организации побега своего друга, ссыльного литератора М.Л. Михайлова в 1862–1863 гг.

В 1892–1893 гг. «Областным отделом» руководил сосланный в Сибирь И.П. Белоконский. Для выяснения репутации «Северного вестника» в кругах «читающей и пишущей» о Сибири публики символична и показательна история взаимоотношений Ивана Петровича с журналом. В начале 1892 г. по предложению Л.Я. Гуревич Белоконский, хороший знакомый ее отца и постоянный сотрудник журнала «Русская школа», становится ведущим «Областного отдела». Последующая история отношений становится очевидной из воспоминаний известного народника: «Но, вчитываясь в журнал, заметил, что от него несет далеко не прежним духом, особенно от статей „А. Волынского“…Стал я колебаться – не бросить ли писать в журнале, из которого ушли первые сотрудники? Перевес был на стороне мнения, что следует бросить. Но в 249 номере «Русских ведомостей», от 9 сентября 1892 г., появился лестный отзыв о моих статьях в „Северном вестнике“. Для меня же мнение названной газеты имело решающее значение,

[648] **Куприяновский П.В.** Журнал «Северный вестник» и литературное народничество. С. 239.

и я решил продолжать вести отдел до того момента, когда окончательно выяснится физиономия журнала. Ждать долго не пришлось. Волынский скоро, что называется, распоясался, направив стрелы против таких корифеев русской литературы, как Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Михайловский и т.д. И в то же время в газете появилось известие, что он стал фактически редактором журнала. Тогда я в начале 1893 г. по телеграфу послал отказ от сотрудничества»[649]. Можно предположить, что живший в провинции Белоконский был не единственным представителем тех авторов и читателей «Северного вестника», которые в самом начале 1890-х гг. по инерции продолжали идентифицировать ежемесячник с народнической доктриной.

Содержательный анализ публикаций, посвященных Сибири, позволяет зафиксировать единство позиций по ключевым вопросам «сибирской» жизни «Северного вестника» второй половины 1880-х, когда в его редактировании активно принимали участие народнические публицисты, и «Русского богатства» с начала 1890-х гг., когда журнал был приобретен товариществом, среди членов которого преобладали бывшие авторы «Северного вестника». Во избежание текстуальных повторов, попытаюсь отразить эволюцию представлений о регионе, отраженных в «Северном вестнике» в виде таблицы 20, позволяющей увидеть, когда и в каких контекстах актуализировались те или иные элементы образа Сибири.

Таблица 20

Структура и содержание образа Сибири в публикациях журнала «Северный вестник» (1885–1898 гг.)*

Структурный элемент образа региона	Автор, название статьи	Цитата	Контекст употребления цитаты
1	*2*	*3*	*4*
Малоизвестный	Рецензия на	«Если прибавить к этому скудость наших	Необходимост

[649] **Белоконский И.П.** В годы бесправия. М., 1930. С. 108.

«коренной» России регион	книгу С.Л. Чудновского «Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею»	познаний о Сибири, живость изложения г. Чудновского и симпатичное направление автора, то нужно будет признать, что рассматриваемая книжка далеко не без интересна для русского читателя, и пожелать, чтобы г.Чудновский выполнил свое обещать дать подобные же очерки и по другим областям этой необъятной страны». (1886. № 5. С. 137)	ь изучения прошлого и настоящего Сибири
Малоизвестный «коренной» России регион	Рецензия на книгу П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири»	«Невежество нашего образованного общества относительно Сибири вообще и ее истории в особенности поразительно. Мы гораздо ближе знакомы с историей не только каждой западноевропейской страны, но даже с историей отдельных областей наиболее крупных европейских государств, чем с историей области, составляющей большую часть нашего государства и которой – ввиду ее усиленной колонизации выходцами из европейской России, предстоит в недалеком будущем выдающаяся роль в общерусской жизни». (1886. № 11. С. 145)	Необходимость изучения прошлого и настоящего Сибири
Страна, переставшая быть «мужицким Эльдорадо»	Пономарев С. «Сибирская община и переселение»	«Нищета растет прогрессивно. Общины старожилов стонут. Сами старожилы разбегаются. Бегут и завоеватели новых земель. *Страна молочных рек и кисельных берегов* перестает быть заманчивой и привлекательной. Пора беспричинных переселений прошла. Время выставило серьезные требования и на них надо отвечать серьезным разрешением вопроса». (1887. № 5. С. 89)	Проблемы крестьянских миграций
Край, обладавший противоречивой репутацией в сознании современников	Из поездки в Сибирь (без указания автора)	«С одной стороны, с детства еще было известно, что это *край холода, ссылки и каторги*, а с другой, проживающие в Петербурге сибиряки всегда рассказывали так много лестного и интересного о Сибири, что возбуждали невольное любопытство. …Сибирь представлялась прежде всего страной удивительных богатств: обилие дремучих лесов, хлеба, скота, рыбы, ценных пушных зверей и… металлов и минералов. Затем, Сибирь описывали как страну необыкновенного гостеприимства и простоты нравов, как страну крестьянского достатка и даже зажиточности, нравственной самостоятельности и отсутствия в народе рабских черт, чувств и низкопоклонства перед кем бы то ни было. Наконец, говорили, что и умственная жизнь там развита и что в высшем сибирском обществе всегда можно встретить интеллигентных, образованных и истинно порядочных людей. Словом, выходило, что страна прекрасная, а если и встречались в ней теневые стороны вроде взяточничества, судебной волокиты, произвола сильного и т.п., то	Путевые заметки

		все это выкупалось хорошими сторонами». (1888. № 6. С. 41)	
Страна, переставшая быть «мужицким Эльдорадо»	Голубев П.А. «Очерки сибирской жизни»	«Сибирь, по-видимому, до сих пор представляется русским в виде золотого дна, а крестьянин ее в виде купца, не знающего ни нужды, не знакомого ни с малоземельем, ни с недоимками. Относительно неистощимости сибирского дна представления русских, быть может, и справедливы, но что касается благоденствия сибиряка, то в этом отношении русские	Хозяйственная деятельность сибирских крестьян
		сильно ошибаются. Прославленное богатство сибирского крестьянина уже давно существует больше в мечтах, чем в действительности…Настоящий сибирский крестьянин уже давно познакомился с нуждою в лесе, в скоте, а в некоторых местах и в хлебе, ему хорошо известны и недоимки. А за нуждою ускоренно идут и кабала мироедов, кабак и преступления». (1890. № 2. С. 64)	
Малоизвестный «коренной» России регион	Рецензия на книгу под ред. П.А. Голубева «Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа»	«…выразить пожелание, чтобы, с одной стороны, участвовавшие в составлении сборника лица продолжали свою полезную работу по изучению края, и чтобы, с другой, и Алтайский край, и вообще Сибирь привлекали к себе как можно больше добросовестных исследователей. Под напором их работ исчезнет, может быть, то легкомысленное отношение к нашей *далекой окраине*, которое побуждает нас сплеча, на основании нередко совершенно фантастических данных, разрешать такие важные вопросы, как, например, вопрос о сибирской железной дороге, о сибирском многоземелье, о нуждах земельного дела в Сибири и пр.» (1891. № 6. С. 119)	Изучение современного развития Сибири
Российская кладовая Малоизвестный «коренной» России регион	Кауфман А.А. «Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии»	«Сибирь – эта, как ее принято называть, “драгоценнейшая колония русского народа, с неистощимыми резервами для существования десятков миллионов людей“ до самого последнего времени была, а для массы *русского общества и до сих пор остается такою же “terra incognita“,* как, например, лежащая вне пределов России юго-восточная и центральная Азия. Все наши представления о Сибири отличались полнейшей неопределенностью и сводились главным образом к ряду заученных, ходячих фраз: мы знали, что Сибирь – “золотое дно“, “необъятный простор“ которого занят частью – “девственными лесами“, а на крайнем севере “тундрами“ ». (1891. № 8. С. 24)	Сбор сведений чиновниками МГИ о хозяйственном быте крестьян Западной Сибири
Окраинный	Рецензия на	«Добросовестная работа, посвященная	Изучение

регион, обладающий неполноправным статусом в составе империи	книгу под ред. Сукачева В.П. «Иркутск. Его место в истории и культурном развитии Восточной Сибири»	изучению и описанию наших окраин и служащая к разъяснению тех предрассудков, которыми по отношению к таким окраинам обыкновенно заменяются у нас серьезные знания, и на которых основывается мысль о необходимости для этих окраин каких-то особенных законов и порядков и о преждевременности реформ, которые уже давно введены в Европейской России». (1891. № 9. С. 94)	современного развития Сибири
Сибирь – «пугало» России, страна изгнания	Весин Л. «Прошлое и настоящее вопроса о Сибирской железной дороге»	«Азиатское варварство, уживающееся рядом с внешними атрибутами цивилизации, упадок сознания общности интересов в населении, злоупотребления в администрации и в суде, примитивное положение промышленности – все эти явления, на которые жаловалась наша печать, когда заходила речь о Сибири, обуславливалась отдаленностью *этой страны* от Европейской России. Сибирь служила и служит для всех *пугалом*, и немудрено, что лучшие силы интеллигенции только в крайне редких, исключительных случаях решались посвятить себя этой *“стране изгнания“*. В Сибирь направлялся преимущественно разный *культурный “отброс“*. С другой стороны, *страна* была поставлена в невозможность пользоваться должным образом и силами народной массы из внутренней России по крайне неудовлетворительной организации переселенческого движения». (1892. № 10. С. 7)	Целесообразность строительства Сибирской железной дороги
Окраинный регион, обладавший неполноправным статусом в составе империи	Арефьев Н. «В Сибири»	«С проведением железной дороги Сибирь, во всем своем необъятном пространстве, из „отдаленных мест“ превратилась в близкую соседку России. Насколько такое близкое соседство приятно и выгодно для обеих сторон – предрешать не беремся. Поживем – увидим. Хотелось бы верить, что Сибирь уже не будет для России помойной ямой, куда сплавляются всякие отбросы. Сибирские обыватели твердо уповают на то, что Сибирь живет накануне новых дней, что для нее скоро наступит более светлая пора». (1895. № 12. С. 47)	Влияние ссылки на криминальную ситуацию в регионе, необходимость проведения судебной и земской реформ
Окраинный регион, обладавший неполноправным статусом в составе империи	«Внутреннее обозрение»	«Давно ли еще Сибирь считалась страною мрака, страною почти бессудной. С понятием о сибирских судах невольно соединялась мысль о прежних дореформенных судах с их покупным правосудием и процессуальным измором. Сибирь, развивавшаяся в других отношениях, по положению в ней юстиции отстала на 30 лет от европейских губерний, судебный и административный произвол доходил в ней до высокой степени напряжения». (1897. № 9. С. 36)	Судебная реформа в Сибири

*Сост. автором на основе сплошного просмотра журнала «Северный вестник» (1885–1898 гг.).

Даже приведенная выборка цитат, являющаяся результатом содержательного анализа годовых комплектов «Северного вестника» за все годы его существования, делает очевидным совпадение набора элементов образа региона как в народническом «Русском богатстве», так и в либеральной «Русской мысли», в меньшей степени – в «Вестнике Европы». При сплошном просмотре бросаются в глаза и содержательные, а иногда и текстуальные совпадения в интерпретации реалий сибирской жизни. Так, Н. Арефьев, со второй половины 1896 г. один из ведущих авторов статей на «сибирские» темы, объявлял земские учреждения «альфой и омегой всех предстоящих сибирских реформ», способных спасти Сибирь от «умственной, нравственной и экономической анемии, так сильно ее охватившей»[650]. В статье Д.М. Зайцева, помещенной на страницах «Русской мысли» в 1904 г., читаем: «Вопрос о необходимости введения земских учреждений в Сибири в продолжение многих лет не сходит со страниц сибирской прессы. Много соображений, подкрепленных цифрами и фактами, высказано по этому поводу на ее страницах с целью доказать ту элементарную истину, что земские учреждения в Сибири – альфа и омега всех предстоящих в ней реформ. В земской самодеятельности местного населения и только в ней Сибирь должна и может искать спасения от гражданского неустройства ее и малокультурности»[651].

О степени актуальности тех или иных «сибирских вопросов», отраженных в изданиях журнала разных лет, свидетельствует таблица 21.

Таблица 21

Количество публикаций, посвященных «сибирской тематике», на страницах журнала «Северный вестник» (1885–1898 гг.)*

Тема	1885–1889	1890–1891	1892–1898	Итого
Переселенческий вопрос	17	13	16	46
Сибирская ссылка	3	1	6	10

[650] **Арефьев Н.** Земство в Сибири // СВ. 1896. № 3. С. 17–22.
[651] **Зайцев Д.М.** Земство в Сибири // РМ. 1904. № 1 С. 59.

Судебная реформа	–	–	6	6
Необходимость земской реформы	–	–	2	2
«Инородческий» вопрос	3	3	2	8
Железнодорожное строительство	2	2	6	10
Промышленное развитие	5	1	5	11
Сельское хозяйство и общинная жизнь	11	5	2	18
Развитие культуры и образования	11	7	16	34
Итого:	52	32	61	145

*Сост. автором на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1885–1898 гг. Периоды выделены в соответствии с периодизацией истории журнала.

Количественный и содержательный анализ публикаций «Северного вестника» за разные годы его существования, частично отраженный в материалах таблиц 20 и 21, наглядно демонстрирует отсутствие принципиальных различий в языке описания «сибирских» вопросов, в тематических предпочтениях авторов ежемесячника, в наборе актуализируемых ими элементов образов региона с народническими, а по отдельным вопросам и с либеральными изданиями пореформенной эпохи. Аналитические статьи и информационные сообщения «Северного вестника» еще раз подтверждают консолидированную позицию, занимаемую либеральными и либерально-народническими изданиями по вопросам о необходимости распространения на регион земской и судебной реформ, отмены ссылки, уравнения правового статуса сибирской провинции с губерниями «внутренней» России. Данный вывод подтверждается анализом публикаций журнала по «инородческому» вопросу. Наиболее отчетливо позиция ежемесячника была сформулирована рецензентом «Северного вестника» и предусматривала правительственную и общественную заботу о подъеме благосостояния аборигенов, которая позволила бы «инородцам развиваться и принести пользу в общей культурной работе человечества»[652]. Таким образом, опять налицо единство подходов либеральной и

[652] Рец. на кн.: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение // СВ. 1891.№ 7. С. 94.

народнической печати в отношении социальных проблем коренного населения Сибири.

Многие публикации «Северного вестника» на социальную проблематику вызывали большее негодование цензуры и политических оппонентов, чем статьи других народнических и либеральных изданий, традиционно являвшихся объектами критики. Так, статья Н. Арефьева с «цепляющим» внимание читателей заглавием «Кому просвещать Сибирь?», обосновывающая необходимость введения земства в зауральских губерниях и организации широкой сети земских школ[653], вызвала гневную отповедь «Русского вестника». В статье с не менее «говорящим», ориентирующим читателя на дискуссию названием «К вопросу о том, кому просвещать Сибирь», Г. Маляревский резко критикует Н. Арефьева и аргументирует необходимость передачи всех начальных школ региона в ведение православного духовенства[654].

В апреле 1898 г. министром внутренних дел «Северному вестнику» было объявлено первое предостережение «ввиду вредного направления журнала», выразившееся в статьях, помещенных в рубриках «Внутреннее обозрение», «На окраинах», «Провинциальное обозрение» и др.[655] В данном случае важно, что в числе публикаций, вызывавших негодование цензуры, были статьи и сообщения, посвященные крестьянским миграциям в Сибирь[656].

В отношении крестьянских миграций и освещения жизни крестьянской общины в Сибири, развития сельского хозяйства в регионе, проблем землеустройства и землепользования сибирских крестьян «Северный вестник» в разные годы его существования, вне зависимости от редакторских деклараций и установок, занимал ту же позицию, что и народническое «Русское богатство». Данное обстоятельство объясняется, прежде всего, общим кругом авторов, освещавших данные сюжеты. Даже в тех случаях,

---

653 См.: **Арефьев Н.** Кому просвещать Сибирь? // СВ. 1896. № 2. С. 37–47.
654 См.: **Маляревский Г.Я.** К вопросу о том, кому просвещать Сибирь.
655 РГИА. Ф. 777. Оп. 3 (1885). Д. 43. Л. 258.
656 Там же. Л. 348.

когда ведущие разделов, освещающих те или иные фрагменты сибирской действительности, с середины 1890-х гг. дистанцировались от народничества, они соглашались с мнениями народнических публицистов в оценке сельскохозяйственных переселений, в необходимости изучения деятельности артелей, общины[657].

Попутно замечу, что отношение к общине было своего рода демаркационной линией, разделяющей либералов и народников-реформистов, часто сближавшихся в оценке социально-экономических реалий пореформенной России[658]. Максимально упрощая позицию легальных народников, можно утверждать, что они рассматривали общину как важную социально-экономическую базу будущего социалистического переустройства России, способ выстроить новые общественные отношения без участия государства и революции. Данная мировоззренческая установка обусловливала пристальное внимание к судьбам русской общины в других природно-климатических условиях, изучению функционирования органов сельского самоуправления, выявлению и сравнению особенностей великорусской и сибирской общины. «Если общинные порядки в пределах Европейской России, несмотря на их сравнительную изученность, представляют еще много неизвестных и часто совсем неожиданных черт, то в Сибири каждое исследование общинных порядков в некотором роде „открывает Америку“. Здесь жизнь общины, действительно, представляет много оригинального», – обосновывал интерес издания к жизни сибирской общины обозреватель провинциальной печати в 1888 г.[659]

Можно выделить два основных сюжета «общинной» жизни, широко обсуждавшихся на страницах журнала: социальное расслоение крестьянства внутри общины и влияние аграрных переселений на сибирскую общину.

---

[657] См., например: Внутреннее обозрение // СВ. 1896. № 9. С. 28–30; Внутреннее обозрение // СВ. 1897. № 11. С. 55–57; **М.П.** [Петров М.] Провинциальная жизнь // СВ. 1898. № 5. С. 19–21 и др.

[658] На совпадение позиций либералов и легальных народников по многим вопросам социально-экономической и политической жизни страны уже обращали внимание современные исследователи. См., например: **Зверев В.В.** Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 91.

[659] Из провинциальной печати // СВ. 1888. № 4. С. 87.

Одной из наиболее актуальных проблем для народнической и либеральной публицистики был вопрос о разложении общины, появления среди общинников социального неравенства и его влияния на деятельность крестьянского самоуправления. Значительное число своих работ посвятил данному вопросу активный участник народнического движения С.Л. Чудновский. В своей работе «Алтайская поземельная община» он подробно охарактеризовал представления сибиряков о земле и землевладении, выделил причины трансформации общины. К числу последних он отнес рост плотности населения за счет переселенческого движения и углубление имущественного неравенства общинников. Вдумчивый исследователь наглядно показал деморализующее влияние на общину кулацкого элемента, соединяя с ним упадок общинного духа[660]. Соломон Лазаревич связывал прогрессивное развитие сибирского края с сохранением и развитием общины и утверждал, что только «здравый школьный учитель, да подлинное самоуправление, избавленное из-под кабальной зависимости кулака могут способствовать исцелению общины от подтачивающих ее недугов»[661].

Показывая разложение общины, публицисты симпатизировали ей, считали, что только община может противостоять влиянию капитализма и в состоянии сдержать расслоение крестьянства, сохранить равенство однообщинников. Община считалась тем социальным институтом, который будет способствовать быстрейшему освоению Сибири, оградит от хищнического ограбления края, противопоставит себя растущему влиянию капитализма в деревне.

В работах С.Л. Чудновского, С.П. Швецова (С. Марусина), С.М. Пономарева, А.А. Исаева, занимавшихся изучением положения сельскохозяйственных мигрантов в Сибири, поднималась проблема взаимоотношений переселенческого и старожильческого населения в рамках крестьянской общины, анализировались различные представления о

---

[660] См.: **Чудновский С.Л.** Алтайская поземельная община // СВ. 1888. № 9–11.
[661] Там же. № 11. С. 89.

функциях общинного самоуправления как причина конфликтов между сибиряками и новоселами[662]. Названные авторы отмечали индивидуализм сибиряков-старожилов, отсутствие у них положительной мотивации к участию в общинном самоуправлении, объяснявшиеся заимочным способом землепользования.

С.Л. Чудновский выдвинул предположение о влиянии переселения, новых условий жизни в местах водворения на изменение социально-психологических установок в отношении степени влияния «крестьянского мира» на частную жизнь и хозяйственную деятельность сибиряков и переселенцев. Он, в частности, писал об ослаблении «общинного духа» и заметном развитии индивидуализма, о приоритете семейных интересов над мирскими у переселенцев, несколько лет живущих в Сибири[663].

А.А. Исаев, С.М. Пономарев, отстаивая на страницах периодической печати идею государственной и общественной помощи аграрным мигрантам, сравнивали особенности социокультурного облика, результативность хозяйственной деятельности переселенцев и сибирских старожилов, давая последним нелицеприятные характеристики[664]. Апологеты крестьянских переселений упрекали сибиряков в том, что им в меньшей степени, чем «рассейцам», присущ общинный дух, что они менее отзывчивы на мирское горе. Так, С.М. Пономарев отмечал: «Сибирский мир тянет на свою сторону, он консервативен в отношении своих обычаев и земельных распорядков»[665]. Описывая многочисленные проявления социальных конфликтов между переселенцами и старожилами по поводу земле-, лесопользования, характеризуя участие в этих конфликтах сибирской общины, автор рассматривает взаимоотношения старожильческой общины и аграрных мигрантов как «глухую и глубокую драму», «войну» между старым и новым

---

[662] См., например: **Пономарев С.М.** Сибирская община и переселение // СВ. 1887. № 5. С. 59–89; **Исаев А.А.** С переселенцами // СВ. 1890. № 11. С. 11–38; **Марусин С.** [Швецов С. П.] Переселенческое движение на Алтай // СВ. 1891. № 7. С. 21–53.

[663] См.: **Чудновский С.Л.** Алтайская поземельная община // СВ. 1888. № 11. С. 88–112.

[664] Более подробно см., например: **Сверкунова Н.В.** Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. С. 113–124.

[665] **Пономарев С.М.** Сибирская община и переселение // СВ. 1887. № 5. С. 72.

порядком. Старый олицетворяет сибирская община, новый символизирует переселенец. «Эти два фактора столкнулись, как две крупные силы: за общиной стоит её вековечная организация, упругая и стойкая; за переселением – стихийность, его колоссальность, его массовое движение, которое, как могучая волна, заливает всю могучую страну русского востока. Две силы воюют с равными шансами на успех и удачу. Община напрягает свою эластичность, переселение – всю силу напора. Везде идет небывалое смятение. Все будущее обусловлено победой какого-нибудь из этих факторов – и переселение, и община воюют за будущее»[666].

Об изменениях общинных традиций новоселов в ходе адаптации к жизни на новых местах писал А.А. Кауфман. В ходе дискуссии о влиянии переселений на хозяйственное и культурное развитие сибирского региона, развернувшейся на страницах периодической печати в начале 1890-х гг., он высказал мнение об ассимиляции новоселов среди старожильческого населения в процессе хозяйственного и культурного взаимодействия с последним, об адаптирующем воздействии сибирской общины на переселенцев[667]. Достаточно взвешенная оценка процесса взаимовлияния переселенческого и старожильческого населения сибирской деревни принадлежит П.А. Голубеву, замечавшему, что переселенцы оказывают заметное влияние на бытовую и общественную сторону сибирской жизни: «Сибиряк скоро перенимает всё, что выгодно, он не так консервативен, как коренной русский пахарь»[668]. При этом исследователь отмечал, что взаимовлияние старожилов и мигрантов быстрее всего происходит в сфере хозяйственной деятельности, менее динамично изменяются обычаи, традиции, поведенческие стратегии участников культурного взаимодействия.

Исследователи крестьянских миграций в Сибирь изучаемой эпохи были единодушны в том, что под влиянием массового переселенческого

---

[666] Там же. С. 87.

[667] См.: **Кауфман А.А.** Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Сибири // СВ. 1891. № 4. С. 27–52.

[668] **Голубев П.А.** Очерки сибирской жизни // Северный вестник. 1890. № 2. С. 66.

движения, стимулировавшего модернизационные процессы в регионе, происходит изменение значения и функций общинного самоуправления. Под влиянием социальной дифференциации, начавшейся урбанизации община начинает оказывать меньшее социокультурное, нормативное воздействие на крестьян, сохраняя своё значение в области хозяйственной деятельности (перераспределение земли, раскладка податей, участие в организации лесопользования; прием новых членов в свои ряды).

Целенаправленно информируя общественное мнения об условиях жизни в Сибири, ее экономическом, социально-политическом и культурном развитии, авторы «Северного вестника» способствовали динамичному включению региона в коммуникативное, социально-экономическое пространство империи. В качестве одной из мер, интегрирующих Европейскую и Азиатскую Россию, рассматривалось строительство Транссибирской железной дороги. Один из наиболее обсуждаемых легальной народнической прессой сюжетов – цели строительства железнодорожной магистрали. Можно очертить следующий круг задач, решению которых должно было способствовать, по мнению авторов ежемесячника, строительство рельсового пути через Сибирь: 1) геополитические; 2) военно-стратегические; 3) экономические. «Русская жизнь стремится на восток, и остановить этого движения никто не в состоянии. Наше будущее не в болотах Севера, не вознаграждающих труд земледельца, и не в европейских лужах, громко именуемых морями, а на обширнейших, плодороднейших пространствах Востока и Юго-Востока, вознаграждающих труд сторицею, и на широком просторе Великого и Индийского океанов», – обозначал свое видение геополитических приоритетов страны обозреватель провинциальной прессы «Северного вестника» в 1887 г.[669] Военно-стратегическое значение трансконтинентальной железной дороги обусловливалось концентрацией в Манчжурии военных контингентов, «периодически возобновлявшимися

[669] Из провинциальной печати // СВ.1887. № 7. С. 119.

толками» о войне с Китаем и его возможными союзниками, опасениями «мирного захвата Амура и верховьев Уссури китайцами»[670]. Наиболее существенный аргумент в пользу строительства магистрали – ее экономическое и культурно-бытовое значение. Сотрудники народнических журналов выражали надежду на то, что железная дорога позволит преодолеть «экономическую замкнутость» и «культурную косность» Сибири, будет способствовать активизации торговых связей между центром и восточными окраинами, активизирует крестьянские переселения и улучшит их путевые условия. Так, Л. Весин писал: «Военное значение сибирской дороги должно определяться главным образом ее экономической ролью. Чем более дорога будет служить экономическому оживлению Сибири, усилению ее колонизации, тем сильнее будет Россия на востоке и в стратегическом отношении»[671].

Наиболее ярко общественно-политическое кредо издания выражалось в публикациях, посвященных развитию культуры и образования сибирской провинции. Роль интеллигентного человека в провинции, необходимость просвещения ее населения путем организации музеев, библиотек, общественных объединений, направленных на распространение знаний, своевременность развития высшего образования в крае – вот территория интересов сотрудников журнала. Замечу, что основная масса публикаций, посвященных культурнической деятельности интеллигента в сибирской провинции, приходится на 1880-е–начало 1890-х гг. и принадлежат публицистам-народникам. Напомню, что в 1886–1888 гг. соредактором журнала был Н.К. Михайловский, привлекший к сотрудничеству своих соратников и мечтавший сделать журнал трибуной легальных народников. В начале 1890-х гг., несмотря на уход Михайловского, в областном отделе, которым руководил И.П. Белоконский, продолжали сотрудничать журналисты, симпатизировавшие народничеству.

---

[670] Сибирская железная дорога с экономической и стратегической точки зрения // СВ. 1891. № 3. С. 4 –5.
[671] **Весин Л.** Прошлое и настоящее вопроса о Сибирской железной дороге // СВ. 1892. № 10. С. 4.

Изучение публикаций по обозначенной проблематике делает особенно очевидной политику журнала в период его народнической ориентации – конструирование «своей» аудитории, включающей в себя интеллигенцию имперских окраин, и формирование ее ценностных ориентаций, поведенческих стратегий, предполагающих практическую деятельность по преобразованию окружающей действительности. «Идеологическое программирование» реализовывалось, прежде всего, через описание подвижнической деятельности конкретных, «живущих рядом» людей, соответствующих народническим представлениям об идеальном типе поведения интеллигентного человека, путем предъявления читателям набора социокультурных образцов, деятельностных ориентиров. В этой связи значимо, что один из повторяющихся сюжетов анализируемых журналов – рассказ о деятельности Минусинского краеведческого музея и его основателя Н.М. Мартьянова. Типичны следующие эпитеты, при помощи которых оценивалось просветительское значение музея – «урок своим старшим братьям – городам Европейской России», «замечательное учреждение, превратившее глухой, заброшенный городишко в цивилизованный пункт, которым интересуется Европа»[672].

Показательно описание роли Н.М. Мартьянова, явно маркируемой как образцовая для «лиц, гибнущих в провинции от ненахождения себе дела». «С точки зрения общественной Мартьянов представляет из себя особенно в настоящее время достойного внимания деятеля… Если бы в каждом уездном городишке была заведена такая библиотека (имеется в виду библиотека музея. – *Н.Р.)*, какую создал Мартьянов в Минусинске, это имело бы громадное значение в нашей русской жизни, покрытой, как стоячее болото, тиной и плесенью, благодаря низкому уровню развития и полнейшему мраку, царящему в разных дебрях, из которых состоит наше отечество»[673].

---

[672] Из провинциальной печати // СВ. 1886. № 7. С. 110; **Белоконский И.П.** Минусинский публичный музей и библиотека // СВ. 1892. № 2. С. 42.

[673] **Белоконский И.** Минусинский публичный музей и библиотека // СВ. 1892. № 2. С. 41.

Как уже было ранее упомянуто, Белоконский в 1902 г. поместил еще одну статью, посвященную Минусинскому музею и библиотеке, в либеральном «Вестнике Европы». Компаративистский подход позволяет увидеть нюансы, позволяющие предположить установки, принимаемые во внимание авторами, помещающими тексты на одну и ту же (или схожую) проблематику в разных изданиях. В разбираемых текстах Белоконского присутствуют одинаковые структурно-содержательные элементы: рассказ о городе, в котором волей судьбы оказался провизор Н.М. Мартьянов («жалкий городишка», «заброшенный городок», «серый», «мизерный», «почта приходит два раза в неделю», «окрестности – тоскливые»); описание подвижнической деятельности организатора музея («тотчас по приезде приступил к работе, отдавши ей всего себя, заразил своей энергией, своим необычайным трудолюбием всех, кто с ним соприкасался, поставив на ноги все население»); характеристика современного состояния музея и библиотеки, а также их значения для местного населения. Естественно, что тексты, написанные через десятилетний промежуток, отличает информационная составляющая. Однако при внимательном прочтении очевидно, что автор в разных случаях использует разные модели языковой презентации информации. В статье, опубликованной в издании, ориентирующемся на читательскую аудиторию, симпатизирующую народникам, на мой взгляд, усилены дидактические моменты. Эмоционально-экспрессивно насыщенный текст не только ярко передает отношение автора к деятельности интеллигента-подвижника, но и обладает явно выраженной апеллятивной функцией, более открыто претендует на моделирование социального поведения читателя. Публикация «Вестника Европы» позволяет предположить более отстраненную позицию автора, проявляющуюся в более сдержанных эпитетах при описании «медвежьих углов» и захолустьев нашего отечества, культурного и социального значения «просветительских» центров Минусинска. Сравним с вышеприведенной цитатой из «Северного вестника» образца 1886 г. выдержку из текста,

помещенного в «Вестнике Европы»: «В настоящее время Минусинск, конечно, уже не тот…проведен теперь телеграф, начали ходить пароходы по Енисею и пр. Но все же, не только с западноевропейской, но и с точки зрения Европейской России, и до сих пор город этот представлял бы страшное захолустье, если бы в нем не было музея с библиотекой при нем. Эти же учреждения сделали Минусинск одним из культурных городов, каких немного в нашем обширном отечестве. И все это сделано благодаря энергии, уму и организаторскому таланту одного человека»[674]. Воспитательные интенции Белоконского уже не напрямую адресуются читателям, а становятся очевидными через характеристику личности и деятельности Мартьянова. «…история Минусинского музея показывает, что нет такой глуши, в которой энергичная личность с организаторским талантом и любовью к намеченной цели не могла бы произвести чудес, заставить идти за собой все население», – читаем в «Вестнике Европы»[675]. Конечно, при сопоставлении текстов нельзя не принимать во внимание, что автор последнего стал на десять лет старше, и новый социальный опыт не мог не наложить отпечаток на оценки людей и явлений, к которым обращался ранее. Однако можно предположить зависимость описания прославленного сибирского музея от «образа» изданий, их ориентации на разные сегменты читательской аудитории.

Обращает на себя внимание характерная особенность публикаций «на культурную тематику». Они не только содержат информацию о деятельности в регионе конкретных образовательных, культурных учреждений и организаций, но и оценивают их потенциал в качестве объектов культурнической работы провинциальной интеллигенции[676]. «Основание общественной библиотеки в провинциальном городе – это одно из тех живых дел, которые ищут молодые, не отуманенные головы и здоровые гуманные

---

[674] **Белоконский И.П.** Н.М. Мартьянов и Минусинский музей (1877 – 1902 гг.) // ВЕ. 1902. № 4. С. 759.
[675] Там же. С. 750–751.
[676] См., например: Из провинциальной печати // СВ. 1888. № 6. С. 90–91; Из провинциальной печати // СВ. 1892. № 11. С. 48–59; **Прозоров Л.** [Полонский Л. А.] Провинциальная печать // СВ. 1896. № 3. С. 1–2; Рец. на кн.: Общество попечения о начальном образовании г. Барнаула Томской губ. // СВ. 1896. № 12. С. 67 и др.

натуры. Это одно из тех возвышенных и благородных жизненных дел, которые требуют для своего проведения большой решимости не увлекаться банальными вкусами и пристрастиями публики, большой выдержки в борьбе с мелочными, досадными препятствиями большого бескорыстия в работе, ибо истинное духовное просвещение не увлекает толпу и далеко не сразу побеждает тьму, объемлющую человеческую природу», – называл обозреватель «Северного вестника» адреса культурнической деятельности, рассказывая о библиотеках Томска, Тобольска, Енисейска[677].

Эпистолярное наследие ссыльных народников позволяет предположить, что общественные объединения, о деятельности которых так много и часто писал «Северный вестник», стали одним из идентификационных символов сибирской интеллигенции. В письме Д.А. Клеменца А.И. Иванчину-Писареву читаем: «Самарской интеллигенции я еще не видел, так как сижу все время дома. Здесь нет такого центра, около которого обыкновенно группируется вся интеллигенция в сибирских городах: в одних местах – это «школьное общество», в других – музей, в третьих – газета. Здесь все как-то раскидано»[678].

Моделируя социальное поведение, публицисты зачастую напрямую предлагали кодекс поведения интеллигента в провинции, адресованный и сибирским читателям: «Вы должны осторожно, медленно и с полным самообладанием проводить в жизнь ваши планы. Не увлекайтесь, не раздражайте других, не сделайте промахов на первых шагах, рассчитывайте на большой круг сочувствующих. Времена Чацкого не прошли, в провинции не любят беспокойных людей, их отказываются понимать и смотрят на них как на чудаков… Вам придется прибегать к политике, к партийным счетам и при этом постоянно чувствовать, что борьба ведется неравным оружием, что противники ваши не брезгуют в борьбе никакими средствами» [679].

---

[677] Из провинциальной печати // СВ.1892. № 12. С. 21.
[678] ИРЛИ. Ф. 114 (А.И. Иванчин–Писарев). Оп. 2. Д. 204. Л. 6 об.
[679] Из провинциальной печати // СВ. 1893. № 1. С. 41.

Характерной чертой образа региона, презентуемого на страницах журнала в разные периоды его существования, было сопоставление Сибири и Америки. При этом Америка воспринималась как некий социокультурный идеал, аналог новой, свободной, прогрессивной и экономически благополучной жизни. Как отмечают исследователи, активное конструирование русской интеллигенцией образа Америки началось с 1860-х гг.[680] Участник народнического движения В. Дебогрий-Мокриевич писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «В конце шестидесятых годов замечалось вообще увлечение Америкой, американской жизнью, американскими свободными учреждениями; некоторые ездили туда, наблюдали тамошние порядки, писали о них в русских журналах»[681]. Пеняя читающей публике на чрезмерное увлечение Америкой и слабую информированность о восточных окраинах страны, рецензент романа К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места» замечал: «Наша публика лучше знакома с жизнью американского Фар-Веста, австралийских пустынь или Ново-каледонской ссылкой, нежели с жизнью и обществом Сибири»[682].

К 1890-м гг. в общественном мнении аналогии Сибири и Америки стали достаточно расхожим явлением, публицистическим штампом. Примечательно, что чаще всего сопоставление выстраивалось как дуальная оппозиция, в которой Америка и американцы рассматривались как образец, которому в силу разных причин не соответствовала Сибирь и ее жители. В этом смысле типична реплика обозревателя провинциальной печати «Северного вестника» Л.А. Полонского (Прозорова): «…многие в Сибири с недовольством и даже тревогой относятся к постройке железной дороги, между тем как в Америке „дальний запад“ приветствовал каждую из нескольких линий, соединивших его со старыми, промышленными штатами и приблизившими его к Европе»[683]. Н. Арефьев, автор серии очерков о Сибири, называл сравнение сибиряков и американцев «нелепой басней,

---

458 См.: **Эткинд А.** Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах. М., 2001.
681 **Дебогрий–Мокриевич В.** Воспоминания. СПб., 1906. С. 67.
682 Рец. на кн.: Станюкович К.М. Не столь отдаленные места. СПб., 1889 // СВ. 1889. № 3. С. 80.
683 **Прозоров Л.** [Полонский Л. А.] Провинциальная печать // СВ. 1894. № 1. С. 30.

плодом не в меру усердных звонарей своего прихода и слабого знакомства российских обывателей с отечественной географией»[684]. По мнению автора, американец умен, образован, предприимчив и изобретателен; вся его жизнь – систематическая и упорная борьба с природой и окружающими его неблагоприятными условиями; он – царь природы и всего окружающего, счастливый обладатель высокой культуры и промышленности, громадных материальных богатств, цивилизованных путей сообщения, чудных городов и селений. Сибиряк же, хотя и не глуп, но в массе своей глубоко невежествен, апатичен, консервативен; жизнь сибиряка – ленивое, полусонное существование, вся его деятельность – легкий, примитивный труд и хищническое пользование дарами природы. Схожую оценку сибиряков в сравнении с американцами мы находим в рецензии А. Скабичевского на собрание сочинений сибирского писателя Н.И. Наумова, опубликованной в «Новом слове»[685]. Причины подобного негативизма, на мой взгляд, кроются не столько в идеалистическом восприятии Америки, сколько в крушении иллюзий в отношении Сибири как «якоря спасения России», связанном с разочарованием в результативности крестьянских переселений; с наблюдением за разложением общины и ростом социального неравенства в сибирской деревне; с затянувшимся ожиданием распространения на регион действия земской реформы.

Реалии сибирской жизни актуализировались публицистами «Северного вестника» не только в связи с их пристальным вниманием к имперской окраине, но и в контексте обсуждения других мировоззренчески значимых вопросов. Сибирский материал привлекался для подтверждения авторских выводов в статьях, посвященных проблемам женской эмансипации, русского сектантства, просветительской роли интеллигента в провинции, деятельности сельскохозяйственных артелей, развития общинного самоуправления и др.

---

[684] **Арефьев Н.** Дела и нужды Сибири // СВ. 1897. № 1. С. 23.
[685] **Скабичевский А.** Николай Иванович Наумов // Новое слово. 1897. № 2. С. 140–141.

«Женская тема» особенно активно обсуждалась «Северным вестником». Можно предположить, что одной из причин ее востребованности было наличие социально активных женщин среди издательниц журнала (А.В. Сабашникова, А.М. Евреинова, Л. Гуревич), во многом определявших образ издания. В каких же контекстах «делатели» журнала обращали свое внимание на сибирских женщин? Информативны в этом смысле начальные строки статьи Пага «Очерки сибирской жизни. Женское царство»: «В то время, когда в нашей литературе и интеллигентном обществе шли страшные бури, раздражаясь иногда грозами и ураганами по поводу женского вопроса, народное море было совершенно тихо, обычаи и привычки сковывали и сковывают его наподобие никогда не тающего льда… Теплота лучей знания и сознательной морали не была в состоянии растаять ледяной покров народного моря. Еще менее эти благотворные лучи могли действовать на глухие и далекие окраины нашего далекого отечества. В какую-нибудь Восточную Сибирь эти благотворные лучи и борьба за равноправность женщин могли достигать разве только отраженным путем. А между тем, здесь-то мы и встречаем довольно любопытное явление женской равноправности, доходящей в некоторых местах до полной самостоятельности и даже преобладания женщин в семейно-бытовой жизни народа»[686]. Основываясь на собственных наблюдениях за „женской повседневностью“ в Киренском округе Иркутской губернии, автор делает вывод о руководящей роли женщин в хозяйственной и бытовой жизни местного крестьянства. Очевиден социальный пафос статьи – многообразие народной жизни, малоизученное во всей его полноте, предлагает разные женские поведенческие сценарии, содержание которых зависит от исторически сложившихся экономических условий жизни. Образ жизни сибирячек, описанный автором, интерпретируется как антитеза стереотипному облику бесправной, замученной крестьянки «внутренней России».

---

[686] **Паг.** Очерки сибирской жизни. Женское царство // СВ. 1889.№ 11. С. 30.

Делая сибирячек героинями журнальных текстов, «Северный вестник» предлагал социокультурные образцы женского поведения, программируя современниц на их воспроизведение. Так, В. Стасов в воспоминаниях о А.В. Потаниной причислял ее к «новой породе женщин», которые «сбрасывают с себя цепи векового морального рабства и пробуют примкнуть к той же интеллектуальной деятельности, на которой мужчина уже несколько столетий проявлял всю свою силу дарования, ума, иногда и гения»[687]. Сравнения А.В. Потаниной с женой Шлимана и с Жанной Дьелафуа (женой знаменитого путешественника) делают очевидной ту гендерную роль, которая маркировалась как достойная для современной женщины – роль жены-подруги, помощницы общественного деятеля, просветителя, борца за прогрессивные идеалы.

Однако публицисты последовательно отстаивали и права женщин на самостоятельную профессиональную биографию. Рассказывая о запрете заниматься адвокатской деятельностью сибирячкам Кичеевой, Маркаковой и Аршауловой, обозреватель провинциальной печати Л.А. Полонский гневно вопрошал: «Если женщины принимаются в число врачей, то почему же они не могут допускаться в число адвокатов?.. Бывали монархини, со славой правившие государствами, а тут вдруг уверяют, что женщина не может быть поверенной на суде»[688]. При этом автор перечисляет те сферы общественной и профессиональной деятельности, которые были «освоены» женщинами: медицина, учительство, крестьянский и фабричный труд, литературная, благотворительная деятельность.

Значительное число публикаций «Северного вестника» посвящено модной в среде либеральной интеллигенции и знаковой для народников теме – сектантству. Обозначая причины интереса народников к сектам, сошлемся на авторитетное мнение А.М. Эткинда. Он отмечал, что народническая традиция, начиная с почвенника А.П. Щапова, интерпретировала

---

[687] **Стасов В.** Мои воспоминания о А. В. Потаниной // СВ. 1895. № 4.С. 248–249.
[688] **Прозоров Л.** [Полонский Л. А.] Провинциальная печать // СВ. 1893.№ 6. С. 42.

мистические культы как проявления социального протеста, а сектантские общины – как огромный, тайный, перспективный ресурс грядущей революции[689]. Описывая историю появления сектантов в Сибири, их расселение по губерниям, народники акцентировали внимание не столько на их религиозных представлениях, сколько на способах ведения хозяйства, бытовом укладе, семейных отношениях.

В большинстве проанализированных нами публикаций упоминается о рациональных способах ведения хозяйства у субботников, духоборцев, скопцов, о более высоком культурном и образовательном уровне сектантов по сравнению с остальным населением сибирской деревни[690]. По-разному оценивая сущность сектантских учений и их влияние на нравственный облик современников, публицисты были единодушны в критике властей за преследования людей иного вероисповедания. Очевидны авторские симпатии к людям, гонимым, страдающим за свои идеи.

Письма Н.М. Астырева в редакцию «Северного вестника» позволяют уточнить авторские интенции и выяснить особенности работы литератора над текстами о духовных «диссидентах». «Со мною или, лучше сказать, с обещанной статьей моей случилась отчасти приятная, отчасти неприятная история. Судите сами. Я предполагал дать статью „В гостях у духоборцев и субботников“. Вся статья у меня уже написана и стал в свободное время ее переписывать и отделывать. Вместе с тем, я вознамерился дать о субботниках на 1–2 страницах краткую историю об этой удивительной секте. Захожу в Публичную библиотеку, намереваясь пробыть за делом 2–3 часа, но вот уже пять дней сижу по 5–6 часов, а работа моя все больше и больше растягивается и ей конца не видать, по крайней мере, в ближайшем будущем. Дело в том, что о субботниках имеется лишь скудный материал, притом разбросанный по единичным провинциальным изданиям, по-видимому, еще никто не задавался целью объединить его. А сама секта так любопытна, что я

---

[689] **Эткинд А.М.** Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 64.

[690] См. например: Из провинциальной печати // СВ. 1886. № 11. С. 126–127; Из провинциальной печати // СВ. 1889. № 6. С. 56–57; **Астырев Н.** Субботники в России и Сибири // СВ. 1891. № 6. С. 34–69; **Е.С.** Сектанты – поселенцы в Якутской губернии (Из личных наблюдений) // СВ. 1891. № 1. С. 20–39.

решился пересмотреть, по возможности, все источники и дать уже более серьезный исторический обзор секты», – читаем в письме от 13 февраля 1891 г.[691] Характерно объяснение одной из причин желания «поделиться» с читателями своими впечатлениями от знакомства с сибирскими «сектантами» – быть услышанным в Европейской России: «Мой визит к духоборцам был вкратце описан в „Сибирской газете“ года три назад и, конечно, остался никем в России не замеченным»[692].

Не меньший этнографический и мировоззренческий интерес у народнических публицистов «Северного вестника» и «Русского богатства» вызывали старообрядцы[693]. «Интересуясь не только особенностями их внешнего быта и проявлениями религиозной жизни, но и умственными запросами, я много раз имел случай знакомиться с их литературою, рассматривать и штудировать их полемические брошюры, тетради», – так фиксировал области исследовательского интереса самодеятельных этнографов один из сибирских корреспондентов «Русского богатства» А. Шерстобитов[694]. Как правило, статьи о сектантах и «раскольниках» в Сибири строились на основе личных наблюдений и впечатлений их авторов, движимых желанием понять «другого», рассказать о нем современникам. Анализ публикаций о сибирских «инородцах», «раскольниках» и сектантах, об образе жизни сибирских старожилов свидетельствует о справедливости мнения А.М. Эткинда о том, что отношения между интеллигенцией и народом, особенно населением периферических колоний империи, строились по принципу внутренней колонизации, совпавшей с эпохой просвещения. Народ мыслился как «другой»: его надо учить, его надо изучать, у него надо учиться[695]. В Сибири усиливались основания для такой оппозиции, так как

---

[691] ИРЛИ. 19.798. Л. 1.
[692] Там же. Л. 2.
[693] См., например: **Чудновский С.Л.** Раскольники на Алтае: Выдержки из дневника // СВ. 1890. № 9. С. 39–74; **Шерстобитов А.** Старообрядческая энциклопедия: Письмо из Барнаульского окр. // РБ.1899. № 8. С. 127–131; **О.Б.А.** [Анненский Н.Ф., Короленко В.Г.] Хроника внутренней жизни // РБ. 1897. № 5. С. 171–172.
[694] **Шерстобитов А.** Старообрядческая энциклопедия. С. 128.
[695] **Эткинд А.М.** Хлыст. С. 59–62; **Он же.** Русская литература. XIX век: Роман внутренней колонизации. С. 103–124; **Он же.** Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России. С. 265–299.

появлялись географические, этнические, религиозные, а порой и лигнвистические различия между «колонизаторами» и «колонизуемыми».

В последние годы существования «Северного вестника» одним из предметов публицистического дискурса стали вопросы о свободе вероисповедания и о праве на проживание в Сибири. Подвергая резкой критике сибирского корреспондента «Нового времени» за статью «Еврейский Иркутск», в которой говорилось о «еврейском засилье», внутренний обозреватель отстаивает право свободного проживания в Сибири всех «без различия веры и племени», кто «способен в этой далекой и суровой окраине внести свою лепту в дело ее материального и морального развития»[696].

Критикуя консервативную прессу за националистические публикации, касающиеся имперских окраин, Л.А. Полонский с иронией восклицал: «Если послушать таких „зилотов“..., то будто в России уже не осталось никаких иных нужд, никакого плодотворного дела, кроме всяческого укрощения инородцев всякого наименования. Дело дошло до того, что покойного приамурского губернатора Корфа обвиняют в поддержке язычества против православия, в содействии деспотизму манз и китайцев над русскими!»[697]. В качестве примера одного из насущных русских национальных интересов в Сибири публицист называет заботу об устройстве самовольных переселенцев.

Количественный и тематический анализ публикаций «Северного вестника» свидетельствует о том, что в последние годы существования издания уменьшилось число публикаций на «сибирские темы», снизился их социальный пафос (предметами обсуждения порой становились криминальные истории, частные сюжеты сибирской жизни), реже стали публиковать свои беллетристические, научные, публицистические работы авторы, ранее являвшиеся украшением журнала. Это объяснялось мировоззренческим кризисом издания, идеи которого находили все меньше

---

[696] Внутреннее обозрение // СВ. 1896. № 8. С. 317–319.
[697] **Прозоров Л.** [Полонский Л.А.] Провинциальная печать // СВ. 1893. № 8. С. 40–41.

почитателей (читателей, подписчиков), а также с тяжелыми финансовыми затруднениями, делающими невозможной оплату авторам за статьи.

Пример «Северного вестника» не только иллюстрирует финал толстого журнала «вне направления» в пореформенной Российской империи, но и наглядно демонстрирует влияние идеологической принадлежности издания на конструируемый им образ региона. Очевидны следующие «внеидеологические» элементы образа Сибири, считывающиеся со страниц ежемесячника в разные периоды его существования: 1) территория, малоизвестная русским интеллектуалам; 2) регион с богатыми природными ресурсами; 3) место ссылки, сравниваемое с помойной ямой для «человеческих отбросов»; 4) край, население которого не лишено культурного и этнографического своеобразия.

Сопоставление текстов «Северного вестника» и «Русского богатства» на сибирскую тему позволяет выявить «народническую» версию сибирского журнального дискурса. Ее системообразующими характеристиками можно считать: 1) осмысление Сибири как неотъемлемой части империи, имеющей общие с «внутренней» Россией проблемы и перспективы; 2) стабильный интерес к «таинственным струям народной жизни», статистическое, этнографическое изучение сибирского крестьянства; 3) пристальное внимание к судьбам сибирской общины, рассматривавшейся как «социалистический ресурс» и шанс избежать капиталистических катаклизмов; 4) осознанная деконструкция мифологических представлений о Сибири как о «земле обетованной» и «Мекке» для переселенцев; 5) поиски аналогий в социально-экономическом и культурном развитии Сибири и Америки; 6) заинтересованность в исследовании образа жизни и социокультурного своеобразия сибирских «духовных» диссидентов – старообрядцев и сектантов.

2. 4. Сибирские вопросы в легальных марксистских ежемесячниках

С середины 1890-х гг. все большим авторитетом среди читающей публики Российской империи начинают пользоваться марксистские журналы. «Молодежь толпами уходила в марксизм», – писал об этом времени В.В. Вересаев[698].

Включалась ли Сибирь в коммуникативное пространство марксистов? Каким представал регион со страниц марксистских изданий? Что нового, по сравнению со своими предшественниками и современниками-оппонентами, внесла легальная марксистская пресса в формирование образа Сибири в массовом сознании россиян? В поисках ответов на эти вопросы обратимся к многотиражным журналам, транслировавшим идеи легального марксизма – «Мир божий», «Новое слово», «Жизнь»[699].

Недолгое время существования данных изданий, общий круг авторов, определявших в глазах читателей облик журналов, декларируемая их лидерами идейная преемственность позволяют отойти от востребованной нами схемы реконструкции образа региона через образ издания при структурировании параграфа, сохраняя ее при изложении материала. Стремление выяснить, насколько марксистская парадигма обусловливала освещение реалий сибирской жизни, предопределяла ли она выбор тематизмов и детерминировала ли содержание журнальных публикаций по «сибирским» вопросам, определило содержание раздела.

Журнал «Мир божий», начавший издаваться с декабря 1891 г., первоначально замышлялся его издательницей, вдовой известного виолончелиста, хозяйкой модного в северной столице литературного салона, А.А. Давыдовой как «литературный и научно-популярный журнал для юношества». До 1896 г. журнал именно так самопрезентовался образованной публике. Отраженный в подзаголовке сегмент читательской аудитории, на который изначально ориентировалось издание, предопределил структуру издания и приглашение в качестве редактора В.П. Острогорского,

---

[698] **Вересаев В.В.** Из литературных воспоминаний: Н.К. Михайловский // Собр. соч.: В 4 т. М., 1985. Т. 3. С. 350.

[699] Марксистский журнал «Начало» не включен в данный перечень в связи с коротким сроком его существования – 5 месяцев.

авторитетного педагога, профессора, читавшего курс истории русской литературы на Женских педагогических курсах. Программа издания включала в себя следующие разделы, в значительной степени обозначающие его педагогические и просветительские притязания: «Беллетристика. – Путешествия. – Очерки всеобщей и русской истории. – Этнография отечественная и иностранная. – Критика: очерки по истории литературы русской и иностранной. – Библиография русских и некоторых иностранных книг. – Очерки из областей наук о природе и человеке. – Смесь».[700]

Воспитательную функцию журнала, по мнению его первого редактора, должны были усиливать материалы биографического характера. В.П. Острогорский писал В.Г. Короленко о своем намерении, впоследствии реализовавшемся в журнале, помещать на страницах издания «биографии не только личностей громких, но и скромных тружеников на пользу народа (учитель, фельдшерица, священник и т.п.)»[701].

Доступной для молодых читателей была подписная цена на журнал – 8 р. (с доставкой и пересылкой), 7 р. – без доставки[702]. В воспоминаниях М.К. Куприной-Иорданской, приемной дочери А.А. Давыдовой, жены замечательного русского писателя А.И. Куприна, сотрудника «Мира божьего», находим такой собирательный портрет воображаемого читателя журнала: «Наш читатель – это средний интеллигент, по большей части малоимущий»[703].

Любопытную характеристику адресата «своего» ежемесячника в первые годы его существования встречаем в письме А.А. Давыдовой А.А. Кауфману. Возвращая ему статью по переселенческому вопросу, издательница аргументировала свой отказ напечатать ее тем, что статья «очень уж сложна, не для читателей «Мира божьего»[704]. В том же письме читаем: «…писавши в «Мир божий», надо непременно помнить, что наш

---

[700] Объявление о подписке на 1892 г. // МБ. 1892.№ 1.
[701] Цит. по: **Мыльцына И.В.** «Мир божий» – журнал для юношества (первый год деятельности) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в. М., 1973. С. 162.
[702] См., например: Объявление о подписке на 1901 г. // МБ. 1900. № 11.
[703] **Куприна-Иорданская М.К.** Годы молодости. М., 1966. С. 176.
[704] ГАРФ. Ф. 5101. Оп. 1. Д. 69. Л. 12.

читатель особенный, писать как для большого журнала нельзя, надо к нему приноравливаться. Наши ученые этого не любят, но вообще ... книги их не проникают в массу, а оттого их и читают только избранные, и мы, составляющие большинство … мы ничего не имеем»[705].

Первые годы своего существования издание отличалось определенной политической неангажированностью. А.И. Богданович, со второй половины 1890-х гг. ставший фактическим редактором журнала, отмечал, что время, когда А.А. Давыдова приступила к изданию «Мира божьего», «было временем брожения общественной мысли. Новое только еще намечалось, старое казалось еще в силе, хотя уже постепенно утрачивало свое обаяние. Такт и понимание ею общественного настроения в то время именно сказались в том, что журнал сохранил полную свободу действия, не связав себя ни с каким определенным течением»[706]. Однако, как замечали информированные современники и историки журналистики, в первые годы своего издания журнал явно симпатизировал народникам, о чем свидетельствуют теплые отношения редакции с «Русским богатством» и состав авторов, активно публиковавшихся на его страницах, в их числе: Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.М. Станюкович, А.М. Скабичевский, С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, Н.Н. Златовратский.

Переход журнала на позиции легального марксизма произошел в середине 1890-х гг. под влиянием А.И. Богдановича. Сотрудница журнала, известная переводчица Э.К. Пименова вспоминала впоследствии: «Превращение журнала в большой научно-литературный и политический орган произошло по инициативе А.И. Богдановича. Он настаивал на этом и долго убеждал Александру Аркадьевну (Давыдову. – *Н.Р.*), что это необходимо для преуспеяния и развития журнала. В конце-концов, уступая его наставлениям и его доводам, она сняла с журнала надпись „Для юношества и самообразования“. Мы смеялись и говорили, что журнал вырос

---

[705] Там же. Л. 13.

[706] Цит. по: **Скворцова Л.А.** «Мир божий» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–начала XX века (1890–1904). С. 139.

и стал совершеннолетним. Он действительно вырос и, идя далее по этому пути, стал органом марксистов, потому что Ангел Иванович был марксист и это направление было ему наиболее близким. Марксистом был и Туган-Барановский и Струве и другие из ближайших сотрудников журнала»[707].

Как уже было замечено Л.А. Скворцовой, идейное перевоплощение издания из безмятежной «заводи» юношеского журнала к обличителю острейших социально-политических проблем современности проявилось, прежде всего, в выдвижении на первый план статей «обществоведческой» тематики, в публикации философских, социологических, политэкономических исследований, а также появлением рецензий на работы известных представителей «общественных наук». На страницах «Мира божьего» были опубликованы положительные рецензии на русские переводы книг Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», К. Каутского «Возникновение брака и семьи», статьи М.И. Туган-Барановского «Значение экономического фактора в истории» и П.Б. Струве «Основные вопросы и понятия политической экономии. По поводу книги К. Маркса «Критика некоторых положений политической экономии»», рецензия В.И. Ленина на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова. Таким образом, вплоть до перехода в руки легальных марксистов «Нового слова» (в феврале 1897 г.) «Мир божий» оставался не только первым, но и единственным журналом, предоставившим свои страницы для пропаганды марксистских идей [708].

О росте популярности в обществе марксистских идей свидетельствует резкое увеличение числа подписчиков журнала после его перехода на позиции легального марксизма: с 7990 в 1897 г. к 16000 в 1903 г.[709]

Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря на явную приверженность марксистским идеям и идеалам, журнал и с середины 1890-х гг. продолжал помещать на своих страницах народническую беллетристику,

---

[707] **Пименова Э.К.** Дни минувшие. С. 159–160.
[708] **Скворцова Л.А.** «Мир божий». С. 145–147.
[709] Там же. С. 152.

печатать писателей, получивших свое «литературное крещение» в «Русском богатстве». Анализ художественных произведений, посвященных Сибири, опубликованных в ежемесячных журналах пореформенной эпохи (за исключением, пожалуй, консервативных), позволяет согласиться с репликой А.И. Богдановича, оброненной в разговоре с А.И. Куприным в начале 1890-х гг., относительно того, что в беллетристических отделах толстых журналов «везде все одни и те же имена»[710]. Среди авторов марксистского издания встречаем В.Л. Серошевского, Г.А. Мачтета, К.М. Станюковича, а также В.В. Вересаева, А.И. Куприна, И.А. Бунина, Н.Г. Гарина-Михайловского, начинавших литературную карьеру в «Русском богатстве» и порвавших впоследствии с народничеством.

Публикации о Сибири находим уже в первых номерах журнала. Наиболее яркой из первых статей о «сибирской жизни», уже отмеченной вниманием исследователей, можно назвать развернутую рецензию на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», опубликованную под криптонимом «А.А.К.»[711]. По моему мнению, ее автором является известный статистик, экономист А.А. Кауфман, неоднократно помещавший в журнале свои статьи и рецензии. Для нас рецензия интересна главным образом тем, что содержит развернутый перечень вариантов номинаций региона, представленных в тезаурусе россиян пореформенной эпохи: «…для одних Сибирь страна морозов и тундр; для других – непроходимый девственный лес, изобилующий хищными зверями и дикарями; для третьих – страна ссыльных и бродяг, где убийства, грабежи и т.п. составляют обычный порядок вещей; для четвертых – „золотое дно“, открывающее обширный простор для всевозможных видов наживы и т.д.»[712] Вину за «сбивчивые и недостоверные» представления россиян об «обширной окраине нашего отечества» автор возлагает на исследователей, поверхностно изучавших Сибирь и транслировавших неверные представления читающей публике. В качестве

[710] **Куприна-Иорданская М.К.** Годы молодости. С. 30.
[711] Об этой статье упоминает в своей работе **Мыльцына И.В.** «Мир божий» – журнал для юношества (первый год деятельности). С. 180–181.
[712] **А.А.К. [**Кауфман А.А.] Богатство и бедность Сибири // МБ. 1892. № 7. С. 40.

меры, способной изменить ситуацию, в контексте представлений пореформенной публицистики, называется просвещение населения осваиваемой окраины, ибо только с ростом интеллектуальных сил сибирского общества придет осознание невозможности продолжения хозяйствования на прежних хищнических основаниях и придет навык рационального использования естественных богатств региона.

С первых выпусков журнала очевидны несколько тематических ориентиров, актуальных для редакционного коллектива и касающихся жизни сибирской провинции. Как свидетельствует таблица 22, их набор существенно не отличается от либеральных и народнических ежемесячников, однако варианты интерпретации свидетельствуют о новых чертах в моделируемом изданием образе региона, впоследствии развитых другими марксистскими изданиями.

Таблица 22

Количество публикаций, посвященных «сибирской тематике», на страницах журнала «Мир божий» (1892–1904 гг.)*

Тема	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Рабочий вопрос	1	–	–	1	–	1	–	2	–	–	–	–	1	6
Сибирская ссылка	–	–	–	2	2	1	1	–	1	–	–	1	–	8
Этнография русского и аборигенного населения	1	2	2	2	1	2	3	4	–	3	3	2	1	26
Железнодорожное строительство	–	1	–	1	–	–	2	–	–	–	–	1	–	5
Переселенческий вопрос	–	–	–	1	1	1	1	3	2	1	1	–	–	11

Медико-санитарные условия жизни населения	–	–	–	–	–	–	1	1	3	1	1	–	–	7
Развитие культуры и образования	2	2	2	2	2	2	1	1	–	4	4	3	4	29
Управление населением края	–	1	–	–	1	1	–	–	2	2	1	–	2	10
Мифмейкеры региона	1	–	–	1	3	–	–	1	1	2	1	–	1	11
Итого:	5	6	4	10	10	8	9	12	9	13	11	7	9	113

* Подсчитано автором на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1892–1904 гг.

Сплошной просмотр марксистского ежемесячника «Жизнь» (1898–1902 гг.) и журнала «Новое слово» марксистского периода (с марта по декабрь 1897 г.) позволяет сделать вывод о сходстве тематических приоритетов в отношении Сибири, характерном для всех изданий рассматриваемого направления.

Как показывают данные таблицы 22, на одно из первых мест по количеству публикаций выходят статьи, посвященные этнографии аборигенного населения региона и особенностям его взаимодействия с русскими переселенцами. Как и в других марксистских изданиях, наряду с публикациями научно-популярного характера[713], художественными произведениями[714] и рецензиями на работы современных этнографов и

[713] См., например: **Кроль М.А.** По кочевьям забайкальских бурят // НС. 1897. № 2. С. 107–126, № 3. С. 131–158, № 4. С. 112–141.

[714] См.: **Серошевский В.Л.** Предел скорби: Повесть из жизни прокаженных // МБ. 1900. № 3. С. 78–113; № 4. С. 142–179; **Тан** [Богораз-Тан В. Г.] Восемь племен: Из древней жизни крайнего северо-востока // МБ. 1903. № 5. С. 21–48.

путешественников[715], типичными для «домарксистского» периода журнала, доминируют статьи и информационные сообщения «на злобу дня» о «вымирании» «инородцев». *«Новая беда в Забайкалье», «Прокаженные на крайнем севере»* – так через заголовки информационных сообщений моделировалось отношение читателей к положению «инородческих» народов Сибири, повседневность которых описывалась при помощи таких устойчивых словосочетаний, как: «убогая жизнь», «голые и голодные», «вымирание, доведенное до состояния полного разорения и беспомощности».

Ссылаясь на материалы сибирской периодической печати, журналы сообщали читателям о голодовках малочисленных народов Сибири вследствие сокращения пастбищных угодий и лесных массивов и ухудшения экологического состояния сибирских рек, о случаях людоедства, о широко распространенных инфекционных заболеваниях, таких как сифилис и проказа[716]. Повторяющиеся описания внешности больных людей, изобилие физиологических подробностей их повседневного существования, обусловленных заболеванием, призваны были показать весь «ужас правды» и раскрыть глаза на бездействие властей в отношении страдающих «инородцев». Типично следующее изображение прокаженных якутов, наглядно показывающее специфику идеологического программирования читателей: «Двое из больных, совсем уже полусгнившие, представляют ужасный вид: волосы наполовину вылезли, бровей нет, лицо – синебагровый пузырь, на котором масса бугров и язв разной величины, на всем теле такие же бугры, из коих очень многие изъязвились и представляют собой гнойные

[715] См., например: Рец. на кн.: Грум-Гржимайло Г.Е. Очерки Чукотского полуострова // МБ. 1902. № 9. С. 83–85; Рец. на кн.: Львов В. Самоеды // МБ. 1903. № 8. II отд. С. 121; **П. Г-в**. Рец. на кн.: Носилов К.Д. На Новой земле. СПб., 1903 // МБ. 1904. № 1. II отд. С. 112–113; Рец. на кн.: Серошевский В.Л. Якутские рассказы. СПб., 1895 // МБ. 1895. № 6. II отд. С. 2–4; Рец. на кн.: Дионео [И. В. Шкловский] На крайнем северо-востоке Сибири. СПб., Б.г. // МБ. 1895. № 6. II отд. С.4–5; Рец. на кн.: Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования // НС. 1897. № 2. С. 78; **Вл.І.** Рец. на кн.: Тан. Чукотские рассказы // Жизнь. 1900. № 1. Раздел «Библиография». С. 1–2.

[716] См., например: Прокаженные в бурятских улусах // МБ. 1897. № 2. II отд. С. 14–18; Вилюйская колония прокаженных // МБ. 1898. № 2. С. 14–15; Новая беда в Забайкалье // МБ. 1898. № 7. С. 16–17; Голод у якутов // МБ. 1899. № 2. С. 19; Прокаженные на крайнем севере // МБ. 1900. № 7. С. 29–32.

раны, некоторые пальцы на руках отпали, на слизистых оболочках рта и носа язвы…»[717]

Наряду с описанием антисанитарных условий жизни аборигенов, распространением эпидемиологических заболеваний объектом тревоги авторов марксистских изданий было распространение алкоголизма среди «инородцев», оказывавшего пагубное воздействие не только на их образ жизни, но и на поведенческие установки. Приведу высказывание А.Г. Цейтлина, содержащее клишируемую характеристику последствий спаивания «инородцев» русскими торговцами: «Все: мужчины, женщины, дети были пьяны, в юрте смрад и духота. Голые женщины дико выли песни, очень напоминавшие завывание волка…Я провел у чукчей 10 дней, казавшихся мне вечностью. Все это время они пьянствовали, забросив хозяйство. Женщины не варили пищи, подростки и работники не берегли оленей. Так продолжалось, пока водка не иссякла у торговца»[718].

В марксистской журналистике очевиден отказ от романтизации образа «инородца», от идеализации общественных отношений у коренных народов Сибири, от деклараций о необходимости христианизации и широкой миссионерской деятельности. Достаточно определенно новые требования к характеристике «инородцев» сформулированы в рецензии на книгу Тана: «Близкое знакомство с описываемыми типами, основательное знание языка и правильное понимание чукотской жизни дали возможность автору не сходить ни на минуту с почвы этнографической правды – достоинство, которое не всегда встречаем в наиболее красивых рассказах их инородческой жизни наших лучших беллетристов. Другие достоинства автора заключаются в его реализме и объективности. Он не идеализирует и не приукрашивает чукотской жизни, у него нет никаких предвзятых тенденций, нет ни снисходительного заигрывания с инородцем, ни искания в нем, в поучение детям культуры, первобытных добродетелей. Примитивная психология и быт

---

[717] Скопцы и прокаженные в Сибири // МБ. 1900. № 3. II отд. С. 28–29.
[718] См.: **Гедеонов А.** [Цейтлин А. Г.] В ледяной тундре: Из поездки к чукчам // МБ. 1897. № 2. С. 1–24.

чукчей являются не в качестве аксессуара к чувствованиям культурного человека, они не включаются в рамки субъективного понимания европейца, и к первобытному человеку не прикладывается обычное в литературе лубочно-шаблонное название „дикаря“…»[719]

В отличие от идеализации миссионерской деятельности церкви, присущей либеральным и консервативным изданиям, марксистские ежемесячники писали о невежестве и некомпетентности православных «просветителей» коренного населения края, их бессилии противостоять «одичанию среди инородческого или полуинородческого населения»[720]. Видя в церковнослужителях одну из опор ненавистного «старого мира», внутренние обозреватели извещали читателей о фактах обращения лиц духовного звания к шаманам, о курьезных случаях приобщения «инородцев» к православию, о низком образовательном уровне преподавателей миссионерских и церковно-приходских школ[721]. Информируя о результатах исследования школьного дела, проведенного членами «Общества любителей исследователей Алтая», «Мир божий» сообщал, что в миссионерских школах, которые призваны подготовить культурный переворот в среде «инородцев», расширить кругозор дикаря, учителей с некоторой подготовкой только 20% [722].

Причины сокращения численности и тяжелого экономического положения «инородцев» авторы марксистских журналов видели в общих социально-экономических условиях жизни аборигенного населения, говоря словами М. Курского, «давлении капитала» на экономический быт «инородцев»[723]. Подробно описывая особенности образа жизни остяков Нарымского края, Курский возлагал ответственность за их бедность, склонность к алкоголизму, нерациональное ведение хозяйства не столько на самих остяков, сколько на сибирских рыбопромышленников, оказывающих

---

[719] *Вл.И.* Рец. на кн.: Тан. Чукотские рассказы // Жизнь. 1900. № 1. Раздел «Библиография». С. 1.
[720] Из жизни сибирского духовенства // МБ. 1902. № 4. II отд. С. 27.
[721] См., например: Из истории народного образования в Сибири // МБ. 1895. № 4. С. 264–266; Народное образование в Ялуторовском округе // МБ. 1895. № 10. С. 215–216.
[722] Школьное дело на Алтае // МБ. 1899. № 2. II отд. С. 21.
[723] См.: **Курский М.** Из Нарымского края // НС. 1996. № 2. С. 207–220.

разлагающее влияние на аборигенное население и хищнически истребляющих природные богатства края. «И этот абориген-младенец не видит, что пришелец-хищник вылавливает во всю ширь Оби многоводной и своей необъятной алчности все его, остяка, средства к жизни, личную его свободу и ускоряет вымирание его племени», – клеймил сибирский корреспондент и остяков, не умеющих отстаивать свои интересы, и местных «гениев капитала»[724]. По мнению автора, спасти положение могли только такие условия, когда кусок хлеба станет доступным каждому бедняку, когда каждый будет иметь возможность распоряжаться богатствами сибирского края. Упомянутая статья была опубликована на страницах журнала «Новое слово». Статьи данного издания наглядно иллюстрируют различия народнического и марксистского вариантов описания сибирской действительности. Известно, что журнал «Новое слово» был основан в 1894 г. народниками С.Н. Кривенко, А.М. Скабичевским и др. как «журнал направления». Действительно, тематика «сибирских публикаций» данного периодического издания практически не отличалась от таковых «по народническому лагерю»: положение переселенцев, развитие сельскохозяйственных артелей и особенности сибирской общины, необходимость распространения на регион либеральных реформ, судьбы «культурных очагов» в отдаленной провинции. Как свидетельствует переписка Н.И. Наумова с А.М. Скабичевским, журнал постепенно начинал приобретать своих почитателей и в сибирской глубинке[725].

С марта 1897 г., после перехода издания в руки легальных марксистов во главе с П.Б. Струве, при участии В.А. Поссе, М.И. Туган-Барановского[726] тематика, тональность и содержание публикаций о Сибири начинает меняться. В качестве иллюстрации сошлюсь на пример эволюции содержания публикаций о сибирской общине. Если авторы народнической ориентации рисовали идеалистические картины общинной жизни, видели в

[724] Там же. С. 209.
[725] ИРЛИ.Ф. 283 (А.М. Скабичевский). Оп. 1. Д. 27. Л. 41 об.
[726] Об истории журнала см.: **Хорос В.Г.** Из истории журнала «Новое слово» (1897). С. 42–59; **Максимова В.А.** «Новое слово» и «Начало». С. 198–230.

общинной организации большой потенциал для помощи сельскохозяйственным мигрантам в адаптации на новых местах[727], то марксисты достаточно скептично оценивали перспективность общины, с точки зрения экономических интересов сибирских земледельцев. В рецензии на работу А.А. Кауфмана о крестьянской общине в Сибири обосновывалось влияние фискальных интересов государства ─ переход от захватного к общинному землепользованию в зауральских губерниях. Кауфман критиковался за то, что в качестве причины перехода к общинному землепользованию он называл воззрения крестьян на землю как на ничью, «Божью», «Государеву», как на фонд, из которого каждый может черпать средства к существованию. Показательна лексика марксистского рецензента, впоследствии ставшая нормой ведения исследовательских дискуссий: «И вообще, можно в настоящее время довольствоваться такими объяснениями, как присущие воззрения того или иного общественного класса?.. Такого рода объяснения, типичные для наших народников, свидетельствуют лишь о нежелании или неумении доводить до конца анализ изучаемых явлений»[728]. С точки зрения сторонников экономического детерминизма, единственным разумным объяснением развития в Сибири уравнительной общины является, во-первых, господствующая система взимания податей под круговым ручательством всех членов податной общины, во-вторых, непосредственное влияние администрации. Аксиоматичной называлась общность истории развития великороссийской и сибирской общины, при этом утверждалось, что последняя проходит ту же эволюцию, что уже пройдена общиной «внутренней» России.

Наиболее явно различия народнического и марксистского подходов к описанию людей и реалий сибирской провинции проявились в оценках творчества сибирского беллетриста Н.И. Наумова. Замечу, что среди общественных деятелей Сибири чаще других в марксистских журналах

---

[727] См.: **Зимин В.** Пробная земледельческая артель из переселенцев на Алтае // НС. 1896. № 5. С. 223–228; **Кривенко С.Н.** Артель-община из переселенцев // НС. 1896. № 6. С. 232–250.

[728] Рец. на кн.: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897 // НС. 1897. № 5. С. 68.

упоминался именно Наумов[729]. В февральском и мартовском номерах «Нового слова» за 1897 г. были опубликованы рецензии А.М. Скабичевского и Г.В. Плеханова, посвященные выходу собрания сочинений писателя-сибиряка. Зафиксируем в таблице 23 основные разночтения в интерпретации литературного наследия народнического беллетриста.

Таблица 23

Оценка творчества сибирского писателя Н. И. Наумова в работах А. М. Скабичевского и Г. В. Плеханова

Скабичевский А.М. Н.И. Наумов // НС. 1897. № 2. С. 137–156.	Н.К. [Плеханов Г. В.] Н.И. Наумов // НС. 1897. № 3. С. 21–41.
1	2
Причины актуальности сочинений Н. И. Наумова	
«Редкое появление произведений Н. И. Наумова в последние 15 лет на страницах наших журналов, исчезновение с литературного рынка прежних изданий его рассказов и не появление новых имели своим результатом то, что имя его начало все более и более забываться нашей публикой, обращающей, как известно, все свое внимание на вновь выходящие книги и не помнящей, что было вчера, особенно же среди молодых поколений, плохо знакомых даже с корифеями нашей литературы. А между тем, было время, когда рассказами Н. И. Наумова зачитывались нарасхват, когда он был одним из любимцев молодежи, и почтенное его имя ставилось не напрасно рядом с именами Решетникова и Левитова» (С. 137)	«В семидесятых годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) „интеллигенции“. Его произведениями зачитывались…Теперь, конечно, времена изменились, и никто уже не будет так увлекаться сочинениями Наумова, как увлекались ими двадцать лет тому назад. Но и теперь их прочтет с интересом и не без пользы для себя всякий, кто небеззаботен насчет некоторых „проклятых вопросов“ настоящего времени, а связанный с ними исторический интерес будет велик до тех пор, пока не перестанут у нас интересоваться эпохой семидесятых годов, во многих отношениях важной и поучительной» (С. 21)
Социальная направленность произведений сибирского писателя	
«Левитов, Решетников и Наумов были всецело вызваны тем практическим движением к улучшению быта народа, которое, произведя освобождение крестьян, далеко не исчерпалось этой великой реформою, так как после 19 февраля 1861 г. для всех ревнителей народного блага сделалось яснее дня, что не один произвол помещичьей власти тяготел над крепостными крестьянами, рядом с ним обнаружился гнет, с одной стороны,	«По странной иронии судьбы лучшим беллетристам-народникам приходилось изображать торжество нового экономического порядка, который, по их мнению, не сулил России ничего, кроме всякого рода материальных и нравственных бедствий…Надо надеяться, что с исчезновением народнических предрассудков у нас явятся писатели, сознательно стремящиеся к изучению и художественному воспроизведению

[729] Помимо анализируемых в таблице публикаций, см. напр.: Н.И. Наумов // МБ. 1902. № 1. II отд. С. 29–30.

административной, с другой – экономической эксплуатации… И вот появились, как в сфере публицистики, так и беллетристики, особенного рода народные трибуны, вся цель литературной деятельности которых исчерпывалась тем, чтобы указывать на то, что народ терпит и что мешает его благосостоянию. К числу такого рода трибунов принадлежали и три указанных нами беллетриста-народника, стоя во главе многих других, шедших за ними в течение 60-х гг. и менее известных» (С. 138)	положительных сторон этого процесса… Как ни идеализировали народники крестьянскую массу, но они все-таки смотрели на нее сверху вниз, как на хороший материал для их благодетельных исторических опытов. Призванная сменить народников новая разновидность интеллигенции не способна относиться по-барски к людям физического труда уже в силу того убеждения, что историческое дело этих людей может быть сделано только ими самими. Она видит в них не детей, которых надо воспитывать, не несчастненьких, которых надо облагодетельствовать, а товарищей, с которыми надо идти рядом, деля и радость, и горе, и поражения, и победы, с которыми предстоит проходить вместе великую воспитательную школу исторического движения вперед к общей цели» (С. 40–41)
Особенности художественного стиля писателя-сибиряка	
«…при страсти Н.И. Наумова к драматической форме повествования…, вы встречаете в устах действующих лиц его рассказов чрезвычайно богатый народный язык, образный, меткий, отличающийся тем неподражаемым юмором, каким исполнен народный говор. Примите, наконец, во внимание и поразительное знание всех деталей жизни сибирских крестьян, русских и инородцев – и, читая рассказы Н.И. Наумова,	«В огромном большинстве случаев странно было бы даже говорить о художественном элементе в произведениях Наумова: он там почти всегда совершенно отсутствует…Все его сочинения имеют беллетристическую форму, но даже при поверхностном чтении заметно, что эта форма является в них чем-то внешним, искусственно к ним приделанным. Ему, например, хотелось «прописать» ту поистине дикую и вопиющую
вы должны будете по справедливости признать, что они заключают в себе не только интерес этнографических фактов, но занимательны и в художественном отношении, как ряд ярких, полных животрепещущего драматизма, картин сибирской народной жизни» (С.156)	эксплуатацию, которой подвергаются в сибирских селах, лежащих на их пути, рабочие, идущие по окончании летних работ с золотых приисков. Он, конечно, мог бы это сделать в простой статье или в ряде статей. Но ему показалось, что беллетристическое произведение сильнее подействует на читателя, и он написал «сцены», носящие общее название «Паутина»» (С. 22)

В данном случае важно, насколько критики обращали внимание на «сибирский» топос в прозе Наумова, насколько художественное творчество писателя соотносилось с изучаемым регионом. Для Скабичевского произведения Наумова – это грустная картина возмутительной эксплуатации всякого рода проходимцами трудового сибирского населения. Сибирь же

предстает малообразованной, глухой окраиной, населенной простодушно-идиллически темными пахарями, дикими «инородцами» и тьмою-тьмущей всякого рода аферистов, пройдох и грабителей[730]. В отличие от А.М. Скабичевского, для Г.В. Плеханова почти не актуален региональный колорит произведений Н. И. Наумова, он интересует критика, в первую очередь, как писатель «направления».

Анализ марксистских периодических изданий дает основания предположить, что их авторов сибирская окраина интересовала, прежде всего, при обсуждении социально-экономических вопросов. При описании положения сибирских крестьян, рабочих, «инородцев», студентов и других категорий населения восточной окраины в первую очередь акцентировалось внимание на экономических аспектах их бытия, проблемы сибирского населения опять же объяснялись, главным образом, посредством выявления их экономической или социально-правовой подоплеки.

Такие традиционные для либеральной и народнической прессы сюжеты, как просветительская деятельность интеллигенции в сибирской глубинке, институты самоорганизации интеллигенции, ее роль в формировании региональной идентичности, судя по количеству публикаций, в меньшей степени волновали марксистскую периодику. На это указывает среди прочих и публикация, посвященная «Сибирскому дню» (26 октября), в которой утверждается, что общественный смысл праздника давно исчез, уступив место благотворительному[731]. Единственная публикация во всех изучаемых изданиях, посвященная развитию высшего образования в крае, теме, столь любимой либеральной публицистикой, посвящена именно тяжелому экономическому положению студентов[732].

Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. Сибирь была аграрной окраиной империи, для марксистской периодики был актуален «рабочий вопрос», о чем свидетельствуют данные таблицы 22. «*Просыпайся, сибиряк!*

---

[730] **Скабичевский А.М.** Н.И. Наумов // НС. 1897. № 2. С. 141.
[731] Сибирский день // МБ. 1903. № 12. II отд. С. 20–21.
[732] См.: Экономическое положение томского студенчества // МБ. 1902. № 12. II отд. С. 56–60.

Капитал идет!» Слова о том, что власть капитала начинает «твердо и безжалостно орудовать» жизнью сибиряка, можно считать рефреном публикаций, посвященных положению рабочих в Сибири. В обстоятельной рецензии на книгу А. Колычева «Рабочие на приисках Сибири» скрупулезно фиксируются сведения о «сотнях темных и бесправных, загнанных безысходной нуждой» рабочих: 15–16-часовой рабочий день, вовлечение в производство малолетних детей, отсутствие медицинской помощи и доступа к образованию, антисанитарные жилищные условия, спаивание рабочих золотопромышленниками.[733].

Тлетворному влиянию приисковой жизни на судьбы сибирячек посвящено одно из информационных сообщений «Мира божьего», ярко живописующее унизительное положение женщин, которых продают «на подержание» рабочим и служащим золотых приисков[734].

В числе сюжетов, вызывавших стабильный интерес марксистских журналистов – борьба угнетенных масс за свои права. Так, в упомянутой рецензии называется такая «пассивная» форма классовой борьбы, как побеги рабочих с золотых приисков. В качестве материалов для поисков истоков классового сопротивления сибиряков привлекаются исторические изыскания архивиста Н.Н. Оглоблина о красноярском бунте 1695–1698 гг. «Красною нитью проходит по истории Сибири печальное раздвоение между элементами „жилецким“ и „приказным“, то есть между населением и администрацией», – замечал рецензент В. Сторожев[735]. Социальный состав бунтовщиков, поиск идейного начала, объединявшего разнородное в социальном плане население сибирских городов, причины неудач народных бунтов – вот круг вопросов, живо интересующих рецензента.

По мнению одного из авторов марксистского «Нового слова», появление рабочих, готовых выполнять непосильный труд за ничтожную

---

[733] См.: **В.Ш.** Рец. на кн.: Колычев А. Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб., 1904 // МБ. 1904. № 11. С. 127–131.
[734] См.: Женщина в дальней тайге // МБ. 1902. № 5. II отд. С. 58–61.
[735] **Сторожев В.** Рец. на кн.: Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг.: Очерк из истории народных движений в Сибири. Томск, 1902 // МБ. 1903. № 6. II отд. С. 83.

плату, являлось первым и характернейшим признаком господства капитала, наступление которого на Сибирь ускорилось благодаря строительству железной дороги. «И вот явились к нам уже настоящие покорные слуги капитала – российские серые мужички в лаптях и рваных полушубках, с испитыми, бледными лицами, с готовностью идти, куда пошлет капитал. И каждый день вы можете видеть на станциях сибирской железной дороги целые толпы все прибывающих российских рабочих, готовых все дальше и дальше проникать в недра холодной Сибири и все – на служение капиталу. Мечты сибиряков о небывалых заработках, о трехрублевой плате за час работы разлетелись, как дым. Железный закон уравнял эту плату до того предельного минимума, за которым уже начинается физическая невозможность работать», – запечатлел стремительное нашествие капитала на «глухую, темную, невежественную и лишенную самых примитивных удобств жизни» Сибирь корреспондент «Нового слова»[736].

Марксистские издания неоднозначно реагировали на строительство сибирской железной дороги. С одной стороны, их авторы подчеркивали ее позитивное влияние на промышленное развитие края, признавали ее роль в активизации включения региона в экономическое пространство империи[737], с другой – писали о ее отрицательном влиянии на судьбы извозного промысла, показывали негативное воздействие массовых переселений, усилившихся после ввода в эксплуатацию магистрали, на увеличение земельной тесноты в Сибири, об ухудшении криминогенной обстановки в районах, прилегавших к Транссибу.

Сведения о личном составе Транссибирской железной дороги, помещаемые в марксистской прессе, развенчивали бытовавшие в общественном мнении иллюзии в отношении культурного влияния железнодорожных служащих на сибирское население, «мало культурное,

---

[736] **П. П-в** Письмо из Сибири: Капитал идет // НС. 1897. № 7. С. 146.

[737] См. напр.: Положение заводского населения на Урале и золотоискателей в Мариинском округе // МБ. 1897. № 12. II отд. С. 14–16.

примитивное в своем миросозерцании»[738]. Согласно транслируемой читателям информации значительная часть служащих, с одной стороны, ссыльные, малообразованные элементы, с другой – люди, оказавшиеся негодными на других железных дорогах, которым опасно доверять свою жизнь и от которых бессмысленно ожидать чего-либо, кроме деморализующего воздействия. Разоблачению мифа о высокой культурной миссии железной дороги, транслируемого проправительственной прессой, посвящено информационное сообщение о положении рабочих, строивших «сибирскую магистраль», изобилующее сведениями о скудном питании и ужасных жилищных условиях строителей. Симптоматичен вывод обозревателя журнальной прессы «Мира божьего»: «Старая, знакомая картина, воспетая еще Некрасовым в его „Железной дороге“! Нельзя не видеть в ней еще одного доказательства, как слабо у нас развитие культуры, при которой было бы немыслимо житье в „логове“, где волосы спящих примерзают к нарам»[739].

Рецензент биографического очерка М.К. Лемке о Н.М. Ядринцеве напоминал читателям об осторожном отношении идеолога сибирского регионализма к железной дороге, об опасении того, что она сыграет роль насоса, выкачивающего сырье и мешающего развитию местной промышленности[740].

На страницах марксистского журнала сформулировал свою позицию по вопросу строительства железнодорожных путей в Сибири А.А. Кауфман. Либеральный публицист утверждал, что он не принадлежит к числу фанатичных поклонников Транссибирской железной дороги и что «то усиленное внимание, которое оказывалось Сибири в течение последнего десятилетия, не очень много дало самой Сибири, ее коренному и старожилому населению»[741].

---

[738] Личный состав Сибирской железной дороги // МБ. 1903. № 1. II отд. С. 20.
[739] См.: Рабочие на Сибирской железной дороге // МБ. 1895. № 11. С. 254–256.
[740] **П.Г.** Рец. на кн.: Лемке М. Н.М. Ядринцев. Биографический очерк. СПб., 1904 // МБ. 1904. № 9. С. 105.
[741] **Кауфман А.А.** Рец. на кн.:Головачев П. Сибирь – природа, люди, жизнь. М., 1902 // МБ. 1902. II отд. № 7. С. 98.

Симптоматично и не случайно помещение на страницах «Мира божьего» перепечатки статьи В.П. Мещерского из «Гражданина», без всяких редакционных комментариев, о затратности для казны и населения центральной России строительства сибирской железной дороги[742]. На основании одного этого факта некорректно выстраивать предположение о сходстве оценок легально-марксистской и консервативной прессой значения железнодорожного строительства в регионе. Да это и полностью противоречит экономическим установкам классиков легального марксизма, видевших в строительстве железных дорог залог динамичного развития капиталистических отношений. Однако вполне правомерно предположение об использовании в своих идеологических целях материалов периодики политических противников – консерваторов для развенчания мифа о том, что строительство железнодорожной магистрали является панацеей для экономического и культурного развития Сибири.

«Сибирь – тот бассейн, куда выливается народное горе, Сибирь – мечта тех, кому плохо живется на Руси, но чья мысль уже заработала», – писал студент-медик А. Омельченко, заведовавший летом 1896 г. Кривощековским переселенческим пунктом, опубликовавший свои воспоминания в «Мире божьем»[743]. Основываясь на собственных наблюдениях и опубликованных статистических источниках о переселении крестьян в Сибирь, Омельченко эмоционально живописал все трудности путевых условий крестьянских миграций, показал катастрофическую недостаточность усилий, предпринимаемых правительством и частной благотворительностью для улучшения организации переселенческого дела. Яркие, запоминающиеся характеристики страданий переселенческого люда, достаточно скептичные оценки колонизационного потенциала аграрных мигрантов, формулируемые как антитеза приводимой в статье оптимистичной цитате из отчета главы Переселенческого управления А.Н.

---

[742] См.: Увлечение Сибирью // МБ. 1898. № 5. II отд. С. 17–18.
[743] **Омельченко А.** В Сибирь за землей и счастьем // МБ. 1900. № 8. С. 6.

Куломзина, развенчивали официальный миф о «новой» переселенческой политике правительства, оказывающей всестороннее содействие «колонизаторам» Сибири, переселяющимся с разрешения правительства.

В контексте замысла данной работы воспоминания бывшего студента А.Омельченко представляют большой интерес еще и тем, что они позволяют судить о влиянии образа региона, моделируемого периодической печатью на социальное поведение молодежи. Из воспоминаний очевидно, что *Сибирь* представлялась Омельченко и его товарищам, студентам-медикам, *местом, нуждающимся в приложении сил и знаний, притягивала их возможностью не на словах, а на деле оказать посильную помощь народу.* Именно такие представления о регионе заставляли работать, забывая о себе, порой рискуя жизнью и собственным здоровьем. «Товарищей я… нашел спящими в нетопленной избе на шинелях, постланных на голом полу. За массой работы им, очевидно, некогда было думать о себе: рабочий день челябинского персонала, ведавшего в то время за отсутствием чиновников и обязанности последних, начинался в 6–8 часов утра и оканчивался поздней ночью. Молодые люди, еще вчера сидевшие на школьной скамье или еще сидящие на ней, начали работу без всяких указаний со стороны сведущих людей, не имея ни инструкций, ни личного опыта… Работать приходилось без плана – ощупью, без денег и власти, лишь обещать тому, кому необходимо было помочь, и просить там, где нужно было требовать. Конечно, при таком положении должны были страдать интересы переселенцев. Понимая это, молодые люди напрягали все силы, желая количеством работы загладить ее плохое качество. Они хотели бы делать дело хорошо, но жизнь не давала опомниться: запросы живых людей, поставленных волей судеб под их начало, должны быть удовлетворены и притом немедленно», – описывал Омельченко встречу со студентами-медиками в Челябинске[744].

Замечу, что сконструированный общественным мнением образ Сибири как «бассейна, куда сливается народное горе», программировал социальное

---

[744] **Омельченко А.** В Сибирь за землей и счастьем // МБ. 1900. № 8. С. 9.

поведение сотен молодых людей, о чем свидетельствует участие студенческих отрядов в практике гуманитарной помощи сибирским переселенцам. Известно, что первый медицинский отряд для оказания помощи сибирским переселенцам был создан по инициативе студентов старших курсов Санкт-Петербургской военно-медицинской академии во главе с П.Г. Сущинским. Студенты обратились за советом и содействием к Н.М. Ядринцеву, принявшему самое деятельное участие в организации поездки добровольцев для устройства в Тюмени санитарного и продовольственного пункта. Финансовую поддержку отряду обеспечил известный сибирский благотворитель И.М. Сибиряков.

В мае 1892 г. медицинский отряд прибыл в Тюмень. К моменту приезда молодых медиков в городе скопилось 17 тысяч переселенцев, для лечения которых был приглашен всего один врач. Всего же на город с населением в 35 тысяч человек, согласно рапорту исправляющего должность Тобольского губернатора за 1892 г., приходилось 5–6 врачей[745]. Исследователь переселенческого движения Д.М. Головачев, бывший свидетелем приезда молодых медиков в Тюмень, впоследствии вспоминал: «То, что встретили участники отряда в Тюмени ... поразило их до невероятной степени. Я помню, с какой горечью рассказывал Ядринцев об "общественных похоронах", когда десятки гробов с переселенцами, умершими за день от тифа и дизентерии, рано утром расставляли в углу переселенческого двора и священник служил литию. Я помню молодую участницу отряда, курсистку К., с первого же момента перенесшую тиф, которая в безумном бреду произносила целые речи о страданиях народа. Никогда не забыть мне этого огромного поля, где тысячи мужчин и женщин, взрослых и детей под жгучими лучами солнца, под проливным дождем неделями и месяцами жили табором, не имея возможности двинуться далее»[746].

---

[745] РГИА. Ф. Библиотека. Оп. 1. Д. 101. С. 5.

[746] **Головачев Д.М.** Н.М. Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.С. 361–362.

Члены отряда принимали участие в борьбе с эпидемиями тифа и холеры, унесшими до октября 1892 г. жизни более 900 переселенцев; проводили профилактические санитарные мероприятия, препятствовавшие дальнейшему распространению эпидемии: обеспечивали раздельное проживание больных и здоровых переселенцев, дезинфицировали переселенческие бараки, организовывали уборку мест общего пользования[747]. «Если бы знали действительно в России и имели ясное представление об этой хотя бы Тюменской катастрофе, повторяющейся уже третий год, не постояли бы затем, чтобы спасти тысячи жизней", – так обосновывали в своем отчете медики необходимость подобной работы, завершая отчет словами: "На нашу долю выпала великая честь – заботиться о бездомной и многовыстрадавшей общерусской семье...»[748]. Эти слова приобретают особое значение в связи с тем, что многие члены отряда сами стали жертвами тифа.

Н.М. Ядринцев, оценивая деятельность первого санитарного отряда, отмечал, что если его членам не удалось предотвратить огромную заболеваемость и смертность переселенцев, то, по крайней мере, они открыли причины заболеваемости и степень распространения болезни, наметив средства ее предупреждения на будущее время[749]. В упомянутом рапорте исправляющего обязанности Тобольского губернатора подчеркивалось, что самоотверженная деятельность студентов и фельдшериц не прошла бесследно и вызвала к себе доверие и симпатию населения[750].

Многие санитарные мероприятия, предложенные молодыми врачами, были воплощены в жизнь их последователями – студентами-медиками из Санкт-Петербурга, Москвы, Томска, которые, подобно А. Омельченко, с 1893 г. в каникулярное время заведовали врачебно-продовольственными пунктами для переселенцев в сибирских губерниях. Уже в 1893 г. на сухопутных

---

[747] Обзор Тобольской губернии за 1892 г. (Приложение к всеподданнейшему отчету). Тобольск, 1893. С. 15.
[748] ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д.135. Л. 49 об.
[749] См.: **Ядринцев Н.М.** Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. // Землеведение. 1894. № 4. С.69-70; **Он же.** Пути прочного устройства переселенческого дела // Восточное обозрение. 1893. 27 июня.
[750] РГИА, ф. Библиотека, оп. 1, д.101, с.5.

трактах Тобольской губернии было устроено 9 врачебно-продовольственных пунктов и 11 пунктов в местах остановки пароходов по рекам Туре, Тоболу, Иртышу и Оби на средства местных пароходовладельцев. Последствием данных мер явилось сокращение заболеваемости мигрантов в 3–4 раза, смертности – с 50% (1892 г.) до 20% от общего числа заболевших[751].

Помимо оказания медицинской и продовольственной помощи переселенческому и старожильческому населению, члены санитарных отрядов устраивали библиотеки для крестьян, привозя с собой книги для «народного чтения»[752].

Студенты были причастны к проведению статистических опросов переселенцев. Согласно воспоминаниям челябинского статистика Г.А. Приймака, студенты-старшекурсники медицинского факультета Московского университета, работавшие в 1893 г. в Тобольской губернии, делали ежемесячные взносы из своего жалования для приглашения статистика и параллельно в свободное от оказания врачебной помощи время сами опрашивали мигрантов. Инициатива студентов была поддержана Тобольским губернатором Н.М. Богдановичем и переселенческим чиновником А.А. Архиповым и впоследствии приглашение студентов для статистических работ стало обычной практикой.

Определенное участие в подборе студентов для работы в таких отрядах принимали неформальные студенческие объединения: союзы, кружки, землячества, что вызывало противодействие со стороны властных структур. Об этом свидетельствует циркуляр Департамента полиции МВД от 29 июля 1896 г., предписывающий губернаторам, чтобы приглашение студентов для работы на летнее время осуществлялось только через начальство учебных заведений, а не через какие-либо общества и частных лиц[753].

---

[751] РГИА. Ф.1273. Оп. 1. Д. 310. Л. 66 об.–67; ТФ ГАТюмО. Ф.479. Оп. 2. Д. 34. Л. 221.
[752] ТФ ГАТюмО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 200–200 об.
[753] ГАИО. Ф. 25. Оп. 27. Д. 1063. Л.157.

Для участников студенческих отрядов, оказывающих помощь переселенцам, характерно широкое использование возможностей печатного слова для информирования русского общества о реальном положении переселенческого дела. Даже в отчетах об итогах деятельности врачебно-продовольственных пунктов, предназначенных для публикации, их авторы излагали свою позицию по ключевым проблемам переселенческого движения, предлагали меры, необходимые для улучшения его организации. В этом смысле показательными являются предложения заведующего Тобольским врачебно-продовольственным пунктом в 1894 г. марксиста Б. Бонч-Осмоловского, совпадающие с требованиями оппозиционной журнальной прессы: скорейшая нарезка удобных для заселения участков для переселенцев, ознакомление потенциальных мигрантов с условиями жизни в Сибири, широкое содействие ходачеству, увеличение размеров ссудной помощи переселенцам[754].

Пример деятельности в Сибири студенческих отрядов по оказанию помощи мигрантам наглядно демонстрирует эффективность общественного мнения и журнальной прессы как основного механизма его формирования в пореформенной империи в идеологическом программировании современников, моделировании их поведенческих стратегий.

Возвращаясь к позиции легальной марксистской журнальной прессы по переселенческому вопросу, необходимо отметить, что на рубеже веков для нее было характерно сдержанное отношение к крестьянским миграциям в Сибирь. «Мы, безусловно, против переселений, что отнюдь не значит, будто мы желали бы задержать это движение насильно. Правильно понимаемые задачи государства заключается не в выселении якобы лишних, а в устройстве их на месте, тем более, что в применении к России вопрос о лишних звучит как-то странно и бессмысленно», – предельно конкретно

[754] См.: **Бонч-Осмоловский Б**. Тобольский переселенческий пункт в 1894 г. Тобольск, 1896. С.26–27.

сформулировал отношение марксистов к сельскохозяйственным миграциям в зауральские губернии внутренний обозреватель «Мира божьего» в 1896 г.[755]

Сибирь не представлялась авторами марксистских изданий в виде неистощимой житницы, привольной многоземельной окраины, способной утолить земельный голод сельскохозяйственных мигрантов. Информационные сообщения из местных газет, подбираемые и публикуемые изданиями, иллюстрировали мысль о том, что сибирская «житница» переживает серьезный сельскохозяйственный кризис. С точки зрения марксистов, неурожаи начала XX в. наглядно продемонстрировали минусы экстенсивного ведения земледельческого хозяйства и слабого развития промыслов, показали неспособность власти решать продовольственные проблемы как переселенческого, так и старожильческого населения края[756]. «Продовольственное дело фактически находится главным образом в руках невежественной низшей сельской и волостной администрации и корыстных писарей и номинально крестьянских начальников, у которых и без того много всякой канцелярщины и разных административных и других дел, и население в борьбе с природой предоставлено только само себе, да и воле судеб», – писал в связи с этим обозреватель провинциальной прессы «Мира божьего» в 1902 г.[757] В приведенной цитате обозначена еще одна ипостась образа региона, развиваемая в печатных органах легальных марксистов: *Сибирь – место чиновничьих злоупотреблений.* В отличие от либеральных и народнических изданий, активно тиражирующих данный образ, критика сибирских чиновников марксистскими журналами, несмотря на цензурные преследования[758], была адресной, часто с указанием конкретных фамилий и перечня злоупотреблений. Например, «Мир божий» в 1901 г. сообщал о вопиющих служебных злоупотреблениях крестьянских начальников

[755] См.: Переселение и переселенцы // МБ. 1896. № 6. С. 251–255.
[756] См., например: Голод среди переселенцев // МБ. 1899. № 3. II отд. С. 2; На новых местах // МБ. 1899. № 5. II отд. С. 24–26; Из хроники переселения // МБ.1899. № 9. II отд. С. 15; Неурожай в переселенческих поселках Сибири // МБ. 1900. № 12. С. 19–20; В житнице Сибири // МБ. 1902. № 9. II отд. С. 22–23; По поводу неурожая // Жизнь. 1899. № 6. С. 439–440 и др.
[757] В житнице Сибири // МБ. 1902. № 9. II отд. С. 23.
[758] Именно цензурные преследования явились причиной закрытия журнала «Новое слово» в декабре 1897 г., журнала «Жизнь» ─ в июне 1901 г.

Тобольской губернии: расхищении крестьянских сборов, подлогах и подделках документов, присвоении переселенческих ссуд и др. «Убогие по познаниям, ретивые по намерениям и с очень хорошими аппетитами», крестьянские чиновники познакомили Сибирь с пережитками крепостного права, пользуясь бесплатными кормилицами, кухарками, горничными, „тетеревятниками“, „куропатниками“ из крестьян[759].

Бросается в глаза реплика анонимного рецензента книги Н. Зинина «Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. чиновника по крестьянским делам»: «Мелкие классовые интересы тамошней бюрократии, взяточничество, с ухищрениями на законной почве или по традиции, практикуемое и охраняемое ревниво во всех служебных слоях, а особенно среди чинов городской и окружной полиции, все это довольно живо встает перед глазами читателя и нередко удивляет своим наивным нахальством… Все это, конечно, старо и давно известно, но потому-то оно и заслуживает неослабного внимания, что существует во всей своей первобытной прелести до сих пор…»[760].

Наряду с чиновниками объектами ярой критики марксистских журналистов было поместное дворянство. Применительно к Сибири поводом для удара по классовому врагу послужили обсуждаемые правительством «прожекты испомещения» в Сибирь «обнищавших и безземельных» дворян из центральных губерний. Обосновывая несостоятельность доводов охранителей из «Московских ведомостей», утверждавших, что крестьяне-переселенцы не справятся без опеки и попечительства поместного дворянства, марксистские публицисты показывали социальную неоднородность земледельческой массы, аргументировали несостоятельность претензий дворян (метафорически соотносимых с мертвецами и приведениями) на руководство «мужичками»[761].

---

[759] См.: Крестьянские начальники в Тобольской губернии // МБ. 1901. № 5. II отд. С. 1–3.
[760] Рец. на кн.: Зинин Н. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. чиновника по крестьянским делам. СПб., 1895 // НС. 1896. № 10. С. 87–88.
[761] Новые вариации на тему об испомещении Сибири // Жизнь. 1899. № 6. С. 449–451.

Обращает на себя внимание отказ авторов марксистских изданий от конструирования собирательного социокультурного типа сибирского крестьянства, что было весьма модным среди консервативных, либеральных и народнических публицистов. В качестве примера сошлемся на весьма показательную в этом смысле реплику рецензента книги Ф. Девеля «Рассказы о Восточной Сибири»: «Девель самыми мрачными красками обрисовывает сибирского крестьянина: последний и ленив, и не добродушен, и чужая беда его мало трогает, если он богат – богатство его происходит из темных источников, вроде подделки кредитных билетов или пресловутой „охоты за горбачами“…Конечно, все это бывало, бывает и теперь, и факты … Девель черпает как раз из хорошего источника, именно из сибирских очерков покойного Астырева, но едва ли Девель располагает достаточным запасом данных, чтобы на основании этих данных опорочивать целое „сибирское крестьянство“…»[762]

Сибирь – страна, где русские «обынородчиваются». Обращение к вопросу о «русскости» сибиряков, попытка выявить эти критерии «русскости» и соотнести их с социокультурными характеристиками русского населения Сибири в публицистике времен заката империи было тесно связано с проблемой «обынородчивания» сибиряков, волновавшей образованных россиян и нашедшей свое отражение в легальной марксистской прессе. Как замечает американский историк В. Сандерланд, результаты ассимиляции якутами, чукчами и другими аборигенными народами русских переселенцев имели широкий общественный резонанс в связи с тем, что они разрушали имперский миф о непобедимости русского национального духа, ставили под сомнение представление об иерархии культур народов империи, которую возглавлял русский крестьянин, практически канонизированный как знаменосец национальной культуры. Ассимиляцию русских местным населением все чаще стали рассматривать не как показатель отсталости, а как пример расового и культурного

[762] Рец. на кн.: Девель Ф. Рассказы о Восточной Сибири. М., 1896 // МБ. 1897. № 1. II отд. С. 87–89.

вырождения. Для этнографов и публицистов ассимиляция русских представала не только как ниспровержение естественного порядка ассимиляции, она воспринималась как возмутительное оскорбление «русскости». Продолжая презирать «обынородившихся» русских и рассматривать их как какую-то странную аномалию, их еще и окружили ореолом символической угрозы, в них видели тревожный пример того, как низко может пасть русский человек, если он слишком тесно общается с менее развитыми народами[763].

Известный этнограф В.Г. Богораз-Тан в своей статье, опубликованной на страницах журнала «Жизнь», предлагал следующий набор конституирующих признаков ассимилированного русского человека: «монголоизация» внешнего облика, усвоение аборигенных языков, обычаев, одежды, способов ведения хозяйства, особенностей образа жизни, распространение среди колымчанок арктической истерии – «меряченья». Фиксируя многочисленные отличия, присущие «объякутившимся» русским на севере Сибири, от некоего воображаемого эталона «русскости», существовавшего в пореформенной этнографии, да и в широких слоях общественного мнения, исследователь отмечал наличие у описываемых им «сибирских русских», таких непохожих на других представителей своей этнической общности, вполне определенного национального самосознания. Оно имело весьма специфические проявления: с одной стороны, постоянные насмешки над окружающими «инородцами», широкое распространение уничижительных номинаций аборигенов, с другой – робкое и почтительное отношение к выходцам из далекой родины, которую их предки покинули свыше двухсот лет назад[764].

В числе причин, способствующих «обынородчиванию» русских переселенцев, Богораз-Тан называл как демографические (малочисленность русских среди доминирующего иноэтничного окружения), так и социальные,

---

[763] **Сандерланд В.** Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. С. 207.
[764] **Богораз В.** [Богораз-Тан В. Г.] Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. № 6. С. 106.

экономические, культурные. В отличие от большинства современников, сотрудничавших в консервативных и либеральных изданиях, основную ответственность марксисты возлагали на русское правительство, олицетворявшее «родину, забывшую о своих детях». «… Небольшой осколок русского племени влачит жалкое существование, заброшенный среди снегов на оледеневших берегах негостеприимной полярной реки, – писал Богораз-Тан о русских поселенцах сибирского севера. – Родина не посылает ему ничего, кроме некоторых предметов материального быта, необходимых для существования последнему дикарю, но и за них он уплачивает десятерную цену лисьими и песцовыми шкурками, добывать которые он научился у туземцев»[765].

Как и большинство современников, марксистские публицисты не считали этническую ассимиляцию однонаправленным явлением, они были убеждены в том, что в результате усиления русского культурного влияния «обынородчившиеся» сибиряки снова «обрусеют». Обозреватель «Мира божьего» утверждал, что только строительство школ, устройство библиотек – правильное начало к «разъякучиванию» русских людей[766]. Однако наряду с традиционными для умеренно оппозиционной прессы требованиями увеличения числа и расширения географии распространения «очагов культуры» в Сибири марксисты ставили под сомнение дихотомию «первобытный – цивилизованный», подробно описывая культуру и быт русских «цивилизаторов», ассимилированных «первобытными инородцами», развенчивали аксиоматичное для образованных русских XIX в. представление о культуртрегерском характере русской колонизации.

Сопоставление публикаций о ссылке в сибирские губернии, помещавшихся на страницах журналов разной политической ориентации, свидетельствует о единстве позиций охранительной, либеральной, народнической и марксистской печати в отношении целесообразности

---

[765] Там же. С. 124–125.
[766] Объякучивание русских поселенцев // МБ. 1896. № 5. С. 255.

отмены ссылки в регион. На страницах марксистских ежемесячников мы встречаем привычный набор аргументов о деморализующем влиянии уголовной и административной ссылки на местное население края, о слабой эффективности ссылки как института карательной системы и инструмента колонизации[767].

Единодушны идеологические оппоненты и в пристальном интересе к судьбам декабристов в Сибири, и в уважительном отношении к первым борцам с самодержавной властью. Целая серия сообщений «Мира божьего» рассказывала читательской аудитории о сибирских учениках декабристов, об отношении к ним местного населения, о состоянии могил участников восстания[768].

Для уточнения факторов, предопределявших идеологическую (в данном случае – марксистскую) составляющую образа Сибири, выясним характер биографической связи с регионом авторов рассматриваемых легально- марксистских изданий, объединив собранные сведения в таблицу 24.

Таблица 24

Биографическая связь с Сибирью авторов и сотрудников редакции марксистских журналов на рубеже XIX–XX вв.

Ф.И.О., годы жизни	Название журнала, в котором сотрудничал	Обстоятельства пребывания в Сибири	Место и годы пребывания в Сибири
Богораз–Тан В.Г. (1865–1936)	«Жизнь»	Ссылка за участие в деятельности радикально народнических организаций	Восточная Сибирь (1889- 1899)
Гарин-Михайловский Н.Г. (1852–1906)	«Мир божий»	Служебная командировка в связи со строительством Сибирской	Западная Сибирь (1891)

[767] См., например: **Гвоздев Р.** [Циммерман Р. Э.] Горбач: Очерк таежной жизни // Жизнь. 1899. № 3. С. 85–105; Предполагаемая реформа ссылки и каторги // Жизнь. 1899. № 6. С. 443–444; Законопроект об отмене ссылки судебной и административной по приговорам мещанских и крестьянских сообществ // Жизнь. 1900. № 7. С. 346–353; Из быта ссыльных в Сибири // МБ. 1900. № 7. II отд. С. 18–19; **Ф.К.** [Кон Ф.Я.] Из Якутска: К вопросу о ссылке в Якутскую область // НС. 1897. № 2. С. 128–134.

[768] См.: Сибирский купец – ученик декабристов // МБ. 1901. № 9. II отд. С. 23–25; Из прошлого // МБ. 1902. № 1. II отд. С. 23–24; Забытые могилы // МБ. 1903. № 1. II отд. С. 22–23.

		железной дороги	
Кауфман А. А. (1864–1919)	«Мир божий»	Служебные командировки для проведения статистических обследований хозяйственного быта крестьян	Западная Сибирь (1887–1888; с 1894–1903 ежегодно)
Кроль М.А. (1862 - ?)	«Новое слово»	Ссылка, участие в статистической экспедиции по изучению землевладения и землепользования в Забайкалье	Восточная Сибирь (1888 – 1895, 1897)
Мачтет Г.А. (1852–1901)	«Северный вестник»	Ссылка за связи с революционными народниками	Западная Сибирь (1879–1885)
Омельченко А.	«Мир божий»	Участие в студенческом медицинском отряде по оказанию помощи переселенцам	Западная Сибирь (1896 г.)
Серошевский В.Л. (1858—1945)	«Мир божий»	В 1879 г. был арестован и признан виновным в оказании вооруженного сопротивления караулу. По приговору суда был лишен всех прав и подлежал восьмилетнему заключению в крепости, но вместо этого был отправлен в «отдалённые места Восточной Сибири».	Восточная Сибирь (1880 – 1892 гг.)
Циммерман Р.Э. (1866–1900)	«Жизнь»	Ссылка	

Таблица 24 наглядно свидетельствует о том, что большинство авторов марксистских журналов узнали Сибирь во время пребывания в ссылке, участвуя в статистических, этнографических экспедициях и/или отрядах помощи сибирским переселенцам. Специфические условия сибирской политической ссылки, непосредственное знакомство с социально-экономическими и культурными реалиями повседневной жизни населения региона в совокупности с мировоззренческими установками марксистской доктрины выдвинули на первый план следующие структурные элементы образа региона: 1) Сибирь – место вымирания эксплуатируемых «инородцев»; 2) край интенсивного развития капиталистических отношений и арена для потенциальных столкновений рабочего класса и эксплуатируемого крестьянства с эксплуататорами; 3) территория вопиющих злоупотреблений местной бюрократии; 4) место, развенчавшее мечты

крестьян-переселенцев об экономическом благоденствии, ставшее «бассейном, куда сливается народное горе».

***

Содержательный анализ публикаций о Сибири ведущих общественно-политических ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. позволяет не только выделить структурные элементы образа региона, конструировавшегося политически ангажированными журналами, но и вычленить ключевые метафоры, при помощи которых регион маркировался на ментальных картах россиян. Именно эмоционально насыщенные, экспрессивные, эффективно воздействующие на сознание и социальное поведение адресатов журнального дискурса метафоры предоставляют исследователю возможность выяснить внеидеологическую составляющую образа Сибири в общественном мнении пореформенной империи, выявить символы, культурные коды, номинирующие Сибирь в коммуникативном пространстве мыслящей России. При анализе метафорических репрезентаций образа региона воспользуемся характеристикой метафорических моделей и классификацией метафор – инструментарием, предлагаемым в работах современных отечественных лингвистов А.П. Чудинова, Ю.Б. Феденевой, А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова и др.[769]

В данном случае метафоры рассматриваются не только как инструмент познания и восприятия мира, но и как средство выражения оценки социально значимой реальности. При этом метафоризированная оценка показывает как явное, открыто декларируемое отношение адресанта к объекту

[769] См., например: **Чудинов А.П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001; **Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.** Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991; **Они же.** Словарь русских политических метафор. М., 1994; **Красильникова Н.В.** Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории «свои – чужие» в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005 и др.

высказывания, так и скрываемые от публики нюансы. Как доказано лингвистами, метафора способна эффективно воздействовать как на сознание, так и на подсознание адресатов. Не случайно одной из универсальных технологий, широко используемых в процессах массового манипулирования сознанием, является формирование и активное распространение образов. Эта технология зиждется на возможности существования ассоциативных связей между образом и соответствующими ему потребностью, устремлением, мотивационной установкой. Сформированные в сознании (виртуальные) образы погружаются в принципиально иную сеть ассоциативных отношений по сравнению с той, которая определяет место их оригиналов (прообразов) в реальном мире. Так виртуальные образы и связывающая их сеть ассоциативных отношений становятся основой для создания определенной картины мира, вызывают к жизни соответствующие целям и задачам манипулятора потребности, устремления, мотивационные установки реципиента[770].

Мы далеки от того, чтобы подозревать творцов сибирского журнального дискурса второй половины XIX – начала XX в. в использовании манипуляционных технологий, но предполагаем, что метафоры самопроизвольно кодировали сознание в соответствии с той картиной мира, которую разделяло и транслировало то или иное издание. В таблице 25 приведены наиболее яркие метафоры, выявленные мною в общественно-политических ежемесячниках. Как ясно из таблицы, сферами-мишенями для метафор являлись те фрагменты сибирской реальности, которые вызывали наибольший резонанс в общественном мнении: статус Сибири в составе империи, экономическое и культурное развитие региона, ссылка в регион.

Анализ метафор, маркирующих статус Сибири в составе империи, указывает на то, что вне зависимости от идеологической принадлежности изданий задачей метафорического моделирования было формирование

---

[770] **Федосеев А.А.** Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. С. 13.

коллективных представлений читательской аудитории о Сибири как неотъемлемой части Российского государства (преобладание метафор «родства» и «соседства»). Ссылка в Сибирь номинировалась представителями всех ведущих политических течении при помощи морбиальных метафор (отражающих состояние болезни) и метафор «свалки». Несмотря на разное отношение к воспитательному и карательному воздействию ссылки (многие консерваторы признавали необходимость как административной, так и уголовной ссылки), негативные характеристики наказанных проецировались на весь регион, закрепляя за ним сложившуюся в предшествующие эпохи семантическую нагрузку Сибири – места проживания «человеческих отбросов».

Таблица 25

Метафорические модели, представляющие Сибирь в российских общественно-политических журналах второй половины XIX – начала XX в.

Метафоры, типичные для консервативных журналов	Метафоры, типичные для либеральных журналов	Метафоры, типичные для народнических журналов
1	2	3
Статус региона в составе империи		

Соседство: «*Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь как богатая барыня на дальнее поместье*, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее честным, более или менее искусным». [Вигель Ф.Ф.] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля // Рус. вестник. 1864. № 5. С. 162–163	**Родство:** «… современная Сибирь – *не дочь ли России,* во всем похожая на родную мать, с тою только разницей, что последняя, как взрослая, умеет скрывать многие свои недостатки, а первая этому еще не выучилась?..» К[апус]тин С. Зеркало России: По поводу книги Ядринцева «Сибирь как колония» // РМ. 1883. № 1. С. 29	**Родство:** «Перестав быть ссыльной колонией, она не стала равноправной *сестрой метрополии*. Русское население ее не имеет земства, не имеет суда присяжных, количество школ и врачей ничтожно; дорог, кроме небольшого числа трактовых, нет никаких». Белевский А.А. К переселенческому вопросу // РБ. 1904. № 8. 2 отд. С. 1. **Соседство:** «С проведением железной дороги Сибирь, во всем своем необъятном пространстве, из „отдаленных мест“ превратилась в *близкую соседку* России. Насколько такое близкое соседство приятно и выгодно для обеих сторон, – предрешать не беремся. Поживем – увидим». Арефьев Н. В Сибири // СВ. 1895. № 12. 2 отд. С. 47
Ссылка в сибирские губернии		

Свалка: «*Клоака* всероссийских подонков самого злокачественного свойства». Внутреннее обозрение // РВ. 1888. № 6. С. 345. **Болезнь:** «Сибирь по отношению к ссылке есть лечебница для нравственно больных». Немцы о книге Кеннана // РВ. 1894. № 1. С. 202	**Свалка:** «… так уж сложилась жизнь этой страны, служащей до сих пор *вместилищем отбросов людского общества* Европейской России». Астырев Н.М. Очерки быта населения Восточной Сибири // РМ. 1890. № 9. С. 98. **Дорога:** «Страшно становится подумать, что станет с несчастными дикарями, когда реформирована будет, как говорят, ссылка, т.е. ссылать начнут только в отдаленнейшие места Сибири. Тогда северо-восток Сибири превратится в *круг ада,* где вечно будет стоять стон и скрежет зубовный несчастных дикарей». Рецензия на книгу Дионео [И. В. Шкловского] «На крайнем северо-востоке Сибири» (СПб., 1895) // ВЕ. 1895. № 4. С. 812.	**Свалка:** «Хотелось бы верить, что Сибирь уже не будет для России *помойной ямой,* куда сплавляются всякие отбросы». Арефьев Н.В Сибири // СВ. 1895. № 12. 2 отд. С. 47. «Переставая играть роль *канавы для стока преступной волны из России*, волны, которая при настоящих условиях могла бы хлынуть и обратно, Сибирь избавляется от непомерного наплыва опасных противообщественных элементов, не ею воспитанных, и ее жизнь приобретает возможность более беспрепятственного развития». Хроника внутренней жизни: Отмена ссылки // РБ. 1900. № 7. С. 150–151.
Экономическое развитие Сибири		
Богатство: «Есть убеждение, что Сибирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это *наше русское Эльдорадо,* где смелого искателя ждет и счастье, и богатство». Золотилов К. Сибирская	**Богатство:** «Приток вольнонародной колонизации в первое время был обширный: богатство соболей, лисиц, белки, песцов и т. п. привлекали сюда промышленников, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатством. В начале XVIII столетия поэтому уже сложилась поговорка: *„Сибирь* –	**Тело (организм) человека:** «Пусть Сибирь [в период проведения железной дороги] работает, а Россия готовит деньги, коренной сибирячок [пароходовладелец], гордо называющий пришлый элемент навозом, засел на большой дороге и твердо знает

тайга // РВ. 1863. № 1. С. 313. **Пробуждение ото сна:** «Мировые пути сообщения размыкают кольцо произвола и монополии, сибирская железная дорога пробудит от невольной спячки производительные силы края и даст толчок началу общественности, которое здесь как бы замерло». Внутреннее обозрение // РВ. 1888. № 9. С. 388. **Застой:** **«**Цель существования этого пути заключается не столько в том, чтобы открыть в Сибири новые рынки для сбыта произведений Европейской России, сколько в том, чтобы дать самой Сибири возможность выйти из экономического застоя и поставить эту обширную страну, богато одаренную природой, но лишенную путей сообщения, в те же условия, в которых ныне находится Европейская Россия». Внутреннее обозрение // РВ. 1890. № 7. С. 323–324.	*золотое дно".* Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири // ВЕ. 1876. № 6. С. 461.	сноровку, как то и другое повернуть в свою пользу. И аппетита, и места всем хватит: *утроба,* в которой бесследно исчезают безбожно эксплуатируемые и развращаемые сибирские инородцы, достаточно вместительна для этого». Хроника внутренней жизни // РБ. 1892. № 2. 2 отд. С. 129.
Культурное развитие Сибири		

Свалка: **«**Но спрашивается: стоят ли на этой высоте в Сибири, где скапливаются всевозможные отбросы, те лица, которым г. Арефьев желал бы вверить дело просвещения Сибири?» Маляревский Г. К вопросу о том, кому просвещать Сибирь // РВ. 1894. № 4. С. 304. **Болезнь:** «…кружковщина, эта въевшаяся [тенденция в развитии периодической печати] в здоровое тело Сибири язва, этот своего рода сибирский "квас", от которого, к несчастью, не свободен ни один людный пункт Сибири…» Емельянов Н. Н. Печать в Сибири // РВ. 1898. № 12. С. 407.	**Персонификация:** «Если число университетов к началу следующего учебного года останется прежнее, то будущим историкам нашего времени придется определить, что именно, выражаясь словами французской поговорки, стало преградой между "ртом и чашкой", что *обрекло Сибирь на роль Тантала, которому не дается в руки желанное благо*». Из общественной хроники // ВЕ. 1886. № 4. С. 903. **Богатство:** (об открытии сибирского университета) «Понятно, что только государство может обеспечить существование университета, приняв его расходы на счет бюджета. Правда, это не исключает, однако, возможности со стороны сибирского общества материального содействия к основанию университета. В крае, который издавна слывет *"золотым дном"*, есть богатые люди». Внутреннее обозрение // ВЕ. 1876. № 2. С. 806.	

Авторы сибирского журнального дискурса были единодушны в признании большого экономического потенциала региона, залогом которого признавались природные ресурсы Сибири, не случайно широкое употребление метафоры «богатства». Однако современное им состояние края достаточно часто описывалось литераторами через метафоры «тупика», «застоя». Консерваторами метафоры «пробуждения ото сна» использовались при описании правительственных мер, направленных на оживление экономики края. Метафоры из марксистских журналов не попали в таблицу 25 по причине их малочисленности. Заметим, что в марксистских ежемесячниках метафоры «дороги» и «пробуждения ото сна» использовались при описании социально-экономического развития сибирской провинции. Вспомним ранее упомянутую в

тексте метафорическую фразу: «Просыпайся, сибиряк, капитал идет!» В оценке состояния и перспектив культурного развития Сибири резко отличаются консервативный (пессимистический, критический) и либеральный (оптимистический) подходы. Содержательный анализ метафорических моделей сибирского журнального дискурса позволяет сделать вывод о том, что журналы разных направлений использовали несколько вариантов репрезентации образа Сибири. Эти варианты отличались следующими характеристиками.

1. По степени информативности/фатичности коммуникации. Высокая степень клишированности – отличительная черта консервативного дискурса. Его тексты изобилуют мифологическими штампами, рожденными на ментальном уровне формирования образа региона. Как отмечено исследовательницей Е.В. Бакумовой, клишированность речи способствует установлению более тесного контакта с адресатами дискурса, которые ждут от своих лидеров не столько информационной новизны, сколько подтверждения верности идеалам прошлого[771]. Дискурс либералов, народников и марксистов характеризуется преобладающей информативностью, их тексты насыщены словами и терминами, соотносящимися с новыми реалиями и событиями в стране и мире.

2. По степени эмоциональности/рациональности. Для текстов либералов и легальных марксистов характерна сдержанность, тенденция к представлению конкретной фактической информации. Для консерваторов и народников, а также либералов «Русской мысли» в рамках сибирского журнального дискурса характерна эмоциональная насыщенность и пафосность. В зависимости от поставленных прагматических задач преобладает либо гневно-обличительная тональность (пафос отрицания), либо приподнятая тональность (для подтверждения высоких идей и ценностей).

3. По специфике выражения оценки и проявления вербальной агрессии. Наибольшей сдержанностью и рациональностью отличались оценки сибирских реалий в дискурсе либералов и легальных марксистов, чаще использовавших непрямые, имплицитные способы экспликации оценки, связанные с

[771] См.: **Бакумова Е.В.** Ролевая структура политического дискурса. С. 10.

завуалированным выражением соответствующего намерения. Наиболее категоричные оценки «сибирских» вопросов содержат публикации консерваторов и народников, их суждения чаще всего не допускают двойственных толкований.

4. По степени метафорической насыщенности. «Сибирские» материалы свидетельствуют о том, что высокая метафорическая насыщенность является характерной чертой дискурса консерваторов и народников, наиболее активно занимавшихся моделированием социального поведения читательской аудитории.

Г л а в а 3
«СИБИРСКАЯ» ТЕМАТИКА ОТРАСЛЕВЫХ ЖУРНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

3.1. Конструирование образа Сибири историческими журналами

В напряженных дискуссиях последних десятилетий о функциях, методах, перспективах развития исторического знания, отражающих самоидентификационные искания представителей профессионального сообщества историков, в числе прочих обсуждается вопрос о роли исторической науки в формировании исторических представлений современников. Принимая во внимание многообразие задач современного исторического сибиреведения, представляются очевидными несколько из них: формирование научных представлений о прошлом региона у сибиряков и всех заинтересованных современников; популяризация истории края в общественном мнении страны и региона; трансляция результатов сибиреведческих исследований практикам преподавания истории Сибири в школе и вузе. В связи с этим нам кажется продуктивным изучение образа Сибири, моделировавшегося на страницах специализированных исторических журналов рубежа XIX–XX вв. и являвшегося одним из источников конструирования представлений читающей России о прошлом и настоящем ее восточной окраины. Сошлемся на авторитетное суждение М.П. Мохначевой о роли журнальной периодики в формировании исторических знаний и представлений современников: «Журнал самопроизвольно

формирует историческое знание читателя-любителя и профессионала, читателя – современника журнала и последующих поколений читателей»[772].

Обращение к исторической периодике полезно также и для выявления преемственности между современными сибиреведами и их дооктябрьскими предшественниками, в конечном итоге – для определения тематической, методической и методологической эволюции сибирского исторического краеведения.

История региона в освещении журнала «Русская старина»

Первый номер специализированного исторического журнала «Русская старина» вышел в 1870 г. под редакцией М.И. и В.А. Семевских. После смерти В.А. Семевского (1875 г.) редактором-издателем журнала стал известный русский историк М.И. Семевский[773]. К участию в журнале были приглашены К.Н. Рюмин, А.Д. Градовский, Я.К. Грот, В.И. Даль, С.В. Максимов, М.П. Погодин, П.Н. Полевой, Д.А. Ровинский, С.М. Соловьев, А.С. Суворин, Ф.И. Тютчев.

Создатели журнала так формулировали задачи своего издания: «разрабатывать исторические материалы и знакомить читателей с историческими деятелями Русской земли». В соответствии с этими задачами была разработана программа «Русской старины». Она включала в себя следующие отделы, определявшие структуру издания: 1) исторические исследования; 2) семейные хроники; 3) записки и воспоминания; 4) очерки и рассказы; 5) жизнеописания и материалы к биографиям достопамятных русских деятелей: людей государственных, артистов и художников; 6) статьи по истории русской литературы и искусств; 7) переписка замечательных лиц, автобиографии, заметки и дневники; 8) исторические предания и рассказы; 9) челобитные и разные документы, рисующие быт русского общества прошлых времен; 10) мемуары и рассказы иностранные, насколько они

[772] **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука. М., 1999. Кн. 2. С. 194.
[773] Подробно об этом: ИРЛИ. Ф. 274 (Архив М.И. Семевского). Оп. 1. Д. 410.

касаются России и ее истории; 11) народная словесность; 12) архивные документы; 13) родословные[774].

Примечателен критерий отбора материалов для публикации, декларируемый редакцией, – помещать «все, что служит чести и славе прежних отечественных деятелей, будет с полным беспристрастием помещаться, наряду с теми данными, которые указывают и на перешедшие уже в достояние истории темные стороны нашего общественного быта»[775]. В некрологе М.И. Семевскому так определялась роль его детища для читающей России: «Известно, какое громадное значение имела „Русская старина" не только для специалистов, но и для всего образованного общества. Здесь, обыкновенно в живой увлекательной форме, читатели знакомились с фактами прошлой жизни русского общества и народа, с биографиями замечательных деятелей на всех поприщах – военном, духовном, ученом, художественном, литературном. Журнал приобрел постоянный круг читателей и имел пламенных почитателей. „Русская старина" стала известна в самых отдаленных уголках нашего отечества и везде будила самосознание и честную мысль, обличала, хотя и задним числом, грехи нашего давнего и недавнего прошлого, предостерегала от их повторения в будущем»[776].

Размышляя о роли журнала в формировании общественного мнения публицист Г.К. Градовский писал, что каждая новая книжка «Русской старины» «наводила общественное мнение на такие события в прошлом, которые представляли живейший интерес для всех современников, освещая настоящие события, помогая правильному обсуждению и разрешению тех или иных вопросов. Вот почему „Русская старина" при М.И. Семевском не только не отдавала архивной затхлостью, но обыкновенно называлась живой „Русской стариной"[777]. Преемниками Семевского на посту редактора «Русской старины» стали историки Н.К. Шильдер, Н.Ф. Дубровин,

[774] Объявление о подписке на журнал // РС. 1897. № 3.
[775] Об издании с 1 января 1870 г. ежемесячного исторического сборника «Русская старина» // РС. 1870. № 1. С. 2.
[776] Некролог М.И. Семевскому // РС. 1892. № 4. С. XIX.
[777] Цит. по: **Дмитриев С.С.** Источниковедение русской исторической журналистики. С. 301.

сохранявшие прежнюю программу издания. Свидетельством достаточно широкой популярности журнала являлся его тираж, довольно большой для специализированных изданий, доходивший до 7000 экз., а также широкая география подписчиков, включавшая в себя население восточной окраины империи.

Таблица 26

Количество читателей «Русской старины» в сибирских губерниях во второй половине XIX в.

Год	Акмолин-ская обл.	Енисейская губ.	Забайкаль-ская обл.	Иркутская губ.	Тобольская губ.	Томская губ.	Якутская обл.	Итого
1870	6	9	9	9	3	5	3	44
1871	10	8	13	15	10	10	5	71
1872	15	17	16	18	16	18	5	105
1873	15	13	18	31	28	26	6	137
1874	15	18	31	30	20	28	8	150
1875	16	25	30	33	24	21	9	158
1876	17	26	34	44	21	26	9	177
1877	17	22	27	31	18	26	6	147
1878	19	23	25	42	23	27	4	163
1879	21	22	32	48	17	33	5	178
1880	22	23	41	46	24	37	11	204
1881	25	27	40	48	24	35	12	211
1882	20	27	45	77	28	33	16	246
1883	19	28	41	81	31	32	9	241
1884	16	25	38	81	33	36	21	250
1885	22	29	45	65	31	29	18	239
1886	19	24	39	64	28	32	12	218
1887	25	23	44	71	38	32	15	248
1888	23	17	45	60	29	28	15	217

1889	18	17	43	57	30	33	10	208
1890	23	19	52	44	34	32	12	216
1891	24	16	44	47	29	39	13	212
1892	19	17	39	42	28	30	3	178

* Сост. мною на основе сведений о количестве подписчиков журнала, содержащихся в декабрьских номерах журнала за 1870–1892 гг.

Таблица 26 свидетельствует о том, что «Русская старина» имела стабильный круг подписчиков в сибирских губерниях и областях, наибольшее число которых проживало в Иркутской губернии и Забайкальской области. Однако основной читательской аудиторией были жители российских столиц и обитатели дворянских усадеб центра страны. Альбом «Русской старины» периода редакторства М.И. Семевского свидетельствует о том, что в круг общения редактора издания входили известные сибиряки и авторы сибирского журнального дискурса, проживавшие за пределами восточных провинций: В.А. Арцимович М.А. Бестужев, А.Н. Воейков, Н.В. Латкин, С.В. Максимов, М.К. Сидоров, И.К. Смирнов, М.В. Попов, В.В. Романов, В.Д. Философов, Н.С. Щукин[778].

В первые годы издания журнала Сибирь упоминалась в его публикациях, главным образом, как место, с которым биографически были связаны «достопамятные русские деятели», в первую очередь, декабристы. На страницах журнала были опубликованы записки М.А. Бестужева о пребывании в Сибири, написанные в Селенгинске в 1860 г., «Дневник поселенца» В.К. Кюхельбекера, воспоминания и заметки А.Ф. Фролова, Д.И. Завалишина, Т.П. Пасек, письма Е.И. и С.П. Трубецких, С.Г. Волконского, А.П. Беляева, А.А. Бригена, переписка В.А. Жуковского и В.К. Кюхельбекера, рассказы П.Е. Анненковой[779].

---

[778] Знакомые: Альбом М.И. Семевского – издателя-редактора журнала «Русская старина». СПб., 1888.

[779] См.: **Бестужев М.А.** Записки М.А. Бестужева // РС. 1870. № 7. С. 175–193; **Он же.** Записки декабриста М.А. Бестужева (1800–1871) // РС. 1881. № 11. С. 591–658; **Дубровин Н.Ф.** В.А. Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902 № 4. С. 94–111; **Иванова О.И.** Рассказы П.Е. Анненковой, рожденной Гебль // РС. 1888. № 3. С. 567–604 и др.

Следует отметить, что наибольшая часть публикаций о регионе представлена именно источниками личного происхождения, среди которых значительная часть принадлежала перу ссыльных декабристов и их ближайших родственников (табл. 27).

Таблица 27

Публикации, посвященные разным периодам истории Сибири в журнале «Русская старина» (1870-1904 гг.)*

Виды публикаций	Количество публикаций				
	XVII в.	XVIII в.	начало XIX в.	середина XIX в.	вторая половина XIX в.
Научно-популярные статьи по истории Сибири	2	3	3	1	2
Исторические портреты людей, биографически связанных с регионом	—	2	8	11	1
Рецензии на книги о Сибири	—	—	1	1	4
Дневники, мемуары, письма, путевые заметки о пребывании в сибирских губерниях	—	1	14	8	2
Отклики читателей на публикации о Сибири	—	5	1	—	1
Фольклорные произведения: былины, песни о Сибири и ее героях, описание картин и памятников, связанных с регионом	1	1	1	—	2
Художественные произведения о Сибири	—	—	2	—	1
Публикация источников	5	4	8	—	1

делопроизводственного характера					

* Посчитано мною на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала «Русская старина» за 1870–1904 гг.

Эпистолярное и мемуарное наследие декабристов презентовало читающей империи референтную для большинства читателей издания версию описания *региона как места страдания за свои идеалы, убеждения и ценности.* Романтизацию образа декабристов в общественном мнении империи усиливала публикация исходивших от них источников личного происхождения, делая убедительным порожденный «восставшими мыслящими» набор образов Сибири. Описания экзотичной природы края, обычные для путевых очерков XIX в., акцентировали внимание на суровых климатических условиях, изображении сибирских городов и селений, подчеркивали их отличия от населенных пунктов «внутренней России». «Не знаю, как теперь, но тогда Сибирь была житницей, в которой, по выражению некоторых крестьян, они по двадцать лет не видели дна у своих сусеков. Крестьяне-старожилы имели по 200, 300 штук рогатого скота и по 30, 40 и 50 лошадей, словом, довольство и необыкновенная чистота, даже в самых небольших избах, особенно после русских дымных и отвратительных хижин помещичьих крестьян, поражала. Тут мы с торжеством говорили: „Вот что значит свобода!“ Правда, не одна свобода, конечно, совершила это благоденствие народа, но к ней еще надо прибавить безграничные пространства превосходной девственной земли чистейшего чернозема и беспредельные пастбища. Но откуда взялась эта всеобщая, до педантства простирающаяся, чистота и опрятность, поистине не понятно. Край этот не имел никакого сообщения с западным, цивилизованным миром», – удивлялся А.П. Беляев[780]. Напрашивается предположение о том, что декабристы были одними из первых авторов образа Сибири как крестьянского Эльдорадо. Примечательно, что тексты просвещеннейших людей России демонстрируют

[780] **Беляев А.П.** Воспоминания о пережитом и перечувствованном // РС. 1881. № 4. С. 803.

все тот же ориенталистский дискурс, характерный для российских интеллектуалов XIX в. объявляющий критерием для сравнения западную, европейскую культуру.

Маркируя в своих письмах и мемуарах Сибирь как территорию изгнания, многие декабристы кропотливо собирали информацию о сибирских узниках прошлых времен, которая благодаря публикации их текстов в историческом журнале закрепляла в общественном мнении пореформенной России представление о регионе как о месте ссылки неугодных имперской власти. А.А. Бриген, отбывавший ссылку в Пелыме, в письме А.Е. Розену, впоследствии обнародованном «Русской стариной», подробно фиксировал информацию, собранную им о Минихе[781]. Декабрист В.И. Штейнгель подарил М.А. Бестужеву «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату в 1826–1827 гг.»[782]. Они были записаны Штейнгелем в Петровском заводе со слов ссыльного В.П. Колесникова в 1835 г. и содержали характеристику условий ссылки в регион.

Помещая источники личного происхождения, касающиеся пребывания декабристов в регионе, редакция журнала способствовала формированию исследовательского интереса к «сибирскому» этапу движения декабристов, результатом которого было появление очерков, посвященных «сибирским» биографиям тех его участников, которые «наидолее и наиболее поработали на пользу местного населения Сибири»[783].

В отдельных случаях авторы журнала пытались формулировать возможные направления исследовательских изысканий. Например, упоминая поэтические строки Н. Некрасова, посвященные женам декабристов, Л. Трефолев замечал, что было бы странно в настоящее время ограничиваться относительно этих незабвенных русских женщин одной лишь поэтической оценкой. «Возможно полное собрание их писем – вот что, по нашему

---

[781] См.: Граф Миних в Сибири: Письмо декабриста А.А. Бригена декабристу А. Е. Розену // РС. 1900. № 1. С. 225–228.
[782] См.: Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату в 1826–1827 гг. // РС. 1881. № 12. С. 763–804.
[783] См.: **Брайловский С.Н.** Из жизни одного декабриста // РС. 1903. № 3. С. 541.

мнению, всего нужнее в данном случае для характеристики тех героинь, которые, вслед за своими мужьями, устремились в сибирские трущобы… Можно заранее предсказать, что такого рода сборник писем и воспоминаний жен декабристов, сопровождаемый, конечно, необходимыми примечаниями, нашел бы обширный круг читателей и, в особенности, читательниц. Все они, думается нам, не встретили бы там ничего, кроме неподкрашенной исторической правды, чуждой запоздалых проклятий по адресу своих врагов и гонителей: эти женщины умели страдать и прощать!», – предполагал Трефолев[784].

Журнал стал своеобразной ареной «борьбы воспоминаний», авторы которых по-разному оценивали события, произошедшие с ними в изгнании, по разному прочитывали смысл поступков их товарищей по несчастью и по-разному интерпретировали отношение декабристов с сибирской администрацией. Наибольший резонанс вызвала публикация воспоминаний Д.И. Завалишина, который обвинял своих соратников в искажении или умолчании многих фактов, касающихся «сибирской эпопеи» декабристов, объясняя это ослаблением их памяти ко времени создания мемуаров, нежеланием сообщать «невыгодные явления» среди товарищества, опасением говорить правду о действиях сибирского начальства[785]. В письме М.И. Семевскому от 6 августа 1881 г. Завалишин так объяснял задачи своего мемуаротворочества: «В описании пребывания нашего в Чите и Петровском заводе я старался о полноте и правдивости, так, чтоб к моему изложению, нельзя было ничего уже прибавить и ничего из него опровергнуть»[786].

Ответом на «разоблачения» Завалишина стала публикация воспоминаний А.Ф. Фролова[787], сопровождаемая весьма примечательным редакционным комментарием, хорошо иллюстрирующим презентуемый читателям образ рассматриваемого издания: «Следуя постоянному и руководящему нас многие годы правилу сохранения самого строгого

---

[784] **Трефолев Л.** Отношение иркутского архиепископа Нила к декабристам // РС. 1899. № 9. С. 560.
[785] **Завалишин Д.И.** Декабристы в Чите и в Петровске 1827–1840 гг.: Воспоминания // РС. 1881. № 10. С. 419.
[786] ОР РГБ. Ф. 712 (Завалишин Д.И.). К. 1. Д. 12. Л. 1.
[787] [**Фролов А.Ф.**] Воспоминания и заметки А.Ф. Фролова // РС. 1882. № 5. С. 465–482, № 6. С. 701–714.

беспристрастия, мы даем место на страницах нашего журнала статье А.Ф. Фролова (декабриста), статье вызванной «Записками» Д.И. Завалишина. Будущий историк занятия и заселения Амура и Амурского края, а равно исследователь устройства и быта крайне интересной артели декабристов, людей весьма просвещенных, сложившейся в Читинском и Петровском острогах, взвесит рассказы и свидетельства тех и других лиц и сумеет разобраться в противоречивых показаниях лиц, слишком много на себе вынесших, чтобы быть в состоянии беспристрастно и спокойно говорить о событиях, в которых они сами принимали живое, непосредственное участие, и о лицах, с которыми они были в самых близких отношениях»[788].

Параллельно с публикацией воспоминаний декабристов журнал помещал статьи о представителях власти, отвечавших за пребывание декабристов в Сибири, при этом основным критерием оценки их личных и профессиональных качеств служило отношение к декабристам. В биографическом очерке, посвященном деятельности в Сибири С.Р. Лепарского, коменданта Нерчинских рудников, оспаривались утверждения Д.И. Завалишина о том, что Лепарский был опытным тюремщиком и стремился уничтожить «нравственное значение» декабристов. По мнению автора очерка В.В. Тимощук, только благодаря гуманному отношению Лепарского и предоставленных им декабристам льготам (разрешение читать, заниматься рисованием и музыкой, разными ремеслами, переписываться с родственниками и друзьями), они дожили до амнистии 1856 г., сохранив бодрость духа, верность своим идеалам, отзывчивость ко всем явлениям общественной жизни[789]. «Опекуном» над сосланными на каторжную работу по мятежу 14 декабря 1825 г. именовал С.Р. Лепарского его биограф М.Н. Кучаев, интерпретируя его деятельность в Сибири как доказательство непоколебимой преданности своему возлюбленному государю. «Без блеска и без шума, но стойко и по-солдатски просто он простоял 12 лет на своем

[788] **[Фролов А.Ф.]** Воспоминания и заметки А.Ф. Фролова // РС. 1882. № 5. С. 465–482, № 6. С. 465.
[789] **Тимощук В.В.** С.Р. Лепарский – комендант нерчинских рудников и Читинского острога // РС. 1892. № 7. С. 177.

тяжелом и крайне трудном посту и угас тихо и спокойно, окруженный семьей горячо его любивших изгнанников, в самом далеком и темном углу Сибири», – подводил итог жизни и деятельности героя своего очерка М.Н. Кучаев[790].

Не ставя своей задачей сравнение историографических версий биографии С.Р. Лепарского и выяснение степени их достоверности, заметим, что публикация материалов о поведении в экстремальных условиях ссылки как декабристов, так и их политических оппонентов, с одной стороны, реализовала воспитательную функцию истории как учительницы жизни, давая возможность осмыслить разные поведенческие стратегии в тяжелых жизненных ситуациях, с другой – демонстрировала множественность «правд» и мотиваций участников исторического процесса.

Образ Сибири как этапа биографии инакомыслящих в Российской империи актуализировала публикация сведений о могилах А.И. Меньшикова и А.И. Остермана[791], делопроизводственных документов, касающихся ссылки А.Н. Радищева[792], статей об опальных сподвижниках Петра I, сосланных в край[793], о ссылке пастора Зейдера, сосланного Павлом I[794], писем Ф.М. Достоевского брату[795].

Опубликованные «Русской стариной» письма Ф.М. Достоевского были положены в основу знаменитых «Записок из Мертвого дома», они знакомили читающую публику с реалиями каторжной жизни в Сибири, с деформирующим влиянием каторги на психологию осужденных, транслировали широко известные авторские характеристики Омска – места каторги Достоевского, впоследствии активно тиражируемые сибирской краеведческой литературой. «Омск, гадкий городишка. Деревьев почти нет.

---

[790] Там же. № 8. С. 724.

[791] См., например: **Воропай И.** Исторические могилы в г. Березове // РС. 1889. № 7. С. 133–134; **Бантыш-Каменский Д.Н.** Исторические могилы в г. Березове // РС. 1889. № 7. С.134–136.

[792] См., например: **Ефремов П.А.** Рескрипт императора Павла I графу А.Н. Самойлову // РС. 1882. № 11. С. 499; **Репинский Г.К.** Рапорт иркутского наместнического правления в правительствующий Сенат о ссылке Радищева в Илимский острог // РС. 1872. № 9. С. 436–438.

[793] См.: **Сгибнев А.С.** Скорняков-Писарев и Девиер в Сибири // РС. 1876. № 2. С. 444–450.

[794] См., например: **Зубахина М.Ф.** Страдания и ссылка пастора Зейдера в 1800 г. // РС. 1878. № 4. С. 463–490; № 5. С. 117–149; **Штукенберг А.И.** Пастор Зейдер после и до его ссылки в Сибирь // РС. 1887. № 1. С. 251–262 и др.

[795] См.: Ф.М. Достоевский: его отправка в Сибирь и пребывание в Омске (1850–1854) // РС. 1885. № 9. С. 511–520.

Летом зной, ветер с песком, зимой буран. Природы я не видел. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про черный народ. Если б не нашел здесь людей, я погиб бы совершенно», – писал Ф. М. Достоевский[796].

Публикации журнала о политической ссылке в Сибирь подтверждают наблюдения Ю.М. Лотмана, сделанные им применительно к русскому роману XIX в. о том, что образованными россиянами Сибирь соотносилась с мифологическим моментом «смерть–нисхождение в ад». Попадая в край, герой претерпевал воскресение и перерождение, только в соответствии с поэтикой нарождающегося общественного романа место фактической смерти замещалось каторгой – политической смертью[797].

Содержательный анализ биографических очерков «политических узников» Сибири указывает на то, что авторы акцентировали внимание на возвращении ссыльных после драматичных «сибирских эпизодов» к активной общественной жизни, политической деятельности в европейской России. Можно предположить, что условием для символического «воскрешения» – возвращения на родину – для современников была общественно полезная деятельность политических ссыльных в местах их вынужденного пребывания. Показательна в этом смысле выписка из книги Евангелическо-лютеранской церкви в Иркутске, помещенная в рассматриваемом издании и содержащая характеристику К. Кюхельбекера: «…величайшего уважения заслуживает изумительная энергия, с какою он приходит на помощь страждущему человечеству, оказывая медицинскую помощь населению Баргузина и его окрестностей, где нет ни одного врача: удачным лечением больных, а еще более своим бескорыстием и самоотвержением, свидетельствующим о его истинном человеколюбии, он снискал уважение, любовь и почтение как самых высокопоставленных, так и самых бедных, словом всех тех, кто его знает и кто испытал лично на себе

---

[796] Там же. С. 516.

[797] См.: **Лотман Ю.М.** Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. С.325–348.

его доброту»[798]. И.И. Срезневский, публикуя свою переписку с сыном ссыльного декабриста В.В. Пасека, замечал, что Сибирь накладывает на людей, долгое время живших в ней, особый отпечаток, отличный от провинциализма европейской России, «он далеко не так пошл и мелок, он обличает больше здоровья и лучший закал»[799].

В связи с обозначенной семантической нагрузкой топонима Сибирь (край как место символической смерти и воскрешения) не случайно, что именно Сибирь стала адресатом легенды о старце Федоре Кузьмиче, широко бытовавшей в общественном мнении и народном сознании XIX в. и обсуждавшейся на страницах «Русской старины». Ю.М. Лотман замечает: «Весьма вероятно, что, если бы реальный Федор Кузьмич объявился не в Сибири, а где-нибудь в Орловской губернии или Новороссийском крае, в западных губерниях или на Кавказе, мифогенная сила его личности была бы значительно ослаблена»[800]. Стремясь разобраться в распространенных мифологемах о сибирском старце, редакция журнала помещала разнообразные свидетельства современников, проливающие свет на личность и биографию Федора Кузьмича. Впервые о народной легенде «об Александре–отшельнике» было упомянуто в заметке Н.С. Голицына, заметившего, что основанием для рождения мифа явилось случайное сходство сибирского затворника с Александром I и стойкая народная вера в доброго царя[801].

В последующих публикациях уже не поднимался вопрос о сходстве сибирского старца с умершим в Таганроге русским императором, однако современники не сомневались в том, что под именем Федора Кузьмича скрывался кто-то из известных религиозных или политических деятелей. В связи с этим один из авторов, скрывавшийся под криптонимом «В.Д.», отмечал: «Загадочными словами и двусмысленными намеками на свое высокое происхождение старец успел убедить многих, что он, действительно,

---

[798] **Таубе Н.** Характеристика декабристов Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга // РС. 1904. № 3. С. 577.
[799] **Срезневский В.В.** В. Пассек и его письма к И. И. Срезневскому (1837–1839) // РС. 1893. № 5. С. 379.
[800] **Лотман Ю.М.** Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. С. 725.
[801] См.: **Голицын Н.С.** Народная легенда об Александре-отшельнике // РС. 1880. № 11. С. 742–744.

когда-то был важной особой и добровольно, по данному обету, пошел странствовать и стал бродягою. Аскетическая жизнь, какую он вел в Ачинском округе и в Томске, в понятии некоторых, сделала его богоугодным человеком, память которого должна быть достойно чтима»[802].

Среди людей, с которыми ассоциировался в народном сознании Федор Кузьмич, назывался, например, одиозный архиепископ Ириней Иркутский.

Редакция «Русской старины» репрезентировала образованной России Федора Кузьмича как одного из *мифмейкеров* Сибири – людей, жизнь и деятельность которых соотносилась в массовом сознании с регионом и являвшихся персонифицированными символами региона. Сам журнал выступал как активный субъект мифотворчества, транслируя читателям идеализированный образ сибирского отшельника. Епископ Петр на страницах журнала описывал случаи исцеления старцем тяжелобольных сибиряков, упоминал о сбывшихся предсказаниях Федора Кузьмича[803]. М.Ф. Мельницкий описывал его жизнь как образец для подражания потомков: «Переходя из деревни в деревню, Федор Кузьмич делал все, что только может делать хорошо воспитанный и образованный человек, поставленный в необходимость жить в массе неразвитого крестьянского населения. Он учил крестьянских детей грамоте, знакомил со Священным писанием, с географией и историей. И во всем этом не было ничего тенденциозного, преувеличенного… Взрослых он увлекал религиозными беседами, занимательными рассказами из событий отечественной истории, в особенности о военных походах и сражениях… Тонкое понимание человеческой натуры и в особенности духовной стороны ее в связи с необыкновенным даром слова позволяли ему исцелять душевные недуги, подмечать и указывать слабые стороны человека, угадывая иногда тайные намерения, что в связи с его образом жизни, умением общаться с больными, облегчить их страдания, возвысили его в глазах простого народа и возбудили

---

[802] См.: **В.Д.** Старец Федор Кузьмич // РС. 1892. № 5. С. 456.
[803] См.: **Епископ Петр.** Сибирский старец Федор Кузьмич // РС. 1891. № 10. С. 233–240.

о нем впоследствии, как о великом угоднике Божьем, всевозможные толки далеко за пределами его местопребывания»[804].

По нашим представлениям, информирование читателей «Русской старины» о Сибири происходило, прежде всего, через публикацию разножанровых текстов, посвященных «сибирским» фрагментам биографии «замечательных русских людей». Журнал транслировал множество индивидуальных версий образа региона, позволяя читателям соотнести собственные представления о регионе с вариантами его восприятия, предлагаемыми авторитетными современниками. Данные таблицы 28 позволяют судить о персоналиях или группах людей, чья жизнь и деятельность коллективным автором «Русской старины» чаще всего соотносилась с Сибирью.

Таблица 28

Количество публикаций «Русской старины», посвященных персоналиям (или социокультурным сообществам), биографически связанным с Сибирью*

Ф.И.О. (или название группы); закрепленный общественным мнением социальный (профессиональный) статус	Кол-во публикаций
Бакунин М.А., ссыльный	1
Бантыш-Каменский Д.Н., генерал-губернатор Западной Сибири	1
Буташевич-Петрашевский М.В., ссыльный писатель-демократ	1
Декабристы	11
Достоевский Ф.М., писатель, ссыльный	2
Ириней Несторович, иркутский архиепископ	9
Лепарский С.Р., комендант Нерчинских рудников и Читинского острога	2
Муравьев-Амурский Н.Н., генерал-губернатор Восточной Сибири	13
Нил, иркутский архиепископ	2
Радищев А.Н., писатель, ссыльный	2
Сперанский М.М., генерал-губернатор Сибири	3

[804] См.: **Мельницкий М.Ф.** Старец Федор Кузьмич // РС. 1892. № 1. С. 87–88.

Федор Кузьмич, старец	4
Ядринцева А.Ф., общественная деятельница, жена одного из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцева	1

*Сост. автором на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала «Русская старина» за 1870–1904 гг.

Таблица 28 свидетельствует о том, что для сотрудников и читателей «Русской старины» одним из лидером среди мифмейкеров Сибири был Н.Н. Муравьев-Амурский. Данное обстоятельство не случайно, оно объясняется не только безусловным административным талантом и геополитическими заслугами Н.Н. Муравьева, но и социокультурным фоном эпохи «безвременья» – времени, когда и общественное мнение, и правительственная элита осознавали необходимость поисков новых образцов идеального гражданина, политика, государственного деятеля, воплощающего в себе созидательные поведенческие стратегии, направленные на усиление государственного величия России (в отличие от разрушительных, демонстрируемых радикальной молодежью). Недаром большое число публикаций, посвященных Н.Н. Муравьеву-Амурскому, появлялось на страницах консервативной печати, претендующей на участие в формировании государственной идеологии. В связи с этим показательны неоднократные обращения редакции к читателям с предложением о сборе сведений о деятельности «этого замечательного русского человека»[805]. «Собрание материалов для возможно подробного жизнеописания таких именно достопамятных людей земли русской, как граф Н.Н. Муравьев-Амурский, этих воплотителей мощи духовных сил русского народа есть дело в высшей степени полезное, а издание их – заслуга не только перед обществом, но и перед государством», – читаем в мартовском номере 1892 г.[806]

Сюжеты, посвященные деятельности восточносибирского генерал-губернатора на страницах журнала, впервые встречаются в воспоминаниях

[805] См., например: РС. 1883. № 12. С. 512.
[806] Рец. на кн.: Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891 // РС. № 3. С. 844.

сподвижников «завоевателя Амура» Э.И. Стогова и М.И. Венюкова, опубликованных в 1879 г.[807] В воспоминаниях ”муравьевцев“ Николай Николаевич представал мудрым и дальновидным политиком, одним из лучших представителей административной имперской элиты середины XIX в., создавшим определенный поведенческий стандарт для губернского чиновничества, расширившим территориальные владения России. Присоединение Амура участники «муравьевской команды» сопоставляли с Великими географическими открытиями, с открытием «окна в Европу» Петра I. М.И. Венюков, например, писал по этому поводу: «История открытия Америки в повествованиях И. Вашингтона и Прескотта, рассказы Мунго-Парка о первом виде на Нигер – знакомы с юности каждому образованному человеку. Молодое поколение 1840 – 1850-х гг., кроме того, зачитывалось Гумбольтом, его странствиями по Ореноко и Рио-Негро. Мудрено ли, что те из нас, которые впервые увидели Амур, испытывали ощущение, родственное с тем, какое было чувствуемо, например, Васко-Нунвесом-де-Бальбоа, когда он с высот Панамского перешейка увидел впервые Тихий океан. Конечно, Амур не был уже новостью для нас, как для спутников Пояркова и Хабарова, но, идея, с ним соединившаяся, была так же свежа и величава, как если бы мы были сами первыми открывателями. Смотря на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из них думали: там, где-то далеко, почти так далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, и в Великий океан, единственный открытый путь из России не в Швецию, не в Турцию, а в Америку, Австралию и южную Азию»[808].

Совершенно другую оценку деятельности восточносибирского губернатора и «Амурского дела» дал в своей статье неоднократно упомянутый нами Д.И. Завалишин. Обоснование Завалишиным своего участия в компании по дискредитации «Амурского дела» находим в его письме к издателю «Вестника промышленности» Ф.В. Чижову, написанном

---

[807] См., например: **Стогов Э.И.** Очерки, рассказы и воспоминания // РС. 1879. № 1. С. 49–80; **Венюков М.И.** Воспоминания о заселении Амура (1857–1858 гг.) // РС. 1879. № 1. С. 81–112.

[808] **Венюков М.И.** Воспоминания о заселении Амура (1857–1858 гг.) // РС. 1879. № 1. С. 97.

еще в марте 1959 г.: «Уж конечно не самолюбие и не выгоды могли быть моими побудительными причинами, а потому я решился образумить этих самых людей, так отважно ниспровергавших все нравственные начала. Я имел на это право, потому что они были у меня в долгу, я трудился за них и для них, не только без всякого вознаграждения, но и без всякой мысли о возможности какого-либо вознаграждения, ничего от них не требуя, кроме исполнения обязанности их по совести, потому, что они были предо мною нравственно ответственны за свои действия. Мое содействие обусловлено было строгим соблюдением с их стороны честности, справедливости, человеколюбия, подчинения всего общей пользе, а они ниспровергли все нравственные и общественные основания… Не успев образумить их, не успев остановить их при имевшемся другом случае, которым или не умели, или не хотели воспользоваться те, кому бы это следовало, оставалось перенести дело на апелляции, публичные обсуждения»[809]. Не вдаваясь в вопрос об основательности оценок Завалишина «амурских героев» (публицистическое клише, имевшее в изучаемый период разные оценочные значения – от пафосного до уничижительного и ироничного), заметим, что его публикация в «Русской старине» спровоцировала оживленную дискуссию о значении для Сибири и России деятельности Н.Н. Муравьева.

Отразим круг обсуждаемых вопросов и ключевые позиции участников данной дискуссии в таблице 29.

Таблица 29

Характеристика Н. Н. Муравьева-Амурского и оценка его деятельности в Сибири в публикациях журнала «Русская старина»

Критерий оценки	Характеристики, зафиксированные в публикациях журнала	Автор, название публикации (год, номер, страница)
1	2	3

[809] ОР РГБ. Ф. 332 (Чижов Ф. В.). К. 30. Д. 10. Л. 3 об.

Характеристик и личности и деятельности генерал-губернатора	«Н.Н. Муравьев обладал быстрым соображением и предприимчивостью, характера был настойчивого и необыкновенно деятелен, посвящая все время служебным занятиям и всегда готовый преследовать зло. В обхождении с подчиненными был очень прост и ласков. Он был чужд всякой формалистики и даже того, свойственного военным, тщеславия, чтобы как начальник, окруженный свитою, рисоваться своим командирством перед войсками, которых он почти никогда и не осматривал. Вместе с тем Н.Н. Муравьев, как человек нервный и страдавший сердцем, был иногда до крайности раздражителен, что и было причиною некоторых с его стороны неуместных выходок и ошибочных поступков».	Заборинский А.И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. (1883. № 6. С. 624)
	«В течение тринадцатилетнего пребывания на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, граф постоянно обращал внимание на деятельность подчиненных ему лиц высших и низших, строго преследовал взяточничество, издавна укоренившееся в Сибири, поощрял трудолюбие и честность по службе… С чиновниками главного управления граф обращался весьма гуманно, охранял их человеческое достоинство и удостаивал чести называть их своими сослуживцами. Воспитанные в его служебной школе, они смотрели на совершенное бескорыстие, благородство и честность по службе не как на подвиг, достойный награды, но как на долг, нарушение которого заслуживает презрения».	Толстой В. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1890. № 1. С. 127)
Значение для Сибири и России деятельности Н.Н. Муравьева на посту восточносибирского генерал-губернатора	«Предпринимая в 1848 г. путешествие на Камчатку, Муравьев открыл ряд действий, доказывающих, что едва ли не он один из государственных деятелей того времени, по какому-то вдохновению свыше, предчувствовал и предвидел, какую роль суждено было сыграть Тихому океану в ближайшем будущем, что там, в Калифорнии, Японии, Китае, должны были совершаться важные перевороты и события, которым Россия должна идти на встречу и для которых она должна быть подготовлена. Во всех его мероприятиях, по всем частям управления обширной Восточной Сибирью, им руководила эта возвышенная мысль и, поддерживаемый доверием к нему царей, он неопровержимо доказал, в какой степени он был прав в своем воззрении».	Струве Б.П. Н.Н. Муравьев-Амурский (1883. № 12. С. 505–506)

Окончание таблицы 29

1	2	3

	«…я восхищался деятелями, прославившими …свое имя патриотическими действиями, способствовавшими развитию русского могущества и силы. Ермолов, Пасек, Невельский, Муравьев – вот мои герои, которых я чтил, которым удивлялся. Амурские походы, плавания Невельского, спасение Муравьевым сибирской флотилии наиболее останавливали на себе мое внимание».	Анучин Д.Г. Памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске (1892. № 3. С. 715–716)
	«Уже прошло более трети столетия (с 1847 по 1881), с тех пор как приступлено было к окончательному решению Амурского вопроса назначением лица, которому указана была цель, а между тем, единственным результатом занятия Амура остается и до сих пор: громадные издержки казны, разорение Восточной Сибири и в особенности Забайкальского края, и беспрестанно возобновляющаяся необходимость новых мер и новых расходов, чтоб исправлять испорченное и переделывать все вновь, тогда как при правильном ведении дела оно могло совершаться с успехом, при меньших несравненно расходах казны и без нарушения справедливости относительно сибирского населения, без разорения его и гибели людей».	Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство (1881. № 9. С. 76)

Материалы таблицы 29 доказывают содержательное сходство публикаций о деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского в Восточной Сибири специализированного исторического журнала «Русская старина», декларирующего свою приверженность либеральным ценностям, с аналогичными по тематике публикациями консервативных изданий «Русский вестник» и «Русское обозрение». Периоды общественного интереса к Н.Н. Муравьеву-Амурскому совпадают, с одной стороны, с периодами осмысления места Сибири и Дальнего Востока в геополитических доктринах самодержавия, с другой стороны, свидетельствуют о поисках образа идеального государственного деятеля, востребованного идеологией и общественным мнением эпохи консервативной модернизации.

Не только политические или административные заслуги перед краем являлись основанием для конструирования мифмейкеров Сибири авторами «Русской старины». Нетривиальное поведение, «казусность» поступков сибиряков, личное обаяние или, наоборот, строгое, граничащее с самопожертвованием, следование нормам и правилам, принятым в социуме, также привлекали внимание как авторов, так и читателей журнала. Героями

статей и «сибирских» читательских корреспонденций были Параша-Сибирячка, предводитель шайки обдорских разбойников самоед Вауль, иркутский архиепископ Ириней[810]. Причины интереса «Русской старины» к «недюжинному человеку» Иринею Несторовичу были сформулированы в редакционном комментарии к публикации документов о его деятельности таким образом: «Из этих статей читатели могут себе составить достаточно понятие об этом православном иерархе XIX в. с причудами и своеволием римского прелата XVI столетия. Его чудачества и странные выходки объясняли помешательством … вернее полагать, что Ириней был „себе на уме“ – подражатель архимандриту Фотию, который, может быть, и имел бы успех в последние годы царствования Александра I, когда мистицизм и юродство были в духе времени, но император Николай I не терпел ни того, ни другого, пуще же всего преследовал непокорность власти. Иринея можно назвать последним представителем духовной оппозиции местной светской власти и живым доказательством невозможности существования на Руси клерикалов и ультрамонтанов, хотя бы то было за Уральскими горами»[811].

Не являясь общественно-политическим журналом, «Русская старина» практически не помещала публицистические статьи и информационные сообщения, в которых «напрямую» формулировала бы свое отношение к тем или иным реалиям сибирской жизни второй половины XIX–начала XX вв. Однако благодаря особой подборке материалов редакция достаточно определенно выражала свое отношение к тому или иному событию или явлению сибирской действительности. Помещая, к примеру, воспоминания участников Амурской компании 1840–1850-х гг., редакция одновременно напечатала проект управляющего сибирским краем в 1789–1800 гг., генерала Г.Э. Штрадмана о мерах, необходимых для успешного развития Восточной

[810] См., например: **Вологдин И.В.** Параша-Сибирячка // РС. 1873. № 6. С. 727; **Барш З.А.** Обдорский возмутитель // РС. 1881. № 10. С. 377–386; **Войцеховский А.И.** Любопытная резолюция архиепископа иркутского Иринея // РС. 1872. № 3. С. 477–478; Ириней Несторович, архиепископ иркутский: дело о его «бунте» в 1831 г. в Сибири // РС. 1882. № 9. С. 561–586; № 11. С. 95–118; Исторический портрет Иринея Несторовича, архиепископа иркутского в 1830–1831 гг. // РС. 1879. № 11. С. 562–563; **Карабьин П.А.** Постановление Иринея Несторовича архиепископом в Иркутске // РС. 1880. № 11. С. 746–747; **Сергеев А.Н., Труворов А.** Бунт архиепископа Иринея в Иркутске в 1831 г. // РС. 1879. № 2. С. 361–370.

[811] Исторический портрет Иринея Несторовича, архиепископа иркутского в 1830–1831 гг. // РС. 1879. № 11. С. 562.

Сибири, в которых доказывается необходимость присоединения к России Амура[812]. Параллельно с обсуждением деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского редакция помещала статьи о побегах русских казаков на Амур в XVIII в., доказывая народное тяготение к дальневосточным территориям[813].

Одновременно с информацией об отмене уголовной ссылки в восточные губернии (1899 г.) была опубликована «Записка о прекращении ссылки в Сибирь» генерала К.Н. Посьета, датированная 1874 г.[814]

Борьба за освобождение Сибири от клейма «страны преступников» посредством публикации докладных записок и художественных произведений последовательно велась изданием начиная с первых лет его существования. На страницах журнала увидели свет рапорты иркутского генерал-губернатора И.О. Селифонтова и прокурора Гарновского из архива МВД, подготовленные к печати Д.Г. Тальбергом, о «зле сибирской ссылки», датирующиеся началом XIX в. Рассказы С.А. Коваленко, Д.Н. Мамина-Сибиряка о судьбе ссыльных и бродяг в Сибири повествовали о тлетворном влиянии ссылки как на самих ссыльных, так и сибиряков[815].

Итак, выдвигая на первый план прогностическую и воспитательную функции истории, М.И. Семевский и его преемники на редакторском посту использовали публикации исторических источников для формирования общественного мнения по мировоззренчески значимым проблемам современности, в том числе и касавшихся сибирской окраины.

Одной из проблем, волновавших как либеральные, так и консервативные круги русских интеллектуалов и определенным образом влиявших на формирование образа региона был вопрос о христианизации окраин как средства приобщения коренных народов Сибири к русской (как варианту европейской) культуре. Журнал не публиковал статей

---

[812] См.: Рец. на кн.: Штрадман Сибирь и ее нужды, 1801 // РС. 1879. № 1. С. 150–156.

[813] См., например: **Оглоблин Н.Н.** Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина // РС. 1896. № 1. С. 205–224; **Он же.** Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана // РС. 1896. № 10. С. 121–129.

[814] См.: Прекращение ссылки в Сибирь: Записка вице-адмирала, генерал-адъютанта К.Н. Посьета // РС. 1899. № 7. С. 51–59.

[815] См., например: **Мамин-Сибиряк Д.Н.** Варнаки. Заметки из сибирской жизни // РС. 1890. № 2. С. 541–550; **Коваленко С.А.** Разбитая жизнь: Рассказ ссыльного // РС. 1900. № 6. С. 529–553, № 7. С. 155–182.

этнографического характера, посвященных аборигенным народам края, «инородцы» интересовали авторов издания главным образом в контексте истории русской колонизации региона. Публикуемые «Русской стариной» исторические очерки, рецензии на литературу о религиозных деятелях, занимавшихся миссионерской деятельностью в Сибири, источники личного происхождения, исходившие от людей, биографически связанных с краем, в отношении аборигенного населения презентовали читающей империи все тот же ориенталистский дискурс.

В отдельных текстах достаточно ярко проявлялся дискриминационный характер, присущий, по мнению Э. Саида, европейскому ориентализму, изучение и описание «инородческих» народов понималось как первый шаг на пути их русификации. Показательна в этом смысле статья М. Грулева «Из прошлого Забайкалья», посвященная истории миссионерской деятельности в Восточной Сибири. Повествование о материально-бытовой культуре бурятского населения, его религиозных представлениях подчинено идее целесообразности христианизации бурят, аргументации необходимости борьбы с усилившимся ламаистским влиянием: «…при первом знакомстве наших пионеров с бурятами последние представились в таком полудиком сыром виде, что необходимо было подумать раньше всего о некоторой обработке этого сырого материала в интересах обрусения пограничной области. Весьма естественно, что первым шагом в этом направлении явилась необходимость просвещения язычников-бурят проповедью христианского вероучения»[816]. Из этой установки автор исходил и при описании особенностей повседневной культуры бурят, их картины мира, системы ценностных ориентаций. Примечательна в этом смысле следующая реплика: «Достойно внимания, что бурятам, по-видимому, совершенно чуждо понятие о любви: для этого чувства даже нет соответствующего выражения на бурятском языке – в общем, довольно развитом и имеющем даже свою

[816] **Грулев М.** Из прошлого Забайкалья: К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах // РС. 1901. № 3. С. 204.

литературу, все объяснение в любви бурят выражает одним словом *дуртай*, что значит «хочу», «желаю», в чем сказывается лишь грубая эгоистическая похоть»[817].

В качестве примера, достойного подражания и специального изучения, в духовных семинариях номинировалась успешная деятельность православных миссионеров в Сибири. В рецензии на «Путевые записки по Сибири» иркутского архиепископа Нила в числе основных исторических заслуг назывались именно его миссионерские труды по обращению в веру Христову «инородцев-язычников», в частности, перевод им Евангелия, «Деяний Апостолов» и других богослужебных книг на «монголо-бурятский» язык[818].

Исторический очерк березовского окружного исправника Т. Попова об «остятских» князьях акцентировал внимание на страсти к наживе и личному обогащению представителей остяцкой родовой знати, на их двоеверии, когда наряду с внешним принятием православия, сохранялось языческое идолопоклонничество, на эксплуатации князьями своих соплеменников. Несомненна политическая направленность и адресация статьи, достаточно определенно сформулированная Т. Поповым: «Установившийся среди остяков взгляд на своих князей как на повелителей и давно практикующееся присвоение князьями не принадлежащего им права судить, наказывать розгами и урывать себе львиные доли, может измениться, по моему мнению, только тогда, когда у остятских князей будет отнято право наказания, и остяки в судебных делах будут подчинены исключительно выборным старшинам. Если исчезнет боязнь быть наказанными, то с нею вместе исчезнет и слепое повиновение хищническим приказам князей. Довольно для остятских князей и того, если за ними оставят право на почет»[819]. Из публикации следует, что русский чиновник воспринимал представителей

---

[817] **Грулев М.** Из прошлого Забайкалья: К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах // Там же. С. 207.
[818] **Л-ий А.С.** Рец. на кн.: Путевые записки по Сибири архиепископа Нила. Ярославль, 1874 // РС. 1889. № 10. С. 245–247.
[819] **Попов Т.** Остяцкие князья. 1864–1884 // РС. 1890. № 11. С. 460.

этнической элиты как конкурентов в практике управления полиэтничной территорией.

Источники личного происхождения, публиковавшиеся в «Русской старине», демонстрировали читателям разные индивидуальные версии восприятия «инородцев» как представителей „других/иных“ культур: от обоснования необходимости «окультуривать» и «цивилизовывать» «отсталые» народы до восхищения «инородцами» и их романтизации, от признания права на культурную самобытность аборигенов до опасения за «обурячивание» русских переселенцев, то есть представляли широкий выбор вариантов интерпретации образа «инородцев» в общественном мнении XIX – начала XX в. Симптоматичны размышления В.К. Кюхельбекера, зафиксированные в его дневнике, опубликованном в «Русской старине»: «Гнать идолопоклонников и силою принуждать их креститься, разумеется, варварство, но строить им божницы, дарить их лам, называть их даже батюшками, как-то делают здешние казаки, – просто значит потакать их грубому суеверию и являть самое постыдное равнодушие к своей собственной вере»[820].

Э.И. Стогов, очарованный «святыми людьми» – камчадалами, – противопоставлял их образ жизни своим цивилизованным соотечественникам, называя Европейскую Россию «омутом коварства, зависти и ежеминутной хитрости»[821]. Идеалистическое описание нравов аборигенов Камчатки, скорее, воплощает мечту о ненайденном или утерянном «земном рае» автора-европейца, чем отражает жизненные реалии: «Вспоминая о людях, родившихся в Камчатке, я не могу себе иначе представить, что там родятся с улыбкою, живут смеясь и умирают в тихом спокойствии. Об убийствах, грабежах, воровствах – там никто не подумает, потому что нет ссор, нет зависти – всякий имеет все, что ему нужно без тяжкого труда, желания ограничены, а кто желает иметь более, тому стоит

[820] **Кюхельбекер В.К.** Дневник поселенца (1837–1845) // РС. 1891. № 10. С. 90.
[821] **Стогов Э.И.** Записки Э.И. Стогова // РС. 1903. № 3. С. 475–476.

более трудиться…Все довольны, все счастливы, все добры. Лицемерию – нет места. Где не родилась жадная зависть, там не родилось и притворство, честное сердце – всегда искренно, встречая человека с приветливым поклоном, слыша слова любви и дружбы, верь, ни в чем нет задней мысли, скрытого замысла, все это простое побуждение доброго сердца. В такой стране, поживши, сам делаешься добрее, честнее, доверчивость делается господствующим чувством. Муж – любовник своей жены до смерти, жена – любящий друг и помощник своего мужа. Жизнь семейная тиха, труд разделен и исполняется свято в повиновении древним преданиям, старость уважается, старики нежны и снисходительны к юности»[822].

Занимаясь публикацией исторических источников о прошлом региона, «Русская старина» стимулировала краеведческие изыскания сибиряков, нацеливала их на розыск неизвестных архивных документов, приветствовала их фольклорные находки, помещая на своих страницах песни, былины, бытовавшие в зауральских губерниях[823].

Стремлением сохранить и донести до потомков источники «сибирской» истории XVII–XVIII вв. продиктовано внимание редакции к публикаторской деятельности архивиста Н.Н. Оглоблина, активно сотрудничавшего с редакцией журнала[824]. Ярко характеризует позицию издания по вопросу о необходимости бережного отношения к материалам сибирских архивов следующий комментарий: «Считаю не лишним заметить, что старые архивы в сибирских присутственных местах (низших) – в самом заброшенном состоянии, положительно без всякого призрения, на том основании, что сохраняющиеся там дела очень старые, справок из них

---

[822] Там же. С. 475.

[823] См., например: **Куприянов И.** Былина «Ермак Тимофеевич» // РС. 1872. № 12. С. 702; **Краевский А.А.** Сибирская песня // РС. № 9. С. С. 185–186; **Птицын В.В.** Старинная песня о г. Иркутске // РС. 1890. № 11. С. 486–487; Песня о г. Иркутске // РС. 1891. № 5. С. 470;

[824] См., например: **Оглоблин Н.Н.** Бытовые черты XVII в. // РС. 1892. № 6. С. 681–689; **Он же.** Тревога о «государевом шествии» в Сибирь в 1704 г. // РС. 1891. № 9. С. 609–616; **Он же.** Якутский розыск о розни боярских детей и казаков // РС. 1897. № 8. С. 375–392 и др.

начальство не потребует и отвечать за них никто не станет. Не мешало бы обратить внимание на сибирские архивы»[825].

Итак, «Русская старина» публикацией исторических источников, посвященных малоизвестным страницам сибирской истории, формировала интерес к прошлому «величайшей составной части нашего отечества – Сибирского царства, столь важной как в настоящем, так того более в будущем»[826]. Журнал помещал биографии и материалы к историческим характеристикам персонифицированных символов региона, привлекал читателей к сбору сведений о людях, судьба которых связана с Сибирью, конструировал в общественном мнении мифмейкеров региона, способствовал формированию региональной идентичности сибиряков.

Участие «Исторического вестника» в формировании исторических представлений о Сибири

Одним из наиболее популярных и многотиражных специализированных исторических изданий пореформенной эпохи был журнал «Исторической вестник»[827]. О степени популярности издания в изучаемый период свидетельствует динамичный рост численности подписчиков с 2375 в 1880 г. до 10 460 в 1904 г.[828] Журнал был рассчитан на широкую читательскую аудиторию, включающую наряду с профессиональными историками, археографами, этнографами также и обывателей, интересующихся исторической проблематикой. «Исторический вестник» был основан в Санкт-Петербурге в 1880 г. и до 1913 г. редактировался историком С.Н. Шубинским, известным своими умеренно либеральными взглядами.

---

[825] **Павлов А.А.** Самосжигатели и самоутопленники в Сибири (1782–1783) // РС. 1879. № 10. С. 337.
[826] Рецензия на кн.: Межов В.И. Сибирская библиография // РС. 1891. № 5. Форзац.
[827] См.: **Ущиповский С.Н.** Основные направления цензурного редактирования текстов в журнале «Исторический вестник» (по архивным материалам). Режим доступа: http://vivovoco.nns.ru/vv/theme/stop/vestnik.htm.
[828] ИРЛИ. Ф. 343 (С.Н. Шубинский). Д. 115. Л. 18 об.

Издателем журнала был популярный публицист, общественный деятель, театральный критик и газетный магнат А.С. Суворин, являвший собой одну из знаковых фигур в истории русской пореформенной журналистики. Он был человеком, чьи взгляды эволюционизировали ко времени издания «Исторического вестника» от либеральных к консервативным, которого Е.А. Динерштейн очень точно назвал «публицистом крайних убеждений»[829]. В связи с этим любопытно, насколько общественно-политические симпатии лидеров издания конструировали его образ, как они соотносились со специализацией журнала, влияли ли они на содержание публикаций, посвященных «сибирской тематике».

Символично, что в начале 1860-х гг., в самом начале своей литературной карьеры, Суворин по предложению председательницы Общества по распространению полезных книг графини А.П. Строгановой написал цикл популярных брошюр «Рассказы по русской истории». Здесь, в частности, был помещен рассказ «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири». Таким образом, издатель рассматриваемого специализированного журнала принимал непосредственное участие в создании культурно-географического образа региона, функционировавшего в массовом сознании россиян пореформенной эпохи.

Интерес к сибирской истории авторов «Исторического вестника» обусловливался многими причинами. С. Уманец писал по этому поводу так: «Только в самое последнее время стали у нас обращать внимание на далекую Сибирь, спавшую, казалось, долгие годы непробудным сном богатыря русской сказки… С открытием сибирской железной дороги, весьма оживившей это громадное захолустье, и введением в Сибири судебной реформы эта окраина начала понемногу привлекать взоры нашего интеллигентного общества, так как о ней стали появляться газетные и

[829] **Динерштейн Е.А.** Публицист «крайних убеждений»: Путь А.С. Суворина к «Новому времени». Режим доступа: http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/vv/papers/history/suvorin.htm

журнальные статьи»[830]. Не обращая внимания на дискуссионность приведенного утверждения, зафиксируем идею о том, что, с одной стороны, «сибирская тема» была востребована общественным мнением, с другой – публицисты осознавали, что сама периодическая печать была одним из институтов формирования коллективных представлений о регионе. Можно выделить следующие контексты обращения исторической периодики к «сибирской тематике»: изменение места региона в геополитических имперских стратегиях; строительство железной дороги, упростившей внутриимперские коммуникации; массовое переселенческое движение, рост регионального самосознания сибирской интеллигенции и его активная презентация посредством разных институтов формирования общественного мнения; популярность исторической науки в изучаемую эпоху, вера в возможность истории дать ответы на самые насущные вопросы современности; представления интеллектуального сообщества историков об истории как об «учительнице жизни», способной преобразить «отсталую окраину» и показать поучительные примеры «из жизни далекой страны» власти и обществу.

Интерес к жизни различных провинции империй, к истории ее краев и областей поддерживался редактором издания С.Н. Шубинским, писавшим К.Н. Бестужеву-Рюмину в 1874 г.: «…знание родины, „отечествоведение“ должно составлять, если можно так выразиться, необходимую принадлежность каждого образованного человека»[831]. В данном случае важно, что Сибирь как место ссылки политических деятелей XVIII в. была в сфере научных интересов С.Н. Шубинского, написавшего серию статей о пребывании в крае Бирона, Остермана, Головкина, Левенвольде и др.[832]

---

[830] См.: **Уманец С.** Общественные заботы о народном просвещении в Сибири // Исторический вестник (далее – ИВ.). 1899. № 8. С. 614.

[831] Цит. по: **Кельнер В.Е.** «От Древней и Новой России» к «Историческому вестнику» (С.Н. Шубинский и становление исторических научно-популярных изданий в России в 1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1988. С. 158.

[832] ОР РНБ. Ф. 874 (С.Н. Шубинский). Оп. 2. Д. 43; ИРЛИ. Ф. 343. (С.Н. Шубинский). Д. 42.

Статистический метод предоставляет исследователю следующую информацию о жанрах исторического повествования о Сибири на страницах «Исторического вестника» (см. таблицу 30).

Таблица 30

Жанры публикаций о Сибири в журнале «Исторический вестник» (1881–1904 гг.)*

Вид публикаций	**Кол-во публикаций**
Публицистические статьи о реалиях современной сибирской жизни	7
Научно-популярные статьи по истории и этнографии Сибири	18
Рецензии на книги о Сибири	43
Дневники, мемуары о пребывании в сибирских губерниях	6
Информационные сообщения о событиях в научной и общественной жизни региона	25
Отклики читателей на публикации о Сибири	4
Итого	103

*Составлено на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала «Исторический вестник» за 1881–1904 гг.

Из таблицы 30 видно, что наибольшее число публикаций об изучаемом регионе представлено рецензиями на книги о Сибири. Предпринятый нами анализ содержания публикаций раздела «Критика и библиография» подтверждает наблюдение специалиста по исторической периодике М.П. Мохначевой о том, что к 1870-м гг. в журналах происходило перерождение информационно-библиографических материалов в критико-библиографические и собственно историографические рецензии, что свидетельствует о переводе данного жанра историописания с внешней, информационной, орбиты повествования на внутреннюю, литературоведческую и науковедческую[833].

В подавляющем большинстве случаев авторы рецензий «Исторического вестника» не только информировали своих читателей о выходе в свет

[833] **Мохначева М.П.** Журналистика и историческая наука. С. 198.

работ по истории, этнографии, археологии, археографии Сибири, о ее современном социально-экономическом, культурном развитии, но и подробно анализировали достоинства и недостатки сибиреведческой литературы, определяя ее соответствие собственным представлениям о структуре, методах, задачах, правилах оформления «исторического письма». Типичными можно назвать замечания рецензента книги Н.В. Латкина «Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее»: «К сожалению, в ней совершенно отсутствуют точные указания, откуда и что заимствовано автором, то есть из каких книг и статей, посвященных той же Енисейской губернии… Это отсутствие указаний и ссылок на литературу исследуемого предмета ставит почти неодолимые препятствия для определения того, какое именно место принадлежит данному очерку в ряду других трудов, описывающих также Енисейскую губернию. Для читателя – не специалиста совсем не видно, что нового сказал автор в своей книге, насколько продвинулось вперед изучение того или иного вопроса, касающегося рассматриваемой губернии. Для человека же, специально интересующегося Сибирью и ее областями, было бы трудом большим и, может быть, не совсем благодарным определять, в каком соотношении книга Латкина находится с другими источниками и пособиями по исследуемому предмету»[834]. Рецензии и статьи по сибирской истории, опубликованные в «Историческом вестнике», свидетельствуют об убеждении их авторов в научности истории, в возможности беспристрастной реконструкции прошлого.

Профессиональные авторские суждения транслировались на многочисленную читательскую аудиторию журнала, формируя, таким образом, коллективные историографические представления о специфике историко-краеведческих исследований, популяризируя идею социальной и научной востребованности подобных сочинений. В данном случае можно говорить о воспитательных функциях исторической периодики, которая, с

[834] **А.О.** Рец. на кн.: Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892 // ИВ. 1893. № 7. С. 234.

одной стороны, знакомила с современным состоянием сибиреведческой литературы, с другой же – соотносила ее с бытовавшими в то время научными стандартами структуры и представлениями о содержании исторического исследования. Примечательно, что в отдельных случаях даже предлагались алгоритмы организации работы исследователя по истории Сибири. В рецензии на книги В.К. Андриевича С.А. Андрианов так обозначал требования к «писателю истории Сибири»: «Прежде всего, он должен подвести итог тому, что дает сибирская археология в современном ее состоянии, и привнести посильную лепту для разрешения представляемых ею вопросов; затем необходимо выяснить состояние Сибири и главнейшие моменты из ее истории до русского вторжения. Переходя к послеермаковскому периоду, следует собрать весь материал не только изданный, но и неизданный, как обозначенный в разных указателях, так и совершенно еще не разобранный (последнего должно быть немало в сибирских архивах). Полученный таким образом материал необходимо, конечно, проверить критически, сопоставить его с выводами, к которым пришли прежние ученые, потрудившиеся на том же поприще, и только после этих предварительных работ, представляющих, несомненно, огромные трудности, но, во всяком случае, необходимых, можно приступать к изданию сибирской истории»[835].

Поиски совершенной модели историописания, размышления историков о том, как нужно писать «реальную историю», отразились и в их оценках работ по сибирской истории. Анализируя работу «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», обозначал свое видение сути исторического исследования один из рецензентов «Исторического вестника»: «Книга Буцинского интересна в том именно отношении, что является чуть ли не первою попыткою в русской литературе писать историю так, как ее вряд ли писали до сих пор. Это есть похвальный опыт писать историю страны

[835] **А-в С.** [Андрианов С. А.] Рец. на кн.: Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889; Исторический очерк Сибири. Томск, 1887; Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889 // ИВ. 1891. № 9. С. 742.

на самом деле, а не канцелярскую оду казовым сторонам событий. Правда, неподготовленному или незаинтересованному читателю такая книга покажется скучною, однообразною, в ней нет эффектных картин, блестящих сражений, выдающихся героев, этого ничего нет, в ней все просто, обыденно, это сама серенькая, повседневная жизнь такая, какая существует на самом деле. А между тем невольно чувствуется, что на этих ординарных страничках, скучно повторяющих одно и то же, и написана настоящая история страны»[836].

При анализе статей и рецензий изучаемого специализированного издания создается впечатление, что его позитивистски ориентированные авторы представляли историю Сибири (возможно, и других территориальных образований) как результат продолжительного, поступательного коллективного интеллектуального труда коллег, каждый из которых своими трудами заполняет определенные тематические (содержательные) пробелы в мозаике знаний о прошлом края.

Заметим, что авторы многочисленных рецензий достаточно часто рефлексировали по поводу того, насколько тот или иной исследователь вносит вклад в воссоздание истории региона, какую пользу может извлечь из его сочинений будущий специалист по истории Сибири и России. Так, А. Терский, размышляя о научном значении изданных И. Кузнецовым материалов по истории Сибири, замечал: «Всех напечатанных … (актов XVII в. – *Н.Р.*) 34, из них некоторые ничтожны по своему содержанию, другие уже были напечатаны раньше, но как те, так и другие, с присоединением к ним нескольких не бывших еще в печати, несомненно, имеют значение не только для истории местной, но и для России вообще»[837].

---

[836] **Б-в А**. [Быков А. А.] Рец. на кн.: Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889 // ИВ. 1889. № 10. С.208.

[837] **Терский А.** Рец. на кн.: Исторические акты XVII столетия (1633–1699): Материалы для истории Сибири собрал и издал И. Кузнецов. Томск, 1890 // ИВ. 1891. № 3. С. 853.

Материалы библиографического отдела подтверждают вывод Б.Г. Могильницкого о культе исторического факта, существовавшего в сознании историков XIX в. Считалось, что факты в готовом виде присутствуют в исторических источниках, и основная задача историка заключается в том, чтобы их обнаружить и сделать достоянием заинтересованной публики[838]. В соответствии с данным убеждением одной из приоритетных задач исторической науки изучаемой эпохи авторы анализируемого издания считали именно публикацию исторических источников, рассматривая ее как необходимый первоначальный этап накопления исторических знаний о Сибири. Так, профессор Казанского университета Д.А. Корсаков, сообщая о публикации своим коллегой новых документов по истории региона и оценивая значение его трудов, писал: «С нетерпением ожидаем дальнейших изысканий К.Б. Газенвинкеля в области сибирской истории и, прежде всего, подробного свода биографических сведений о воеводах и других «государевых служивых людях» в Сибири за XVII–XVIII в. Каждый научно занимающийся русской историей с благодарностью обратится к подобным документальным пособиям при изучении важного вопроса о распространении и укреплении русской власти от Урала до Тихого океана»[839]. При этом значимо, что деятельность исследователя по сбору и подготовке к публикации исторических источников маркировалась изданием как подвижническая, научно и социально значимая. К примеру, В. Рудаков писал о своем современнике, опубликовавшем «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)»: «Нетрудно отсюда видеть, сколько труда и знания положил в свою до чрезвычайности кропотливую, но полезнейшую для исторической науки работу неутомимый труженик Н.Н. Оглоблин. Само дело говорит за себя, и нам остается лишь присоединиться к тем многочисленным

---

[838] **Могильницкий Б.Г.** История исторической мысли XX в. Томск, 2001. Вып. 1. С. 10.

[839] См. например: **Корсаков Д.** Рец. на кн.: Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных списках, как материал для истории Сибири в XVII в. Казань, 1892; Государево жалованье послужникам сибирским. Тобольск, 1892; Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в.Тобольск, 1892 // ИВ. 1893. № 5. С. 512.

приверженцам науки, которые искренне сожалеют о „невольном“ уходе Н.Н. Оглоблина из Московского архива Министерства юстиции, обращенного теперь в канцелярию от науки»[840].

Пристальное внимание уделялось правилам оформления издаваемых источников, почти во всех отзывах фиксировалось наличие справочного аппарата к публикуемым текстам, тщательность и точность воспроизведения протографов. «Книга издана в высшей степени аккуратно и изящно. Планы и чертежи исполнены ясно и художественно… Орфография текстов – современная для доступности чтения текстов всем желающим, особенно, как сказано во введении, жителям города Иркутска. Все это свидетельствует о любви к родине и предмету издателей книги. То, что весь сбор с издания поступает в пользу Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам, усиливает лишь симпатию к этому изданию», – оценивал публикацию документов по истории Иркутска анонимный рецензент[841].

Можно сделать вывод о том, что «сибирский материал» использовался учеными для обсуждения основных археографических требований к публикации документальных свидетельств прошлого и информирования о них представителей интеллектуальной корпорации историков.

О том, что позиция журнала моделировала социальное поведение читателей, в том числе и сибиряков, побуждала к сбору архивных материалов и устных источников по истории края, свидетельствуют многочисленные письма читателей в редакцию «Исторического вестника». Корреспондентами редакции были провинциальные учителя, чиновники, офицеры казачьего войска[842]. Типично следующее обращение к С.Н. Шубинскому народного учителя, «собирателя исторических материалов и

---

[840] **Рудаков В.** Рец. на кн.: Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900 // ИВ. 1901. № 1. С. 335.

[841] **Ф-ко В.** Рец. на кн.: Первое столетие Иркутска: Сборник материалов для истории города.СПб., 1903 // ИВ. 1904. № 3. С. 1127–1128.

[842] См. например: ОР РНБ. Ф. 874. (С.Н. Шубинский). Оп. 1. Д. 79. Л. 139; Д. 77. Л. 100, 170–170 об., Л. 191; Там же. Д. 29. Л. 143 и др.

древностей» из г. Верхнеудинска Забайкальской области: «При сем посылаю Вам некоторые исторические материалы: 1) торжественная песнь на коронование императора Павла I; 2) стихотворение крестьянина М. Федорова «Велик Бог земли русской»; 3) две песни сибирского казака Назимова и отрывки писем его к родным в г.Верхнеудинск. Если найдете желательным, то поместите их в уважаемом Вашем журнале»[843]. «Имеющиеся у меня материалы ясно характеризует наши пограничные сношения с соседями китайцами, бухарцами, кокандскими и киргизскими койсанами… Располагая этим материалом, я бы желал поделиться им с русской читающей публикой, а в особенности с той ее частью, которая интересуется прошлым нашей обширной и малоизвестной родины Сибири, и поместить на страницах Вашего многоуважаемого журнала все то, что, конечно, позволяет его программа. Ввиду этого я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, не отказать сообщить мне: может ли Ваш почтенный журнал уделить для моих сообщений место, в каком виде нужно посылать материал для печатания, то есть в необработанном – как то документы и акты, или же в обработанном, как, например, в форме очерков или монографий», – спрашивал в 1887 г. офицер Н.Г. Путинцев из г. Омска[844].

Судя по содержанию раздела «Смесь» журнал активно реализовывал свою информационную функцию, сообщая своим читателям из разных губерний империи о событиях научной и культурной жизни Сибири. Традиционными для издания были заметки о юбилеях сибирских городов, учебных заведений, научных организаций. Одним из актуальных и дискуссионных для современников вопросов было определение даты присоединения Сибири к русскому государству. Можно предположить, что историки и общественные деятели понимали договорной характер и относительность определения одной из знаковых дат «сибирской

[843] ОР РНБ. Ф. 874. (С.Н. Шубинский). Оп. 1. Д. 79. Л. 72.
[844] Там же. Д. 37. Л. 287.

хронологии». Тем не менее, обозреватель «Исторического вестника» сетовал на ученых за то, что они не предлагают однозначного ответа на вопрос о том, когда же праздновать 300-летие Сибири. Как отмечается в заметке «Трехсотлетний юбилей Сибири», заинтересованные сибиряки обсуждали две даты: «Сибирская газета» утверждала, что юбилей приходится на 23 октября 1881 г. (после сражения на урочище «Чувашский нос» возле Тобольска, именно 23 октября 300 лет назад была решена судьба царства Кучума); по мнению же газеты «Сибирь», праздник должен отмечаться 26 октября – в день взятия Ермаком столицы Сибири – Искера[845]. С.В. Максимов писал по этому поводу: «Нельзя не сознаться, что сибирский юбилей захватил нас врасплох, не подготовленными. Мы, отнесясь недоверчиво к летописным указаниям года, числа и месяца, для дня празднества не успели еще определить самого верного и бесспорного срока. В то же время готовые праздновать и чествовать страну за ее прошлое когда угодно, мы не успели выяснить себе, с кем имеем дело и, положившись на веру и на чужое слово, отнеслись к событию с изумительным равнодушием и досадной холодностью»[846]. По мнению историка, современники опоздали с празднованием 300-летнего юбилея, так как еще отца Ивана Грозного титуловали «югорским, обдорским и кондийским». Журнальные публикации свидетельствуют о том, что празднование упомянутого юбилея тоже происходило в разные сроки. Например, в Иркутске оно началось 6 декабря 1882 г. губернаторским приемом, торжественным богослужением и собранием горожан[847].

Значимо то, что авторами «Исторического вестника» подчеркивался общественно-политический пафос «трехсотлетнего юбилея культурной жизни Сибири». «Три века минуло, как там началась русская колонизация, а за нею занялась заря просвещения туземцев. И что же мы видим? Сибирь – страна взятки, страна ссылки, хотя и золотое дно лишь для

---

[845] Трехсотлетний юбилей // ИВ. 1881. № 9. С. 210.
[846] **Максимов С.** В немшоной стране: Из воспоминаний // ИВ. 1884. № 2. С. 300.
[847] См.: Трехсотлетие Сибири в самой Сибири // ИВ. 1883. № 2. С. 473-474.

всевозможных видов „ташкентцев“. Прискорбна история этой страны, занимающей две трети территории Российской империи. Первые искатели земли под великую «государеву» руку являлись там носителями грабежа и насилий», – начинает свои размышления об истории Сибири как о бесконечной череде злоупотреблений местной администрации ведущий рубрики «Смесь»[848]. Перечень коренных преобразований сибирской жизни, предлагаемых публицистом, даже текстологически совпадает с требованиями либеральных и либерально-народнических общественно-политических журналов изучаемого периода: введение земства, судебных учреждений, борьба с излишней бюрократизаций местного управления, облегчение условий переселения крестьян, уничтожение ссылки, облегчение быта инородцев, проведение железной дороги. Очевидная либеральная подоплека подобных текстов, посвященных реалиям «сибирской жизни», заставляет усомниться в правомерности выводов отдельных исследователей об однозначно консервативном характере «Исторического вестника»[849].

Как и большинство либерально ориентированных современников, публицисты журнала поддерживали деятельность общественных организаций и учреждений научной и просветительской направленности, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты о деятельности Минусинского краеведческого музея, публикации, посвященные «круглым датам» основания сибирских отделов Русского Географического общества, Общества любителей исследования Алтая, городских обществ попечения о народном образовании[850]. В данном случае показательна реплика о культурном значении и социальной полифункциональности Минусинского

---

[848] Трехсотлетний юбилей // Там же. С. 208.

[849] См., например: **Кельнер В.Е.** «От Древней и Новой России» к «Историческому вестнику» (С. Н. Шубинский и становление исторических научно-популярных изданий в России в 1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1988. С. 156.

[850] Пятидесятилетие Восточно-сибирского отдела Географического общества // ИВ. 1902. № 1. С. 401 – 403; Общество любителей исследования Алтая в Барнауле // ИВ. 1902. № 2. С. 780–781; Минусинский музей и Н. М. Мартьянов // ИВ. 1902. № 3. С. 1196–1199 и др.

музея: «Несмотря на скудные материальные средства и сравнительно небольшое число сотрудников, Минусинский музей теперь вырос в учреждение, полное интереса, которое не миновала ни одна ученая экспедиция… Ежегодно музей принимает в своих стенах до 8 тысяч посетителей: золотопромышленник несет в музей для определения горную породу, кустарь получает указания, как улучшить производство, геолог находит здесь все средства для анализа почв, археолог встречает здесь редкие памятники старины»[851].

При этом заметим, что наряду с текстами либерального содержания «сибирские материалы» «Исторического вестника» содержат немало изъявлений верноподданнических чувств и монархических симпатий авторов. Так, в сообщении об открытии Томского университета основной акцент делается на инициативу «державного Покровителя народного просвещения в России», игнорируются усилия сибирской общественности в борьбе за первый сибирский университет[852].

Содержательный анализ разножанровых публикаций о регионе, позволяет выявить исследовательские приоритеты рассматриваемого издания в освещении истории Сибири (см. табл. 31).

Таблица 31

Количество публикаций, посвященных «сибирской» тематике,

на страницах журнала «Исторический вестник» 1881–1904-х гг.*

Область исследования	Число статей и рецензий
Жизнеописания и материалы биографий сибирских административных и общественных деятелей: –с момента покорения Сибири Ермаком до начала XIX в. –первой половины XIX в. –второй половины XIX – начала XX в.	 3 9 3
Статьи и сообщения, посвященные отдельным историческим	8

[851] Двадцатилетие Минусинского музея // ИВ. 1898. № 9. С. 1131.
[852] Открытие Томского университета // ИВ. 1888. № 9. С. 665.

явлениям, фактам и событиям	
Публикации по археологии и этнографии	9
Публикация исторических источников и рецензии на них	22
Рецензии на сочинения по истории Сибири	6
Разножанровые материалы о современном развитии региона	35
Публикации по истории раскола	5
Итого	100

*Подсчитано автором в результате сплошного просмотра журнала «Исторический вестник» (1881– 1904 гг.)

Публицистические статьи, посвященные злободневным вопросам эпохи, свидетельствуют о понимании редакцией издания социальных функций научно-популярной исторической периодики. В статьях, посвященных истории переселенческого движения, отмене ссылке, истории раскола, истории местной администрации, «инородческому вопросу», исторические сюжеты выступают как средство привлечения внимания к современным проблемам края[853].

При этом многие авторы акцентировали внимание на специфике специализированного исторического издания при изучении современных сюжетов. «Принимая в соображение характер и программу «Исторического вестника», автор настоящего очерка выделяет для своей работы главным образом исторический материал, также движение законодательства по сему предмету, оставляя статистику с ее голыми цифрами и политическую экономию в стороне, как специальные стороны дела, требующие и специальных монографий, которые для популярного исторического журнала могли бы явиться тяжелым балластом», – ограничивал предмет своей статьи редактор журнала Б.Б. Глинский[854]. Очевидно, что большинство публицистических сюжетов о Сибири имели ярко выраженный политический контекст, несмотря на встречающиеся оговорки авторов о намерении

[853] См., например: **Ладвинский М.** [Суперанский М. Ф.]Переселенческое движение в России // ИВ. 1892. № 5. С. 449-465; **Г. Л. И.** [Глинский Б. Б.] Ссылка в Сибирь // ИВ. 1900. № 4. С. 276–291; **Назарьев В.Н.** На новую линию // ИВ. 1900. № 1.С. 136–170; № 2. С. 565–597 и др.
[854] **Г. Л. И.** [Глинский Б. Б.] Ссылка в Сибирь. С. 279.

«беспристрастно» подходить к изучению конкретной темы. Содержательный анализ текстов публицистического характера свидетельствует о том, что их авторы транслировали различные мировоззренческие позиции. Статьи Н.М. Ядринцева, С.В. Максимова, известных своими демократическими убеждениями, соседствовали с публикациями апологета «обрусительной политики» И.Н. Смирнова, едкого критика сибирских культуртрегеров 1880–1890-х гг. народника А.И. Фаресова и анонимных воинствующих идеологов борьбы с расколом при помощи «меча духовного»[855].

Подобная толерантность, на наш взгляд, обусловлена не столько конъюнктурностью суворинских изданий, сколько либеральными убеждениями редактора «Исторического вестника» С.Н. Шубинского и особым автономным положением, занимаемым изданием в «новостной империи» А.С. Суворина. О последнем обстоятельстве упоминает Е.А. Динерштейн, при этом отмечая наличие «внутренней цензуры» издателя в случаях явного несоответствия текстов «Исторического вестника» общему духу суворинских изданий[856].

Письма в редакцию «Исторического вестника» свидетельствуют о том, что понимание читателями структуры и функций исторического издания подразумевало не только публицистический и исследовательский дискурсы, оно не исключало и художественные тексты на исторические сюжеты, демонстрируя видение истории не только как науки, но и как искусства. Житель г. Тара Тобольской губернии А.И. Лыткин, например, писал: «Препровождая при сем повесть «Сельская учительница», покорнейше прошу редакцию обратить на нее внимание. Сюжет взят с натуры, почему это небольшое произведение может быть для многих интересно и поучительно, несмотря на четвертьвековое пространство от нашего времени»[857].

---

[855] См. напр.: **Ядринцев Н.М.** Алтай и его инородческое царство: Очерки путешествия по Алтаю // ИВ. 1885. № 6. С. 607–644; **Максимов С.** В немшоной стране: Из воспоминаний // ИВ. 1884. № 2. С. 300–323; № 4 С. 506-527; **Смирнов И.Н.** Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // ИВ. 1892. № 3. С. 752–765; **Фаресов А.И.** Из тайговой жизни // ИВ. 1897. № 10. С. 165–183; **И.И.С.** Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // ИВ. 1901. № 6. С. 1081–1110.

[856] См.: **Динерштейн Е.А.** А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 98.

[857] ОР РНБ. Ф. 874. (С.Н. Шубинский). Оп. 1. Д. 77. Л. 170.

Тематический анализ научно-популярных статей и рецензий о Сибири, отраженный в таблице 32, позволяет выделить следующие тенденции в формировании «исторического компонента» образа региона в общественном мнении России. Очевиден приоритетный интерес к «персональной истории» – биографиям сибирских администраторов (В.И. Штейнгеля, Н.Н. Муравьева, Б.А. Милютина), политических и общественных деятелей (декабристов, Н.М. Ядринцева и др.), чья судьба связана с регионом[858]. Об этом свидетельствует и публикация мемуаров и дневников людей, определявших «лицо Сибири»[859]. Важно, что авторами большинства публикаций особенности личной биографии освещались в контексте их административной и просветительской деятельности.

Вероятно, популярным характером издания объясняется его интерес к криминальной истории региона. В работах К. Газенвинкеля, В. Птицына содержатся описания особенностей жизни и быта беглых каторжников и удачливых разбойников, их «криминальных подвигов», отношения к ним власти и местного населения[860].

На страницах журнала мы встречаем и публикации об уникальных случаях, казусах в поведении сибиряков. Так, В. Стасов, упоминая о путешествии из Иркутска в Западную Европу сотника Пешкова, публикует рассказ о путешествии в 1844 г. неграмотных «сибирячек» из Перми в Неаполь для поклона «святым местам»[861]. Сразу заметим, что ошибочное с точки зрения современных географических знаний отнесение Перми к территории Сибири было нередким явлением для пореформенной периодики.

Вопрос об административных и ментальных границах Сибири был одним из вопросов, поднимавшихся на страницах «Исторического вестника».

---

[858] См., например: **Лазарев Д.** Политические ссыльные в Туруханском крае // ИВ. 1896. № 1. С. 337–339; **Тимирязев В.** Пионеры просвещения в Западной Сибири // ИВ. 1896. № 5. С. 629–647; № 6. С. 961–984; **Львов А.Н.** Государственный преступник Н. Бобрищев-Пушкин в монастырях Западной Сибири // ИВ. 1896. № 8. С. 479–490 и др.

[859] См., например: **Баснин П.П.** Мученики и мучители // ИВ. 1902. № 11. С. 532–574; **Каратыгин П.** Сибирские сатрапы (1765–1816): Письмо барона В. И. Штейнгеля к А. П. Ермилову // ИВ. 1884. № 8. С. 366–386; **Милютин Б.Н.** Генерал–губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири // ИВ. 1888. № 12. С. 594–611 и др.

[860] См.: **Газенвинкель К.** Обские пираты прошлого века // ИВ. 1893. № 4. С. 454–468; **Птицын В.** Забайкальские разбойники //ИВ. 1890. № 4. С. 237–239.

[861] См.: **Стасов В.** Русские путешественницы из Сибири в Неаполь на тележке // ИВ. 1890. № 6. С. 644–646.

Неоднократно упомянутый нами С. Максимов констатировал: «Мы положительно не знаем, где лежат ясно намеченные границы обширной страны, называемой Сибирью. Само Географическое общество, ведающее антропологические и географические задачи, еще не занималось решением вопроса о том, где начинается западная граница Сибири. А где кончится восточная или южная граница, на это не сумеет дать ответа даже и специальный азиатский департамент Министерства иностранных дел»[862]. Большой интерес для современных историков и этносоциологов представляют выделенные исследователем «народные» символы Сибири, приводимые им варианты региональной самоидентификации населения различных зауральских областей.

Среди этнографических сюжетов, обсуждавшихся авторами издания, можно выделить в числе актуальных вопрос о взаимовлиянии русского и аборигенного населения Сибири и проблему взаимной ассимиляции колонизаторов и коренных жителей региона. Если Н.М. Ядринцев упоминал об изменении антропологических и психофизических характеристик русских сибиряков под влиянием аборигенов, то его оппоненты, отрицая существование данного явления, писали о необходимости русификации населения азиатских окраин[863]. «Обрусение инородцев есть несомненный и естественный результат истории… Средства, которыми правительство успешнее всего может пользоваться для достижения своей цели, указаны историей: это русская колонизация и школа со смешанным языком преподавания. Для того, чтобы эти средства полнее достигали цели, правительство может регулировать направление русской колонизации и устранять те случайности, которые ведут инородцев к озлоблению или сдержанности по отношению к русским людям – притеснения чиновников и эксплуатацию торгашей», – резюмировал сторонник русификации И.Н. Смирнов, известный своей скандальной этнографической экспертизой в

[862] **Максимов С.** В немшоной стране: Из воспоминаний // ИВ. 1884. № 2. С. 301–302.

[863] **Ядринцев Н.М.** Алтай и его инородческое царство: Очерки путешествия по Алтаю // ИВ. 1885. №6. С. 607– 644; **И.С.** [Смирнов И.Н.] Рец. на кн.: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное состояние. СПб, 1891 // ИВ. № 12. С. 810–814; **Он же.** Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики.

«Мултанским деле»[864]. Заметим, что для всех участников данной дискуссии характерны европоцентричные представления. Сибирские «инородцы», по их мнению, нуждаются в спасении, просвещении, изучении, в помощи и заботе со стороны европейцев (русских), стоящих на более высоких ступенях прогресса.

Привлеченные в качестве «текста-источника» разножанровые публикации «Исторического вестника» позволяют сделать следующие выводы об участии данного издания в формировании исторических представлений о Сибири в общественном мнении России рубежа XIX–XX вв.: 1) сибирская тема была популярна в интеллектуальном сообществе историков; 2) большинство публикаций о регионе имело выраженную социальную направленность, исторический материал использовался для поиска ответов на запросы современной жизни имперской окраины; 3) редакция издания регулярно информировала о событиях в культурной и научной жизни региона, поддерживала деятельность общественных организаций научного и просветительского характера; 4) журнал посредством научно-популярных статей, рецензий способствовал привлечению к изучению прошлого и настоящего Сибири историков-любителей и профессионалов, формируя у читателей представления о направлениях, методах, источниках краеведческих исследований.

Публикации «Исторического вестника» о Сибири в отдельных случаях переносились авторами в книжную форму, способствуя росту сибиреведческой литературы[865].

3.2. Участие педагогических журналов в моделировании представлений образованной России о регионе

[864] **Смирнов И.Н.** Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. С. 765.
[865] См., например: **Максимов С.** В немшоной стране: Из воспоминаний //ИВ. 1884. № 2. С. 300–323; № 4 С. 506–527; **Глинский Б.** Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк //ИВ. 1894. № 8. С. 412–451; **Ядринцев Н.М.** Алтай и его инородческое царство: Очерки путешествия по Алтаю // ИВ. 1885. № 6. С. 607–644.

Зависело ли содержание образа Сибири в общественном мнении России от профессиональной принадлежности людей, его «конструировавших», с одной стороны, и адресатов профессионально специализированных ежемесячников – с другой? На примере педагогической периодики выясним, была ли вообще актуальна «сибирская тематика» для профессионально-специализированных изданий пореформенной эпохи? Существовала ли связь между профессиональной ориентацией издания и обсуждаемыми на его страницах сюжетами сибирской действительности?

Первоочередное внимание к выявлению и характеристике образа региона в педагогических журналах не случайно – их адресатами являлись те социальные институты, где происходило формирование первоначальных представлений о регионе – семья и школа. Таким образом, читательскую аудиторию педагогических журналов составляли люди, осознанно или непроизвольно закладывавшие основы образа Сибири, на которые впоследствии «наслаивалась» разнообразная информация о восточных губерниях Российской империи.

Пилотный просмотр многочисленных педагогических ежемесячников, выходивших в свет в изучаемый период, позволил остановиться на нескольких педагогических изданиях, судя по количеству и периодичности публикаций, проявлявших достаточно стабильный интерес к жизни сибирской провинции. Среди них – журналы «Русская школа», «Вестник воспитания», «Образование» и «Естествознание и география». Заметим, что, по мнению специалиста по истории пореформенного общественно-педагогического движения в России Б.К. Тебиева, два первых издания являлись наиболее популярными среди частных педагогических журналов рубежа XIX–XX вв.[866]

Наибольшее число упоминаний о Сибири встречаем на страницах общепедагогического журнала для школы и семьи «Русская школа», основанного в 1890 г. известным педагогом, автором учебных пособий по истории, директором одной из столичных гимназий Я.Г. Гуревичем.

---

[866] См.: **Тебиев Б.К.** На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в. С. 73.

Постоянный сотрудник И.П. Белоконский, помещавший в журнале статьи, посвященные развитию народного образования в разных регионах Российской империи, в том числе и в Сибири, вспоминал о первом редакторе «Русской школы»: «Яков Григорьевич был просвещеннейшим педагогом, состоял приват-доцентом всеобщей истории Санкт-Петербургского университета и был отличным редактором, издававшегося им журнала „Русская школа“»[867].

Другой современник, известный специалист по методике преподавания математики С.И. Шохор-Троцкий замечал, что Гуревич, понимая чрезвычайные трудности и материальную безнадежность издания педагогического журнала, «не остановился ни перед какими трудностями, привлек в число сотрудников журнала известных педагогов и ученых»[868]. И действительно, в числе авторов издания встречаем таких известных педагогов и просвещенцев, как Х.Д. Алчевская, А.И. Анастасиев, И.Ф. Анненский, Н.Х. Вессель, П.Ф. Каптерев, П.Ф. Лесгафт, Е.Н. Медынский, А.Я. Острогорский, Н.А. Рубакин, В.И. Чернолусский и др. Обращает на себя внимание сотрудничество с журналом легальных марксистов – А.М. Калмыковой и П.Б. Струве, активно использовавших возможности «педагогической» периодики для трансляции своих идей.

Программа издания, определявшая его структуру, включала следующие разделы: 1) правительственные распоряжения по учебному ведомству; 2) статьи о развитии образования в России и Европе; 3) критика и библиография; 4) обозрение педагогических журналов; 5) педагогическая хроника; 6) смесь. Статьи и сообщения, посвященные Сибири, публиковались, главным образом, в информационных и критико-библиографическом отделах журнала. По содержанию «сибирские материалы» журнала можно сгруппировать по следующим темам: 1) развитие образовательных учреждений в Сибири; 2) уровень и структура грамотности населения региона; 3) общественно-педагогическое движение в сибирских губерниях; 4) количественный состав и уровень

---

[867] **Белоконский И.П.** В годы бесправия. М., 1930. С. 113.

[868] Цит. по: **Кондратьева Г.В.** Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. // Педагогика. 2002. № 2. С. 68.

профессиональной подготовки педагогических кадров; 5) воспитательный и дидактический потенциал учебной, справочной и художественной литературы о крае.

В первые годы существования журнала на его страницах преобладала информация о состоянии школьного дела и уровне грамотности населения в «далекой и малокультурной» Сибири. *Образ края как территории, особенно нуждающейся в развитии школ, государственном и общественном содействии в деле распространения грамотности* среди населения формировался, в первую очередь, посредством публикации статистических данных. Увлечение авторов педагогических изданий статистикой объясняется верой в ее убеждающую, социально-мобилизующую силу, характерной для интеллигенции пореформенной эпохи. Так, попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков, основываясь на материалах статистического обследования Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов Иркутской губ. (процент грамотного сельского населения которых составлял 5,6 %), делал вывод о том, что сибирская грамотность, ничтожная по числу своих представителей и слабая по своему качеству не представляет еще общественной силы[869]. Извещая педагогическую общественность о территориальной, возрастной, половой, этнической структуре грамотности населения отдаленного и малоизвестного региона, журнал конкретизировал представления читающей публики о составе жителей Сибири, особенностях их образа жизни, социокультурных характеристиках.

Как замечено Р.Г. Эймонтовой, уверенность в первоочередном значении образования, в общественном благе грамотности направляла социальную активность российских просветителей на улучшение внешних условий жизни населения в противовес традиционной (христианской) ориентации на внутреннее самоусовершенствование[870].

Считая широкое просвещение населения основным движущим фактором социального прогресса, а «невежество народных масс злом общегосударственным» лидеры общественно-педагогического движения

---

[869] См.: **Шестаков П.** Школа и грамотность в Иркутской губернии // РШ. 1892. № 7–8. С. 217.
[870] См.: **Эймонтова Р.Г.** Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.). С. 104.

выступали за увеличение числа школ, библиотек, курсов грамотности. Именно численность «целесообразно организованных школ», по мнению большинства авторов журнала, представляла собой основной фактор, влияющий на распространение грамотности[871]. В качестве главного критерия сравнения, характеризующего состояние системы образования в Сибири, и социокультурного образца, на который нужно было равняться, предлагалась Европейская Россия. Типичным для педагогической периодики и отражающим реалии образовательного пространства империи является следующее сравнение: «В настоящее время на 6 271 353 душ обоего пола, составляющих население Сибири, имеется 73 306 учащихся… В общем для городов и селений … 1 школа приходится на 2 486 человек и 1 учащийся… на 86 душ, или на 9,5 детей учебного возраста. В Европейской России 1 низшее учебное заведение приходится на 1 855 душ и 1 учащийся на 35 человек, из чего следует, что соответственные отношения количества школ, а также учащихся к численности населения в коренной России в 1,3 и 2,5 раза благоприятнее, чем в Сибири»[872]. Напрямую связывая социально-экономическое благополучие региона с развитием образования, редакция журнала регулярно сообщала о состоянии школьного дела в восточных губерниях, информировала о появлении новых образовательных учреждений[873].

Необходимо отметить полисемантичность топонима Сибирь в тезаурусе российских просвещенцев. С одной стороны, как это уже отмечено, он обозначал территорию, население которой нужно просвещать, с другой ─ употреблялся как синоним неволи в одном ассоциативном ряду со словом тюрьма, то есть в весьма распространенном для массового сознания россиян XIX – начала XX в. смысле. Последняя ипостать образа региона актуализировалась, как правило, в дискуссиях о необходимости просвещения русского крестьянства. Характерно в этой связи экспрессивное высказывание

---

[871] См. например: **Шестаков П.** Школа и грамотность в Иркутской губернии // РШ. 1892. № 7–8. С. 221,
[872] Первоначальное образование в Сибири // РШ. 1895. № 9. С. 244.
[873] См. например: Начальные школы в Березовском округе // РШ. 1895. № 3. С. 292; Народное образование в Сибири // РШ. 1899. № 3. С. 312; Первоначальное образование в Сибири // РШ. 1900. № 5–6. С. 122; Еще один рассадник просвещения в Сибири // РШ. 1901. № 10–11. С. 94–95; Школы в Сибири // РШ. 1903. № 4. С. 98–99; Сибирские школы и церкви // РШ. 1904. № 5–6. II отд. С. 81–84 и др.

постоянного ведущего «Хроники народного образования» «Русской школы» Я.В. Абрамова в адрес противников широкого распространения грамотности в русской деревне: «…оказывается, что нужно еще разъяснять отсутствие связи между грамотностью и порчею нравов, доказывать, что если человек научится разбирать печатные буквы и кое-как нацарапать свое имя, то этим он еще не обрекается неизбежно на тюрьму и Сибирь»[874].

Публикации участников социально-педагогического движения презентовали *Сибирь как специфичный регион в образовательном пространстве империи.* Сибирь в силу своего окраинного положения, по убеждению заинтересованных современников, в особенности нуждалась в приобщении к достижениям русской культуры и рассматривалась как объект «внутренней колонизации», актуализировавший просветительскую деятельность русской интеллигенции.

В числе факторов, влияющих на уровень грамотности населения и развития школьного дела в регионе и детерминировавших «культурную отсталость» Сибири, назывались географические, природно-климатические условия, большие расстояния между населенными пунктами, слабое внимание государства к образовательным нуждам края. Ссылаясь на доклад Н.М. Ядринцева на заседании Санкт-Петербургского комитета грамотности, известная просветительница А.М. Калмыкова писала по этому поводу: «…важно и необходимо было бы подкрепление знанием и грамотностью русского человека на далекой восточной окраине, где он отделен от остального мира огромными расстояниями, обречен на борьбу с девственной природой, поставлен лицом к лицу с инородческим элементом. От его знаний и умственного развития зависит его стойкость в борьбе с неблагоприятными внешними условиями и возможность для него в полной мере воспользоваться произведениями богатой природы»[875].

Главной в перечне причин «малокультурности» Сибири просвещенцы «Русской школы» называли отсутствие в зауральских губерниях земств. «Сибирь до самого последнего времени представлялась отсталою частью

---

[874] **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1891. № 1. С. 199.
[875] **А.К.** [Калмыкова А.М.] В Санкт-Петербургском комитете грамотности // РШ. 1891. № 3. С. 203.

государства, благодаря отсутствию в ней земских учреждений, так много сделавших для народного образования в Европейской России, и, без сомнения, такою отсталою страною она и будет до тех пор, пока на нее не будут распространены блага местного земского самоуправления», – утверждал постоянный ведущий «Хроники народного образования» Я.В. Абрамов[876].

Постоянно подчеркивая связь образовательных перспектив населения региона с созданием земств на имперской окраине, авторы журнала, подобно их коллегам из других педагогических изданий, путем показа неудовлетворительного состояния системы народного образования доказывали необходимость либеральных преобразований в регионе[877]. В связи с этим не случайно, развитие школьного дела в сибирской провинции описывалось при помощи таких слов-маркеров, как «печальное», «отсталое» и т.п.

Рефреном большинства публикаций, посвященных вопросам школьного строительства в Сибири, была мысль о тяге населения к знаниям, о потребности края в различных образовательных учреждениях. И.П. Белоконский со свойственным ему пафосом утверждал, что «при лучшей постановке школы в Сибири она могла бы дать самые блестящие плоды, так как трудно разыскать более любознательный и способный народ, как сибиряки: любовь к образованию у них развита гораздо более, чем у крестьян Европейской России, более забитого тысячелетним рабством, нежели сибиряк, не знавший о существовании крепостного права»[878].

Среди наиболее ярких проявлений потребности сибиряков в обучении авторы «Русской школы» называли распространение частного обучения грамоте, широко распространенное среди сельского населения региона. По мнению одного из сибирских корреспондентов издания, директора Красноярской учительской семинарии И.М. Софийского, домашние школы грамоты – народный способ разрешения «великого, сложного и

---

[876] **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1899. № 1. С. 211.
[877] См., например: **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1898. № 5–6. С. 282–289; **Смирнов И.К.** Несколько слов о состоянии народного образования в Енисейской и Иркутской губерниях // РШ. 1898. № 4. 156–160 и др.
[878] **Белоконский И.П.** Народное образование в Восточной Сибири // РШ. 1891. № 5. С. 237.

экономически трудного вопроса о всеобщей грамотности»[879]. Как замечает Софийский, по самым неполным сведениям, в 1894 г. в сельских населенных пунктах Енисейской губернии действовало 67 частных школ грамоты, открытых по инициативе и на деньги крестьян, в которых учительствовали отставные солдаты, ссыльнопоселенцы, бывшие учительницы и другие грамотные сельские жители[880]. Несмотря на невысокий в большинстве случаев уровень преподавания и качество получаемых учащимися знаний, такие школы наглядно демонстрировали осознание населением необходимости получения первоначальных азов грамотности.

Специфика региона в образовательном отношении актуализировалась и путем описания образовательных потребностей разных групп сибирского населения, в частности, переселенцев, «инородцев», приисковых рабочих. Так, рецензируя статью А. Колычева «Вопросы просвещения на приисках Сибири», опубликованную в «Русском богатстве», журнальный обозреватель «Вестника воспитания» обращал внимание на неудовлетворительную постановку приисковых школ грамоты, крайне слабое развитие внешкольных образовательных учреждений. Показательно резюме, сделанное рецензентом: «Условия труда и жизни на приисках таковы, что несколько скрасить их разумными развлечениями, отвлекающими от мрачного пьянства, представляется долгом человеколюбия, не говоря уже о прямом значении образования и просвещения»[881].

Как противовес пассивности государства в деле просвещения населения восточной окраины рассматривалась общественное участие в распространении грамотности среди населения. По мнению редакции «Русской школы», региональная специфика Сибири заключалась именно в особой роли общественных организаций местной интеллигенции, частично компенсировавших отсутствие органов земской «самопомощи». «Надо отдать должное сибирской интеллигенции: она делает все, что может для

---

[879] **Софийский И.М.** О частном обучении грамоте в Енисейской губернии // РШ. 1896. № 2. С 232.
[880] Там же. С. 233.
[881] Народное образование на приисках // ВВ. 1904. № 4. II отд. С. 91.

поднятия уровня просвещения народной массы в своем краю», – читаем в «Педагогической хронике» журнала за 1898 г.[882]

Общественное участие в распространении знаний среди населения Сибири номинировалось педагогическими журналами как позитивная поведенческая стратегия провинциальной интеллигенции. Считая просвещение населения необходимым условием прогрессивного развития сибирской провинции, педагогические журналы всемерно поддерживали общественную активность в формировании регионального образовательного пространства. Большинство привлеченных нами изданий регулярно помещало отчеты о деятельности сибирских обществ попечения о начальном образовании, популяризируя в общественном мнении их деятельность. Пытаясь моделировать социальное поведение общественно активных современников, сотрудник «Русской школы» писал: «Сибирские общества имеют общую историю, тесно связанную с историей „Общества попечения о начальном образовании“ в г. Томске, которое является старейшим сибирским обществом и которое, вместе с тем, представляет блестящий пример того, что может быть сделано у нас частной инициативой при энергии и преданности делу носителей этой инициативы»[883].

Сообщая о формах и результатах работы названных общественных организаций, авторы «Русской школы» фиксировали свою симпатию к таким «продуктам общественной самодеятельности», подчеркивали социальную востребованность их деятельности. К числу основных заслуг просветительских общественных организаций публицисты проанализированных мною изданий относили учреждение начальных и воскресных школ для детей и взрослых, устройство народных библиотек, читален и книжных складов, проведение публичных чтений и спектаклей, детских утренников[884].

---

[882] **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1898. № 5–6. С. 289.
[883] **Абрамов Я.В.** Очерки частной инициативы в деле народного образования // РШ. 1890. № 8. С. 125.
[884] См., например: **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1890. № 9. С. 118–119; Развлечения для народа // РШ. 1898. № 4. С. 294–295; **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // Там же. С. 203; **Он же.** Хроника народного образования // 1900. № 4. II отд. С. 52; Томское общество попечения о начальном

Редакция поддерживала и пропагандировала любые социально ориентированные инициативы сибирских просветительских общественных организаций. Типична реплика ведущего педагогической хроники Я.В. Абрамова, информирующего о намерении томского общества издавать журнал, посвященный вопросам народного образования в Сибири: «Нет никакого сомнения, что подобный журнал, да еще издаваемый одним из самых выдающихся наших просветительных обществ, будет в высшей степени полезным и принесет немалую пользу делу народного просвещения не только в Сибири, но и во всей России»[885]. Сообщая об идее созыва съезда деятелей народного образования, возникшей у членов названного общества, обозреватель журнала отмечал в 1902 г., что частный почин довольно деятелен в Сибири, именно он создал здесь 20 частных просветительских обществ и постоянно заботится о расширении их деятельности[886].

Результативная деятельность томского просветительского общества дала основания «Русской школе» констатировать в 1903 г., что положение школьного дела в городе близко к осуществлению всеобщего обучения[887]. Как отмечают специалисты по истории образования, вопрос о введении в России всеобщего начального обучения был одним из ключевых для участников общественно-педагогического движения второй половины XIX в. Он занимал одно из центральных мест на страницах педагогической периодики и был предметом обсуждения просветительских обществ и организаций, съездов по вопросам народного образования[888]. Симптоматично, что именно «отсталая и малокультурная» Сибирь давала основания для предположений о возможно скором введении всеобщего начального обучения.

образовании // РШ. 1902. № 4. II отд. С. 98; **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1898. № 7–8. С. 284–285 и др.

[885] **Абрамов Я.В.** Педагогическая хроника // РШ. 1902. № 4. II отд. С. 33.

[886] См.: Новая отрасль деятельности томского просветительского общества // РШ. 1902. № 7–8. С. 48–49.

[887] См.: **Абрамов Я.В.** Педагогическая хроника // РШ. 1903. № 2. II отд. С. 40.

[888] См., например: **Кирдяшева М.Ф.** Проблемы всеобщего обучения в педагогических теориях революционеров-демократов 60–70-х годов XIX в.; **Колесников Б.В.** Проблемы нравственного воспитания в общественно-педагогическом движении 60-х годов XIX в.; **Тебиев Б.К.** На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в.

Можно утверждать, что в общественном мнении пореформенной империи на материалах о деятельности просветительских обществ формировался своеобразный социокультурный поведенческий образец интеллигента – борца с невежеством в глухой провинции, который интерпретировался как достойный уважения и воспроизведения в индивидуальных поведенческих стратегиях современников. С точки зрения выяснения риторики, употребляемой при описании сибирских просвещенцев, показательна характеристика, данная В.В. Девелем активисту «Общества попечения о начальном образовании» в Томске П.И. Макушину: «Необыкновенная энергия, преданность делу и особенное умение найти людей и заставить их послужить тому делу, которому отдался и он сам – одна из причин, немало помогавших успеху всех благих начинаний этого деятеля»[889].

О понимании изданием воспитательной роли примеров описания деятельности лиц, посвятивших себя «заботам о процветании народного образования», свидетельствуют информационные сообщения о фактах общественного признания земляками заслуг участников общественно-педагогического движения[890].

Какая школа нужна Сибири? Еще одна проблема, волновавшая педагогическую общественность на рубеже XIX–XX в. и в определенной степени отражавшая представления современников о социокультурной специфике региона. Основные вопросы, приковывавшие внимание современников, – количество школ разных типов в тех или иных районах Сибири, программы преподавания, объемы финансирования школ, качество профессиональной подготовки учителей.

Содержательный анализ публикаций «Русской школы» позволяет утверждать, что авторы журнала наиболее высоко оценивали образовательный потенциал земской школы, как известно, отсутствовавшей в Сибири. Данное обстоятельство предопределило поиски той модели

---

[889] **Девель В.В.** Городские и сельские библиотеки и читальни для народа // РШ. 1891. № 7–8. С. 217.
[890] См., например: Педагогическая хроника // РШ. 1890. № 5. С. 163.

начального образования, которая была бы наиболее эффективной в сибирских условиях. Авторы статей и сообщений, посвященных развитию начального обучения, отмечали большее разнообразие типов школ в зауральских губерниях, чем в европейской части страны, соотнося историю их появления со специфическим составом населения региона. Так, в сентябрьском номере «Русской школы» за 1895 г. сообщалось о том, что наряду с распространенными во «внутренней» России школами Министерства народного просвещения, министерств государственных имуществ и внутренних дел, церковноприходскими училищами со школами грамоты, в Сибири действовали казачьи, горные, миссионерские школы[891].

Наибольшее число нареканий у авторов педагогических журналов вызывало качество преподавания в церковноприходских школах, интерес к которым усилился в связи с проектом передачи начального образования в крае в ведение церкви. Как и в умеренно оппозиционных общественно-политических журналах, наибольшее число нареканий вызывал низкий образовательный уровень сибирского сельского духовенства, как правило, иллюстрируемый обилием статистических данных. Ссылаясь на «Сибирский вестник», редакция сообщала, что в Барнаульском округе Томской губернии из священников, заведовавших церковными школами округа, только 5 окончили курс духовной семинарии (не считая городских священнослужителей), 21 – не окончили курса семинарии, а нередко даже и духовного училища, 15 священников не были удостоены даже епархиальной властью законоучительствовать в школах их приходов[892]. Даже известный православный публицист Н.К. Смирнов, сотрудничавший с журналом, отмечал, что школы церковного ведомства в Восточной Сибири во всех отношениях значительно уступают «министерским» – их средний образовательный уровень ниже, время пребывания учеников в школе короче, „в учебных пособиях недостаток гораздо больший“[893].

---

[891] См.: Первоначальное образование в Сибири // РШ. 1895. № 9. С. 244.
[892] См.: Сельское духовенство и сельские школы в Сибири // РШ. 1895. № 11. С. 224.
[893] См.: **Смирнов И.К.** Несколько слов о состоянии народного образования в Енисейской и Иркутской губерниях // РШ. 1898. № 4. С. 160.

Яркие примеры низкого качества образования, получаемого в церковно-приходских училищах, формировали негативное отношение к данному типу образовательных учреждений, что объяснялось не только реальным положением дел в церковной школе, но и процессами секуляризации сознания, характерными для интеллигенции модернизирующейся империи, рационалистическое понимание морали, присущее позитивизму, декларируемым приоритетом образования над воспитанием. Материалы статьи Н.И. Палопеженцева «О народном образовании в Ялуторовске и Ялуторовском округе», опубликованные в «Ежегоднике Тобольского музея», свидетельствующие о вопиющем незнании учащимися сибирских школ даже «Закона Божьего», охотно цитировались разными периодическими изданиями[894]. «В некоторых училищах округа (Ялуторовского округа Тобольской губернии. – *Н.Р.*) преподавание Закона Божьего дало следующие результаты … из учеников младшего и среднего отделений лишь один, много два-три, могли сказать, что Бог один, два-три ученика ответили, что Бога три, остальное же большинство отвечало, что богов много, причем причисляло к богам Миколу-Святителя, Егория Храброго, Сименона Верхотурского и др.», – читаем в сентябрьском номере «Русской школы» за 1895 г.

С критикой идеи передачи начальных училищ Западной Сибири духовному ведомству выступал и другой известный педагогический журнал «Вестник воспитания» [895], основанный в 1890 г. врачом Е.А. Покровским. В отличие от «Русской школы», ориентировавшейся, в первую очередь, на профессионально-педагогическую аудиторию, «Вестник воспитания» предназначал свои публикации главным образом родителям. В данном случае важно, что частные педагогические журналы, подобно умеренно оппозиционным общественно-политическим ежемесячникам, отстаивали идею распространения светского начального образования в «далекой и забытой» Сибири.

---

[894] См., например: Народное образование в Ялуторовском округе // МБ. 1895. № 10. С. 215–216.
[895] См.: Вопрос о заведывании начальными училищами в Сибири // ВВ. 1896. № 7. С. 246–248.

Сибирь – край, природные богатства которого станут доступны в результате развития системы профессионального образования. Отстаивая идею всеобщего начального светского образования, сотрудники рассматриваемых педагогических журналов уделяли большое внимание профессиональной школе, считали, что именно ее развитие является одним из условий успешного экономического развития региона, преодоления его культурной «замкнутости», «отсталости» и интенсификации экономических связей с другими российскими губерниями. «Вместе с сооружением Сибирской железной дороги выступил на очередь и вопрос об изыскании мер, которые облегчили бы пользование естественными богатствами Сибири. Самая доходность будущей дороги находится в полной зависимости от успешного применения подобных мер. В числе же их первое место должно, конечно, принадлежать правильной и широкой постановке профессионального образования, которое теперь в Сибири почти совершенно отсутствует», – писал ведущий «Хроники профессионального образования» «Русской школы» в 1896 г.[896] Большинство авторов привлеченных изданий консолидировалось со сторонниками либерального крыла общественно-педагогического движения, поддерживающего широкое распространение профессионального образования. Порожденная модернизацией идея распространения рационального, прагматического образования, наиболее отвечавшего потребностям трудящегося населения, воплощалась на страницах педагогической периодики путем публикации сообщений об открытии в Сибири «рассадников правильного хозяйничанья», тиражировании опыта их деятельности, поддержке ходатайств сибирских городов и сельских обществ о необходимости основания учреждений профессионального образования[897].

Как и чему учить сибирских «инородцев» – сюжет, столь волновавший общественно-политические журналы, нашел свое отражение и в

---

[896] **Б-чъ В.** [Бирюкович В. В.] Хроника профессионального образования // РШ. 1896. № 4. С. 293.

[897] См., например: **Сурин П.** Сельскохозяйственное образование в Сибири // РШ. 1895. № 5–6. С. 169–174; **Б-чъ В.** [Бирюкович В. В.] Хроника профессионального образования // РШ. 1897. № 2. С. 256–257; **Он же.** Хроника профессионального образования // РШ. 1898. № 11. С. 330; Об учреждении в г. Барнауле нормального ремесленного училища // РШ. 1901. № 4. II отд. С. 97; Об учреждении в г. Томске низшего технического училища // Там же. С. 98; Некоторые данные из отчета ремесленного училища за 1901 г. // РШ. 1902. № 9. С. 114 и др.

педагогической периодике. М.А. Миропиев выделял два подхода к образованию «инородческого» населения империи, составлявшего, по его подсчетам, 27% от числа россиян: 1) предлагавшийся духовенством исходил из того, что процесс обрусения «инородцев» должен начаться с приобщения к христианской религии; 2) отстаиваемый светскими педагогами предусматривал «обрусение» «инородцев» только в умственном и нравственном отношении, считая «рычагом» просвещения аборигенного населения не церковь, в русскую школу[898]. По мнению автора, первый подход был оправдан лишь для народов со «слаборазвитой религией», к которым он относил крещеных татар, мордву, большинство народов Сибири и Приамурья. Для мусульманского же населения империи данный подход был непригоден и чреват вспышками религиозного фанатизма. Известный православный публицист декларировал эффективность и целесообразность второго подхода, основанного на почве уважения религиозных верований «инородцев». Он критиковал современную ему начальную школу, порождающую «рецидивы безграмотности» даже среди русских школяров, школу, из которой туземцы выносят совершенно ничтожное знание русского языка, русских нравов и порядков и русского мировоззрения. Являясь сторонником этнической унификации, М.А. Миропиев выступал за «слияние «инородцев» со своим новым отечеством под верховной властью нашего общего монарха» путем создания книг и учебных пособий на основе русского алфавита. Именно «государственный» алфавит создаст, с его точки зрения, почву для объединения России. Помимо издания специальной литературы, он предлагал создание при «инородческих» училищах и миссионерских школах переводческих комиссий, аргументировал необходимость не оставлять «инородцев» своим просветительским воздействием после окончания ими школы, организовывать публичные лекции на актуальные и полезные темы, народные чтения с «волшебным фонарем».

[898] См.: **Миропиев М.К.** К вопросу о просвещении наших инородцев // РШ. 1901. № 5–6 . С. 121–136.

Сторонник националистической доктрины, последовательный борец с «мусульманской угрозой»[899], М.А. Миропиев демонстрировал дискриминационный характер российского ориентализма, так определяя цели просвещения «инородцев»: «Действуя с разных сторон на мусульманский мир, мы, сильные своим единством, скорее всего, пробили бы ту твердую броню, за которой скрываются враждебные нашему единству элементы. Только тогда мы и были бы на высоте призвания, той миссии, которая возложена на нас историей и географическим положением нашего отечества – жить и стоять на страже общекультурных, человеческих и вместе с тем христианских интересов, против враждебного цивилизации и христианству азиатского мира, внося в него свет и истину»[900].

Публикация в «Русской школе» статей известных сторонников русификации И.К. Смирнова, М.А. Миропиева, наряду с сотрудничеством с журналом народников, либералов, легальных марксистов, с одной стороны, могут свидетельствовать о политической неангажированности издания, с другой ― о попытках зарождающегося национализма воздействовать на педагогическую аудиторию.

Наряду с обсуждением целей и задач обучения «инородцев», педагогическими ежемесячниками поднимался вопрос о формах и содержании образовательного процесса. Так, П. Сурин на основе анализа опыта деятельности школ для кочевых «инородцев» в степных областях Сибири сделал вывод о неудовлетворительной постановке начального образования «инородцев» в интернатах. Последние не только не оправдали возложенных на них надежд в деле распространения знаний среди кочевников, но оказывали вредное воздействие, отрывая учеников от привычной среды, порождая людей, не пригодных «ни к какому полезному делу». Наиболее эффективными, по мнению автора, являлись сельскохозяйственные школы, появившиеся в Западной Сибири в конце 1880-х гг., в которых наряду с

---

[899] См.: **Батунский М.А.** Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX вв. // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 81–90.

[900] **Миропиев М.К.** К вопросу о просвещении наших инородцев // Там же. С. 134.

изучением русского языка и начальным образованием учащиеся знакомились с азами земледелия, животноводства, ремесленного производства[901].

Едкой иронии подвергались административные методы «просвещения сибирских «инородцев»» и их приобщения к русской культуре на страницах педагогического журнала «Образование». Первый номер журнала вышел в 1892 г. К концу XIX в., после закрытия журналов «Новое слово», «Начало» и «Жизнь», издание стало одним из печатных органов легального марксизма. Например, сообщая о сборе пожертвований с населения Якутской области на различные просветительные и благотворительные цели, обозреватель периодической печати восклицал: «Здесь крестьяне забывали русское имя, а с них выбивали пожертвования на русско-православные школы в западном крае, здесь инородцы питались кониной и толченой древесной корой, а с них уже собирались деньги на памятник Либиху в Мюнхене, здесь девять из десяти никогда не слыхали слово Москва, а их приглашали жертвовать на построение православного храма в Ницце, якутам, бродившим по беспросветной тайге, предлагали жертвовать на бульвар в Севастополе»[902].

Помещая рецензии на научную и популярную литературу, посвященную коренным народам Сибири, обсуждая варианты ее использования в практике воспитания и обучения детей[903], педагогические журналы фиксировали внимание читателей на полиэтничном составе населения империи и ее восточной окраины, формировали познавательный интерес к аборигенному населению края. Однако в изучаемый период педагогические аспекты обучения «инородческого» населения только начинали рассматриваться как профессионально и социально значимые.

Борьба за расширение женского образования в Сибири как проявление общероссийского общественно-педагогического движения за эмансипацию. Вопрос о необходимости и доступности женского образования уже не был

---

[901] См.: **Сурин П.** Сельскохозяйственное образование в Сибири // РШ. 1895. № 5–6. С. 169–174.

[902] Попытки приобщения якутов к русской культуре // Образование. 1902. № 3.

[903] См., например: Рец. на кн.: Харузин В.Н. Сказки русских инородцев с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями. М., 1898 // РШ. 1890. № 1. С. 198–199; Рец. на кн.: Догуревич Т. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края. СПб., 1897 // РШ. 1898. № 10. С. 228–230; **Л.С.** Анонс «Русского антропологического журнала» (Кн. I–IV) 1900–1901 гг. // ВВ. 1899. № 5. II отд. С. 10–14; **И-ский Ал.** Рец. на кн.: Александров Н.А. Народы России: Этнографические рассказы для детей. М., 1899 // Там же. С. С. 38–42; Рец. на кн.: Максимов А.Н. Русские инородцы // ВВ. 1901. № 7. II отд. С. 10 и др.

предметом обсуждения педагогических ежемесячников на рубеже XIX–XX вв., ответ на него был очевиден для подавляющего большинства авторов и читателей. Перед заинтересованной публикой стоял вопрос о том, как сделать женское обучение наиболее эффективным и интересным, каким должен быть набор изучаемых предметов, программ, определяющих содержание учебного процесса, каким требованиям должны соответствовать учебные пособия. В обсуждении данного перечня вопросов принимали активное участие и сибирские педагоги[904]. Тексты публикаций, посвященных развитию женского образования в регионе, не фиксируют ярко выраженную региональную специфику. На основании этого мы можем говорить о общероссийских тенденциях развития данного процесса, наглядно прослеживающихся на сибирском материале. В их числе рост популярности женского образования среди сибиряков, проявлявшийся в увеличении численности воскресных и вечерних женских школ, женских гимназий и росте числа учащихся; демократизация состава учащихся; стремление к расширению числа преподаваемых предметов; частная благотворительность в организации и деятельности женских образовательных учреждений. Впечатляющие свидетельства тяги сибирячек к знаниям содержит опубликованный «Русской школой» рассказ об открытии женской воскресной школы в Троицкосавске Забайкальской области. «Пестрая почти двухсотенная толпа оживила тесные и мрачные комнаты училища: дети, девушки и женщины с их оживленными и полными любопытства и ожидания лицами, представляли яркую картину. Многие малолетние ученицы явились со своими родителями, а некоторые из них, очевидно, заменяя дома нянек и не имея на кого оставить своих крошечных сестер, привели сюда за руку 3–4-летних детей… Казалось, в этих полувековых стенах зарождалась новая жизнь для тех обездоленных и лишенных права на образование, которые молчаливо переносили свою участь десятки лет… Это были по истине

[904] См., например: **Абрамов Я.В.** Хроника народного образования // РШ. 1899. № 5–6. С. 385; **Салтыкова М.** Томская женская воскресная школа // РШ. 1900. № 10–11. II отд. С. 57–76; К открытию прогимназии в Мариинске // РШ. 1902. № 9. II отд. С. 113; Открытие частной гимназии // Там же; Из отчета за десятилетний период деятельности 2-й воскресной школы г. Иркутска с 1892 по 1902 г. // РШ. 1903. № 4. С. 65–67; **Вольфсон Д.** Красноярская женская воскресная школа // РШ. 1904. № 7–8. II отд. С. 65–68; **Он же**. Сибирские воскресные школы (1881–1903) //РШ. 1903. № 9. II отд. С. 56–61; О Томской воскресной школе // РШ. 1903. № 3. II отд. С. 59–62 и др.

алчущие и жаждущие света, который они надеялись увидеть в воскресной школе»[905]. Обращает на себя внимание социально-активная позиция преподавательниц женских воскресных школ из Сибири, публиковавшихся на страницах педагогической периодики, активно занимавшихся не только методикой преподавания различных предметов, но и исследовательской деятельностью, стремившихся поделиться своим педагогическим опытом со своими коллегами.

Декларируя доступность образования для всех, педагогические издания последовательно поддерживали деятельность вечерних и воскресных общеобразовательных курсов для взрослых, готовящихся к получению высшего образования. «Нельзя от всей души не приветствовать учреждения в г. Томске общеобразовательных классов, которые целью своей, как известно, будут иметь подготовление к поступлению в высшие учебные заведения лиц зрелого возраста, по разным причинам не имевших возможности получить законченного среднего образования в период юности… Можно думать, что участники классов энергично и дружно примутся за старое, иными, быть может, много лет брошенное занятие – приготовление уроков и систематическую работу прохождения программы известного предмета. Можно также вполне надеяться, что и руководители классов сделают со своей стороны все возможное, чтобы доставить право смело отворить двери храма науки лицам, которые и думать не смели отворить их», – так формулировала свои ожидания редакция «Русской школы» в 1902 г.[906]

Основываясь на публикациях сибирских газет, обозреватели педагогической хроники сообщали о трудностях, которые приходилось преодолевать организаторам и преподавателям «вечерних классов», о противодействии им со стороны местных административных и полицейских властей, формируя, таким образом, сочувственное отношение к «вечернему образованию» сибирских горожан в общественном мнении России[907].

---

[905] Женская воскресная школа в Троицкосавске (Забайкальской области) // РШ. 1897. № 3. С. 230.
[906] См.: К открытию в Томске общеобразовательных классов // РШ. 1902. № 9. II отд. С. 99–100.
[907] См.: **Вольфсон Д.** Судьба вечерних классов в Томске // РШ. 1904. № 5–6. II отд. С. 61–64; Хроника // ВВ. 1902. № 6. С. 104–105.

Наибольшее число информационных сообщений педагогических журналов рубежа XIX–XX в. посвящено развитию в крае высшего образования, они зафиксировали новую ипостась образа региона – *Сибирь студенческая.* Все привлеченные нами журналы издавались уже после открытия Томского университета, когда миновал пик многолетней борьбы за его создание. В связи с этим не случайно, что в большей части материалов, касающихся первого вуза Сибири, поднимаются вопросы финансирования университета, строительства и благоустройства учебных корпусов и общежитий, материального положения и характеристики состава студентов, значительно реже обсуждались качество преподавания, уровень подготовки абитуриентов, общественная и педагогическая деятельность преподавателей[908].

Вопрос о региональных особенностях университетского образования в Сибири затрагивался, как правило, в двух контекстах – низкого материального обеспечения студентов и социальных функций университета как центра науки и высшего образования. «Какой высокой ценой покупается у нас иногда высшее образование, показывает, между прочим, отчет Томского университета за 1895 г. Известно, что большинство студентов Томского университета составляют воспитанники духовных семинарий. Лишенные права на поступление в университеты во всей Европейской России (за исключением Варшавы), воспитанники духовных семинарий, ищущие университетского образования, вынуждены на многие годы бросать родину и за несколько тысяч верст ехать в Томск и там, на далекой чужбине, в новых климатических условиях, вести полуголодную жизнь студента… Так, из 772 студентов, поступивших в университет со времени его открытия по 1895 г., умерло 30 человек, причем в 16 случаях причиной смерти был туберкулез легких», – рассуждал о тяжелой студенческой доле хроникер

[908] См., например: Студенты-семинаристы Томского университета // РШ. 1897. № 2. С. 284–285; Библиотека Томского университета // РШ. 1899. № 5–6. С. 457; В Томском университете // РШ. 1900. № 9. II отд. С. 135; О постройке второго дома общежития для томских студентов // РШ. 1901. № 4. С. 97–98; Крупное ассигнование на клиники Томского университета // РШ. 1902. № 7–8. II отд. С. 114–116; Открытие амбулатории при Томском университете // РШ. 1902. № 9. II отд. С. 112; Льготы для томских студентов // РШ. 1903. № 2. II отд. С. 103; Томский университет // РШ. 1903. № 10–11. II отд. С.109 и др.

«Русской школы»[909]. В числе причин заболеваемости и смертности студентов назывались суровые, особенно для приезжих, природно-климатические условия Сибири, плохие медико-санитарные условия проживания, острая нехватка денег и отсутствие заработков. Как замечала редакция названного журнала, отличие Томска от других университетских городов заключалось в его «слабой развитости в культурно-промышленном отношении», обусловившей отсутствие возможностей для приложения интеллектуального труда[910]. Определяя число нуждающихся студентов, равным 70% от их общей численности, «Русская школа», солидаризировалась с сибирскими газетами и обращалась к местным благотворителям с призывом прийти на помощь университетской молодежи.

Экономическое положение студенчества, в том числе и сибирского, было одним из актуальных вопросов журнала «Образование». Причины устойчивого интереса марксистов к экономическому быту учащейся молодежи очевидны из отзыва на книгу профессора М.Н. Соболева «Экономическое положение томских студентов». Рассматривая «работающих студентов» как отряд трудового интеллигентного пролетариата, рецензент отмечал: «В суровой борьбе за хлеб насущный студенчество свыкается с психологией нужды и труда, сознает свои классовые интересы и научается ценить условия, благоприятствующие увеличению заработка и, вообще, расширению поля действия своих интеллигентных сил… Они живо чувствуют свою тесную связь с различными общественными группами и глубоко проникаются интересами последних»[911]. Осознавая некорректность экстраполяции статистических сведений, полученных М.Н. Соболевым, на другие российские университеты в силу специфического состава томских универсантов и «особенностей сибирской жизни», автор рецензии надеялся, что пример томского профессора нашел достойных подражателей и общество получило бы широкую „цифровую“ картину жизни учащейся молодежи.

---

[909] Студенты Томского университета // РШ. 1897. № 3. С. 277.
[910] См.: Нужда студентов в Томске // РШ. 1898. № 11. С. 353–354.
[911] **Н.І.** Рец. на кн. Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов // Образование. 1903. № 3. С. 125.

Последовательно выступая за повышение социальной активности педагогической интеллигенции и учащейся молодежи, вышеупомянутый журнал поддерживал желание сибирячек слушать лекции в Томском университете[912], призывал к активному взаимодействию университетских преподавателей с образовательными учреждениями края[913].

Публикации педагогических ежемесячников отражают общественные ожидания от профессуры первого сибирского университета и формулируют кодекс поведения «носителя университетской культуры» сибирской провинции. В этом смысле весьма показательна реакция «Русской школы» на отказ части томской профессуры войти в правление первого в Сибири «Юридического общества». Признавая несостоятельной ссылку на отсутствие времени для активного участия в работе названного общества, редакция иронизировала: «… раз человек считает себя столь слабым, что затрудняется уделить часть своего времени ученым занятиям, то уже здесь ничего не поделаешь. Для профессоров Томского университета это вполне естественно: они еще люди молодые, с неокрепшими силами, с неустановившимися научными симпатиями, им еще много нужно работать над собою, чтобы иметь право выступать в качестве научно-общественных деятелей. Тем не менее, нельзя не признать знамением времени того обстоятельства, что у русского ученого нет времени для научных занятий, что за обилием других дел он не имеет возможности посвятить несколько часов на служение тому богу, которому он призван служить»[914].

На страницах педагогической периодики встречаются прямые указания на приоритетные, с точки зрения их авторов, сферы деятельности преподавателей и студентов первого «форпоста науки» в Сибири. Называя Сибирь малоисследованным краем, обозреватель «Русской школы», например, предлагал биологам медицинского факультета заняться сбором исследовательского материала путем организации экскурсий; специалистам-

[912] Родные картины // Образование. 1904. № 6. С. 65–66.
[913] Проект съезда деятелей народного образования в Сибири // Образование. 1902. № 7–8. С. 58–59.
[914] Юридическое общество при Томском университете // РШ. 1901. № 5–6. II отд. С. 119.

медикам – активно распространять среди местного населения знания по гигиене и медицине в целях борьбы с предрассудками и невежеством; преподавателям юридического факультета – сообщать горожанам сведения из области социальных наук[915].

Напрямую связывая успешность «культурного и экономического» освоения «далекой» Сибири с развитием системы образования в регионе, редакции педагогических журналов постоянно информировали своих читателей о строительстве в Томске первого в Сибири (и одиннадцатого в России) учительского института[916]. Устройство в регионе «будущего рассадника училищ в отдаленной окраине» актуализировало в общественном мнении дискуссию о задачах и функциях высшего педагогического образования, о содержании профессиональной подготовки будущих учителей, о соотношении в практике обучения предметной и педагогической подготовки. Так, по мнению одного из авторов «Русской школы», азы педагогикой науки должны занимать центральное место в профессиональной подготовке учителей, доминируя над курсами «предметного блока» и методиками изучения конкретных школьных предметов[917].

Параллельно с углубленным изучением теоретических аспектов педагогики и психологии обосновывалась необходимость организации практического изучения педагогической науки путем наблюдения за учащимися городского училища, проектируемого при институте. Предлагалось активное участие преподавателей и студентов в обмене мнениями по теоретическим и практическим вопросам воспитания посредством чтения общедоступных лекций, создания своего педагогического издания и сотрудничества с местными газетами, организации кружка для родителей[918].

---

[915] Сибирский университет // РШ. 1900. № 1. II отд. С. 91–92.
[916] См., например: Ходатайство об учреждении в Томске учительского института // РШ. 1901. № 2. II отд. С. 93–94; Томский учительский институт // РШ. 1902. № 3. II отд. С. 81–82; Открытие Томского учительского института // РШ. 1902. № 7–8. II отд. С. 125–128; Хроника // ВВ. 1902. № 4. С. 115 и др.
[917] **П.** Учительский институт в Томске // РШ. 1902. № 1. С. 83–84.
[918] Там же. С. 84–85.

Возлагая надежды на строительство Томского учительского института, заинтересованные современники не питали иллюзий по поводу его возможностей в деле обеспечения педагогическими кадрами сибирских губерний. «Один учительский институт на все огромное пространство Сибири, конечно, капля в море, особенно теперь, когда, благодаря проведению железной дороги, заселение и оживление края должно пойти быстрыми шагами. Следует надеяться, что дальнейший рост числа необходимых учебных заведений на сибирской окраине не будет задерживаться. Только при этом условии можно ожидать скорого и верного осуществления надежд, которые были связаны с проведением великого сибирского пути, в смысле культурного и экономического подъема всей азиатской России», – читаем в апрельском «Вестнике воспитания» за 1903 г.[919]

Размышления о необходимости учреждения в регионе учительского института акцентировали внимание на традиционном для периодической периодики вопросе об уровне профессиональной компетентности сибирских учителей, об особенностях их экономического положения и социального статуса, образа жизни. *Каков он – сибирский учитель и какова его жизнь?*

Более менее подробные статистические данные, позволяющие читателям педагогических журналов составить представление о сибирском учителе, содержатся в ранее упомянутой мною статье П.Д. Шестакова. По информации, приведенной им в начале 1890-х гг. в «министерских» и церковно-приходских сельских школах трех округов Иркутской губ. преподавало 33 мужчины и 11 женщин, из которых 17,9% ─ из мещан, 14,4% ─ из дворян и чиновников, 46,3% ─ из лиц духовного звания, 15,5% ─ из крестьян, 7,1% ─ из инородцев. Большая часть педагогов – уроженцы Восточной Сибири (85,8%); из Западной Сибири приехали в Иркутскую губ. 7,1% , столько же, сколько из Европейской России. По семейному положению из 33 учителей 16 женатых (48,4%), из 11 учительниц замужних

[919] Хроника // ВВ. 1903. № 4. С. 116.

4 (36,4%). Средний возраст преподающих ─ от 21 до 25 лет (52,2%). Средний размер оплаты труда учителей составлял 414,44 р. в год, учительниц ─ 32, 92 р.[920] Кроме жалованья, преподаватели пользовались «готовыми» квартирами, как правило, состоявшими из 2–3 комнат, но при этом находившимися «в крайне неудовлетворительном состоянии»[921].

Стремлением показать власти и обществу несовершенство системы образования в империи и желанием улучшить условия повседневной жизни провинциального учительства объясняется внимание журнальной прессы к материальному положению сибирских учителей. При его описании использовались такие «говорящие» слова-маркеры, как: «бедность», «форменный голод», «полное отсутствие каких-либо развлечений или удовольствий», «вечная дума о необеспеченной старости».

Одним из злободневных сюжетов педагогической периодики была проблема корпоративных коммуникаций сибирского учительства. Общим местом большинства публикаций, посвященных положению учителей, особенно в сельской местности, была мысль о том, что учитель, лишенный регулярного общения и обмена опытом со своими коллегами, часто не находивший поддержки среди земляков, страдающий из-за материальных проблем, терял интерес к своей профессиональной деятельности, менял сферу приложения своих сил. Симптоматичен заголовок одного из информационных сообщений «Русской школы» за 1901 г. – «Школа и кабак». В сообщении речь шла о том, что многие сибирские учительницы записались кандидатками на места приказчиц в казенные винные лавки, которые были открыты в регионе после введения «казенной» продажи вина[922]. Нехватка учительских кадров в крае приводила к обращениям местной администрации в столичные педагогические институты с просьбой рекомендовать

---

[920] **Шестаков П.** Школа и грамотность в Иркутской губернии // РШ. 1892. № 5–6. С. 242.
[921] Там же. С. 243.
[922] См.: Школа и кабак // РШ. 1901. № 4. II отд. С. 105.

выпускников для работы в Сибири. Особым «спросом» пользовались учителя русского языка и математики[923].

П.Д. Шестаков, размышляя об обстоятельствах, «гибельно, отражающихся на мысли и воле» сельского учителя в Сибири, называл отсутствие материала для чтения или его низкое качество, недостаток интеллигентного общества, приниженное и бесправное положение учителя среди деревенской аристократии, которая зачастую устраивает систематическую и победоносную травлю на неугодных ей учителей. «Условия учительской жизни, начиная с холодной и сырой квартиры и кончая бесправным и беззащитным положением в окружающем обществе, очень часто грубом, невежественном, не представляют собою гарантии тому, чтобы учитель надолго мог остаться на высоте своего призвания. Нужно быть страстно преданным своему делу, чтобы до конца своей жизни нести тяжелый крест учительского труда», – объяснял Шестаков кратковременность «учительского» стажа сельских педагогов, определяя его в Иркутской губ. в среднем равным 4,5 годам[924].

Достаточно убедительно сформулировал проблему нехватки корпоративного общения, информационной изолированности сибирских учителей, особенно сельских, И.П. Белоконский: «Не говоря уже о том, что здесь нет такого учреждения, которое употребило бы все усилия, чтобы поднять уровень школы и учителя, страшные дебри, громадные расстояния, разделяемые в большинстве случаев невозможными путями сообщения, делают то, что и превосходные воспитатели скоро превращаются в одичалых людей, лишенных возможности обмена мыслями с себе подобными и не имеющих никаких книг. Только сильные натуры, фанатически преданные великому делу воспитания народа, выдерживают убийственную обстановку сельского учителя в отдаленных окраинах Восточной Сибири, отказавшись, ради своей миссии от света и людей»[925]. В качестве средств борьбы с

---

[923] См.: Недостаток в преподавателях в Сибири // РШ. 1904. № 10–11. II отд. С. 137.
[924] **Шестаков П.** Школа и грамотность в Иркутской губернии // РШ. 1892. 5–6. С. 244.
[925] **Белоконский И.П.** Народное образование в Восточной Сибири // РШ. 1891. № 5–6. С. 236.

«убийственной обстановкой», мешающей профессиональному и личному самоусовершенствованию сибирских учителей, назывались учительские собрания, совещания, съезды, которые, с одной стороны, могли способствовать обмену опытом между коллегами, с другой – позволяли формулировать консолидированное мнение по профессионально значимым вопросам, коллективно отстаивать свои права[926].

Пропагандируемые педагогической периодикой варианты консолидации учителей, в конечном итоге, формировали локальные профессиональные сообщества сибирского учительства, ставшие реальной силой в региональном общественно-политическом пространстве начала XX в.[927]

Для расширения профессионального кругозора и «облегчения практической деятельности стремящегося к педагогическому самоусовершенствованию педагога» пропагандировались учительские курсы, создание педагогических музеев для информирования учителей с методическими «новинками». Примечательно, что один из первых в Сибири Омский педагогический музей был создан по инициативе местного «Общества вспомоществования учащимся» для методической помощи учителям, окончившим краткосрочные педагогические курсы. В музее были представлены материалы по следующим разделам: школьная гигиена; учебные пособия; учебные руководства; педагогические журналы; ручной труд; детские игры и гимнастика; руководства для обучения слепых и глухонемых детей; уставы, планы и программы существующих в России детских садов и ясель; законоположения, относящиеся к начальным училищам; «волшебные фонари» и брошюры для народных чтений. Один из

---

926 См., например: Хроника // ВВ. 1897. № 8. С. 112–115; Проект съезда деятелей народного образования в Сибири // Образование. 1902. № 7–8. С. 58–59 и др.

927 Об этом убедительно свидетельствуют следующие работы: **Севостьянова Е.В.** Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. Иркутск, 1998; **Дегальцева Е.А.** Культурно-просветительные объединения Томской губернии в последней трети XIX – начале XX в. Новосибирск, 1999; **Мезенцева В.В.** Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907–1914 гг. Омск, 2000; **Черняк Э.И.** Общественно-политическая жизнь Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917–ноябрь 1918 гг.). Томск, 2001 и др.

инициаторов создания педагогического музея известный педагог и общественный деятель К.В. Ельницкий объяснял читателям «Русской школы», что необходимость музея вызвана следующими обстоятельствами: 1) для удовлетворения потребности учителей в духовной деятельности, потребности к самоусовершенствованию; 2) для более успешного обучения детей; 3) для того, чтобы «заглушить в себе тяжелое сознание подчас своего неприглядного положения» и «найти забвение от житейских невзгод»[928].

Можно предположить, что перечисленные мотивы побуждали сибирских преподавателей при помощи педагогических журналов делиться своим методическим опытом с коллегами из других частей империи. Рассказы об экскурсии слушателей Красноярской учительской семинарии на археологических раскопках[929] и сообщения о деятельности сибирских воскресных школ свидетельствуют о стремлении сибирских педагогов влиться в педагогическое корпоративное пространство Российской империи, о потребности исследовать профессионально значимые реалии сибирской действительности и проинформировать о них заинтересованных читателей, живущих по другую сторону Уральских гор.

Важен вопрос об авторстве транслируемых педагогическими изданиями представлений о регионе. Сразу заметим, что большая часть проанализированных публикаций о крае представлена информационными сообщения, как правило, перепечатанными из сибирских газет. Однако сам факт отбора и публикации информации свидетельствует о солидарности цитирующего издания с позиций, которая в ней зафиксирована, если, конечно, отсутствуют особые редакционные комментарии. Собранная нами информация об авторах статей о Сибири свидетельствует о том, что в основном они были представителями корпоративного педагогического сообщества (В.В. Девель, К.В. Ельницкий, И.К. Смирнов, И.М. Софийский, П.Д. Шестаков и др.) и/или исследователями народной жизни (Я.В. Абрамов, В.В. Бирюкович, И. П. Белоконский и др.). В основном они не имели

---

[928] **Ельницкий К.В.** Открытие педагогического музея в Омске // РШ. 1899. № 3. С 293.
[929] **Софийский И.М.** Экскурсия воспитанников Красноярской учительской семинарии на раскопку кургана // РШ. 1896. № 3. С. 224–227.

непосредственной связи с регионом и владели информацией о развитии образования в крае, почерпнутой из справочных изданий, материалов статистических обследований. Однако в их числе встречаются и сибирские педагоги (К.В. Ельницкий, И.М. Софийский и др.), постепенно «встраивающиеся» в корпоративное коммуникативное пространство.

Наряду с актуализацией и обсуждением профессионально значимых проблем, связанных с жизнью сибирской провинции, педагогические журналы посредством публикации рецензий на книги и журнальные статьи о регионе, научно-популярных статей, посвященных природно-климатическим и географическим особенностям Сибири, фрагментам ее истории *расширяли кругозор своих читателей, корректировали мифологичные стереотипизированные представления о крае и его населении.*

Наибольший интерес рецензентов вызывали книги обзорного, справочного характера, рассчитанные на самый широкий круг читателей. Основными критериями собранной в них информации были ее точность, соответствие современным научным представлениям. Для примера приведем типичные замечания на книгу Ф. Девеля «Рассказы о Восточной Сибири». «Некоторые частности в труде Ф. Девеля нуждаются в исправлении. Так, например, есть ошибка в самом заглавии книги: Якутская и Забайкальская область названы округами, тогда как сами они состоят из нескольких округов… Далее можно сказать, что в книге почти нет сведений об якутах, первенствующих по численности и значению среди всех инородцев Сибири. Наконец, встречаются кое-где некоторые неудачные выражения, например: „Сибирь куда больше всей России“ (стр.4); „почти у всех инородцев сибирских лица немножко кошачьего (?) склада“ (стр. 8); „из двух миллионов жителей этих дальних краев только частичка русские люди“ (стр. 8), что неверно, так как русские преобладают по численности в Восточной Сибири», – писал на страницах «Русской школы» Я. Руднев[930]. Настаивая на добросовестном, кропотливом предварительном ознакомлении авторов

[930] **Руднев Я.** Рец. на кн.: Девель Ф. Рассказы о Восточной Сибири, то есть губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. М., 1896 // РШ. С. 236–237.

регионоведческой литературы с разными источниками информации, рецензент названной книги из «Вестника воспитания» критиковал Девеля за то, что он ограничился «двумя-тремя подвернувшимися под руку источниками», результатом чего получилась бледная, несоразмерная в своих отдельных частях картина природы и населения Восточной Сибири[931].

Ведущие критических отделов были убеждены в обязательности для авторов «слышать» и учитывать замечания рецензентов, направленные на совершенствование содержания литературы, предназначенной для широкого круга читателей. Так, анонимный рецензент вышеупомянутого журнала с удовлетворением фиксировал: «В свое время “Вестник воспитания“ дал отзыв о первом издании книжечки Девеля. Отзыв этот был не из благоприятных. Автор не остался глух к голосу критики и в новом издании своей брошюры произвел ряд изменений и дополнений, послуживших ей на пользу»[932].

Перечень содержательных компонентов образа Сибири, репрезентируемых отделами критики и библиографии педагогических изданий, совпадает с теми, которые мы уже встречали в пореформенных общественно-политических журналах: «Сибирь как богатейшая природная кладовая»; «малоизученный край», требующий «научного» освоения; «адресат крестьянских миграций»; «место исследовательских экскурсий социально активных соотечественников и иностранцев» и др.

На интерпретацию актуализируемых педагогическими журналами реалий сибирской жизни влияли, с одной стороны, мировоззренческая ориентация авторов рецензий, с другой – их «предметная» специализация. Типична, к примеру, следующая реплика: «… “Научные очерки Томского края“ являются ценным вкладом в литературу о России, и мы особенно обращаем на это издание внимание преподавателей географии, которые почерпнут из него много свежего и интересного материала относительно малоизвестной Сибири»[933].

---

[931] См.: **И-ский Ал.** Рец. на кн.: Девель Ф. Рассказы о Восточной Сибири, то есть губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском // ВВ. 1898. № 1. II отд. С. 66–67.
[932] Рец. на кн.: Рассказы о Восточной Сибири. Издание второе. М., 1901 // ВВ. 1902. № 4. II отд. С. 44.
[933] **Г.К.** Рец. на кн.: Научные очерки Томского края. Томск, 1898 // ЕиГ. 1899. № 1. С. 76.

Преподавателям географии «Вестником воспитания» адресовались также «Путеводитель по Великой сибирской железной дороге» А.И. Дмитриева-Мамонова и «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» П. Головачева. Адресация усиливалась и через блок проблем, привлекающих внимание рецензента: влияние железной дороги на экономическое развитие региона и уклад жизни его населения, воздействие маслоделия на экономический быт сибирского крестьянства, результаты взаимовлияния русского и аборигенного населения края[934]. Вслед за П. Головачевым, метафорически сравнивая железную дорогу с «огромным насосом, выкачивающим из страны ее сырье», рецензент, тем не менее, высоко оценивает ее роль в экономическом преображении края. Он обозначает еще один компонент образа региона – *«новая» Сибирь, быстро превращающаяся из патриархальной в европеизированную под влиянием новых условий жизни.* «Любопытно следить… за тем смешением европеизма и захолустной патриархальности, какое является неизбежным на первое время при быстром вторжении новых условий жизни. Вы видите пред собою лучший и крупнейший город Сибири – Иркутск с сетью телефонов и еще не мощеными и плохо освещенными улицами, Томск с электрическим освещением, сетью телефонов и улицами, только частью шоссированными; быстро растущий Красноярск, где все улицы и площади еще не мощены; Тюмень, один из старейших и крупнейших городов Сибири, где до сих пор еще нерессорные извозчики, но предполагается проведение электрического трамвая и замощение улиц. И, вероятно, это придет в самом недалеком будущем, и по улицам этих больших деревень, застроенных маленькими деревянными домиками… побегут электрические трамваи», – пророчествовал один из критиков «Вестника воспитания»[935].

Суть «обновления» отдаленной окраины, «обильной незанятыми землями», сохранившей остатки самых примитивных форм быта, марксистское «Образование» видело в развивающемся капитализме, описывая

---

[934] **Л.С.** Рец. на кн.: Дмитриев-Мамонов А.И. Путеводитель по Великой сибирской железной дороге. СПб., 1902 и на кн.: Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902 // ВВ. 1902. № 5. С. 8–17.
[935] Там же. С. 10–11.

рубеж XIX–XX вв. как смену одного исторического момента другим, когда вековые устои рушатся в «бурной и трагической борьбе» старого с новым[936].

Используя возможности печатного слова для воздействия на власть и общественное мнение, рецензенты педагогических изданий, как и их коллеги из общественно-политических ежемесячников, отстаивали необходимость проведения либеральных преобразований в регионе с целью подъема образовательного и экономического уровня региона: окончательную отмену ссылки; введение суда присяжных и увеличение числа мировых судей; улучшение медицинского обслуживания населения; принятие экстренных мер помощи северным «инородцам»; самое широкое распространение образования путем открытия новых школ, библиотек, книжных складов[937].

***

Анализ сибирского журнального дискурса отраслевых изданий подтверждает первоначальную гипотезу о том, что отраслевая специализация и корпоративная принадлежность накладывала определенный отпечаток на конструируемый ежемесячниками образ региона, актуализируя те его структурные элементы, которые наиболее тематически близки «профилю» толстого журнала. В связи с этим очевидно, что для исторической периодики первостепенное значение имели сюжеты, касающиеся прошлого Сибири. В поле зрения историков-профессионалов и любителей, интересовавшихся «поучительной» наукой о прошлом, входили вопросы о разных версиях событий региональной истории, о новых источниках, способных «пролить свет» на загадки и спорные моменты ушедших времен, о биографиях и взаимоотношениях известных сибиряков или людей, «волей рока» связанных с восточной имперской окраиной. Понимая историю как способ рефлексии настоящего и действенное средство решения проблем современной им

[936] **Н.И.** Рец. на кн.: Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб, 1903 // Образование. 1903. № 10. С. 131.
[937] **Л.С.** Рец. на кн.: Дмитриев-Мамонов А.И. Путеводитель по Великой сибирской железной дороге СПб., 1902 и на кн.: Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902 // ВВ. 1902. № 5. С. 16.

империи, авторы и сотрудники исторических журналов часто отзывались на ключевые события в жизни сибирской провинции тематическими подборками материалов, иллюстрирующих историческую закономерность, а часто и предопределенность произошедшего, например, отмену ссылки, реформы административного управления, распространение судебной реформы и др. Осознавая педагогический потенциал истории и роль периодической печати в формировании исторических представлений современников, редакции журналов большое внимание уделяли историческим портретам людей, ассоциировавшихся в сознании русских интеллектуалов с Сибирью, приводили разные варианты интерпретации их характера и поступков.

В текстах исторической периодики на сибирскую тему нами выявлено слишком мало метафор для того, чтобы предполагать осознанное манипулятивное воздействие издателей на читательскую аудиторию. Однако выбор и трактовка «знаковых» фрагментов прошлого региона, составление «списка» его мифмейкеров и толкование их заслуг определенным образом влияло на конструирование исторической памяти образованных русских, фиксируя внимание на тех событиях и явлениях, которые казались наиболее важными авторам сибирского журнального дискурса. Очевидно также и то, что исторические журналы самопроизвольно активизировали исследовательскую деятельность местных краеведов, способствовали росту их численности и тиражированию сибиреведческой литературы.

Деконструкция образа Сибири в педагогической журнальной периодике конца XIX – начала XX в. позволила сделать следующие выводы:

1. Сибирь актуализировалась в информационном поле педагогических ежемесячников, как правило, в контексте обсуждения профессионально значимых проблем, связанных с развитием просвещения и образования в регионах Российской империи.

2. Педагогическая общественность, сотрудничавшая в рассматриваемых журналах, понимала особый статус Сибири в формирующемся образовательном пространстве империи и видела его в отсутствии органов земского самоуправления, специфическом составе

населения, суровых природно-климатических, естественно-географических условиях, в большей, чем во «внутренней» России, активности просветительских общественных организаций.

3. «Сибирский» материал активно привлекался для иллюстрации дискуссионных проблем, волновавших общественно-педагогическое движение, таких, как введение всеобщего начального образования, формы, методы и содержание женского образования, функции, цели и содержание профессионального образования.

4. Сибирские педагоги постепенно включались в профессиональное сообщество российских педагогов, помещая свои исследования о состоянии образования в сибирской провинции, делясь опытом своей педагогической деятельности.

5. Критико-библиографические разделы журналов путем анализа литературы о Сибири и ее дидактического потенциала расширяли профессиональный кругозор «учащих», заполняли информационные пробелы в отношении знаний о регионе, корректировали мифологичные стереотипные представления о нем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложив промежуточные выводы в заключениях глав, во избежание смысловых повторов остановимся лишь на самых важных характеристиках образа Сибири в российской журнальной прессе.

Образ Сибири в журнальном дискурсе пореформенной империи понимается нами как борьба различных интеллектуальных проектов (версий) региона, содержание которых детерминировалось двумя основными группами факторов:

1) факторы, связанные с образом издания, – его мировоззренческой ориентацией и отраслевой специализацией, структурой, личностью редактора-издателя, наличием в числе идейных лидеров журнала сибиряков «по рождению», «по обстоятельствам» или «по симпатиям», особенностями взаимоотношений с цензурой, финансовыми аспектами деятельности;

2) факторы, зависящие от объекта общественного сознания, – от изменений самой сибирской реальности.

Учитывая, что толстый журнал в пореформенный период был основным институтом формирования, структурирования и трансляции общественного мнения, можно рассматривать образ региона, сконструированного на страницах периодических изданий как коллективные представления русских интеллектуалов о Сибири и воплощение образа Сибири в общественном мнении модернизирующейся империи.

Нами выделено *четыре уровня формирования образа региона* в общественном мнении, каждому из которых соответствуют определенные источники формирования «коллективного воображаемого» региона. С *ментальным уровнем* можно соотнести слова-символы и иконические

изображения, ассоциировавшиеся с краем; топонимы; произведения малых фольклорных жанров; исторические сказания (особенной популярностью среди них пользовались предания о походе Ермака); духовные стихи; социально-утопические легенды; слухи; рассказы «бывалых людей». На *социокультурном уровне* «осмысления» Сибири большую роль играют учебные пособия по истории и географии, литература энциклопедического и справочного характера, опубликованные описания географических и этнографических экспедиций, географические карты, художественные тексты. Основным источником формирования коллективных представлений о Сибири на *идеологическом уровне* являлись материалы периодической печати, в частности, толстые журналы, репрезентировавшие образ региона как часть сконструированного ими образа мира. *Индивидуальный уровень* формирования образа Сибири мобилизовал все доступные конкретному человеку вышеперечисленные источники и соотносил их информационный потенциал с собственным опытом «взаимодействия» с регионом (прямым или опосредованным). В зависимости от пола, возраста, социальной принадлежности, уровня образования, идеологических пристрастий, характера биографической связи с регионом рождалась индивидуальная версия образа региона. Индивидуальные варианты образа региона, продуцировавшиеся творцами сибирского журнального дискурса, рассматривались нами как один из многих «мозаичных» компонентов коллективных представлений о крае, перерождавшихся посредством журнального текста-источника в качественно новое целое.

Можно выделить две группы информационных поводов, актуализировавших внимание толстых журналов к сибирской теме:

1) правительственные мероприятия в отношении региона – как на стадии их подготовки и проведения, так и в период общественной рефлексии по поводу эффективности и целесообразности их реализации на практике;

2) изменения тех фрагментов сибирской реальности, которые маркировались как ценностно значимые в рамках мировоззренческой парадигмы, транслируемой конкретным изданием.

В числе законодательных актов, имевших отношение к Сибири, наибольший общественный резонанс вызвали законы, регламентировавшие переселенческое движение в зауральские губернии; законодательство о ссыльных, введение судебных уставов; решение о строительстве и направлении Транссибирской железной дороги, реформа золотопромышленности; обсуждение вопроса о распространении на Сибирь земской реформы. Перечень сюжетов сибирской действительности, приковавших внимание заинтересованных современников, известен и достаточно хорошо изучен отечественными историками: статус региона в составе Российской империи; специфика его социально-экономического, административного и культурного развития; образ жизни и экономическое положение больших социальных групп населения региона; процесс формирования региональной идентичности.

Содержательный анализ публикаций ведущих общественно-политических журналов в целом подтверждает нашу первоначальную гипотезу и позволяет утверждать, что набор тематизмов, которые обсуждались в пределах сибирского журнального дискурса, был, в основном, общим для изданий разных направлений, но их интерпретация, как правило, зависела от идейно-политической принадлежности ежемесячников. К внеидеологическим элементам образа региона, «считывающимся» со страниц всех привлеченных периодических изданий и имеющим относительно тождественные содержательные воплощения, отнесем *образ малоизвестной Сибири, terra incognita,* для образованных россиян, ожидающей интеллектуальной экспансии, то есть изучения и описания учеными, писателями, журналистами, чиновниками, любознательными обывателями. С позиций европоцентричного просветительства далекая колония/окраина для нанесения ее на ментальные карты образованных русских, для включения ее

в экономическое, политическое, социокультурное имперское пространство нуждалась в интеллектуальном освоении и «присвоении». Внеидеологический контекст очевиден и в таком компоненте образа Сибири, *как территории притяжения молодых, целеустремленных россиян, мечтающих о славе и общественном признании.* Правда, данный образ имел различных адресатов: консервативные журналы предназначали его «ищущим свое место в жизни» выходцам из дворянских гнезд, амбициозным чиновникам и выпускникам военных и светских учебных заведений; либеральные и народнические издания адресовали его разночинной интеллигенции, живущей как в Европейской России, так и волей судьбы оказавшейся в Сибири.

И общественно-политическими, и отраслевыми ежемесячниками поддерживался образ Сибири как отсталой в культурном смысле провинции, нуждавшейся в просвещении и приобщении к достижениям европейской цивилизации. Не случайно элементы образа Сибири, соотносящиеся с ее культурным развитием, моделировались при помощи метафор свалки и болезни. Публикации консервативной и либеральной журнальной прессы, исторических и педагогических ежемесячников позволяют описать сибирский журнальный дискурс как ориенталистский (в варианте понимания Э. Саида).

Общей для всех проанализированных нами общественно-политических и отраслевых ежемесячников была актуализация *образа Сибири как места чиновничьего произвола, «страны бесправия и бессудия».* Если для консерваторов и большинства авторов исторических журналов он был «воспоминанием» о дореформенной России, то либералами и народниками данный образ рассматривался как одна из ключевых характеристик региона в современном им социуме. Если для либеральной, народнической публицистики и беллетристики Сибирь дарила множественно безымянных прототипов для создания «типических» образов взяточников, «держиморд» и

«сатрапов»[938], то для марксистских журналистов она предоставляла конкретный фактический материал для разоблачения злоупотреблений конкретных чиновников. В либеральной и народнической прессе широкое хождение имел еще один типизированный персонаж – *кулак-мироед, опутавший своей паутиной все сибирское трудящееся население.* Безусловно, данный образ имел общероссийскую адресацию, но сибирский топос «усиливал» его, благодаря описаниям суровой природы, специфического состава жителей, включавших бесправных ссыльных и «инородцев». Если в марксистской версии сибирского журнального дискурса «кулак-эксплуататор» был естественным и логичным порождением пореформенного развития Российской империи, в котором Сибирь не исключение, то для либералов и народников, фиксировавших внимание на отсутствии крепостного права в сибирской деревне, представители данного социального слоя олицетворяли зло, разрушавшее оптимистичные образы «Америки за Уралом».

Образ Сибири – каторги, страны изгнания тиражировался всеми толстыми журналами. Употребление метафор свалки, болезни в ежемесячниках различной идеологической ориентации свидетельствует об оценке влияния уголовной и административной ссылки на социально-экономическое и культурное развитие Сибири. Мировоззренческие расхождения очевидны в интерпретации потенциала политической ссылки как меры наказания оппозиционеров. Романтизация изгнанников – борцов с режимом – характерна для либеральных и еще в большей степени для народнических изданий, помещавших статьи и сообщения, публиковавших источники личного происхождения о «сибирском» периоде биографий декабристов, петрашевцев, Н.Г. Чернышевского и иных, предоставляя свои страницы для художественных, публицистических произведений, изложения

[938] В этом смысле симптоматично название рубрики «Исторического вестника» – «Сибирские сатрапы».

результатов статистических и этнографических исследований ссыльных народников. Консервативные публицисты реже обращались к сюжетам политической ссылки в регион, как правило, давая опосредованные оценки ее значения, например, путем цитирования работ иностранных путешественников о Сибири. Симптоматично транслировавшееся читающей публике метафорическое сравнение сибирской ссылки для революционеров с лечебницей для душевнобольных. Для исторических журналов обращение к истории политической ссылки имело воспитательную подоплеку, подчеркивавшую позитивность созидательных поведенческих стратегий, реализовавшихся в просветительской, исследовательской и общественно-полезной деятельности в самом широком ее понимании.

Образ далекой, холодной страны, населенной другими/чужими народами, активно тиражировавшийся учебной, справочной и художественной литературой первой половины XIX в., был представлен, главным образом, на страницах консервативной и либеральной печати 1850–1870-х гг. Однако в 1880–1890-е гг. под влиянием моды «на Сибирь», порожденной властными и журналистскими дискурсивными практиками, меняется семантическое поле топонима «Сибирь» и в лексиконе русских консерваторов. Вместо распространенного обозначения «страна» все чаще начинает употребляться слово «окраина»; «отдаленная, суровая, малонаселенная» Сибирь активно номинируется как «одна из многих местностей нашей империи».

Схожий лексический «поворот» наблюдается и в тезаурусе русских либералов, к 1880-м гг. постепенно отказавшихся от «говорящих» маркеров «колония», «туземный» в пользу не менее информативного, с точки зрения этапов формирования образа региона, словосочетания «наша окраина».

В 1880–1890-е гг. изменялась семантика топонима «Сибирь» в толстых журналах, что отразилось в активном использовании метафор родства и соседства, тем не менее в общественном мнении сохранялось представление о Сибири как *«другой России»*. Если «внутренняя» Россия, как

свидетельствует работа Л.Е. Горизонтова[939], описывалась при помощи антропоморфной, космогонической, генетической символики, доместических метафор, то образ Сибири часто запечатлевался через метафоры «свалки» и «болезни». Воплощением «инаковости» Сибири и ее населения в общественном мнении пореформенной империи является дискуссия о социокультурном, этнографическом и антропологическом своеобразии населения региона, а также активно обсуждавшаяся проблема «обынородчивания» русских переселенцев на восточных окраинах.

Об амбивалентности мифологических по своей основе представлений о Сибири свидетельствует *образ Сибири как богатейшего края, ресурсной кладовой империи*, существовавший в общественном мнении и массовом сознании россиян, как минимум, с конца XVIII в. и аксиоматичный для сибирского журнального дискурса до начала 1890-х гг.

Как производный от данного образа можно трактовать *образ Сибири – крестьянского Эльдорадо*, появившийся еще в начале XIX столетия в эпистолярном творчестве декабристов и востребованный в начале 1880-х гг. народнической периодикой. Данный мифологический образ являлся не столько отражением наблюдаемого ссыльными народниками процесса устройства новоселов на новых местах, сколько воплощением социально-утопических представлений о вариантах общинного социализма на «необъятной» и «плодороднейшей» сибирской почве, компенсаторной реакцией на интенсивную модернизацию, обострившую социальные противоречия в российской деревне. С начала 1890-х гг. в связи с крушением иллюзий в отношении социалистического потенциала сибирской общины, разочарованием в социально-экономической эффективности переселения как для крестьян «внутренней» России, так и для сибирских новоселов, образ «земледельческого рая» уступает место новым представлениям. Их квинтэссенцией в либеральной, народнической и марксистской периодике стали такие метафоры: «Сибирь – не якорь спасения России», «Сибирь – дочь

[939] См.: **Горизонтов Л.Е.** Внутренняя Россия и ее символические воплощения. С. 61–88.

России, во всем похожая на родную мать». Неоднократное употребление метафор «родства» и «соседства» для характеристики отношений «коренной» России и Сибири, наряду с увеличением числа публикацией на сибирскую тему и их дифференциацией, свидетельствует о включении региона в коммуникативное интеллектуальное пространство империи, об «интеллектуальном освоении» окраины.

Умеренно оппозиционная журнальная пресса, обсуждая статус Сибири в составе Российского государства, «проводила» интеграционные идеи даже тогда, когда акцентировала внимание на колониальном характере отношений центра и восточных окраин. Она выступала за соединение «сердцевины» и окраин империи «железными путями», за необходимость «пробуждения ото сна», «от застоя» экономики богатейшего края, за распространение на Сибирь земской и судебной реформ, фиксировала общность проблем российской провинции, в том числе и сибирской. Марксистская периодика, как правило, нивелировала региональную специфику при «освещении» реалий сибирской действительности, акцентируя внимание на общих чертах в экономическом, социальном и культурном развитии пореформенной России. «Сибирские» материалы были источником вдохновения для марксистской журналистики чаще всего в тех случаях, когда необходимо было яркими, «вопиющими» примерами проиллюстрировать недостатки и пороки самодержавного государства, его культурную и экономическую отсталость и неспособность адекватно реагировать на потребности времени. Консервативная печать, меняя оценки роли и значения Сибири «для России» в зависимости от смены геополитических и внутриполитических приоритетов имперской власти, с середины 1890-х гг. обсуждала проблему противоречий между интересами центра и восточной окраины, забвения властью реальных потребностей «внутренней», «исконной» России вопреки «мнимым зауральским перспективам». Вопрос о «цене» Сибири для имперского «кармана» снимается с повестки дня только накануне Русско-японской войны, уступая место риторике защиты национальных интересов от

«желтой опасности», спасения от нашествия «желтых орд», клишированию образа врага в лице «азиатских соседей».

Мировоззренческие различия «направленческих» и отраслевых журналов очевидны из содержательного анализа публикаций по «инородческому» вопросу в Сибири. При конструировании образа сибирского «инородца» на этнические стереотипы и предрассудки накладывались социокультурные. В либеральной и народнической прессе, в педагогических и исторических ежемесячниках коренное население региона рассматривалось как объект социальной защиты, культурного воздействия. Руссоистская дихотомия «дикий – цивилизованный» была востребована вышеперечисленными ежемесячниками и воплощалась в обосновании необходимости широкого просвещения аборигенов, устройства для них школ и оказания медицинской помощи, она способствовала романтизации образа «инородца» как более искреннего, непосредственного, близкого к природе, лишенного страсти к накопительству и лицемерия – свойств, присущих «цивилизованным» людям. Марксистские журналы активно развенчивали романтический образ «инородца», психология которого рассматривалась в «качестве аксессуара к чувствованиям культурного человека» и который получил в литературе «лубочно-шаблонное наименование дикарь». Констатируя необходимость просвещения «инородцев», марксисты выступали за коренные изменения всего уклада и образа жизни сибирских аборигенов, рассматривая их в числе «трудящегося» населения страны.

Для консервативной журналистики степень близости, «русскости» «инородцев» напрямую зависела от срока и степени их христианизации, от их восприимчивости к достижениям русской культуры как наиболее развитой. Представители других конфессий, например, буряты-ламаисты, именовались внутренними латентными врагами, мешающими имперскому и национальному единению.

Количественный и содержательный анализ публикаций о Сибири позволяет выделить следующие этапы эволюции коллективных представлений о Сибири в общественном мнении пореформенной эпохи:

- п е р в ы й : 1850–1870-е гг., когда Сибирь воспринималась как далекая, суровая, экзотическая страна с неопределенным статусом колонии/окраины, в большей степени «чужая», чем «своя», территория, имевшая больше отличий, чем общих характеристик с центром/метрополией;
- в т о р о й : 1880-е – начало 1890-х гг. – начало активной «интеллектуальной экспансии» в регион, вызванной публицистической и исследовательской активностью ссыльных народников, а также ростом переселенческого движения;
- т р е т и й : начало 1890-х – 1904 гг., когда под влиянием строительства Транссибирской железной дороги, организации массового переселения в регион, ускорения его хозяйственного развития, включения местной интеллигенции в имперское коммуникативное пространство, реформирования сибирского управления Сибирь стала рассматриваться как одна их многих провинций Российской империи, не лишенная в то же время исторического, этнографического, экономического своеобразия.

Выделение таких периодов не противоречит выводам Н.Е. Меднис об этапах развития интереса к сибирской теме в отечественной беллетристике XIX столетия. Авторитетный литературовед выделяет два пика общественного интереса к Сибири: п е р в ы й – в 30-е, в т о р о й – в 80–90-е гг. Аргументируя свои выводы клиометрическими данными о публикациях в периодической печати произведений о регионе (на основе указателя А.А. Богдановой), Меднис приводит следующие цифры: в 1800–1820-х гг. появилось 67 произведений; в 30-х гг. XIX в. – 91; в 40-х – 47; в 50-х – 42; в 60-х – 33; в 70-х – 52, а в 80–90-х гг. – уже 423 текста[940]. Продолжая подсчеты сибирского филолога, замечу, что из 508 художественных текстов, опубликованных в периодических изданиях 1860–1890-х гг., 129 (30,5 %)

[940] **Меднис Н.Е.** Сибирские рассказы В. Г. Короленко… С. 59.

увидело свет на страницах проанализированных в настоящей монографии толстых журналов.

Предлагаемая периодизация согласуется также с периодизацией эволюции административной политики царизма в Сибири, обоснованной А.В. Ремневым[941], она позволяет говорить о взаимовлиянии имперских властных и журнальных дискурсивных практик формирования образа региона в общественном сознании образованных русских.

Анализ как самих текстов сибирского журнального дискурса, так и разноплановых источников, раскрывающих породившие их контексты и позволяющих прогнозировать воздействие толстых журналов на читательскую аудиторию, дает возможность выделить следующие *функции образа региона*, сконструированного в толстых журналах:

1) *информационная*, расширявшая представления о природе, географии, истории, о социальном, экономическом, культурном и административном развитии региона, о составе и численности населения Сибири, особенностях его культуры и образа жизни;

2) *коммуникативная* (интеграционная), содействовавшая включению региона в коммуникативное интеллектуальное сообщество империи, проявившаяся в росте популярности сибирской темы в русской литературе, активизации географического, этнографического изучения региона, в том числе и путем организации «литературных» экспедиций, формировании активной исследовательской позиции у сибиряков «по рождению», «по симпатиям», по биографическим обстоятельствам (ссыльнопоселенцев, «навозных» чиновников и интеллигентов);

3) *идентификационная*, способствовавшая, с одной стороны, политической идентификации и консолидации современников, так как «сибирские» сюжеты, обсуждавшиеся на страницах журнальной прессы, были тесно связаны с ценностно значимыми, концептными вопросами, поднимавшимися печатными органами «направлений». С другой стороны, толстые журналы являлись одним из инструментов формирования региональной идентичности, воспитывая у

[941] **Ремнев А.В.** Самодержавие и Сибирь. С. 14.

провинциальной интеллигенции интерес к изучению родного края, к осмыслению его «местных» интересов и потребностей;

4) *социально мобилизующая*, направленная на регуляцию социального поведения современников, побуждающая к деятельному «отзыву» на нужды и бедствия сибирского населения;

5) *контролирующая*, проявлявшаяся в информировании современников о действиях власти в регионе, обсуждении внутренней политики в отношении региона, в пристальном внимании к социальной активности местной общественности и рефлексии по поводу ее результативности.

Заметим, что выделенные нами функции образа Сибири частично соотносятся с социальными функциями средств массовой коммуникации, описанными социологом Б.А. Грушиным и психологом Д.В. Ольшанским[942]. Данное обстоятельство не случайно, так как образ региона в общественном сознании – составная часть журнального дискурса, и ему присущи характеристики той системы, в рамках которой он функционирует.

Работа по выявлению образа региона в пореформенных толстых журналах подтвердила перспективность дискурсивного анализа как одного из методов изучения общественного мнения и деконструкции коллективных представлений о ценностно значимых объектах реальности. Данная работа не исчерпывает собою все возможности деконструкции сибирского журнального дискурса. Расструктурирование сибирского текста пореформенных ежемесячников на составные элементы, выяснение скрытых, не декларируемых авторами смыслов публикаций о регионе позволили определить характер влияния структур (в роли которых выступают журналы как сообщества единомышленников) на содержание образа региона, а также выявить его внеструктурные, в нашем случае – «внеидеологические» элементы. Таким образом, присущее деконструкции «вытеснение» автора из текста, как ни странно, приближает к пониманию индивидуально-авторской составляющей транслируемого журналами образа

---

[942] См.: Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980. С. 85–87; **Ольшанский Д.В.** Психология масс. СПб., 2002. С. 294.

Сибири и ее вычленению из коллективных интеллектуальных проектов региона. Дальнейшая исследовательская перспектива заключается в перенесении акцента с коллективных творцов сибирского журнального дискурса на индивидуальных, определении конкретных примеров влияния структур на творчество авторов, писавших о Сибири, в описании вариантов воздействия образа региона, сконструированного толстыми журналами, на биографии их адресатов.

Предлагаемые в монографии подходы и исследовательские методики могут быть использованы не только для выявления и характеристики географических, культурно-исторических образов на страницах периодической печати. Их можно применять для исследования компонентов картины мира представителей различных социальных сообществ, выяснения отношения общественного мнения и массового сознания к историческим личностям, к концептуально значимым реалиям прошлого и настоящего.

Исследование показало ограниченные исследовательские возможности использованных подходов и методик для работы с художественными текстами (мною частично востребован только их иллюстративный потенциал), требующими специального осмысления и иного методического инструментария.

Для адресантов сибирского журнального дискурса второй половины XIX – начала XX в. семантическое поле часто употреблявшегося в отношении Сибири словосочетания «другая Россия» эволюционировало. Если в начале изучаемой эпохи оно преимущественно помогало осмыслению «другой» как «чужой» территории, то со временем стало способствовать осознанию региона как «своей», ментально и интеллектуально освоенной части Российского государства, русской земли. Представляется уместным привести в качестве эпилога цитату из «Русского вестника», наиболее ярко иллюстрирующую восприятие Сибири общественным мнением конца XIX – начала XX в.: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток, она есть существенная часть России и таковою следует ей быть во всем гражданском устройстве. Сибирь, конечно, не то для России, что Индия для англичан. А между тем она слыла и доселе слывет даже нашей ссылочною колонией, нашим Батани-Беем… Пора прекратить то исключительное положение, в

котором находится еще Сибирь. Нет, это не каторжное место, куда Россия должна выбрасывать все негодное и преступное из себя. Это не колония, но и, повторим, не окраина, которая нуждалась бы в особенных мерах для того, чтобы упрочить в ней государственную власть. Это сама Россия и ничем не должна от нее разниться[943]».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные источники

Периодические издания

Вестник воспитания : педагогический научно-популярный журнал / ред.-изд-ли Е.А. Покровский, Н.Ф. Михайлов. – М., 1890–1917 (до 1901 по 8 номеров в год, затем по 9).

1890–1904.

Вестник Европы : историко-политический и литературный журнал / ред.-изд. М.М. Стасюлевич (до 1908 г.). – СПб., 1866–1918. – с 1868 ежемес.

1866–1904.

Естествознание и география : научно-популярный и педагогический журнал / изд.-ред.: М.П. Варрава. – М., 1896–1917 (10 номеров в год).

1896–1904.

Жизнь : литературно-политический журнал. – СПб., 1897–1901. – Ежемес.

1897–1901.

Исторический вестник : историко-литературный журнал / ред. С.М. Шубинский, изд-ль А.С. Суворин. – СПб., 1880–1917. – Ежемес.

1880–1904.

Мир божий : литературный и научно-популярный журнал для самообразования / ред.-изд-ль А.А. Давыдова, с 1902 г. ред. Ф.Д. Батюшков – СПб., 1892 – авг. 1906. – Ежемес.

1892–1904.

Новое слово : научно-литературный и политический журнал / 1894 до марта 1897 г. издавался народниками С.Н. Кривенко и А.М. Скабичевским. С марта 1897 г. перешел в руки легальных марксистов во главе с П.Б. Струве. – СПб., 1894–1897. – Ежемес.

1894–1897.

Образование : ежемесячный педагогический и научно-популярный журнал, посвящённый вопросам воспитания и обучения / изд.-ред.: В.Д. Сиповский, А.Я. Острогорский. – СПб., 1892–1909. – Ежемес.

1892–1904.

Русская старина : исторический журнал / ред.- изд-ль М.И. Семевский (до 1892 г.). – СПб., 1870–1918. – Ежемес.

---

[943] Современная летопись // РВ. 1882. № 12. С. 996.

1870–1918.
Русская мысль : научный, литературный и политический журнал / изд-ль В.М. Лавров. – М., 1880–1918. – Ежемес.
1880–1904.
Русская школа : педагогический журнал / ред.-изд-ль Я.Г. Гуревич – СПб., 1890–1918. – Ежемес.
1890–1904.
Русский вестник : литературно-политический журнал / ред.-изд-ль. М.Н. Катков (до 1887 г.). – М. ; СПб., 1856–1906. – Ежемес.
1856–1904.
Русское богатство : литературный, научный и политический журнал / с 1880 г. издавался народнической артелью (Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, С.Н. Кривенко и др.), с 1893 г. ред. – В.Г. Короленко и Н.К. Михайловский. – СПб., 1876–1918. – Ежемес.
1880–1904.
Русское обозрение : литературно-политический и научный журнал / ред. Д.Н. Цертелев, А.А. Александров. – М., 1890–1897. – Ежемес.
1890–1897.
Северный вестник : литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1885–1898. – Ежемес.
1885–1898.

Опубликованные источники личного происхождения

Архив В.А. Гольцева. – М. : Книгоизд-во писателей, 1914. – 315 с.
Белоконский, И.П. Дань времени : воспоминания. – М. : изд-во политкаторжан, 1928. – 371 с.
Белоконский, И.П. В годы бесправия. – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930. – 160 с.
Белоконский, И.П. По тюрьмам и этапам : очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. – Орел : изд-во Н.А. Семеновой, 1887. – 238 с.
Боборыкин, П.Д. За полвека : воспоминания. – М. : Захаров, 2003. – 685 с.
Водовозова, Е.Н. На заре жизни. – М. : Художественная литература, 1964. – Т. 1. – 511 с.
Елпатьевский, С.Я. Близкие тени: литературные воспоминания. – М. : Общественная польза, 1909. – Ч. 1. – 109 с.
Елпатьевский, С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. – Л.: Прибой, 1929. – 399 с.
Знакомые : альбом М.И. Семевского – издателя-редактора журнала «Русская старина». – СПб. : типогр. В.С. Балашева , 1888. – 401 с.
Златовратский, Н.Н. Воспоминания. М. : Гос. изд-во худож. лит. 1956. – 261 с.
Короленко, В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост., вступит. ст. и прим. С.И. Тиминой. – М. : Советская Россия, 1988. – 416 с.

Короленко, В.Г. Земли! Земли : мысли, воспоминания, картины / сост., текстологи П.И. Негретов, М.И. Перпер. – М. : Сов. писатель, 1991. – 224 с.
Короленко, В.Г. Избранные письма. Т. 3: Литературная и редакторская работа (1886–1920) / под ред. Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской. – М. : Художественная литература. 1936. – 285 с.
[**Короленко, В.Г.**] Неопубликованные воспоминания В.Г. Короленко о Сибири / Публ. А. Храбровицкого // Сибирские огни. – 1962. – № 10. – С. 173–179.
Куприна-Иорданская, М.К. Годы молодости. – М. : Художественная литература, 1966. – 384 с.
Мещерский В.П. Мои воспоминания. – 2-е изд. – М. : Захаров, 2003. – 864 с.
Михайловский, Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. – СПб., 1905. – Т. 1.
[Наумов, Н.И.] Неизвестные письма Н.И. Наумова / Публ., вступит. ст. и прим. Н. Якушина // Сибирские огни. 1969. – № 3. – С. 152– 164.
Памяти В.А. Гольцева: статьи, воспоминания, письма / под ред. А. А. Кизеветтера. – М.: изд. Н.Н. Клочкова, 1910. – 302 с.
Пименова, Э.К. Дни минувшие. – Л.; М. : Книга, 1929. – 193 с.
Поссе, В.А. Мой жизненный путь / ред. и прим. Б.П. Кузьмина. – М.–Л. : Земля и фабрика, 1929. – 544 с.
[Феоктистов, Е.М.] Воспоминания Е.М. Феоктистова : «За кулисами политики и литературы (1848–1896). – Ленинград : Прибой, 1929. – 428 с.
Чудновский, С.Л. Из давних лет: Воспоминания. – М. : Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – 303 с.
Ядринцев, Н.М. Сибирские литературные воспоминания: Очерки первого сибирского землячества в Петербурге. – Красноярск: Тип. Енис. союза кооперативов, 1919. – 27 с.

Художественная литература

Андриевская, В. Ермак. – СПб. : изд-е В.А. Березовского, 1901. – 44 с.
Буйницкий, И.К. Ермак, завоеватель Сибири. – М. : изд-е книготорговца Манухина, 1867. – 69 с.
Ермак, завоеватель Сибири: Историческая повесть. – М. : типогр. Императ. Моск. театра, 1827. – 170 с.
Ермак: Опера в 4-х действиях. Музыка М. Сантиса. – СПб. : типогр. Скарятина, 1873. – 60 с.
Ермак, покоритель Сибири: Исторический роман. – М. : типогр. В. Кирилова, 1839. – 95 с.
Ковалевский, Е.П. Сибирь. Думы. – СПб. : типогр. Плюшара, 1832. – 50 с.
Коттен, М.С. Елисавета Л., или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие / М.С. Коттен– М., 1807.
Местр де К. Юная сибирячка / Ксавье де Местр. СПб., 1845.
Пазухин, Н.М. Ермак, покоритель Сибири: Исторический роман из времен Иоанна Грозного. – М. : типогр. Вильде, 1885. – 180 с.
Пушкин, А.С. Во глубине сибирских руд / А.С. Пушкин // Собр. соч. : в 10 т. – М. : изд-во «Правда», 1981. – Т. 2. – С. 97.

Свиньин, П. Александр Данилович Меньшиков: Драматическое представление в трех картинах // Сто русских литераторов. – СПб. : изд-е книготорговца А. Смирдина, 1839. – С. 277–447.
Суворин, А.С. Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. – СПб. : Изд-е А.С. Суворина, 1904. – 45 с.
Чехов, А. П. Из Сибири / А.П. Чехов // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1987. – С. 7–37.

Учебная литература

Бардовский, В. Всеобщая география для начального преподавания. – СПб. : типогр. К. Вингебера, 1837. – 474 с.
Белох, П. Учебник географии Российской империи. – 4-е изд. – СПб. : типогр. Н. Тиблена и комп., 1865. – 323 с.
Беллярминов, И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В. Естерова. – М. : Просвещение, 1993. – С.5–180.
Елисеев, А.В. Основания рациональной географии для учеников высших классов гимназий и педагогических курсов. – СПб. : типогр. В.В. Комарова, 1886. – 232 с.
Зябловский, Е. Краткое землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии, изданное Главным управлением училищ. – 3-е изд. – СПб. : типогр. Академии наук, 1818. – 192 с.
Зябловский, Е. Краткое землеописание Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского для употребления в уездных училищах Российской империи, изданное от Департамента народного просвещения. – СПб. : типогр. Департамента народного просвещения, 1821. – 263 с.
Иловайский, Д. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В. Естерова. – М. : Просвещение, 1993. – С.181–384.
Ишимова, А.О. История России в рассказах для детей. – Переизд. – Новосибирск : СО «ДЛ», 1993. – 384 с.
Кайданов, И. Начертание истории государства Российского. – 4 изд-е. СПб. : при Императ. Академии Наук, 1834. – 447 с.
Лебедев, Е.А. Учебная книга географии. Российская империя. – 4 изд-е. – СПб. : типогр. Э. Арнгольда, 1873. – 199 с.
Павловский, И. География Российской империи. – Дерпт : типогр. Шюнманна, 1843. – Ч. 1. – С. 237.
Соловьев, С.М. Учебная книга русской истории / сост. А.И. Самсонов. – М. : Просвещение, 1996. – 383 с.
Студитский, Ф. География России. – 5 изд-е, исправленное и дополненное. – СПб. : типогр. Я. Трея, 1873. – 99 с.

Библиографические указатели и словари

Аблов, Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.): Библиографический обзор. – М. : Учпедгиз, 1937. – 131 с.

Азадовский, М.К. Сибирь в художественной литературе. Вып. 1: Периодические издания Европейской России 1891–1917 гг. – Иркутск : 1927.
Богданова, А.А. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800–1900 гг.) / А.А. Богданова ; ред. В.А. Цыбенко. – Новосибирск : изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1970. – 50 с.
Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет (1866–1890 гг.). – СПб. : типогр. М.М. Стасюлевича, 1891. – 166 с.
Дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1891–1895 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. – СПб. : типогр. М.М. Стасюлевича, 1895. – 43 с.
Второй дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1896–1900 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. – СПб. : типогр. М.М. Стасюлевича, 1900. – 51 с.
Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И.Ф. Масанов. – М. , 1956–1960.
Межов, В.И. Сибирская библиография : в 3 т. / В.И. Межов. – СПб., 1892–1903.
Т. 1–2. – 497 с.
Т. 3. – 489 с.
Стож, М.Е. Словарь сибирских писателей, поэтов, ученых / М.Е. Стож. – 7-е изд. – Иркутск : Ирисы, 1916. – 70 с.
Систематический указатель статей, помещенных в «Вестнике воспитания» за 1890 – 1894 гг. – М. : типо-литография В. Рихтер, 1895. – 35 с.
Систематическая роспись содержания «Русской старины» (1870–1884). – СПб. : типогр. В.С. Балашова, 1885. – 282 с.

Неопубликованные источники

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Ф. 25 – Канцелярия Иркутского генерал-губернатора

Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал

Ф. 3. – Переселенческое управление Тобольского губернского управления
Ф. 479 – Тобольский губернатор

Государственный архив Российской федерации (ГАРФ)

Ф. 102 – фонд департамента полиции
Ф. 1718 – М.Н. Катков
Ф. 5101 – А.А. Кауфман

Отдел рукописей Института русской литературы (ИРЛИ)

Ф. 114 – А.И. Иванчин-Писарев
Ф. 181 – Н.К. Михайловский
Ф. 262 – журнал «Русская старина»
Ф. 264 – журнал «Русская мысль»
Ф. 266 – журнал «Русское богатство»

Ф. 274 – М.И. Семевский
Ф. 283 – А.М. Скабический
Ф. 293 – М.М. Стасюлевич
Ф. 343 – С.Н. Шубинский
Ф. 432 – К.М. Станюкович
Ф. 563 – журнал «Северный вестник»
Ф. 595 – С.В. Максимов
Ф. 661 – М.К. Лемке

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. **77** – В.А. Гольцев
Ф. 108 – М.А. Зензинов
Ф. 120 – М.Н. Катков
Ф. 135 – В.Г. Короленко
Ф. 157 – Д.Н. Мамин-Сибиряк
Ф. 332 – Ф.В. Чижов
Ф. 363 – М.И. Венюков

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 211 – А.Г. Горнфельд
Ф. 446 – Р.И. Сементковский
Ф. 621 – А.Н. Пыпин
Ф. 874 – С. Н. Шубинский
Ф. 1029 – Е. Д. Максимов

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 234 – В. Г. Короленко
Ф. 308 – Н. К. Михайловский
Ф. 499 – Н. Д. Телешов
Ф. 513 – Г. И. Успенский
Ф. 559 – Н. В. Шелгунов
Ф. 580 – Н. М. Ядринцев
Ф. 1668 – журнал «Русское богатство»

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733 – Министерство народного просвещения
Ф. 776 – Управление по делам печати при Министерстве внутренних дел
Ф. 777 – Санкт-Петербургский Цензурный комитет

Исследовательская литература

Агаркова, А.А. Мифопоэтика как способ создания образа региона (На материале Донбасса) : автореф. дис. ... канд. культурологии / А.А. Агаркова ; Государственный институт искусствознания. – М., 2002. – 24 с.

Азов, А.В. Русская периодическая печать конца 1850–1880 гг. о проблемах освоения Приамурья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Азов ; Ярославльск. гос. ун-т. – Ярославль, 1985. – 21 с.
Акашев, Ю.Д. Амурский вопрос и его освещение в периодической печати XIX в. / Ю.Д. Акашев // Общественно-политическая проблематика пародической печати России (XIX – начало XX вв.) / отв. ред. А.В. Ушаков. – М. : МГПИ, 1989. – С. 130–143.
Алафаев, А.А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: (Из истории журнала «Вестник Европы» / А.А. Алафаев. – М., 1991.
Алафаев, А.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах журнала «Вестник Европы» / А.А. Алафаев // История СССР. – 1984. – № 4. – С. 143–150.
Алексеев, В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М. : Наука, 2004. – 600 с.
Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступит ст. С. Баньковской. – М. : Канон–пресс–Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
Арсеньев, К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К.К. Арсеньев // ВЕ. – 1915. – № 12. – С. 1–14.
Бак, Д.П. «Теория искусства» и «самое искусство» (Московская журналистика 1830-х гг. и университетская наука) / Д.П. Бак // Москва и московский текст русской культуры / отв. ред. Г.С. Кнабе. – М. : РГГУ, 1998. – С. 26–62.
Бакумова, Е.В. Ролевая структура политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е.В. Бакумова ; Волгоград. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – 20 с.
Балли, Ш. Язык и жизнь / Шарль Балли ; пер. с фр. И.И. Челышевой и Е.А. Вельмезовой. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
Балуев, Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. / Б.П. Балуев. – М. : Наука, 1995.– 267 с.
Баранов, А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. / А. С. Баранов // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 181–191.
Барт, Р. Эффект реальности // Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Ролан Барт. – М., 1994. – С. 392–400.
Бассин, М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства / Марк Бассин // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 277–310.

Бердников, Л.П. Из истории городских библиотек Енисейской губернии [Электронный ресурс] / Л.П. Бердников. – Режим доступа: http: // www.krasu.ru/exlibris
Беспалова, Л.Г. Тюменский край и писатели XIX в. / Л. Г. Беспалова. – Свердловск, 1970.
Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти : теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Пичугина / общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. С. 88–125.
Богданович, Т.А. Биография В.Г. Короленко / Т.А. Богданович. – Харьков, 1922. – 154 с.
Борев, Ю.Б. О природе художественного образа / Ю.Б. Борев // Страницы истории русской литературы / отв. ред. Д.Ф. Марков. – М. : Наука, 1971. С. 67–75.
Борисенок, Т.В. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. культурологии / Т.В. Борисенок ; Российский гос. гуманит. ун-т. – М., 2001. – 27 с.
Бронникова, Е.В. Журнал «Русская старина» как историографический источник (1870–1918) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Бронникова ; Ин-т Российской истории РАН. – М., 1998. – 24 с.
Бурдье, П. Начала / / Пьер Бурдье ; пер. с фр. Шматко Н.А. – М.: Socio-logos, 1994. – 288 с.
Бурдье, П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдье ; пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М. : Фонд науч. исслед-ий «Прагматика и культура», Ин-т экспериментальн. социологии, 2002.
Бурдье, П. Социология политики / Пьер Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1993.
Бурдье, П. Структуры, Habitus, Практики / Пьер Бурдье // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. / под ред. А. Ледёневой, И. Давыдовой. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С.16–39.
Бялый, Г.А. В.Г. Короленко / Г.А. Бялый. – 2 изд-е. – Л. : Художественная литература, 1983. – 352 с.
Виртшафтер, Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Эллис К. Виртшафтер ; пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. – М. : Логос, 2002. – 272 с.
Вихавайнен, Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Тимо Вихавайнен. – СПб.: Коло, 2004. – 414 с.
Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Рут Водак ; пер. с англ. и нем. – Волгоград : Перемена. 1997.– 139 с.
Володина, Т.А.Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук / Т. А. Володина ; Московский гос. ун-т. – М., 2004. – 40 с.

Воробьев, В. В. Либеральная печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.): Учебное пособие. – Омский госуниверситет, 2003. – 124 с.
Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
Глинский, Б.Б. Н.М. Ядринцев : биографический очерк / Б.Б. Глинский. – М. : тип-я М. Г. Волчанинова, 1895. – 62 с.
Гольдфарб, С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист / С.И. Гольдфарб. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1986.– 176 с.
Горизонтов, Л.Е. Внутренняя Россия и ее символические воплощения / Л. Е. Горизонтов // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 61–88.
Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л.Е. Горизонтов. – М. : Индрик, 1999. – 272 с.
Горюшкин, Л.М. Историография Сибири: (Период капитализма): Учеб. пособие / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979. – 78 с.
Гросул, В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г.С. Итенберг, В.А. Твардовская и др. – М. : Прогресс–Традиция, 2000. – 440 с.
Гросул, В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: Традиции и новации / В.Я. Гросул. – М. : Наука, 2003. – 517 с.
Гусейнов, Г.Ч. Популярная геополитика и новая мифология / Г.Ч. Гусейнов // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. – М. : РГГУ, 2005. – С. 51–67.
Дашкова, Т. «Работницу» в массы: Политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х гг. / Т. Дашкова // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 (4). – С. 184–192.
Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43.
Динерштейн, Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру / Е. А. Динерштейн. – М. : РОССПЭН, 1998. – 375 с.
Динерштейн, Е.А. Публицист «крайних убеждений»: Путь А.С. Суворина к «Новому времени». [Электронный ресурс] / Е.А. Динерштейн. – Режим доступа : http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/vv/papers/history/suvorin.htm
Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. [Электронный ресурс] / А. Дмитриев. – Режим доступа: http: magazines.russ.ru/nlo/2004/66

Дмитриев, С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) / С.С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории). 1975. – М. : Наука, 1976. – С. 272–305.
Долбилов, М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо–Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М. : ОГИ, 2005. – С. 127–174.
Доронина, М.В. Культура повседневности русской разночинной интеллигенции во второй половине XIX в. : соотношение «идеального» и «реального» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Доронина ; РГГУ. – М., 2004. – 20 с.
Думный, В. Люди будущего или люди без будущего : социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. – М. : МГУП, 2003. – 531 с.
Евгеньев-Максимов, В. Из прошлого русской журналистики / В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. – Л. : Изд-во писателей, 1930. ????
Егоров, Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры / Б. Ф. Егоров. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 848 с.
Ермолинский, Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. / Л.Л. Ермолинский. – Иркутск : изд-во Иркутск. ун-та, 1985. – 136 с.
Есин, Б.И. История русской журналистики (1703–1917) : учеб. пособие / Б.И. Есин. – М. : изд-во «Флинта» ; Наука, 2001. – 464 с.
Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г.В. Жирков. – М. : Аспект Пресс, 2001.– 368 с.
Замятин, Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях / Д.Н. Замятин. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 352 с.
Замятин, Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д.Н. Замятин. – СПб. : Алетейя, 2003. – 331 с.
Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
Зверев, В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В.В. Зверев. – М. : Уникум-центр, 1997. – 366 с.
История Сибири : в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков / АН СССР, Отделение истории АН СССР. – Ленинград : Наука, 1968.
Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма / отв. ред. Ф.А. Кудрявцев. – 1968. – 527 с.
Кабанов, П.И. Амурский вопрос / П.И. Кабанов. – Благовещенск : Амурское книжн. изд-во, 1959. – 255 с.
Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Роже Кайуа ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
Кельнер, В.Е. Человек своего времени : (М.М.Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция) / Рос. нац. б-ка; [Ред. Н.А.Ефимова]. – СПб., 1993. – 316 с.

Келдыш, В.А. «Жизнь» / В.А. Келдыш // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начало XX в.: социал-демократические и общедемократические издания. – М. : Наука, 1981. – С. 231–308.
Кельнер, В.Е. М.М. Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-х - начале 80-х годов XIX в. / В.Е. Кельнер // Отечественная история. – 1992. – N 4. – С. 50–61.
Кирдяшева, М.Ф. Проблемы всеобщего обучения в педагогических теориях революционеров-демократов 60 – 70-х годов XIX в. – М. ??, 1982. ??
Колесников, Б.В. Проблемы нравственного воспитания в общественно — педагогическом движении 60-х годов XIX века: автореферат дис. на соиск. ученой степени канд. пед. наук. – М., 1972
Колокольцев, М.Г. Раннее народничество в России (1860-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.Г. Колокольцев ; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул. 2004. – 24 с.
Кондратьев, Н.И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885–1903) / Н.И. Кондратьев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 192 с.
Кондратьева, Г.В. Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. / Г.В. Кондратьева // Педагогика. – 2002. – № 2. – С. 64–69.
Корзун, В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – начала XX в. (Анализ отечественных историографических концепций) / В.П. Корзун. – Омск, Екатеринбург : изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.
Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов ; вступит. ст. А.А. Левандовского. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «изд-во АСТ», 2004. – 862 с.
Котович, Л.В. Самоуправление западносибирской деревни как предмет публицистического и исследовательского дискурса на рубеже XIX–XX вв. / Л.В. Котович, Н.Н. Родигина // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в. / под ред. В.Н. Худякова. – Омск : изд-во ОМГПУ, 2004. – С.46–67.
Кочергина, И.В. В.Г. Короленко и литературная критика в журналистике конца XIX в. : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / И. В. Кочергина ; МГУ. – М., 1991. – 26 с.
Крутикова, Л. В. «Северный вестник» / Л. В. Крутикова // Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л., 1965. – Т. 2. – С. 394–412.
Куклина, Е.А. Н.М. Астырев и В.Г. Короленко / Е.А. Куклина // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко / отв. ред. Е.А. Куклина. – Новосибирск : Наука , Сиб. отд-ние, 1987. – С. 85–105.
Кулик, Л.С. Сибирские рассказы В.Г. Короленко / Л.С. Кулик. – Киев : Изд-во АН Укр. СССР, 1961. – 59 с.
Кунгуров, Г.Ф. Сибирь и литература / Г.Ф. Кунгуров. – Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1965. – 204 с.
Куприяновский, П.В. Журнал «Северный вестник» и литературное народничество / П.В. Куприяновский // Страницы истории русской литературы. – М., 1971. – С. 234–244.

Куприяновский, П.В. История журнала «Северный вестник» // Ученые записки Ивановского пед. ин-та. – Иваново, 1970. Т. 59. – С. 51–89.
Курскова, Г. Сибирь на страницах «Колокола» / Г. Курскова // Сибирские огни. – 1982. – № 4. – С. 160–164.
Кэмпбелл (Воробьева), Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия / Е.И. Кэмпбелл (Воробьева) // Пространство власти : исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б.В. Ананьича и С.И. Барзилова. – М. : типогр. «Транспечать», 2001. – С. 204–216.
Лапшина, Г.С. Русская пореформенная печать 70-80-х годов XIX в. / Г.С. Лапшина. – М. : Наука, 1985. – 319 с.
Ламин, В.А. Сибирь: от "страны тьмы" к геополитическому освоению // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. / В. А. Ламин. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2003. – С. 3–14.
Левкиевская, Е.Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. Серия «Традиция-текст-фольклор: Типология и семиотика». – М.: РГГУ, 2005. – С. 175–206.
Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
Лемке, М.Н. Н.М. Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины / М. Н. Лемке. – СПб. : типо-литография «Герольд», 1904. – 219 с.
Летов, Б.Д. «Русское богатство» / Б.Д. Летов // – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. – Т. 2. – С. 413–430.
Леонтьева, О.В. Властители дум: интеллектуальная история России от великих реформ до революции 1917 г.: Учеб. пособие. Самара, 2000. – 214 с.
Лотман, Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С.325–348.
Лотман, Ю.М. О русской литературе: ст. и исслед. (1958–1993): История рус. прозы. Теория литературы / вступ. ст. И.А. Чернова; сост.: Н.Г. Николаюк, О.Н. Нечипуренко. – СПб. : Искусство, 1997. – 845 с.
Любимов, Л.С. История сибирской печати / Л.С. Любимов. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1982. – 79 с.
Любимов, Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. – СПб.: тип-я товарищества «Общественная польза», 1889. – 356 с.
Макарычев, А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием / А.С. Макарычев // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 8–27.
Максимова, В.А. «Новое слово» и «Начало» / В.А. Максимова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начало XX в.: социал-демократические и общедемократические издания. – М. : Наука, 1981. – С. 198–230.

Малютина, А.И. В.Г. Короленко и сибирская тема в журнале «Русское богатство» / А. И. Малютина // Вопросы литературы. – Красноярск, 1967. – С. 65–92.
Малютина, А.И. Сибирская тема в публицистике журнала «Русское богатство» // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко / А. И. Малютина. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 34–54.
Манн, Ю.В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн ; Ин-т "Открытое о-во". – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 384 с.
Мансурова, В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В.Д. Мансурова; Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 237 с.
Маслов, В.С. «Русский вестник» и «Московские ведомости» / В.С. Маслов // Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л. : изд-во Ленинград. ун-та, 1965. – Т. 2. – С. 217–232.
Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплекс. социол. исслед. / Б.А. Грушин и др. – М.: Политиздат, 1980. – 446 с.
Матханова, Н.П. Сибирский читатель-разночинец (50–60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.) / Н.П. Матханова ; ГПНТБ СО АН СССР. – Новосибирск, 1990. – С. 29–30.
Матханова, Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н.Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков / Н.П. Матханова ; отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
Меднис, Н.Е. Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. / Н.Е. Меднис // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 54–63.
Мелетинский, Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Е.М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 1998. – 576 с.
Мельник, Г.С. Mass-media: Психологические процессы и эффекты / Г.С. Мельник. – СПб. : СПбГУ, 1996. – 160 с.
Миллер, А.И. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина / А.И. Миллер // Российская империя в сравнительной перспективе / Сб.ст. / Под ред. А.И. Миллера. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 263–285.
Миллер, А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы / А.И. Миллер. – М. : ИНИОН, 2001. – С. 33–65.
Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А.И. Миллер. – СПб. : Алетейя, 2000. – 260 с.
Миллер, Д.А. Образы, модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. Сб. пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М. : Прогресс, 1990.
Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. А. Колосова. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. – 304 с.

Мирзоев, В.Г. Историография Сибири: домарксистский период. – М. : Мысль, 1970. – 391 с.
Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
Т. 1. – 549 с.
Т. 2. – 567 с.
Могильницкий, Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма / Б.Г. Могильницкий. – Томск : изд-во Томск. ун-та, 2001. – 206 с.
Мохначева, М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. / М.П. Мохначева. – М. : РГГУ, 1998. – 461 с.
Мыльцына, И.В. «Мир божий» – журнал для юношества (первый год деятельности) / И. В. Мыльницына // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX вв. / под ред. Б. И. Есина. М. : изд-во Московского ун-та, 1973. – С. 155–183.
Найт, Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 324–344.
Нардова, В.А. Городское самоуправление 70–80-х гг. XIX в. (по страницам «Вестника Европы» и «Отечественных записок») / В.А. Нардова // Общественная мысль в России XIX в. – Л., 1986. – С. 159–180.
Неведенский, С. Катков и его время / С. Неведенский. – СПб. : типогр. А.С. Суворина, 1888. – 569 с.
Никитин, М.Д. «Ориентализм» Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы. [Электронный ресурс] / М.Д. Никитин. – Режим доступа: http: // www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/n_i_n/docs/14.pdf
Никитина, М.А. «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.: 1890–1904: Буржуазно-либеральные издания. – М. : Наука, 1982. С. 4–43.
Ольшанский, Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 368 с.
Островский, И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : изд-во Носиб. ун-та, 1991. – 309 с.
Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993.– 421 с.
Паршукова, Н.П. Сибирь на страницах русских демократических изданий 50–60-х XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.П. Паршукова ; Томский гос. ун-т – Томск, 1983. – 18 с.
Политическая история России: Учеб. пособие. / отв. ред. В.В. Журавлев. – М.: Юрист, 1998.– 696 с.

Перевалова, Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (литературная позиция) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е.В. Перевалова ; Московский гос. ун-т. – М., 1998. – 20 с.
Печерская, Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. / Т.И. Печерская. – Новосибирск : Нонпарель, 1999.
Плимак, Е.Г. Драма российских реформ и революций / Е.Г. Плимак, И.К. Пантин. – М.: Весь мир, 2000. – 360 с.
Разманова, Н.А. М.М. Стасюлевич и начало издания «Вестника Европы» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Разманова ; Московский гос. ун-т. – М., 1988. – 20 с.
Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в. : фронтир в контексте этносоциальнх и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск : ИД «Сова», 2005. – 196 с.
Рейтблат, А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А.И. Рейтблат. – М. : изд-во МПИ, 1991. – 224 с.
Рейтблат, А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. / А.И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 336 с.
Ремнев, А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века / А.В. Ремнев // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 43–58.
Ремнев, А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А.В. Ремнев // Ab Imperio. – 2000. – № 3–4. – С. 343–358.
Ремнев, А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. / А.В. Ремнев. – Омск : изд-во ОмГУ, 2004. – 552 с.
Ремнев, А.В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX вв. // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А.И. Миллера. – М. : Новое изд-во, 2004. – С. 286–319.
Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. / А.В. Ремнев. Омск : изд-во ОмГУ, 1997. – 253 с.
Ремнев, А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX вв. / А.В. Ремнев // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 15–28.
Ремнев, А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова / А.В. Ремнев // Исторические записки. – М., 2001. Т. 4 (122). – С. 344–369.
Ремнев, А.В. Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М.И. Венюкова / А.В. Ремнев // Россия – Центральная Азия: проблема миграций и безопасности. – Барнаул, 2002. С. 71−80.

Розенберг, В., Якушкин, В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М. : изд-е М.С. Сабашниковых. – 250 с.
Родигина, Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: основные итоги изучения / Н.Н. Родигина // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. : материалы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. В. Островского / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 95–105 (0, 65 п. л.).
Родигина, Н.Н. Образ Сибири как интеллектуальный конструкт и феномен общественного мнения России второй половины XIX в. / Н.Н. Родигина //История и культура в исследовательском и образовательном пространстве (К юбилею профессора Е.И. Соловьевой) : материалы Регион. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 133–137.
Родигина, Н.Н. Сибирское переселение в восприятии русских провинциальных чиновников второй половины XIX в. / Н.Н. Родигина // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». – 2003. – Т. 2, вып. 2 : история. – С. 46–55.
Русакова, О.Ф. Философия и методология истории в XX в. / О.Ф. Сабурова – Екатеринбург : изд-во УРО РАН , 2000. – 354 с.
Сабурова, Т.А. Русский интеллектуальный мир / миф: (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия) / Т.А. Сабурова. – Омск: изд. дом «Наука», 2005. – 306 с.
Савенков, А.А. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики / А.А. Савенков. – Л. : изд-во Ленинград. ун-та, 1965. Т. 2. С. 367–377.
Савченкова, Т.П. Ишим и литература. Век XIX-й : очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты / Т.П. Савченкова ; Адм. г. Ишима, Ишимский краеведческий музей, Ишимский гос. пед. ин-т им. П.П. Ершова. –Ишим : [изд-во Ишимского гос. пед. ин-та], 2004. – 312 с.
Сандерланд, В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 / Вилард Сандерланд // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 199–219.
Сверкунова, Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования / Н.В. Сверкунова. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002. – 192 с.
Секиринский, С.С., Шелохаев, В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). – М.: Памятники исторической мысли, 1995.– 286 с.
Сементковский, Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб. : тип-я Ю.Н. Эрлих, 1892. – 80 с.
Сесюнина, М.Г. Г.Н.Потанин и Н.М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества

во второй половине XIX в.). – Томск, 1974.
Сибирь в художественной литературе / сост. Г. Пушкарев. – Новосибирск : Новосиб. книж. Изд-во, 1938. – 388 с.
Силантьев, И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / И.В. Силантьев // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 98–123.
Скворцова, Л.А. «Мир божий» / Л.А. Скворцова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–начала XX века (1890–1904): Социал-демократические и общедемократические издания. – М. : Наука, 1981. – С. 136–197.
Старикова, Е.В. «Русская мысль» / Е.В. Старикова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв. : Буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890 – 1904). – М. : Наука, 1982. – С. 44–90.
Тарасова, А.А. Реакционно-охранительная журналистика / А.А. Тарасова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв. : Буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890 – 1904). – М. : Наука, 1982. – С. 234–260.
Тартаковский, А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. / А.Г. Тартаковский. – М. : [без издательства], 1997. – 356 с.
Тахо-Годи, М.А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка Ксавье де Местра / М.А. Тахо-Годи // Дарьял. – 2004. – № 4. – С. 140–151.
Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978.– 279 с.
Тебиев, Б.К. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX вв. / Б.К. Тебиев. – М. : Интеллект, 1996. – 256 с.
Тимощук, В.В. М.И. Семевский. Основатель исторического журнала «Русская старина» / под ред. и предисловием Н.К. Шильдера. – СПб. : Общественная Польза, 1895. – 258 с.
Титков, А.С. Образы регионов в российском массовом сознании. [Электрон. ресурс] / А.С. Титков. – Режим доступа: http: www.politstudies.ru/fulltext/1999/3/6.htm.
Тодорова, М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида / Мария Тодорова // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 345–358.
Трофимова, Р.А. Протосоциологический анализ дореволюционной читательской публики в России / Р.А. Трофимова // Место и роль библиотеки в инфраструктуре образовательного пространства: Сибирь и Дальний Восток: Сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Б. Артемьева. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 165–172.
Тюпа, В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В.И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В.И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
Усманов, С.М. Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX в. / С.М. Усманов. – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 1998. – 184 с.
Ущиповский, С.Н. Основные направления цензурного редактирования текстов в журнале «Исторический вестник» (по архивным материалам). [Электронный ресурс] / С.Н. Ущиповский. – Режим доступа: http://vivovoco.nns.ru/vv/theme/stop/vestnik.htm.
Федосеев, А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / А.А. Федосеев ; Челябинский гос. ун-т. – Челябинск, 2004. – 22 с.
Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко ; сост., пер. с фр. И комментарий С. Табачниковой. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
Хорос, В.Г. Из истории журнала «Новое слово» (1897) / В.Г. Хорос // Русская журналистика и литература XIX в. / под ред. Э.Г. Бабаева, Б.И. Есина. – М. : изд-во Московского ун-та, 1979. – С. 42–59.
Хорос, В.Г. «Русское богатство» в середине 90-х гг. XIX в. / В.Г. Хорос // Вестник МГУ. – Сер. Журналистика. – 1967. – № 6. С. 29–40.
Худяков, В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В.Н. Худяков ; под ред. Л. М. Горюшкина. – Томск : изд-во Томск. ун-та, 1986. – 266 с.
Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург : изд-во Уральск. ун-та , 2000. – 279 с.
Чередниченко, И.Г. Н.М. Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати / И.Г. Чередниченко. – Иркутск : изд-во Иркутского гос. технич. ун-та, 1999. – 180 с.
Чудинов, А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 194 с.
Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 325 с.
Шейнфельд, М.Б. Историография Сибири, конец XIX – начало XX в. : учеб. пособие / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск : Краснояр. пед. ин-т, 1973. – 399 с.
Шенк, Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. – 2001. – № 4. – С. 6–32.
Шиловский, М.В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / М.В. Шиловский // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43.

Шиловский, М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г. Н. Потанин: Биографический очерк / М.В. Шиловский. – Новосибирск : издательск. дом Сова, 2004. – 244 с.
Шиловский, М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. / М.В. Шиловский. – Новосибирск : изд-во НГУ, 1989. – 144 с.
Шиловский, М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное / М.В. Шиловский. – Новосибирск: изд-во ИДМИ, 2001. Вып.1. С. 97–113.
Щетинина, Г.И. Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX в. / Г.И. Щетинина; РАН, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1995. – 236 с.
Эймонтова, Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.) / Р.Г. Эймонтова ; отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М. : Ин-т Рос. ист. РАН, 1998. – 407 с.
Эткинд, А.М. Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России / А.М. Эткинд // Ad Imperio. – 2002. – № 1. – С. 265–299.
Эткинд, А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах / А.М. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.
Эткинд, А.М. Русская литература. XIX век: Роман внутренней колонизации / А.М. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1 (59). – С. 103–124.
Эткинд, А.М. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое / А.М. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49. – С. 50–74.
Эткинд, А.М. Хлыст: (Секты, литература и революция) / А.М. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.
Юдельсон, А.В. Образ сибиряка в представлениях русской общественной мысли XIX в. / А.В. Юдельсон // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири / А.В. Юдельсон. – Кемерово, 1992. – С. 169–174.
Юдельсон, А.В. Сибирь в русской социальной утопии // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в. / А.В. Юдельсон. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – С. 128–138.
Эртнер, Е.Н. Образ Сибири в русской литературе XIX в. [Электрон. ресурс] / Е. Н. Эртнер. – Режим доступа : http://www.utmn.ru/frgf/No6/text16.htm
Ядринцев, Н.М. Народно-областное начало в русской жизни и истории / Н.М. Ядринцев. – Красноярск : типогр. Енис. губ. союза кооперативов, 1919. – 12 с.
Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ – журнал «Вестник воспитания»

ВЕ – журнал «Вестник Европы»

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЕиГ – журнал «Естествознание и география»

ИВ – журнал «Исторический вестник»

МБ – журнал «Мир божий»

НС – журнал «Новое слово»

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института Русской литературы (г. Санкт-Петербург)

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)

РБ – журнал «Русское богатство»

РВ – журнал «Русский вестник»

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

РМ – журнал «Русская мысль»

РО – журнал «Русское обозрение»

РС – журнал «Русская старина»

РШ – журнал «Русская школа»

СВ – журнал «Северный вестник»